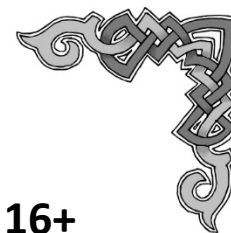

ООО «Наука и образование»

16+

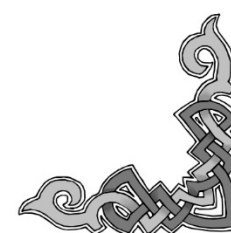
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 6
2024**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Сетевое издание / Online edition

№ 6 от 25.06.2024

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Заместитель председателя редакционного совета –

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета им И.Т. Трубилина;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Deputy Chairman of the Editorial Board –

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir D. Zelensky, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Doctor of Law, Professor, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of the Kuban Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

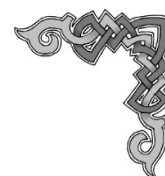
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Крицкая А.А., Степанов К.В. Тенденции развития миграции в современной России	15
Аксенова В.В. Совершенствование системы общественного контроля в сфере городской среды мегаполиса	21
Васильев В.В. Социальные технологии в управлении профилактикой скулшутинга и оценка их эффективности	28
Владимиров И.А., Киселёва Н.И. Факторы вовлечённости студентов Финансового университета в образовательную деятельность	33
Карепова С.Г., Некрасов С.В. Отечественные практики противодействия технологиям информационного воздействия	40
Кушнерова О.Н. Развитие среднего профессионального образования (на примере Хабаровского края)	48
Ма Жуйяо, Кошкова С.Я. Социальная политика России и Китая: сравнительно-сопоставительный анализ	53
Мартыненко В.В. Социальный кредит и российские реформы	58
Пчегатлук С.К., Косивченко Е.В. Искусственный интеллект в социологическом измерении	68
Рамазанов Р.О. Мировоззренческие ценности дагестанского населения	74
Самойлов С.Ф., Вишневецкий К.В. Специфика реализации принципов религиозно-политического экстремизма в основных направлениях идеологии исламизма, а также при создании исламистской символики	79
Степаненко С.Г. Гуманитарные и социальные аспекты влияния цифровизации на правовое регулирование	84
Сюй Хаовэй, Самыгин С.И. Некоторые вопросы институализации и стратификации	89
Тамбиянц Ю.Г., Лукинов А.Н. Мужественность как явление общественного сознания	94
Тыкин А.А. Имидж и образ в социологическом измерении: теория исследования	100
Шадже Л.А. Волонтерство как ресурс консолидации российского общества в условиях нестабильности	104
Штырхунова Н.А., Абрамян С.К. Проблемы безопасности дорожного движения при использовании средств индивидуальной мобильности в России	111
Юлдашев А.Ю. Терроризм как социальное явление: диагностика и пути предотвращения	117

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

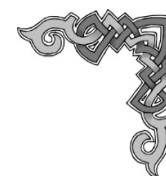
Андреева О.А., Макарычян Э.А. Теоретико-правовые аспекты социальной функции современного государства: постановка проблемы исследования	123
Бобрышев И.С. Финансовые активы предприятия как объект гражданско-правового исследования	129

Гребенщикова И.В. Борьба с хищениями социалистической собственности в 1970-е годы (на примере Свердловской области)	135
Загорьян С.Г., Мисник И.В. Переводчик и его роль в современном российском уголовном судопроизводстве	139
Иванова Г.В. Солидарная ответственность супругов при банкротстве	145
Кобелев С.В. Форма государства: новый взгляд на трехэлементный подход	149
Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н. К вопросу о производстве отдельных следственных действий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков	153
Марухно В.М., Боженькина С.А. Правовые аспекты суррогатного материнства	159
Митина Е.С. Роль и значение содействия гражданских объединений в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации	165
Наседкин Ю.В. Значение достижений психологии для государственного обвинителя в судебном следствии	172
Непомнящий П.А. Идентификация наследодателя цифровых прав	177
Никулин Р.В. К вопросу уточнения понятия «Общественная безопасность»	181
Норец М.В. Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства стран ближнего зарубежья в сфере охраны отношений недропользования	186
Паншина С.В., Чимаров С.Ю. Социальный аспект информационного суверенитета личности в пределах концепции «Прайвеси»	192
Петров С.В. Роль государства и права в развитии экономических отношений	197
Старова Е.А. Правовое регулирование формирования состава Палаты лордов в Великобритании	200
Финкель М.В. Уголовно-правовой анализ цифровых преступлений против собственности в сфере предпринимательской деятельности	205
Хасанов Р.Д. Развитие системы противодействия террористическим проявлениям в Республике Таджикистан: история и современность	210
Чимаров С.Ю. Государственно-правовые грани отечественной научной мысли в отношении проблемы патриотизма	217

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Степанов К.В. Занятое население на российском рынке труда	223
Бабалькова И.А., Медведева В.В., Ахиджак А.К. Влияние изменений в законодательстве на составление бухгалтерской финансовой отчетности	229
Блинкова С.А., Разумовская Е.М., Веляева К.С. Развитие инновационных секторов в России и за рубежом	235
Бондаренко Н.А. Интегральная оценка инновационной безопасности региона	245
Гаирли Амаль Российско-арабское сотрудничество: стратегические аспекты и экономические перспективы	251

Гэ Вэньцзнь, Клименко Т.М. Инновационная политика в сфере государственного управления	255
Казибеков И.М. Значение современного бренда в организационно-экономическом механизме развития внутреннего туризма	259
Романович О.Г., Мурзалиева Г.А., Рахманалиева А.А., Кочербаева А.А. К вопросу об управленческих компетенциях руководителей организаций здравоохранения	264
Таранов П.В., Рощина Л.Н., Хубулури Е.И. Мировая экономика в контексте концепции устойчивого развития	272
Червова Н.В. Применение нейросетей в управлении продажами, маркетинге и рекламе	278
Юань Ифань, Терещенко О.В. Влияние управления человеческими ресурсами на эффективность работы предприятий малого и среднего бизнеса	283

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Anna A. Kritskaya, Konstantin V. Stefanov Trends in the development of migration in modern Russia	15
Veronika V. Aksenova Improving the system of public control in the field of the urban environment of the megalopolis	21
Vladislav V. Vasiliev Social technologies in the management of schoolshooting prevention and evaluation of their effectiveness	28
Ivan A. Vladimirov, Natalia N. Kiseleva Factors of Financial university students' involvement in educational activities	33
Svetlana G. Karepova, Sergey V. Nekrasov Domestic practices to counteract information influence technologies	40
Oksana N. Kushnerova Development of secondary vocational education (using the example of the Khabarovsk territory)	48
Ma Ruiyao, Saniyat Ya. Koshokova Social policy of Russia and China: comparative analysis	53
Vladimir V. Martynenko Social credit and Russian reforms	58
Svetlana K. Pchegatluk, Ekaterina V. Kosivchenko Artificial intelligence in the sociological dimension	68
Rashid O. Ramazanov Ideological values of the dagestani population	74
Sergey F. Samoilov, Kirill V. Vishnevetsky The specifics of the implementation of the principles of religious and political extremism in the main directions of the ideology of Islamism, as well as in the creation of Islamist symbols	79
Sergey G. Stepanenko Humanitarian and social aspects of the impact of digitalization on legal regulation	84
Xu Haowei, Sergey I. Samygin Some issues of internationalization and stratification	89
Julian G. Tambiyants, Andrey N. Lukinov Masculinity as a phenomenon of social consciousness	94
Anatoly A. Tykin Image in the sociological dimension: research theory	100
Leyla A. Shadzhe Volunteering as a resource for consolidating russian society in conditions of instability	104
Natalia A. Shtyrkhunova, Suzanna K. Abramyan Problems of road safety when using personal mobility equipment in Russia	111
Asad Yu. Yuldashev Terrorism as a social phenomenon: diagnosis and ways of prevention	117

JURISPRUDENCE

Olga A. Andreeva, Eduard A. Makartychan Theoretical and legal aspects of the social functions of a modern state: formulation of the research problem	123
Igor S. Bobryshev Financial assets of an enterprise as an object of civil law research	129

Irina V. Grebenshchikova The fight against the theft of socialist property in the 1970s (using the example of the Sverdlovsk region)	135
Sergey G. Zagorian, Irina V. Misnik Translator and his role in modern russian criminal proceedings	139
Galina V. Ivanova Joint and several liability of spouses in bankruptcy	145
Sergei V. Kobelev The form of the State: a new look at the three-element approach	149
Denis N. Lozovsky, Natalia N. Lozovskaya On the issue of the production of separate investigative actions in the investigation of crimes in the field of drug trafficking	153
Vasilisa M. Marukhno, Svetlana A. Bozhenkina Legal aspects of surrogacy	159
Elena S. Mitina The role and importance of the assistance of civil associations in the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation	165
Yuriy V. Nasedkin The importance of the achievements of psychology for the public prosecutor in the judicial investigation	172
Pavel A. Nepomnyashchy Identification of the testator of digital rights	177
Roman V. Nikulin On the question of clarification of the concept of public safety	181
Maria V. Norets Comparative legal analysis of the criminal legislation of near abroad countries in the field of protection of subsoil use relations	186
Svetlana V. Panshina, Sergey Yu. Chimarov The social aspect of the information sovereignty of the individual within the concept of «Privacy»	192
Sergey V. Petrov The role of the state and law in the development of economic relations	197
Elena A. Starova Legal regulation of the formation of the house of lords in the united kingdom	200
Marina V. Finkel Criminal law analysis of digital crimes against property in the field of entrepreneurial activity	205
Rakhimdjon D. Khasanov Development of the system of countering terrorist manifestations in the Republic of Tajikistan: history and modernity	210
Sergey Yu. Chimarov State-legal aspects of the domestic scientific thought on the problem of patriotism	217

ECONOMIC SCIENCES

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Konstantin V. Stefanov Employed Population in the Russian Labor Market	223
Irina A. Babalykova, Valeria V. Medvedeva, Alina K. Akhidzhak The impact of changes in legislation on the preparation of accounting financial statements	229
Svetlana A. Blinkova, Elena M. Razumovskaya, Karina S. Velyaeva Development of innovative sectors in Russia and abroad	235
Natalia A. Bondarenko Integral assessment innovative security of the region	245
Gairli Amal The russian-arab economic relations: strategic aspects and economic prospects	251
Ge Wenjing, Tauzhan M. Klimenko Innovation policy in public administration	255

Islam M. Kazibekov The importance of a modern brand in the organizational and economic mechanism of domestic tourism development	259
Olga G. Romanovich, Gulgun A. Murzalieva, Aizhan A. Rakhmanalieva, Ainura A. Kocherbaeva To the question of the medical competencies of the organizations' managers	264
Petr V. Taranov, Lidia N. Roshina, Ekaterina I. Hubuluri World economy in the context of the concept of sustainable development	272
Natalia V. Chervova Application of neural networks in sales management, marketing and advertising	278
Yuan Yifan, Olesya V. Tereshchenko The impact of human resource management on the performance of small and medium-sized enterprises	283

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-1>

УДК 314.9

Attribution

cc by

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Крицкая А.А.³, Степанов К.В.⁴

*¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,*

*^{2,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,*

⁴Южный федеральный университет

Аннотация. Актуальность темы исследования вытекает из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на коллегии Министерства внутренних дел 02 апреля 2024 года в связи с террористическим актом 22 марта в Красногорске Московской области в концертном зале «Крокус Сити Холл», который совершили таджики мигранты, Президент подчеркнул, что надо кардинально глубоко изменить подходы к миграционной политике. Необходимо обеспечить безопасность государства и общества, сберечь межэтническое и межрелигиозное согласие, культурную и языковую самобытность народов страны. В Россию должны приезжать жить и работать только те люди, кто уважает наши традиции, язык, историю, культуру. Благоприятной средой для экстремистской деятельности и уголовщины во многих случаях является нелегальная миграция, идеологическая работа лжепроповедников, интернет-сайтов [1]. Цель исследования состоит в рассмотрении на основе официальных статистических данных тенденций развития миграции в Российской Федерации за двадцатипятилетний период. Объектом исследования являются внутренняя, международная, трудовая, вынужденная миграция. Среди использованных методов исследования нужно назвать статистический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция, сравнение.

В процессе исследования получены следующие результаты: использованы официальные статистические данные, отражающие тенденции развития миграции с 1997 по 2022 год; показана динамика численности мигрантов во внутренней, международной, трудовой, вынужденной миграции; определены тенденции: увеличения численности прибывших и выбывших мигрантов в общей и внутрироссийской миграции; увеличения и уменьшения прибывших в международной миграции с разными странами; увеличения выбывших в страны СНГ; сокращения миграционного прироста в целом, городском и сельском населении; роста численности участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; сокращения количества вынужденных переселенцев и беженцев; увеличения численности людей, получивших временное убежище; увеличения и уменьшения трудовых мигрантов из разных стран.

Основной вывод связан с необходимостью кардинального изменения основных подходов к миграционной политике, усилением контроля за миграцией, на что обращал особое внимание Президент.

Обзор литературы позволяет утверждать, что существует большое количество публикаций, в которых дан содержательный анализ таких актуальных проблем, как миграционная политика, государственное регулирование миграционных процессов, управление миграционными процессами, внутренняя, международная, трудовая, вынужденная, нелегальная миграция, реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, миграционные процессы как фактор национальной безопасности, миграционное законодательство, преступления в сфере миграции, миграционные процессы в российских регионах, адаптация и интеграция мигрантов.

Ключевые слова: беженец, внутренняя миграция, временное убежище, выбывший, вынужденный переселенец, квота, концепция, международная миграция, мигрант, миграционный прирост, план, потребность, преступление, прибывший, прогноз, репатриант, соотечественник, тенденция, трудовая миграция.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MIGRATION IN MODERN RUSSIA

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov²,
Anna A. Kritskaya³, Konstantin V. Stefanov⁴

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

^{2,3}South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

⁴Southern Federal University⁴

Abstract. The relevance of the research topic follows from the speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin at the board of the Ministry of Internal Affairs on April 02, 2024. In connection with the terrorist attack on March 22 in Krasnogorsk, Moscow Region, at the Crocus City Hall concert hall, which was committed by Tajik migrants, the President stressed that it is necessary to radically and profoundly change approaches to migration policy. It is necessary to ensure the security of the state and society, to preserve inter-ethnic and inter-religious harmony, the cultural and linguistic identity of the peoples of the country. Only those people who respect our traditions, language, history and culture should come to live and work in Russia. In many cases, illegal migration, the ideological work of false preachers and Internet sites is a favorable environment for extremist activity and criminality [1]. The purpose of the study is to consider, on the basis of official statistical data, trends in the development of migration in the Russian Federation over a twenty-five-year period. The object of the research is internal, international, labor, and forced migration. Among the research methods used are the statistical method, analysis and synthesis, deduction and induction, and comparison.

In the course of the study, the results were obtained. Official statistical data reflecting migration trends from 1997 to 2022 were used. The dynamics of the number of migrants in internal, international, labor, and forced migration are shown; trends – an increase in the number of arriving and departing migrants in general and internal Russian migration; increasing and decreasing arrivals in international migration with different countries; an increase in those who left for the CIS countries; reduction of migration growth in general, urban and rural population; an increase in the number of participants in the State Program to Assist the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation; reducing the number of internally displaced persons and refugees; an increase in the number of people granted temporary asylum; increase and decrease in labor migrants from different countries.

The main conclusion is related to the need for a radical change in the main approaches to migration policy, strengthening control over migration, to which the President paid special attention.

A review of the literature allows us to assert that there is a large number of publications that provide a meaningful analysis of such topical problems as migration policy, state regulation of migration processes, management of migration processes, domestic, international, labor, and forced. illegal migration, implementation of the State Program to Assist the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation, migration processes as a factor of national security, migration legislation, migration crimes, migration processes in Russian regions, adaptation and integration of migrants.

Keywords: refugee, internal migration, temporary asylum, withdrawn, forced migrant, quota, concept, international migration, migrant, migration increase, plan, need, crime, arrived, forecast, repatriate, compatriot, trend, labor migration.

Введение. Бесконтрольный въезд мигрантов вызывает напряжение и конфликты в некоторых российских регионах. Мигранты участвуют в террористических актах и столкновениях на национальной почве, занимаются нелегальной деятельностью, торгуют наркотиками, досрочно расторгают трудовой договор. Утвержден Правительством план мероприятий по реализации в 2024–2025 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. План включает мероприятия:

– по совершенствованию правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих порядок въезда, пребывания, проживания на российской территории иностранных граждан, процесса добровольного переселения в соотечественников и иных лиц;

– по содействию адаптации иностранных граждан;

– по содействию свободному перемещению обучающихся, научных и педагогических работников;

– по совершенствованию механизмов профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства и т.д. [2].

Результаты. Обсуждение. В 1997 году всего в страну прибыли 3322593 человек и выбыли 2931466 чел., в 2022 году – 4195579 и 4133662 чел. [3]. Во внутрисредской миграции прибыли 2724942 и 3465232 чел., выбыли 2698479 и 3465232 чел., в том числе внутри регионов коли-

чество прибывших – 1484063 и 1644181 чел., выбывших – 1484063 и 1644181 чел., из других регионов – 1240879 и 1821051 чел., в другие регионы – 1214416 и 1821051 чел.

Приведенные статистические данные дают основание утверждать, что существует тенденция увеличения численности прибывших и выбывших мигрантов в общей и внутрироссийской миграции, в том числе внутри и за пределами регионов. Среди городского населения прибыли всего 2264689 и 3028028 чел., в пределах страны – 1890532 и 2445639 чел.: внутри регионов – 964453 и 1005066 чел., из других регионов – 926079 и 1440573 чел. Выбыли всего 1941419 и 2947066 чел.: в пределах страны – 1772478 и 2395971 чел., в том числе внутри регионов – 884855 и 956039 чел., другие регионы – 887623 и 1439932 чел. Миграционный прирост городского населения в результате передвижений в пределах страны составил 118054 и 49668 чел. чел., в том числе внутри регионов – 79598 и 49027 чел., между регионами – 38456 и 641 чел.

Следовательно, количество прибывших и выбывших увеличилось, миграционный прирост уменьшился. Общая численность прибывших в сельском населении увеличилась с 1057904 до 1167551 чел.: в пределах страны с 834410 до 1019593 чел., в том числе внутри регионов с 519610 до 639115 чел., из других регионов уменьшилась с 326793 до 314800 чел., выбывших с 990047 до 1186596 чел., в пределах страны с 926001 до 1069261 чел., в том числе внутри регионов с 599208 до 688142 чел., в другие регионы с 326793 до 381119 чел. Миграционная убыль сельского населения в результате передвижений в пределах страны составила 91591 и 49668 чел., в том числе внутри регионов 79598 и 49027 чел., между регионами – 11993 и 641 чел.

Если в международной миграции в 1997 году прибыли в нашу страну 597651 чел., то в 2022 году – 730347 чел. Преимущественно мигранты прибыли из стран СНГ – 547386 и 661986 чел. Тенденция такова, что значительно увеличилась численность мигрантов из Армении с 19123 до 59 533 чел., из Киргизии – 13752 до 23540 чел., из Молдовы – с 13750 до 23540 чел., из Таджикистана – с 23053 до 186560 чел., из Узбекистана – с 39620 до 54035 чел., из Украины – с 138231 до 148846 чел., незначительно из Азербайджана – с 29878 до 31773 чел., из Белоруссии – с 17575 до 18824 чел. Сократилось количество мигрантов из Казахстана с 235903 до 64382 чел., из Туркмении – с 16501 до 12133 чел. Немного увеличилось число мигрантов из стран дальнего зарубежья с 50265 до 68361 чел. Значительное увеличение прибывших мигрантов произошло из Афганистана с 208 до 1971 чел., из Вьетнама – с 261 до 5655 чел., из Египта – с 40 до 5 947 чел., из Индии – с 259 до 8275 чел., из Ирака – с 47 до 1589 чел., из Китая – с 2861 до 7964 чел., из Марокко – с 166 до 1081 чел., из Сирии – с 483 до 2302 чел., из Турции – с 176 до 2436 чел.

Вместе с тем, значительно уменьшилась численность прибывших мигрантов из Грузии – с 24517 до 6002 чел., из Латвии – с 5658 до 1316 чел., из Литвы – с 1785 до 856 чел., из Эстонии – с 3483 до 714 чел., из Израиля – с 1626 до 521 чел.

Не меньший интерес представляет анализ международной миграции выбывших из нашей страны мигрантов. В 1997 году выбыли 232987 человек, 2022 году – 668430 чел. В основном, они выехали в страны СНГ – 143675 и 583607 чел. Ситуация по выезду в эти страны следующая: Азербайджан – 4302 и 35485 чел., Армения – 2578 и 70239 чел., Белоруссия – 18928 и 18985 чел., Казахстан – 25364 и 69329 чел., Киргизия – 6296 и 69184 чел., Молдова – 5715 и 21185 чел., Таджикистан – 2474 и 99296 чел., Туркмения – 1532 и 15835 чел., Узбекистан – 7370 и 62490 чел., Украина – 69116 и 121579 чел.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о тенденции увеличения выбывших мигрантов во все страны СНГ. В целом, в отношении стран дальнего зарубежья существует общая тенденция уменьшения количества выбывших. – 89312 и 84823 чел. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что в рамках общей сложилась такая тенденция – в одни страны происходило уменьшение, а в другие – увеличение численности выбывших.

Приведем наиболее существенные статистические данные по некоторым странам, подтверждающие эту тенденцию.

Выбыли в Германию 48363 и 2902 чел., в Грузию – 3286 и 6198 чел., в Израиль – 12873 и 810 чел., в Индию – 300 и 916 чел., в Китай – 1222 и 10982 чел., в Марокко – 200 и 1658 чел., в Сирию – 256 и 3021 чел., в США – 9087 и 902 чел., в Турцию – 356 и 2626 чел.

Миграционный прирост в результате миграционного обмена населением с зарубежными странами составил 364664 и 61917 чел., городского населения – 205216 и 31294 чел., сельского – 159448 и 30623 чел.

Статистические данные отражают тенденцию сокращения миграционного прироста, в целом, городском и сельском населении. В 2022 году миграционный прирост обеспечили российские граждане – 227886 чел., прибыли 293093 чел., выбыли 65207 чел. Миграция иностранных граждан привела к миграционной убыли – 165191 чел., в том числе граждан стран СНГ – 144155 чел., прибыли 381417 чел., выбыли 525572 чел., других зарубежных стран – 21036 чел., прибыли 55483 чел., выбыли 76519 чел. [4].

В 2023 году миграционный прирост населения составил 204629 чел. Он был в Центральном федеральном округе – 122937 чел., в Северо-Западном – 35750 чел., в Южном – 53193 чел., в Уральском – 27536 чел. Миграционная убыль населения была в Северо-Кавказском феде-

ральном округе – 10262 чел., в Приволжском – 672 чел., в Сибирском – 9692 чел., в Дальневосточном – 14161 чел. Наибольший миграционный прирост был в Московской области (81459 чел.), наибольшая убыль – в Дагестане (5311 чел.) и Омской области (5145 чел.) [5].

Необходимо отметить положительную тенденцию роста численности участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом с 2010 года (11768 чел.) до 2022 (60546 чел.). Всего прибыли 1 млн 074 тыс. 815 человек. Вместе с тем, эта тенденция проявляется неоднозначно. Вначале было увеличение численности до 2016 года (179660 чел.), затем уменьшение до 2022 года [4]. В Государственной программе могут участвовать репатрианты [6]. В 2023 году в нашу страну приехали 700 репатриантов из западных стран.

Резко сократилась численность вынужденных переселенцев с начала регистрации с 1147354 до 321 чел. [3]. Вынужденных переселенцев из Казахстана было 222 006 чел., стало 27 чел., из Киргизии – 80368 и 5 чел., из Латвии – 19457 и 4 чел., из Литвы – 2859 и 0 чел., из Молдовы – 22510 и 0 чел., России – 148542 и 86 чел., из Таджикистана – 206144 и 16 чел., из Туркмении – 14153 и 0 чел., из Узбекистана – 164344 и 25 чел., из Украины – 7285 и 30 чел., из Эстонии – 11089 и 0 чел. Уменьшилось число вынужденных переселенцев с 1048 до 11 чел. из других стран или не указавших территорию. Произошло значительное уменьшение количества беженцев с начала регистрации с 235065 до 277 чел. Беженцев насчитывалось из Азербайджана 33755 и 6 чел., из Армении – 2474 и 4 чел., из Афганистана – 309 и 178 чел., из Белоруссии – 125 и 1 чел., из Грузии – 46195 и 12 чел., из Казахстана – 40173 и 1 чел., из Киргизии – 16255 и 1 чел., из Латвии – 1568 и 3 чел., из Литвы – 316 и 1 чел., из Молдовы – 4476 и 7 чел., из Таджикистана – 50192 и 0 чел., из Туркмении – 3107 и 0 чел., из Узбекистана – 33049 и 1 чел., из Украины – 2326 и 26 чел., из Эстонии – 814 и 0 чел. В Сирии в 2005 году было 12 беженцев, 2022 году – 2. Незначительно увеличилось количество беженцев с 6 до 34 чел. из других государств или не указавших территорию.

С 2007 года существенно увеличилась численность людей, получивших временное убежище, с 1016 до 67496 чел. Таких людей из Азербайджана было 1, стало 37 чел., из Афганистана – 956 и 1146 чел., из Грузии – 20 и 100 чел., из Сирии – 1 и 192 чел., из Таджикистана – 6 и 30 чел., из Туркмении – 1 и 79 чел., из Узбекистана – 1 и 80 чел., из Эстонии – 1 и 3 чел., из Армении – 2 (2009 год) и 26 чел., с 2010 года из Украины – 2 и 57937 чел., из Казахстана – 1 и 40 чел., из Киргизии – 1 и 32 чел., из Латвии – 1 (2014 год) и 12 чел., из Литвы – 1 (2017 год) и 7 чел.. Из других государств или территорий не указано, что было 33 чел., стало 7748 чел.

О тенденциях миграционного прироста можно судить на основе демографического прогноза с 2024 до 2045 года об изменениях численности населения. Прогноз составлен по трем вариантам – низкий, средний и высший. Низкий вариант прогноза предполагает уменьшение миграционного прироста с 164,7 тыс. до 151,2 тыс. чел., средний вариант – с 227,2 тыс. до 221,8 тыс. чел., высший – увеличение с 315,3 тыс. до 421,6 тыс. чел. [7].

В экономике существует высокая потребность в рабочих кадрах. Для снижения кадрового дефицита имеется два основных варианта – повышать производительность труда и заработную плату или завозить рабочую силу из других стран. Рассмотрим тенденции во внешней трудовой миграции с 2010 по 2022 год [8]. В 2010 году 1 млн 640,8 тыс. иностранных граждан получили разрешительные документы для работы в нашей стране, 1 млн 027,9 тыс. имели действующее разрешение на работу, в 2019 году 1693,3 граждан из стран СНГ имели действующий патент на осуществление трудовой деятельности, 47715 иностранных граждан – высококвалифицированных специалистов имели действующее разрешение на работу, в 2022 году соответственно – 2 млн 164,6 тыс. чел., 62,9 тыс., 2 млн 034,7 тыс., 64 390 чел.

Следовательно, снизилась численность граждан из стран СНГ, которые имели действующий патент на осуществление трудовой деятельности.

Произошло увеличение количества иностранных граждан, получивших разрешительные документы для работы, из стран СНГ (1 млн 246,9 тыс. и 2 млн 104,7 тыс. чел.), значительное сокращение из стран Европейского Союза (30 тыс. и 9,3 тыс. чел.), из других стран (362 тыс. и 59,4 тыс. чел.).

Увеличилась численность граждан Таджикистана (268,6 тыс. и 786,1 тыс. чел.) и Узбекистана. (511,5 тыс. и 1 млн 255,7 тыс. чел.).

Сократилось количество действующих разрешений на работу из стран СНГ (858,9 тыс. и 16,9 тыс. чел.), из Европейского Союза (13 тыс. и 0,3 тыс. чел.), из стран дальнего зарубежья (140,2 тыс. и 45,3 тыс. чел.).

Примерно на одном уровне сохранилось число высококвалифицированных специалистов, имеющих действующее разрешение на работу, из стран СНГ (3252 и 3050 чел.), сократилось из Европейского Союза (9373 и 5824 чел.), увеличилось из стран дальнего зарубежья (35042 и 55439 чел.).

Граждане Европейско-Азиатского экономического союза работают в России без оформления патента или разрешения на работу. На них не распространяются квоты на допустимую долю иностранцев. В 2022 году на работу приехали 1,7 млн человек. Стало меньше российских граждан, выезжающих на работу за границу: в страны Азии (15516 и 7042 чел.), Америки (24295 и

11643 чел.), стало больше в страны Африки (6452 и 12324 чел.), в Австралию и Океанию (4063 и 5460 чел.). Сохранился уровень выезда в страны Европы (19910 и 19128 чел.). Выезжают руководители, специалисты, рабочие, в основном, с высшим и средним профессиональным образованием, по продолжительности профессиональной деятельности до 6 месяцев, от 6 месяцев до одного года.

В 2023 году по сравнению с 2022 годом меньше приехало таджиков, узбеков, казахов, молдаван, киргизов, белорусов, армяней, азербайджанцев. Предполагается, что приедут 10 тыс. рабочих из Кении. Работодатели заинтересованы в привлечении работников из Вьетнама и Корейской народно-демократической республики.

Мигранты совершают преступления. В 2022 году преступлений было 40154, в 2023 – 38936. В миграционной сфере совершают преступления сотрудники контрольных органов. В суд отправлено 110 уголовных дел о преступлениях чиновников [9].

На 2024 год определена потребность в привлечении иностранных работников, прибывающих на основании визы, в количестве 155929 человек. Утверждены квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим на основании визы: 155929 приглашений на въезд в целях осуществления трудовой деятельности; 155929 разрешений на работу. Самая высокая потребность в привлечении рабочих, занятых на горных, горно-капитальных, на строительномонтажных и ремонтно-строительных работах (30781 чел.), операторах, аппаратчиках, машинистах и слесарях-сборщиках стационарного оборудования (22188 чел.), рабочих металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности (15585 чел.), других профессий квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий (40525 чел.) [10].

Заключение. Можно предположить, что предполагаемые кардинальные изменения в подходах к миграционной политике, тщательный качественный контроль за миграцией позволят решить многие проблемы миграционного развития.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России. URL : kremlin.ru
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 января 2024 года № 30-р. URL : <https://ivo.garant.ru>
3. Демография. Официальная статистика. Население. Демография. Миграция. URL : rosstat.gov.ru
4. Численность и миграция населения российского населения в 2022 году. Статистический бюллетень // Информационно-аналитические материалы. URL : rosstat.gov.ru
5. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2023 году // Российская газета. 2024. 26 марта.
6. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Система «ГАРАНТ». URL : [garant.ru](https://ivo.garant.ru)
7. Демография. Официальная статистика. Население. Демография. Демографический прогноз. URL : rosstat.gov.ru
8. Труд и занятость в России. 2023. Статистический сборник. URL : rosstat.gov.ru
9. Козлова Н. Жадность виновата // Российская газета. 2024. 01 февраля.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2023 года № 1980 «Об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2024 год». URL : <https://ivo.garant.ru>

References:

1. Extended meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs // President of Russia. URL : kremlin.ru
2. Order of the Government of the Russian Federation dated January 16, 2024 № 30-r. URL : <https://ivo.garant.ru>
3. Demographics. Official statistics. Population. Demography. Migration. URL : rosstat.gov.ru
4. Number and migration of the Russian population in 2022. Statistical Bulletin // Information and Analytical Materials. URL : rosstat.gov.ru

5. The main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in 2023 // Rossiyskaya gazeta. 2024. March 26.
6. Decree of the President of the Russian Federation of June 22, 2006 № 637 «On Measures to Assist Voluntary Migration to the Russian Federation of Compatriots Living Abroad» // Sistema «GARANT» URL : garant.ru
7. Demography. Official statistics. Population. Demography. Demographic Forecast. URL : rosstat.gov.ru
8. Labor and employment in Russia. 2023. Statistical Collection. URL : rosstat.gov.ru
9. Kozlova N. Greedy is to blame. 2024. February 01.
10. Decree of the Government of the Russian Federation of November 24, 2023 № 1980 «On Determining the Need to Attract Foreign Workers Arriving in the Russian Federation on the Basis of a Visa, Including by Priority Professional Qualification Groups, and Approval of Quotas for 2024». URL : <https://ivo.garant.ru>

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anaverin1947@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Крицкая Анна Александровна

кандидат политических наук,
доцент,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
kritskaya-aa@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5890-0528>

Степанов Константин Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
Южный федеральный университет
stepanov@roka-sovetnik.com
ORCID 0009-0004-2534-8916

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
anaverin1947@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Anna A. Kritskaya

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
South-Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
kritskaya-aa@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5890-0528>

Konstantin V. Stepanov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Southern Federal University
stepanov@roka-sovetnik.com
ORCID 0009-0004-2534-8916

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-2>
УДК 316

Attribution
cc by

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ МЕГАПОЛИСА

Аксенова В.В.

Российский государственный социальный университет

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с благоустройством городской среды мегаполиса. Актуальность данной темы обуславливается необходимостью формирования комфортных условий жизнедеятельности для всех жителей мегаполиса. Общественный контроль – это ключевой инструмент, способный обеспечить учет мнения населения при разработке и реализации проектов по благоустройству города.

В настоящее время цифровизация оказывает воздействие на все социальные процессы, в том числе и на развитие коммуникативных технологий в сфере городского благоустройства. Информационные технологии меняют межличностное взаимодействие и создают новое коммуникативное пространство.

В Москве общественный контроль осуществляется традиционными и цифровыми способами. В статье приведены результаты социологического исследования с целью выявления слабых сторон реализации общественного контроля в сфере городской среды мегаполиса, а также предложены пути решения.

Ключевые слова: цифровизация, город, мегаполис, благоустройство, цифровые порталы, горожане, городская среда, общественный контроль.

IMPROVING THE SYSTEM OF PUBLIC CONTROL IN THE FIELD OF THE URBAN ENVIRONMENT OF THE MEGALOPOLIS

Veronika V. Aksenova

Russian State Social University

Abstract. The article discusses issues related to the improvement of the urban environment of a metropolis. The relevance of this topic is determined by the need to create comfortable living conditions for all residents of the metropolis. Public control is a key tool that can ensure that the views of the population are taken into account when developing and implementing city improvement projects.

Currently, digitalization has an impact on all social processes, including the development of communication technologies in the field of urban improvement. Information technologies are changing interpersonal interaction and creating a new communication space.

Thus, in Moscow, public control is carried out in traditional and digital ways. The article presents the results of a sociological study in order to identify the weaknesses of the implementation of public control in the urban environment of a metropolis, and also suggests solutions.

Keywords: digitalization, city, metropolis, improvement, digital portals, citizens, urban environment, public control.

Введение.

В России значительная часть населения проживает в городах и это обуславливает значимость их развития.

Взаимодействие городской территории и человека является важным аспектом современного урбанизированного общества. Городская территория предоставляет пространство для проживания граждан. Качество жилищной среды оказывает влияние на здоровье и благополучие людей. Удобство доступа к инфраструктуре, безопасность района, наличие зеленых зон и общественных пространств – все это важные факто-

ры, влияющие на комфорт и качество жизни. Кроме этого, городские территории обеспечивают доступ к различным социокультурным ресурсам, таким как учреждения культуры, образовательные учреждения, места отдыха и развлечений. Взаимодействие человека с социокультурной средой города влияет на его развитие, обучение, самовыражение и восприятие мира.

В целом, взаимодействие между городской территорией и человеком оказывает огромное влияние на уровень жизни горожан, и поэтому важно проводить устойчивое планирование городской среды, учитывая потребности, интересы и благополучие всех жителей.

Так как наибольшее влияние на формирование комфортных условий мегаполиса оказывает население, то его развитие приобретает не только экономическую, но социальную значимость. Благоустройство представляет ключевую составляющую формирования комфортной среды проживания по нескольким причинам:

1. Качество жизни. Чистые, красивые и функциональные городские пространства способствуют повышению качества жизни горожан, делая их более комфортными и приятными для проживания.
2. Здоровье и безопасность. Качественно благоустроенная городская среда способствует здоровью жителей и обеспечивает безопасность общественных пространств, способствуя повышению общественного здоровья.
3. Привлекательность для туристов и инвесторов. Красивые улицы, парки, набережные и другие общественные места создают привлекательное впечатление на туристов и инвесторов, способствуя развитию туризма и привлечению инвестиций.
4. Экология. Элементы благоустройства, такие как зеленые насаждения, чистый воздух и водоемы, способствуют улучшению экологии города и снижению загрязнения окружающей среды.
5. Социальная сфера. Создание общественных пространств для досуга и культурных мероприятий, приводит к формированию новых социальных связей и сплоченности горожан.

Так, благоустройство городской территории приводит к повышению качества жизни, а также способствует устойчивому развитию мегаполиса.

Важно отметить, что осуществление программ по развитию территории невозможно без учета потребностей населения. В этой связи, привлечение жителей к реализации благоустройства – одно из ключевых направлений деятельности власти.

Москва – это крупнейший мегаполис с населением более 12 000 000 человек. Такой город должен обеспечивать комфортное проживание всем категориям граждан. Именно поэтому управленческие практики, неотъемлемой частью которых, является общественный контроль в сфере благоустройства, в Москве представляют особый интерес.

Будучи современным мегаполисом, Москва активно развивает цифровые технологии и внедряет инновации в различные сферы жизни города. Цифровизация играет значительную роль в современном взаимодействии органов власти и населения в Москве. Внедрение современных технологий в сферу благоустройства позволяет повысить уровень прозрачности и эффективности работы государственных структур.

Так, для наибольшего включения населения в процесс развития территории, в столице наряду с традиционными формами общественного контроля реализуются современные, цифровые. Однако, несмотря на результативность существующих форм участия горожан в вопросах благоустройства, есть противоречие между необходимостью общественного контроля и дисфункциями его реализации.

Таким образом, исследование специфики общественного контроля в сфере благоустройства городской среды мегаполиса необходимо для разрешения данного противоречия.

Обсуждение.

Общественный контроль в сфере благоустройства городской среды мегаполиса играет ключевую роль в развитии территории. Наибольшую эффективность в благоустройстве города оказывает коллективное участие [2]. Деятельность горожан, направленная на создание комфортных условий проживания, способствует их объединению и развитию. Оптимизируя городское пространство, люди развиваются сами. Это показывает взаимовлияние городской среды и ее жителей [3]. Важно отметить, что горожане наделены законным правом участвовать в благоустройстве территории и именно они имеют преимущественное право на управление городским пространством [4]. Так, для качественного и устойчивого развития мегаполиса, органы власти должны опираться в первую очередь на культурные и социальные потребности населения [8].

Исходя из этого, понятие «благоустройство» с точки зрения социологии управления означает совместную деятельность органов власти и населения по развитию городской территории.

Люди, проживающие в мегаполисе, имеют разные социальные статусы, доход, сферу деятельности, но только объединившись, они могут создать благоприятную городскую среду [5]. Поэтому механизмы реализации общественного контроля должны основываться на принципах эффективного взаимодействия горожан с органами власти.

Доверие – это одно из главных механизмов реализации общественного контроля, так как представляет собой основу социальных отношений. Поэтому доверие между горожанами и органами власти выступает необходимым условием для формирования конструктивного диалога и эффективного взаимодействия [6].

Кроме этого, общественный контроль требует высокого уровня результативности органов власти. Горожане должны владеть информацией об их деятельности и иметь возможность оценить эффективность мероприятий по благоустройству. Поэтому, целерациональное действие является еще одним механизмом общественного контроля. Четкое формулирование целей, задач и способов их достижения приведут к наиболее эффективной реализации проектов и решению проблем в сфере благоустройства.

Еще одним механизмом реализации общественного контроля является ценностно-смысловая значимость. Жителям необходимо понимать, что их участие в процессе создания комфортных условий несет в себе моральную ценность [1]. Чувство сопричастности и важности участия в вопросах развития городской территории способствует формированию ответственности за состояние города.

Также, для реализации общественного контроля органам власти необходимо учитывать территориальную идентичность горожан, формирующуюся в результате сопоставления личных и общественных интересов. Совместная деятельность не только объединяет людей, но и позволяет идентифицировать себя с конкретной территорией [7]. Так город воспринимается жителями как дом.

Таким образом, территориальная идентичность способствует мотивации населения к реализации общественного контроля в области благоустройства города.

Необходимо отметить, что все перечисленные механизмы реализации общественного контроля должны использоваться на практике, поэтому органам власти нужно разрабатывать социальные технологии, основанные на выделенных механизмах и включать следующие этапы:

1. Изучение системы общественного контроля в сфере благоустройства: формы реализации, фактические показатели объектов благоустройства, изучение мнение горожан.
2. Разработку приоритетных направлений оптимизации общественного контроля в области благоустройства.
3. Создание и внедрение социальных технологий направленных на: привлечение внебюджетных средств, совершенствование форм реализации общественного контроля, популяризация общественного контроля, обучение населения использованию цифровых форм реализации общественного контроля.

Предложенный социокультурный базис реализации общественного контроля будет способствовать формированию чувства сопричастности и ответственности за состояние городской территории.

Различные ученые в области социологии управления подчеркивали значимость и необходимость участия населения в процессе благоустройства города. Так, Г. Зиммель утверждал, что общество строится там, где люди взаимодействуют друг с другом для достижения общих целей [3]. Мегаполис становится местом создания социальных связей.

Результаты.

В настоящее время в Москве, крупнейшем мегаполисе, роль благоустройства имеет большое значение для ее жителей. Разработанные органами власти проекты по благоустройству нацелены на создание комфортных условий жизнедеятельности для всех слоев населения. При этом главным условием является учет мнения горожан. Опираясь на гетерогенность Москвы, органы власти разработали множество форм осуществления общественного контроля. Их можно условно поделить на две группы: традиционные (ТОС, обращения граждан, общественные обсуждения и слушания,) и цифровые (порталы: «Москва. Наш город», «Активный гражданин» и др.).

Перечисленные формы имеют свои достоинства и недостатки. Для выявления основных проблем реализации общественного контроля в сфере благоустройства в Москве, автором было проведено социологическое исследование, проводимое с 01.09.2021 по 12.03.2022. Объем репрезентативной выборки для населения Москвы – 699 респондентов.

В результате исследования выяснилось, что, в целом, жители хотели бы осуществлять общественный контроль в сфере благоустройства, однако только 5,7 % опрошенных активно принимают участие и 17,3 % скорее активно (рис. 1).

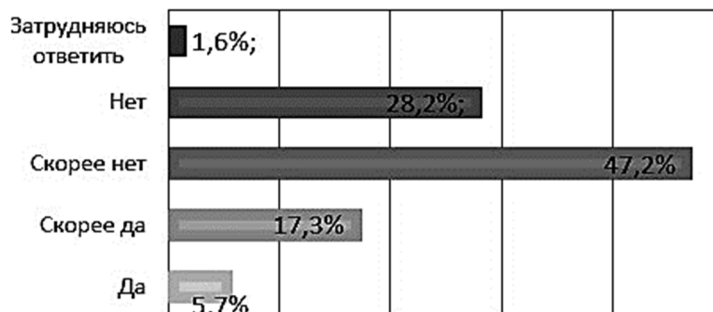

Рисунок 1 – Ответы на вопрос: «Вы активно принимаете участие в вопросах формирования комфортной городской среды?»

Основным причинами неучастия является недостаточная информативность о возможных фор-

мах (32,9 %) и недоверие к власти (15,9 %) (рис. 2).

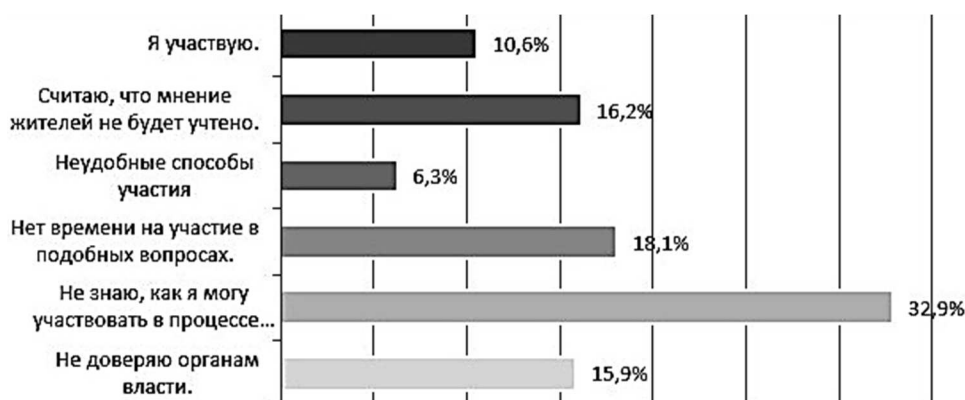

Рисунок 2 – Ответы на вопрос: «Почему Вы не осуществляете общественный контроль в сфере благоустройства городской среды?»

69,2 % не знают о том, что в их районе периодически проводятся общественные слушания. О современных, цифровых формах знают 77,3 %.

Конкретно о портале «Москва. Наш город» знают 29,2 %, об «Активном гражданине» – 23,3 % (рис. 3).

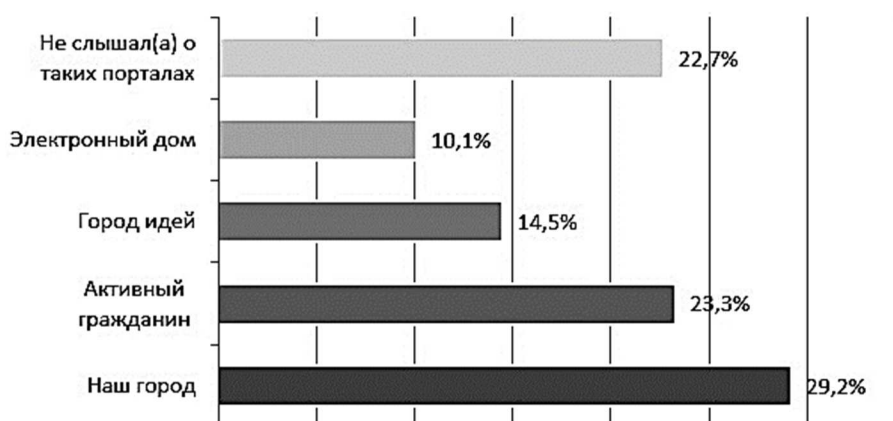

Рисунок 3 – Ответы на вопрос: «О каких из перечисленных городских порталов вы знаете (можно выбрать несколько вариантов)?»

Как известно, за активное пользование городскими порталами, начисляются баллы, которые можно обменять на поощрения. В этой связи, респондентов просили обозначить свое мнение по этому поводу.

Таким образом, 19,8 % считают, что получение подарков – это приятный бонус. 21,3 % участвуют в голосованиях для того, чтобы их мнение учитывали при принятии управленческих решений. 11,2 % иногда реализуют общественный контроль через интернет сервисы за баллы и 4,2 % участвуют только для получения вознаграждения (рис. 4).

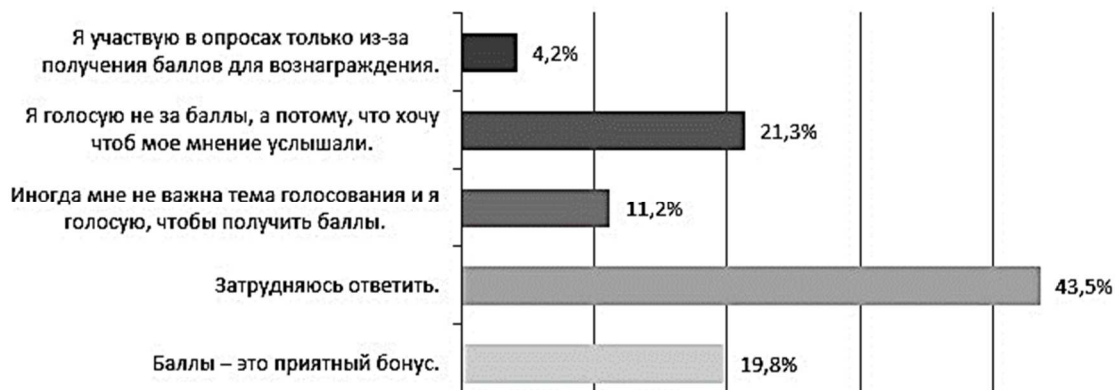

Рисунок 4 – Ответы на вопрос: «Какое из высказывание наиболее точно выражает Ваше отношение к голосованиям на портале «Активный гражданин?»

Таким образом, начисление баллов является недостаточно эффективным мотивационным инструментом, а также приводит к деформации целей участия.

Кроме этого, горожан просили высказать свое отношение к внедрению цифровизации в систему общественного контроля в сфере благоустройства. В результате опроса выяснилось, что положительно относятся большинство опрошенных (рис. 5).

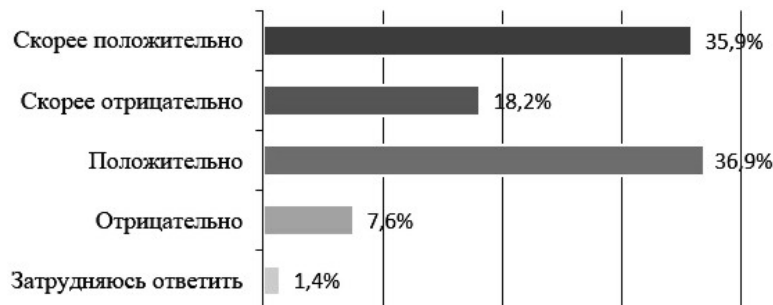

Рисунок 5 – Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь к процессу цифровизации взаимодействия органов власти с населением?»

Однако при использовании цифровых форм реализации общественного контроля иногда требуется помощь 37,3 % респондентам, а 13,4 % признались, что им всегда нужна помощь.

Таким образом, отсутствие навыков использования московских порталов приводит к невозможности реализации общественного контроля современными способами. Важно отметить, что в основном сложности испытывают люди старше 46 лет (рис. 6).

Рисунок 6 – Ответы на вопрос: «Оцените свою степень владения цифровыми технологиями»

Кроме этого, некоторые опасаются утечки персональных данных (14,3 %) (рис. 7).

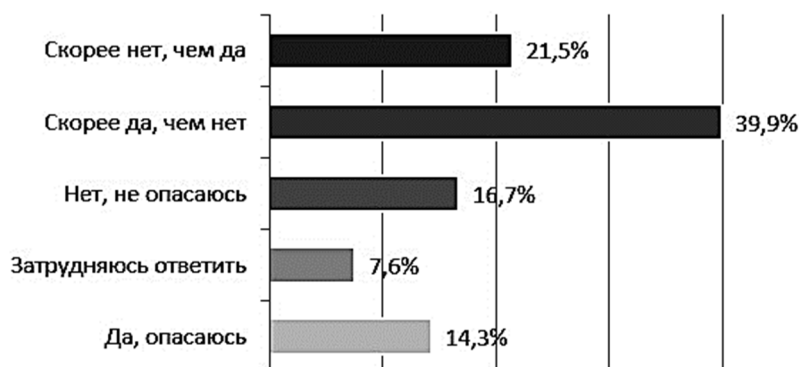

Рисунок 7 – Ответы на вопрос: «Опасаетесь ли Вы того, что использование городских порталов может привести к утечке персональных данных?»

Таким образом, результаты проверенного опроса позволяют выделить ряд факторов, влияющих на реализацию общественного контроля. К ним можно отнести:

- низкий уровень доверия к деятельности органов власти;
- деформацию целей участников;

- риск утечки персональных данных;
- отсутствие навыков использования цифровых сервисов.

Решение выявленных проблем требует использование различных ресурсов: социальных, материальных, информационных и кадровых. На основании выделенных направлений ресурсного обеспечения, можно создать методику оценивающую работу органов власти по развитию общественного контроля в сфере благоустройства мегаполиса.

Ключевыми критериями могут стать:

- вовлечение горожан к вопросам благоустройства города;
- привлечение экспертов для обсуждения проектов по благоустройству с населением;
- предоставление актуальной и полной информации о деятельности органов власти в сфере благоустройства;
- привлечение внебюджетных средств для реализации проектов по благоустройству.

Данная методика позволит стимулировать властные структуры к принятию мер по развитию общественного контроля и позволит оценить их эффективность.

Кроме этого, необходимо разработать социальные технологии, способные решить выявленные

в ходе исследования проблемы и повысить активность населения.

Социальные технологии должны быть направлены:

- на популяризацию общественного контроля;
- на оптимизацию взаимодействия органов власти и населения;
- на обучение цифровыми навыками; на укрепление доверия к деятельности органов власти.

Заключение.

Создание благоприятных условий проживания – это одна из главных задач власти. Пространство мегаполиса должно быть удобным и безопасным.

Общественный контроль в сфере благоустройства способствует созданию более устойчивых и жизнеспособных городов, учитывающих интересы и потребности всех его жителей. Существующие формы его реализации безусловно имеют преимущества. Однако выявленные проблемы в ходе проведенного исследования требуют эффективного решения.

Предложенные меры направлены на развитие общественного контроля в сфере благоустройства мегаполиса и способны преодолеть низкий уровень вовлеченности горожан, а также развить управленческие практики для модернизации пространства мегаполиса.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вебер, М. Город. М. : Юрист, 1994. 704 с.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; Пер. с фр. А.Б. Гофман. М. : Канон, 1996. 432 с.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М. : Strelka Press, 2018. С. 78–81.
4. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 630 с.
5. Теннис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии. М. : Фонд Университет, 2002. 450 с.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка; Пер. С.М. Червонной. М. : Логос, 2005. 664 с.
7. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов // Мир России, 1995. № 3–4. С. 162.
8. Mumford L. The city in history. N.Y. : Harvest Book Harcourt, Inc, 1989.

References:

1. Weber M. City. M. : Lawyer, 1994. 704 p.
2. Durkheim E. On the division of social labor / E. Durkheim; Transl. from fr. A.B. Hoffman. M. : Kanon, 1996. 432 p.

3. Simmel G. Big city and spiritual life. М. : Strelka Press, 2018. P. 78–81.
4. Lefebvre A. Production of premises. М. : Strelka Press, 2015. 630 p.
5. Tennis F. Community and society Basic concepts: concepts of pure sociology. М. : University Foundation, 2002. 450 p.
6. Sztompka P. Sociology. Analysis of modern society / P. Sztompka; Trans. S.M. Chervonnaya. М. : Logos, 2005. 664 p.
7. Yadov V.A. Social and socio-psychological mechanisms for the formation of a person's social identity / V.A. Yadov // World of Russia, 1995. № 3–4. P. 162.
8. Mumford L. The city in history. N.Y. : Harvest Book Harcourt, Inc, 1989.

Информация об авторе

Аксенова Вероника Валерьевна
аспирантка по направлению подготовки
социология управления,
Российский государственный
социальный университет, г. Москва
vera1182@rambler.ru

Veronika V. Aksenova
Postgraduate Student
in the field of Sociology of Management,
Russian State Social University, Moscow
vera1182@rambler.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-31>

УДК 316

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИКОЙ СКУЛШУТИНГА И ОЦЕНКА ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Васильев В.В.

Уфимский университет науки и технологии

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальных технологий в управлении профилактикой скулшутинга и оценке их эффективности в образовательных организациях. В статье указывается на то, что скулшутинг является одной из наиболее острых и трагических проблем современного образования, наносящей колоссальный ущерб образовательному сообществу, а также оказывающей глубокое негативное влияние на весь образовательный процесс. В работе рассматриваются различные подходы к классификации социальных технологий, включая информационно-коммуникационные технологии, технологии анализа данных, технологии вовлечения и мобилизации, технологии управления социальными отношениями, технологии социальной поддержки и помощи. Авторы анализируют успешные кейсы применения социальных технологий в профилактике скулшутинга в образовательных организациях. Вместе с тем, автор указывает на ряд проблемных аспектов применения социальных технологий, таких как утрата конфиденциальности учащихся, дискриминация и недоверие со стороны обучающихся, злоупотребление данными, недостаток прозрачности и использование социальных технологий в иных целях. Для повышения эффективности социальных технологий в профилактике скулшутинга в статье предлагается привлекать к разработке и внедрению всех заинтересованные стороны, обеспечивать конфиденциальность и защиту персональных данных обучающихся, а также регулярно оценивать результативность применяемых мер. В целом, комплексное использование социальных технологий, в сочетании с другими мерами, может значительно повысить эффективность профилактики скулшутинга в образовательных организациях.

Ключевые слова: социальные технологии, скулшутинг, образовательная организация, профилактика, насилие, анонимные платформы. буллинг, безопасность оценка эффективности.

SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT OF SCHOOLSHOOTING PREVENTION AND EVALUATION OF THEIR EFFECTIVENESS

Vladislav V. Vasiliev

Ufa University of Science and Technology

Abstract. The article is devoted to the study of social technologies in the management of schoolshooting prevention and assessment of their effectiveness in educational organizations. The article indicates that schoolshooting is one of the most acute and tragic problems of modern education, causing enormous damage to the educational community, as well as having a profound negative impact on the entire educational process. The paper examines various approaches to the classification of social technologies, including information and communication technologies, data analysis technologies, technologies of engagement and mobilization, technologies of social relations management, technologies of social support and assistance. The author analyzes successful cases of the use of social technologies in the prevention of schoolshooting in educational organizations. At the same time, the author points out a number of problematic aspects of the use of social technologies, such as the loss of student confidentiality, discrimination and distrust on the part of students, data abuse, lack of transparency and the use of social technologies for other purposes. To increase the effectiveness of social technologies in the prevention of schoolshooting, the article suggests involving all stakeholders in the development and implementation, ensuring the confidentiality and protection of personal data of students, as well as regularly evaluating the effectiveness of the measures applied. In general, the integrated use of social technologies, in combination with other measures, can significantly increase the effectiveness of the prevention of schoolshooting in educational institutions.

Keywords: social technologies, schoolshooting, educational organization, prevention, violence, anonymous platforms. bullying, safety and effectiveness assessment.

Введение.

Скулшутинг является одной из наиболее острых и трагических проблем современного образования. Эти инциденты, характеризующиеся высокой степенью жестокости и непредсказуемости, наносят огромный ущерб как физическому, так и психологическому здоровью учащихся, педагогов и других членов школьного сообщества [1, 2].

Помимо человеческих жертв, скулшутинг также оказывает глубокое негативное влияние на весь образовательный процесс, подрывает чувство безопасности и доверия в школах, и требует значительных ресурсов для восстановления.

Скулшутинг представляет собой преднамеренные акты насилия, совершаемые учащимися в образовательных учреждениях с применением огнестрельного оружия [1]. Данная проблема приобрела широкий общественный резонанс и вызывает серьезную обеспокоенность в связи с тяжестью последствий для жизни и здоровья людей, а также травмирующим воздействием на всю школьную и местную сообщества [2].

Обсуждение. Результаты.

В.Н. Иванов указывал на то, что социальные технологии представляют собой совокупность методов, приемов и инструментов, направленных на организацию и оптимизацию социальных процессов и взаимодействий [3].

И.В. Бестужев-Лада выделила несколько подходов к классификации социальных технологий:

- информационно-коммуникационные технологии;
- технологии анализа данных;
- технологии вовлечения и мобилизации;
- технологии управления социальными отношениями;
- технологии социальной поддержки и помощи [4].

А. Смит, М. Андерсон, С. Хиндуджа, Дж. Патчин, выделяли такие социальные технологии, как мониторинг онлайн-активности, использование социальных сетей и мессенджеров, а также системы раннего предупреждения [5, 6].

С.А. Маллетт, Л.А. Аддингтон указывали на то, что социальные технологии служат дополнительной мерой безопасности [7, 8].

Дж.А. Дурлак, Р.П. Вайсберг, А.Б. Дымнишки, Р.Д. Тейлор, К.Б. Шеллингер, М.Т. Гринберг, М.Ю. О'Брайен, Дж.Э. Зинс, Л. Фредерикс, Х. Резник, и М.Дж. Элиас указывали на то, что социальные технологии способствуют усилению эффективности программ социально-эмоционального воспитания, предоставляя данные для обнаружения обучающихся, которым необходи-

ма поддержке со стороны родителей/администрации образовательного учреждения/заинтересованных организаций [9, 10].

А. Фунг и Дж.М. Брайсон указывают на то, что для достижения цели нужно вовлекать заинтересованные стороны обучающихся, родители/попечители, преподавательский состав, и другие компетентные органы для обеспечения эффективного комплексного подхода в вопросе профилактики скулшутинга [11, 12].

Т. Набатчи, Л.Б. Амслер, Р.А. Ирвин, Дж. Стэнсбери предложили использовать открытые дискуссии, оповещать общественность о проблеме скулшутинга, собирать обратную связь среди обучающихся, родителей, и работников образовательных учреждений, реагировать на предлагаемые решения заинтересованных лиц [13, 14].

М.Л. Ибарра, М. Динер-Уэст, П.Дж. Лиф, Дж.А. Дэниелс, М.С. Брэдли предложили создание доверительных анонимных каналов обратной связи. Такие платформы могут принимать сообщения через веб-формы, мобильные приложения или специальные телефонные линии [15, 16].

Р. Борум, Д.Г. Корнелл, У. Модзелески, С.Р. Джимерсон придерживаются мнения применение технологий анализа данных искусственным интеллектом, для выявления скрытых закономерностей и тенденций возникновения скулшутинга [17].

Для всесторонней оценки эффективности социальных технологий в профилактике скулшутинга в образовательных учреждениях следует использовать как качественные, так и количественные показатели.

Р. Борум, Д.Г. Корнелл, У. Модзелески и С.Р. Джимерсон, Дж.А. Дэниелс, М.С. Брэдли, А. Майер, П. Янгс выявили качественные и количественные показатели скулшутинга. Они выделили следующие индикаторы:

- уровень удовлетворенности участников;
- оценку качества и доступности предоставляемых услуг;
- психологический климат и социальные взаимоотношения;
- уровень доверия, сплоченности и вовлеченности людей;
- оценку динамики межличностных конфликтов и случаев (буллинга);
- частоту и динамику инцидентов насилия, тенденции изменения данных показателей во времени;
- вовлеченность и успеваемость учащихся;
- уровень посещаемости;
- участие в школьной жизни.

Авторы провели анализ успешных кейсов применения социальных технологий в профилактике скулшутинга в образовательных организациях, комплексный подход в школе Колумбайн, Программы «Безопасные школы» в Нью-Йорке, модели «Школа как центр сообщества».

В результате, было получено снижение количества инцидентов насилия, улучшение психологического климата, повышение успеваемости и вовлеченности учащихся, повышение чувства безопасности и доверия в школьном сообществе, снижение уровня насилия и преступности в прилегающих районах [16–18].

Несмотря на то, что социальные технологии играют важную роль в профилактике скулшутинга в образовательных учреждениях, Д.Дже. Солав, Д.К. Ситрон указали на проблемные аспекты в применении социальных технологий. Авторы выделяли потерю конфиденциальности обучающихся, дискриминацию и отсутствие доверия со стороны учеников, злоупотребление данными, отсутствие прозрачности, использование социальной технологии не по прямому назначению. Они подчеркивают, что имеется сложность в оценке эффективности, недостаток данных и отсутствует универсальный подход. Авторы указывают на недостатки социальных технологий, такие как: создание ложного чувства безопасности, игнорирование других важных факторов, недостаточное финансирование [19, 20].

С.М. Шеридан, Дж.А. Бовэйрд, Т.А. Гловер, С.А. Гарбач, А. Витте и К. Квон, подчеркивали, что социальные технологии могут помочь образовательным учреждениям лучше понимать семейные обстоятельства обучающихся и диагностировать учеников, нуждающихся в поддержке [21].

Дж.Л. Эпштейн указывал на эффективность работы программ с семьями трудных подростков [22].

Для адаптивования социальных технологий к конкретным потребностям образовательных учреждений, П. Эккерт, Э. Венгер предложили образовательным учреждениям досконально изучать местные условия, а также привлекать местное население [23, 24].

Для эффективного применения социальных технологий в образовательных учреждениях исследователь М.К. Паттон предложил давать воз-

можность корректировать, получать обратную связь от компетентных органов и регулярно проводить мониторинг эффективности социальной технологии применяемой в образовательном учреждении [25].

П.Х. Росси, М.В. Липси, Г.Т. Генри указывают на то, что применение социальной технологии для сбора данных в рамках профилактики скулшутинга в образовательном учреждении не должно нарушать конфиденциальность и защищать личные данные обучающихся [26].

Заключение.

Феномен скулшутинга проявляется в обществе с высокой степенью жестокости и непредсказуемости. Скулшутинг подрывает чувство безопасности и доверия, наносит огромный ущерб психологическому здоровью обучающихся, учителей/преподавателей и других сотрудников образовательной сферы.

Социальные технологии используются для мониторинга онлайн-активности (анализ социальных сетей и мессенджеров на предмет социально-опасных публикаций), что помогает своевременно выявлять потенциальные угрозы в образовательном учреждении и оперативно принимать ответные меры для устранения последствий.

Социальные технологии могут служить как инструмент полезной социальной пропаганды для образовательных учреждений, распространяя информацию о правилах безопасного поведения, как способ организации взаимной поддержки и помощи учащимся, имеющих трудности.

Социальные технологии имеют ряд минусов. Они поднимают на поверхность проблемы этического и правового характера, связанные с конфиденциальностью и защитой персональных данных учеников.

Таким образом, изучение социальных технологий как метода профилактики и предотвращения скулшутинга в образовательных организациях остается открытым.

Дальнейшее изучение проблемы скулшутинга потребует комплексного подхода для выработки эффективной и оптимальной стратегии применения социальных технологий в образовательной среде как фильтрационного инструмента.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Лангман П. Почему дети убивают: в головах школьных стрелков. Макмиллан, 2009.
2. Итоговый отчет и выводы Инициативы по безопасной школе / Б. Воссекуил, Р.А. Фейн, М. Редди, Р. Борум, У. Модзелески // Вашингтон, округ Колумбия: Секретная служба США и Министерство образования. 2002.
3. Социальные технологии : учеб. пособие / Под ред. В.Н. Иванова. М. : Высшая школа, 2001. 384 с.
4. Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование: Курс лекций. М. : Педагогическое общество России, 2002. 392 с.
5. Смит А. Использование социальных сетей в 2018 г. / А. Смит, М. Андерсон. 2018.
6. Хиндуджа С. Социальные влияния на киберзапугивание среди учащихся средних и старших классов / С. Хиндуджа, Дж.В. Патчин // Журнал молодежи и подростков. 2013. Т. 42. С. 711–722.
7. Маллетт С.А. Перестрелки в школах и строгие меры безопасности: мифы, позитивный школьный климат и более безопасные кампусы / С.А. Маллетт // Журнал суда по делам несовершеннолетних и семейным делам. 2020. Т. 71. № 4. С. 5–21.
8. Аддингтон Л.А. Полицейские и камеры: Безопасность государственных школ как политический ответ на «Колумбайн» / Л.А. Аддингтон // Американский учёный-бихевиорист. 2009. Т. 52. № 10. С. 1426–1446.
9. Влияние улучшения социального и эмоционального обучения учащихся: метаанализ универсальных вмешательств на базе школы / Дж.А. Дурлак, Р.П. Вайсберг, А.Б. Дымници, Р.Д. Тейлор, К.Б. Шеллингер // Развитие детей. 2011. Т. 82. № 1. С. 405–432.
10. Усиление профилактики и развития молодежи на базе школ посредством скоординированного социального, эмоционального и академического обучения / М.Т. Гринберг, Р.П. Вайсберг, М.Ю. О'Брайен, Дж.Э. Зинс, Л. Фредерикс, Х. Резник, М.Дж. Элиас // Американский психолог. 2003. Т. 58. № 6–7. С. 466.
11. Фунг А. Разновидности участия в сложном управлении / А. Фунг // Обзор государственного управления. 2006. Т. 66. С. 66–75.
12. Брайсон Дж.М. Что делать, когда заинтересованные стороны имеют значение: методы идентификации и анализа заинтересованных сторон / Дж.М. Брайсон // Обзор государственного управления. 2004. Т. 6. № 1. С. 21–53.
13. Набатчи Т. Прямое участие общественности в местном самоуправлении / Т. Набатчи, Л.Б. Амслер // Американский обзор государственного управления. 2014. Т. 44. № 4. С. 63–88.
14. Ирвин Р.А. Участие граждан в принятии решений: стоит ли оно затраченных усилий? / Р.А. Ирвин, Дж. Стэнсбери // Обзор государственного управления. 2004. Т. 64. № 1. С. 55–65.
15. Ибарра М.Л. Исследование совпадения преследований в Интернете и школьной травли: последствия для школьного вмешательства / М.Л. Ибарра, М. Динер-Уэст, П.Дж. Лиф // Журнал здоровья подростков. 2007. Т. 41. № 6. С. 42–50.
16. Дэниелс Дж.А. Предотвращение смертельного насилия в школе / Дж.А. Дэниелс, М.С. Брэдли. Нью-Йорк : Спрингер, 2011.
17. Что можно сделать со стрельбой в школах? Обзор фактических данных / Р. Борум, Д.Г. Корнелл, У. Модзелески, С.Р. Джимерсон // Исследователь образования. 2010. Т. 39. № 1. С. 27–37.
18. Майер А. Программы подготовки учителей и рынки труда учителей: как социальный капитал может помочь объяснить выбор карьеры учителей / А. Майер, П. Янгс // Журнал педагогического образования. 2009. Т. 60. № 4. С. 393–407.
19. Солав Д. Дже. Нечего скрывать: ложный компромисс между конфиденциальностью и безопасностью. Издательство Йельского университета, 2011.
20. Ситрон Д.К. Преступления на почве ненависти в киберпространстве. Издательство Гарвардского университета, 2014.
21. Рандомизированное исследование, изучающее влияние совместных поведенческих консультаций и посредническую роль отношений родитель-учитель / С.М. Шеридан, Дж.А. Бовэйрд, Т.А. Гловер, С.А. Гарбач, А. Витте, К. Квон // Обзор школьной психологии. 2012. Т. 41. № 1. С. 23–46.
22. Эпштейн Дж.Л. Партнерство школы, семьи и общества: подготовка педагогов и улучшение школ / Дж.Л. Эпштейн // Подростковый Сан-Диего. 2002. Т. 37. С. 435–435.
23. Эккерт П. Сообщества практиков. Энциклопедия языка и лингвистики / П. Эккерт // Elsevier. Перспектива, Расширение прав и возможностей организаций в США. 2006. Т. 6. – №. 7. С. 177–186.
24. Венгер Э. Сообщества практиков: краткое введение. 2011.
25. Паттон М.К. Оценка, ориентированная на использование / М.К. Паттон // От политики к результатам. 1997. С. 252.
26. Росси П.Х. Оценка: системный подход. Публикации Sage / П.Х. Росси, М.В. Липси, Г.Т. Генри. 2018.

References:

1. Langman P. Why children kill: in the minds of school shooters. Macmillan, 2009.
2. Final report and conclusions of the Safe School Initiative / B. Vosekuel, R.A. Fein, M. Reddy, R. Borum, U. Modzeleski // Washington, DC: The U.S. Secret Service and the Department of Education. 2002.
3. Social technologies : textbook / Edited by V.N. Ivanov. M. : Higher School, 2001. 384 p.
4. Bestuzhev-Lada I.V. Social forecasting : course of lectures. M. : Pedagogical Society of Russia, 2002. 392 p.
5. Smith A. The use of social media in 2018 / A. Smith, M. Anderson. 2018.
6. Hinduja S. Social influences on cyberbullying among middle and high school students / S. Hinduja, J.V. Patchin // Journal of Youth and Adolescents. 2013. Vol. 42. P. 711–722.

7. Mallett S.A. Shootings in schools and strict security measures: myths, a positive school climate and safer campuses / S.A. Mallett // *Journal of the Juvenile and Family Court*. 2020. Vol. 71. № 4. P. 5–21.
8. Addington L.A. Police officers and cameras: Public school security as a political response to Columbine / L.A. Addington // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. № 10. P. 1426–1446.
9. The impact of improving students' social and emotional learning: a meta-analysis of universal school-based interventions / J.A. Durlak, R.P. Weisberg, A.B. Dymnitsky, R.D. Taylor, K.B. Schellinger // *The development of children*. 2011. –Vol. 82. № 1. P. 405–432.
10. Strengthening school-based youth prevention and development through coordinated social, emotional and academic learning / M.T. Greenberg, R.P. Weisberg, M.Y. O'Brien, J.E. Zins, L. Fredericks, H. Reznik, M.J. Elias // *American psychologist*. 2003. Vol. 58. № 6–7. P. 466.
11. Fung A. Varieties of participation in complex management / A. Fung // *Overview of public administration*. 2006. Vol. 66. P. 66–75.
12. Bryson J.M. What to do when stakeholders matter: methods of identification and analysis of stakeholders / J.M. Bryson // *Review of public administration*. 2004. Vol. 6. № 1. P. 21–53.
13. Nabatchi T. Direct public participation in local government / T. Nabatchi, L.B. Amsler // *The American Review of Public Administration*. 2014. Vol. 44. № 4. P. 63–88.
14. Irwin R.A. Citizen participation in decision-making: is it worth the effort? / R.A. Irwin, J. Stansbury // *Overview of public administration*. 2004. Vol. 64. № 1. P. 55–65.
15. Ibarra M.L. A study of the coincidence of online harassment and school bullying: consequences for school intervention / M.L. Ibarra, M. Diener-West, P.J. Leaf // *Journal of Adolescent Health*. 2007. Vol. 41. № 6. P. 42–50.
16. Daniels J.A. Prevention of deadly violence at school / J.A. Daniels, M.S. Bradley. New-York : Springer, 2011.
17. What can be done about school shooting? Review of the evidence / R. Borum, D.G. Cornell, W. Modzeleski, Jimerson S.R. // *Researcher of education*. 2010. Vol. 39. № 1. P. 27–37.
18. Mayer A. Teacher training programs and teacher labor markets: how social capital can help explain the choice of a teacher's career / A. Mayer, P. Youngs // *Journal of Pedagogical Education*. 2009. Vol. 60. № 4. P. 393–407.
19. Solav D.Je. Nothing to hide: a false compromise between privacy and security. Yale University Press, 2011.
20. Citron D.K. Hate crimes in cyberspace. Harvard University Press, 2014.
21. A randomized study examining the impact of collaborative behavioral counseling and the mediating role of the parent-teacher relationship / S.M. Sheridan, J.A. Bovaird, T.A. Glover, S.A. Garbach, A. Witte, K. Kwon // *Review of school psychology*. 2012. Vol. 41. № 1. P. 23–46.
22. Epstein J.L. Partnership of school, family and society: teacher training and school improvement / J.L. Epstein // *Teenage San Diego*. 2002. Vol. 37. P. 435–435.
23. Eckert P. Communities of practitioners. *Encyclopedia of Language and Linguistics* / P. Eckert // Elsevier. Perspective, Empowerment of organizations in the USA. 2006. Vol. 6. № 7. P. 177–186.
24. Wenger E. Communities of practitioners: a brief introduction. 2011.
25. Patton M.K. Use-oriented assessment / M.K. Patton // *From politics to results*. 1997. P. 252.
26. Rossi P.H., Lipsi M.V., Henry G.T. Assessment: a systematic approach. Sage Publications / P.H. Rossi, M.V. Lipsi, G.T. Henry. 2018.

Информация об авторе

Васильев Владислав Владиславович
аспирант кафедры социологии
и работы с молодежью,
Институт гуманитарных и социальных наук
Уфимского университета науки и техники
dr.vladislav2011@gmail.com

Vladislav V. Vasiliev
Postgraduate Student of the Department
of Sociology and Work With Youth,
Institute of Humanities and Social Sciences
Ufa University of Science and Technology
dr.vladislav2011@gmail.com

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-8>

УДК 37.01; 316.6

Attribution

cc by

ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЁННОСТИ СТУДЕНТОВ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Владимиров И.А., Киселёва Н.И.

*Центр перспективных исследований и разработок в сфере образования;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на вовлеченность студентов в образовательную деятельность. В исследовании приняли участие 2941 студент бакалавриата 1–3 курсов различных направлений подготовки Финансового университета. Рассмотрены особенности подходов к оценке вовлеченности, где вовлеченность оценивается как комплексное и многоаспектное понятие, обозначающее активное участие студентов не только в академической, но и во внеучебной деятельности учебного заведения. Для оценки вовлеченности использовался метод семантического дифференциала по десяти дихотомическим показателям. Результаты показали, что общий индекс вовлеченности составляет 0,6232, что соответствует уровню «выше среднего». Установлена зависимость индекса вовлеченности от курса обучения: чем старше студенты, тем ниже показатель. Наибольший спад наблюдается при переходе со второго на третий курс. Также, проанализированы межфакультетские различия, роль мотивационных факторов получения высшего образования, влияние факторов, отталкивающих от обучения и снижающих готовность активно учиться. Результаты представлены в виде корреляционной и регрессионной модели.

Ключевые слова: вовлеченность студентов, факторы вовлеченности, образовательная деятельность, эмоциональная вовлеченность, студенческая занятость.

FACTORS OF FINANCIAL UNIVERSITY STUDENTS' INVOLVEMENT IN EDUCATIONAL ACTIVITIES

Ivan A. Vladimirov, Natalia N. Kiseleva

*Center for Advanced Research and Development in Education;
Financial University under the Government of the Russian Federation*

Abstract. The article examines the factors influencing the involvement of students in educational activities. The study involved 2,941 undergraduate students of 1–3 courses in various fields of study at the Financial University. The features of approaches to assessing engagement were considered. The authors consider engagement as a complex and multidimensional concept, denoting the active participation of students not only in academic, but also in extracurricular activities of an educational institution. To assess engagement, the semantic differential method was used for ten dichotomous indicators. The results showed that the overall engagement index is 0.6232, which corresponds to an «above average» level. The dependence of the engagement index on the course of study has been established: the older the students, the lower the indicator. The greatest decline is observed during the transition from the second to the third year. Inter-faculty differences, the role of motivational factors for higher education, factors that repel learning and reduce the willingness to actively study were also analyzed. The results are presented in the form of a correlation and regression model.

Keywords: student engagement, engagement factors, educational activities, emotional engagement, student employment.

Введение.

Проблема вовлеченности студентов в учебный процесс является одной из основных для современной системы образования. Несмотря на возвращение к особому статусу образования, в обществе продолжает существовать понимание того, что «образование – это услуга».

В связи с этим, обучающиеся и их родители воспринимают образовательный процесс, особенно

в условиях его оплаты, не как систему ответственного отношения к обучению, усвоению материалов, а как среду, где «обязаны научить» независимо от участия обучающегося в этом процессе.

Для понимания роли вовлеченности в освоении образовательных программ, обучающихся разграничим данное понятие с увлечённостью. Различие между «увлечённостью» и «вовлечённостью» заключается в том, что увлечён-

© Владимир И.А., Киселёва Н.И.

ность – это более глубокое и стабильное эмоциональное и мотивационное состояние, ориентированное на процесс и внутреннюю стимуляцию, включающее энергичность, преданность и поглощённость. Вовлечённость же включает в себя активное участие в учебном процессе, влияет на высокую мотивацию и уровень саморазвития, приводя к улучшению учебных результатов [1].

Академическая увлечённость опосредует интенсивное взаимодействие студента с учебным материалом, так как студенты, испытывающие увлечённость, углубляются в предметы и стремятся к глубокому пониманию материала, находя удовольствие в процессе обучения.

Академическая же вовлечённость отражает активное участие студента в образовательном процессе, включая такие активности, как участие в дискуссиях, задавание вопросов и применение знаний на практике. Это состояние приводит к большей заинтересованности и стремлению к обучению, что влияет на учебную успешность [5].

В психолого-педагогических науках сформировалось особое внимание на «когнитивной вовлечённости». Когнитивная вовлечённость студентов в учебный процесс в вузе можно определить, как активное соучастие студентов в образовательной деятельности, которое характеризуется использованием сложных когнитивных процессов и стратегий. Эти процессы включают анализ, синтез, оценку и применение информации, что способствует глубокому осмыслению учебного материала. Когнитивная вовлечённость также связана с оптимизацией процесса проектирования учебной деятельности в высших учебных заведениях [2].

Для измерения когнитивной вовлечённости используют интегральный критерий, включающий в себя оценку:

- Степени когнитивного усилия, которую студенты прилагают для освоения учебного материала;
- Использования различных когнитивных стратегий при обучении, включая критическое мышление, рефлекссию, анализ и синтез информации;
- Связи содержания обучения с практическими задачами и реальными профессиональными ситуациями;
- Степени активного участия студентов в учебных процессах, таких как обсуждения, проектная работа, семинары и другие интерактивные формы обучения [2].

Исходя из когнитивной концепции вовлечённости, внеучебная деятельность студентов выступает важным фактором формирования учебной вовлечённости. Студенты активисты студенче-

ских организаций показывают более высокую успеваемость, так как внеучебная деятельность позволяет студентам не только заниматься общественно полезной деятельностью, но и развивать навыки, помогающие в учёбе [7]. При этом особую роль во внеучебной деятельности занимают практики волонтерства, влияющие на профессиональное развитие студентов [6].

За последние несколько лет исследователи стали уделять внимание влиянию цифровых технологий на уровень вовлечённости студентов в учебный процесс. Ряд авторов считает, что внедрение цифровых технологий в педагогические практики преподавателя способны увеличить уровень вовлечённости студентов. Такими практиками могут быть как активное участие преподавателя в цифровой жизни студентов (ведение занятий через обучающиеся, развития студенческих сообществ по изучаемой дисциплине в социальных сетях [3]), так и информирование студентов о возможностях использования цифрового пространства для обучения (продвижение открытых образовательных ресурсов и электронных библиотек [4]).

Таким образом, вовлечённость студентов, в широком смысле, представляет собой комплексное и многоаспектное понятие, обозначающее активное участие студентов не только в академической, но и во внеучебной деятельности образовательной организации, выраженной через когнитивное, эмоциональное и поведенческое взаимодействие со всеми акторами образовательного процесса и университетской средой.

Методология исследования.

В рамках исследования опрошены студенты бакалавриата 1–3 курса обучения, различных направлений подготовки, объём выборки составил 2941 обучающийся, ошибка выборки не превышает 1,5 %. Исследование проходило в декабре 2023 года методом комбинированного анкетирования (онлайн и раздаточный).

Цель исследования: анализ влияния учебных и внеучебных факторов на уровень вовлечённости студентов в образовательную деятельность.

Особое внимание уделено анализу межфакультетских отличий, реализующих различные программы подготовки [8], курс обучения, а также вторичная трудовая занятость студентов. Также проанализирована роль различных мотивационных факторов получения высшего образования, факторов, отталкивающих от обучения, и факторов, снижающих готовность активно и хорошо учиться. Результаты анализа представлены в виде корреляционной и регрессионной модели.

Эмоциональная вовлечённость оценивалась методом семантического дифференциала по следующим десяти дихотомическим показателям, представленными в таблице 1.

Таблица 1

Показатели оценки уровня Индекса вовлеченности

Значение 1 (показатель – 1)	Значение 2 (показатель – 0)
Трудно	Легко
Активно	Пассивно
Радостно	Горестно
Напряжёнno	Расслаблено
Интересно	Скучно
Весело	Тоскливо
Полезно	Бесполезно
Страшно	Мило
Приветливо	Равнодушно
Быстро	Медленно

Результаты.

В соответствии с методологией оценки эмоциональной вовлеченности, рассчитан Индекс вовлеченности как среднее значение нормированных к единице шкалы ответов по шкале семантического дифференциала.

В результате расчётов, общий Индекс вовлеченности всех обучающихся составил 0,6232, что свидетельствует об уровне вовлечения студентов в учебный процесс как «выше среднего».

Следовательно, большинство обучающихся студентов-бакалавров оценивают свою интенсивность и эмоциональность как среднюю, в аналогичных значениях проявляют интерес к учебному процессу.

Анализ Индекса вовлеченности в учебный процесс позволил установить зависимость от курса обучения: чем старше студенты, тем ниже Индекс вовлеченности (рис. 1).

Индекс вовлечённости

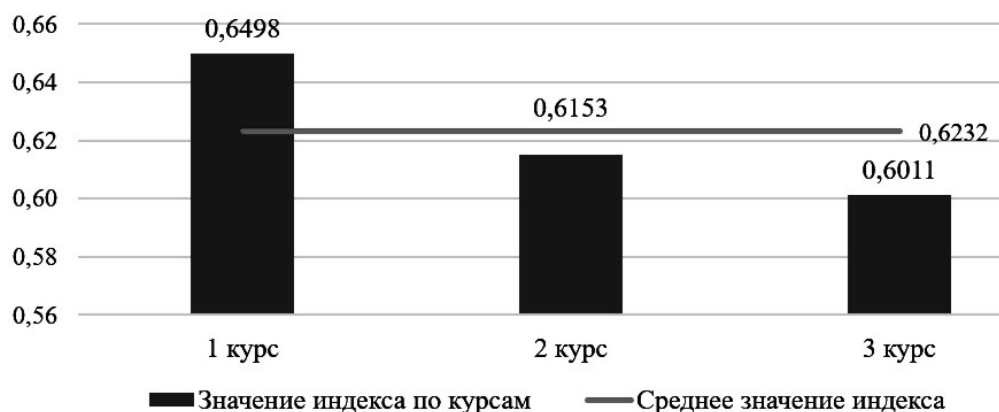

Рисунок 1 – Значения Индекса вовлеченности по курсам обучения

При этом наибольший спад происходит между показателем вовлеченности на 1 и 2 курсе, когда как различия между 2 и 3 курсом обучения незначительны. Такой спад вовлеченности в учебный процесс связан с тем, что в 1 семестре первокурсники только знакомятся с учебным процессом, у них высокие социальные ожидания, высокая необходимость адаптации к новой действительности, поэтому проявляют большую вовлеченность для формирования своей академической репутации. На 2–3 курсе студенты адаптированы к системе обучения в вузе, их вовлечённость снижается, в том числе за счёт обучающихся, не рассматривающих обучение как приоритетную для себя деятельность.

Анализ изменения динамики вовлеченности по всем показателям от курса к курсу снижается, а

по отдельным показателям существенно изменяется. Так сильнее всего между 1–3 курсом падает Интерес к обучению (с 0,62 до 0,52) и образовательная Активность (с 0,63 до 0,56). Показатели же Напряжённости и скорости обучения почти не изменяются (табл. 2).

Проведенный ранжированный анализ по факультетам и курсам обучения, который показал, что Индексы вовлеченности достаточно близкие (от 0,72 до 0,56 на 1 курсе, до 0,66 до 0,54 на 3 курсе) и все выше 0,5. (табл. 3).

Результаты наглядно демонстрируют, что студенты факультета ИТиАБД к 3 курсу более вовлекаются в учебный процесс; зачастую, это связано с тем, что увеличивается их оценка полезности обучения, а вместе с ней и учебная напряжённость.

Таблица 2

Динамика показателей вовлеченности по курсам обучения (нормированное к единице значение)

Показатель	1 курс	2 курс	3 курс
Трудно – Легко	0,51	0,47	0,45
Активно – Пассивно	0,63	0,58	0,56
Радостно – Горестно	0,58	0,55	0,53
Напряжён – Расслаблено	0,55	0,56	0,54
Интересно – Скучно	0,62	0,55	0,54
Весело – Тоскливо	0,62	0,58	0,55
Полезно – Бесплезно	0,64	0,59	0,58
Страшно – Мило	0,46	0,47	0,44
Приветливо – Равнодушно	0,62	0,55	0,56
Быстро – Медленно	0,56	0,54	0,54

Таблица 3

Рейтинг факультетов по Индексу вовлеченности по курсам обучения

РАНГ	1 курс		2 курс		3 курс	
	Факультет	Индекс	Факультет	Индекс	Факультет	Индекс
1	ЮФ	0,72	ЭиБ	0,63	ЮФ	0,66
2	НАБ	0,67	НАБ	0,62	ФСНиМК	0,62
3	МЭО	0,66	ИТиАБД	0,61	ФФ	0,62
4	ФСНиМК	0,65	ФСНиМК	0,61	ЭиБ	0,61
5	ЭиБ	0,65	МЭО	0,61	ИТиАБД	0,60
6	ВШУ	0,65	ВШУ	0,61	МЭО	0,60
7	ФФ	0,64	ЮФ	0,60	ВШУ	0,56
8	ИТиАБД	0,56	ФФ	0,59	НАБ	0,54

Наиболее стабильным, без существенной разницы от курса курсу, Индекс вовлеченности выражен на факультетах ЭиБ, ФСНиМК. Сложнее приходится студентам ФФ и ЮФ, имея высокие ожидания на 1 курсе ко 2-му снижается большая часть показателей вовлеченности, так как обучение воспринимается легче, снижается его интенсивность и приветливость. К 3 курсу ситуация

улучшается за счёт эмоциональных факторов: учиться становится радостнее, веселее и приветливее.

Показатели вовлеченности по-разному проявляются на различных факультетах, выявлены 5 факультетов, которые являются лидером хотя бы по 1 показателю вовлеченности в учебный процесс (табл. 4).

Таблица 4

Факультеты-лидеры по показателям вовлеченности (нормированное к единице значение)

Показатель	Факультет	Значение
Полезно – Бесплезно	ЮФ	0,65
Напряжён – Расслаблено	НАБ	0,63
Активно – Пассивно	ИТиАБД	0,62
Интересно – Скучно	ЮФ	0,62
Весело – Тоскливо	ИТиАБД	0,62
Приветливо – Равнодушно	ФСНиМК	0,61
Радостно – Горестно	ИТиАБД	0,60
Быстро – Медленно	МЭО	0,57
Страшно – Мило	НАБ	0,55
Трудно – Легко	НАБ	0,52

Полученные результаты позволили выявить, что лидерами являются факультеты НАБ и ИТиАБД (по 3 показателя). При этом НАБ лидирует по показателям, отвечающим за трудность, напряжённость и страх, а ИТиАБД – за весёлость, радость и весёлость. На ЮФ, по мнению студентов, учиться более всего интересно и полезно.

Значения Индекса вовлеченности связаны с совокупностью факторов как объективных (расписание занятий, особенности учебного плана, ко-

личество профильных предметов, сложность дисциплины, содержание дисциплины, методика преподавания), так и субъективных (мотивы обучения, отношение к учебному процессу, межличностное взаимодействие).

В ходе оценки переменных, определяющих уровень вовлеченности студентов в учебный процесс, проведён корреляционный анализ и выделены 13 переменных, имеющих значимые корреляции (табл. 5).

Таблица 5

Показатели корреляционного и регрессионного анализа вовлеченности студентов

Переменная	Показатель	Значение корреляции Пирсона	Коэффициенты регрессии
Мотивация получения высшего образования	Потребность в самореализации	0,229	0,169
	Успешно трудоустроиться	0,191	0,286
	Удовлетворить интересы	0,148	0,129
	Престижно	0,094	0,121
	Возможность не ходить в армию	-0,110	0,101
	Оправдать ожидания старших	-0,159	0,120
Факторы отталкивающие от обучения	Невостребованность профессии	0,107	0,175
	Низкая учебная нагрузка	-0,086	-
	Отсутствие интереса к профессии	-0,088	0,090
	Низкая практико-ориентированность	-0,140	0,094
Факторы, снижающие готовность активно и хорошо учиться	Слабое представление о профессиональной деятельности	-0,138	-
	Избыток контроля посещаемости	-0,142	-
	Большое количество лишних предметов	-0,203	-

На вовлеченность влияют показатели мотивации получения высшего образования, а также факторы отталкивания и снижения готовности активно обучаться. Выявлено, что следующие факторы не оказывают влияние на вовлеченность студентов в обучение: желание получить высшее образование, чтобы «вырваться» из дома, опасение по поводу конфликтов с администрацией или одногруппниками, неумение организовать самоподготовку и высокая конкуренция в группе.

Данные 13 переменных использованы для построения регрессионной модели. В результате расчетов, получена модель с 9 переменными, которыми можно объяснить 88,7 % вариации вовлеченности студентов в учебный процесс. При этом значение критерия автокорреляции Дарбин-Уотсон составили 1,809, что находится в пределах допустимых значений, а, следовательно, модель можно принять.

Стоит отметить, что среди факторов, снижающих готовность активно и хорошо учиться, ни один не был статистически значим для включения в регрессионную модель. Тем самым, на вовлеченность оказывают больше влияния мотивационные и отталкивающие факторы получения высшего образования.

Таким образом, если обучение с низкой практико-ориентированностью, нет актуальных приме-

ров, позволяющих овладеть профессиональными навыками; не востребованность выбранного образования на рынке труда или отсутствие достойных вакансий по профессии, низкая практико-ориентированность, не сформированный или потерянный интерес к получаемой профессии, а также низкая учебная нагрузка (слабый образовательный контент, простые и однотипные задания и др.), то гарантировано, что студенты не будут вовлечены в учебный процесс.

Доказано, что внеаудиторная активность в различные научные проекты студентов положительно влияет на вовлеченность в обучение. Так, например, студенты-активисты Научного студенческого общества имеют более высокие показатели вовлеченности не зависимо от курса обучения. Студенты-члены студенческого совета же на 1–2 курсе также показывают высокую включенность в учебную деятельность, когда на 3 курсе показатели становятся ниже среднего, что может быть связано с переориентацией на организационную деятельность.

Анализ социально-трудовых показателей позволил установить, что трудовая занятость (вторичная занятость) также влияет на вовлеченность в обучение студентов. В выборке у неработающих студентов вовлеченность в учебный процесс выше, чем у трудоустроенных обучающихся на 1, 2 и 3 курсах обучения (табл. 6).

Таблица 6

Сравнительный анализ Индекса вовлеченности работающих и неработающих студентов

	По курсу	Не работают	Работают		
			Всего	Работают по специальности	Работают не по специальности
1 курс	0,6498	0,6588	0,6277	-	-
2 курс	0,6153	0,6218	0,6002	-	-
3 курс	0,6011	0,6132	0,5870	0,6142	0,5713

Проверка по t-критерию Стьюдента показала, что разница между уровнем вовлеченности неработающих и трудоустроенных студентов носит значимый характер. Также можно отметить, что сту-

денты 3 курса, совмещающие обучение с работой по специальности, имеют большую вовлеченность, чем даже неработающие студенты.

Заключение.

Уровень академической и внеучебной вовлеченности студентов является ключевым фактором, определяющим не только успеваемость, но и удовлетворенность учебным процессом.

Общий индекс вовлеченности студентов Финансового университета свидетельствует о стабильном положительном восприятии образовательного процесса большинством студентов.

Выявленное снижение вовлеченности в учебный процесс связаны с переходом от первого к третьему курсу может свидетельствовать о необходимости учета прогнатизма запросов студентов: изменение подходов к взаимодействию со студентами на более, более активная интеграция практических задач и проектной работы, предоставления большей автономии в выборе учебных курсов и тем самостоятельных работ, а также поддержка студенческой внеаудиторной активности на старших курсах.

Также, влияние на уровень вовлеченности оказывает внеучебная деятельность, включая уча-

стие в студенческих организациях и волонтерские проекты. Это подтверждает идею о том, что комплексное участие в жизни университета способствует не только повышению академических показателей, но и развитию социальных и профессиональных навыков, что, в свою очередь, ведет к улучшению общего качества образования.

Работа по специальности на старших курсах показывает значительную связь с вовлеченностью студентов в учебный процесс. Студенты, чувствующие связь с работой по специальности, наиболее сильно заинтересованы в получении знаний в университете.

Таким образом, рекомендации для улучшения уровня вовлеченности студентов могут включать в себя пересмотр учебных программ с акцентом на практическую направленность и профессиональную ориентацию, усиление внеучебной деятельности через стимулирование активной жизненной позиции студентов, а также внедрение инновационных методов обучения для повышения когнитивной активности студентов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Вожиевская Т.И. Академическая увлечённость и вовлечённость студентов-первокурсников / Т.И. Вожиевская // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. 2024. № 1. С. 81–89.
2. Гарашкина Н.В. Когнитивная вовлечённость как основа проектирования учебного процесса в подготовке студентов педагогических направлений / Н.В. Гарашкина, А.А. Дружинина // Высшее образование в России. 2023. № 1. С. 93–109.
3. Елькина И.Ю. Факторы вовлеченности студентов в учебный процесс в условиях дистанционного обучения / И.Ю. Елькина // Образовательные ресурсы и технологии. 2022. № 1(38). С. 7–13.
4. Киуру К.В. Проблема студенческой вовлеченности в процесс обучения в условиях онлайн-образования / К.В. Киуру, Е.Е. Попова // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-3. С. 380–384.
5. Пеша А.В. Надпрофессиональные навыки и вовлечённость в высшем учебном заведении / А.В. Пеша, А.В. Назаров // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. № 2(35). С. 224–228.
6. Узюмова Н.В. Волонтерская деятельность (добровольчество) как фактор профессионального развития студентов / Н.В. Узюмова, Н.И. Киселёва // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s2. URL : <https://esj.today/PDF/05FAVN223.pdf> (дата обращения 20.05.2024).
7. Цой А.Е. Эффект «Сагана»: влияние внеучебной деятельности на успеваемость студентов / А.Е. Цой // Психологические науки: теория и практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). М. : Буки-Веди, 2017. С. 42–48. URL : <https://bakalavriat.fa.ru> (дата обращения 20.05.2024).

References:

1. Volzhievskaya T.I. Academic Passion and Engagement / T.I. Volzhievskaya // Education and Upbringing of Preschoolers, Schoolchildren, and Youth: Theory and Practice. 2024. № 1. P. 81–89.
2. Garashkina N.V. Cognitive Engagement Involvement as a Basis for Designing the Educational Process in the Preparation of Students of Pedagogical Directions / N.V. Garashkina, A.A. Druzhinina // Higher Education in Russia. 2023. № 1. P. 93–109.
3. Yelkina I.Y. Factors of student involvement in the educational process in the context of distance learning / I.Y. Yelkina // Educational resources and technologies. 2022. № 1(38). P. 7–13.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

4. Kiuru K.V. The problem of student involvement in the learning process in online education / K.V. Kiuru, E.E. Popova // Problems of modern pedagogical education. 2018. № 59-3. P. 380–384.
5. Pesha A.V. Supra-Professional Skills and Involvement in Higher Education Institution / A.V. Pesha, A.V. Nazarov // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. № 2(35). P. 224–228.
6. Uzyumova N.V., Kiseleva N.I. Volunteer activity as a factor of professional students' development. The Eurasian Scientific Journal. 2023. Vol. 15. № s2. URL : <https://esj.today/PDF/05FAVN223.pdf>
7. Tsoi A.E. The «Sagan» Effect: the Influence of Extracurricular Activities on Students' Academic Performance / A.E. Tsoi // Psychological Sciences: Theory and Ppractice: Materials of the V International scientific conf. (Moscow, June 2017). М. : Buki-Vedi, 2017. P. 42–48.
8. List of Bachelor's and Specialist degree programs – Financial University. URL : <https://bakalavriat.fa.ru> (date of the application 20.05.2024).

Информация об авторах

Владимиров Иван Андреевич

главный специалист
Центра перспективных исследований
и разработок в сфере образования,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
vladim.ivan@mail.ru

Киселёва Наталья Ильинична

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии
факультета социальных наук
и массовых коммуникаций,
директор Центра перспективных исследований
и разработок в сфере образования,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
NKiseleva@fa.ru

Ivan A. Vladimirov

Chief Specialist
of the Center for Advanced Research
and Development in Education,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
vladim.ivan@mail.ru

Natalia N. Kiseleva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
in the Department of Sociology,
Head of the Center for Advanced Research
and Development in Education,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
NKiseleva@fa.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-49>

УДК 316

Attribution

cc by

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕХНОЛОГИЯМ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Кареева С.Г., Некрасов С.В.

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Аннотация. В статье рассматривается актуальная и востребованная в условиях современной социальной реальности научно-практическая проблематика, посвященная отечественным практикам противодействия технологиям информационного воздействия. Данное направление актуализировано как в научной сфере, так и в нормативных государственных документах, отвечающих за национальную безопасность страны, а также в практике общественного запроса. Отмечается значимая роль социокультурного аспекта в рамках воздействия на общественное сознание отвечающего за конструирующий потенциал социума. По результатам изучения нормативных документов, разрозненных профильных исследований выявлены отечественные практики противодействия технологиям информационного воздействия и объединены в авторскую типологию, дающую о них наглядное представление. Констатируется важность изучения данной проблематики. Статья имеет выраженный теоретико-методологический и практико-ориентированный характер.

Ключевые слова: технологии, информационное воздействие, безопасность, сознание, социокультурный аспект, социум, противодействие, угрозы, методы.

DOMESTIC PRACTICES TO COUNTERACT INFORMATION INFLUENCE TECHNOLOGIES

Svetlana G. Karepova, Sergey V. Nekrasov

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Abstract. The article deals with a scientific and practical range of problems, devoted to domestic practices to counteract information influence technologies, is relevant and demanded in modern social reality. This direction has taken on increasing importance both in science and in the country's regulatory state documents on national security, in the practice of a public request as well. The article notes the significant role of a sociocultural aspect in the influence of public consciousness that replies for the constructive potential of a society. Based on the results of studying the regulatory documents, field-oriented separate research, the authors identified domestic practices to counteract information influence technologies and integrated them into an authorial typology that provides its clear picture. Studying this range of problems is of importance. The article has a great theoretical methodological and practice-oriented nature.

Keywords: technologies, information influence, security, consciousness, sociocultural aspect, society, counteraction, threats, methods.

Введение.

Социетальные трансформации современной социальной реальности России 2020-х гг., являясь частью процессов развития, поставили также на повестку дня вопросы, связанные с ее сохранением, стабилизацией и управлением.

Обсуждение.

Ключевой характеристикой новой социальной реальности стало состояние ее нестабильности и перманентной изменчивости, влекущее за собой «подвижность» во внутренних процессах и структурах современного социума. Данные бифуркационные тенденции нашли отражение в череде таких событий, как:

– прорывные, но негативно воздействующие на природу и общество достижения (информационно-коммуникационные и социальные технологии);

– попирающие духовно-нравственных ценностей, нарушение норм международного права;

– спровоцированная Западом и вынужденно проводимая Россией в Украине специальная военная операция (СВО) и т.д.

Синергетический эффект от данных трансформаций, как было отмечено выше, спровоцировал развитие трудно управляемой, лабильной и «не предсказуемой» социальной реальности.

Исходя из качеств самой природы новой реальности, разумно вести речь и о значительном усилении ее рисков, составляющей, что порождает развитие таких *рисков и угроз для безопасности страны, с которыми современное общество еще не сталкивалось*. Эти угрозы обладают скрытым отложенным эффектом воздействия на социум и скажутся только в будущем. *Они информационно воздействуют на глубинные слои сознания и подсознания социума, вовлекая его в формат развязанной извне информационной войны.*

Современные информационные войны, будучи неотъемлемой частью гибридных войн, нацелены на весь социальный уровень общества и на глубинное поражение социокультурной сферы социума, в частности, а эта опасность обуславливается воздействием на системообразующие общественные институты. К ним относятся: наука, образование, вера, семья, мораль и др., отвечающие за духовно-нравственную целостность общества, его крепость, культурно-историческую преемственность и сформированные через систему данных институтов легитимные ценности и положительный исторический опыт.

В данном контексте, информационные войны ориентированы на дестабилизацию общества и, в конечном счете, его разрушение через глубокое информационное воздействие на коллективное сознание и психику. Вся транслируемая СМИ, в рамках подобных войн, информация активно поглощается массовым сознанием, а далее, на основе усвоенного информационного контента, социумом принимаются ключевые решения, определяющие его будущую парадигму развития. «...Речь идет о информационной основе для объективизации субъективной деятельности человечества, как главного актора цивилизационного строительства» [1, с. 205].

По существу, социальная реальность вокруг человека есть ни что иное как результат его деятельности, осуществленной на основе представлений (нравственных, научных, политических, экономических и т.д.) об окружающем мире.

За счет информационного воздействия на сознание и функционально-психическую деятельность осуществляется изменение мышления социума, а, следовательно, и управление им. Вот почему так важно качество и контроль над распространяемой СМИ и «потребляемой» обществом информацией. Во избежание провокации общества на создание ложных смыслов и разрушительного поведения в сторонних интересах, *актуализируется аспект изучения и сохранения информационной безопасности и, как следствие, практик противодействия технологиям информационного воздействия на правовом и научном уровнях.*

Правовый уровень проблематики нормативно концептуализирован на федеральном уровне:

— в Стратегии национальной безопасности РФ от 02.07.2021 г. № 400, в четвертом (информационная безопасность) приоритете; при этом сам феномен информационной безопасности взаимосвязан с остальными стратегическими приоритетами;

— в Законе РФ «О государственной тайне» от 21.09.1993 г. № 5485-1; Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. от 09.05.2017 г. № 203 и т.д.

Информационная безопасность представлена как феномен, детерминирующий всю социальную сферу общества, обуславливая ее функционирование.

Теоретико-методологическая разработанность данного научного направления достаточная, что нашло свое отражение в ряде исследований отечественных ученых [2, с. 151]. Но, на фоне общей теоретической разработанности таких аспектов, как:

— концептуализация важности защиты психики социума от негативного информационного влияния;

— проблематика воздействия сети Интернет и виртуального пространства на психику человека;

— психолого-политологические аспекты информационных войн;

— вопросы правового обеспечения защиты сведений и др.

Выраженную значимость приобретает именно практико-ориентированное направление сохранения информационной безопасности — практики (меры) противодействия технологиям информационного воздействия.

С учетом уже имеющихся научных разработок, законодательного регулирования по проблематике и эффективно используемых в ежедневной работе (СМИ, органы государственной власти и др.) практик противодействия технологиям информационного воздействия целесообразно, в рамках данной работы авторам данного исследования удалось актуализировать их и системно объединить в авторскую типологию. Данная типология включает в себя и новые направления противодействия, которые с нашей точки зрения, обладают большим потенциалом, уже применяются на практике и будут использоваться в будущем.

Результаты. Из всего разнообразия, выделяемых в нормативных документах, научной литературе и зарекомендовавших себя новых отечественных защитных практик (мер) противодействия технологиям информационного воздействия, на наш взгляд, целесообразно сформировать четыре основные группы, которые можно содержательно классифицировать в соответствии:

- с социальными сферами общества, подверженными воздействию и требующими защиты;
- по степени соответствия ряду ключевых приоритетов сохранения национальной безопасности, отраженных в Стратегии национальной безопасности РФ от 02.07.2021 г. № 400 [3];
- в связи с основными СМИ средами, в которых осуществляется распространение и информационное воздействие;
- с возникновением новой сферы информационного воздействия и дезинформации через распространение фейковых новостей.

Первая группа защитных практик (мер) отвечает за сохранение социальной сферы жизнедеятельности российского общества. Важность рассмотрения данного аспекта обусловлена тем, что сам феномен информатизации носит социальный характер, опосредованный совокупно-

стью экономических, политических, социокультурных факторов жизни социума, и относится к многосторонним, но целостным явлениям. Иными словами, происходит информационное воздействие на социум в рамках социально-экономического, политико-правового и социокультурного направлений, что взаимосвязаны между собой как единое явление.

Данная группа мер направлена на формирование нормативной базы (разработка законодательных и профильных методических актов), осуществление финансовой политики РФ, выработку административных и научно обоснованных норм, действий в сфере управления большими и малыми системами, развитием институтов гражданского общества, создание соответствующих условий для развития учреждений культуры и т.д. Особое внимание отведено сохранению и возрождению культурного наследия, контролю и цензуре. Речь идет о следующих действиях (рис. 1).

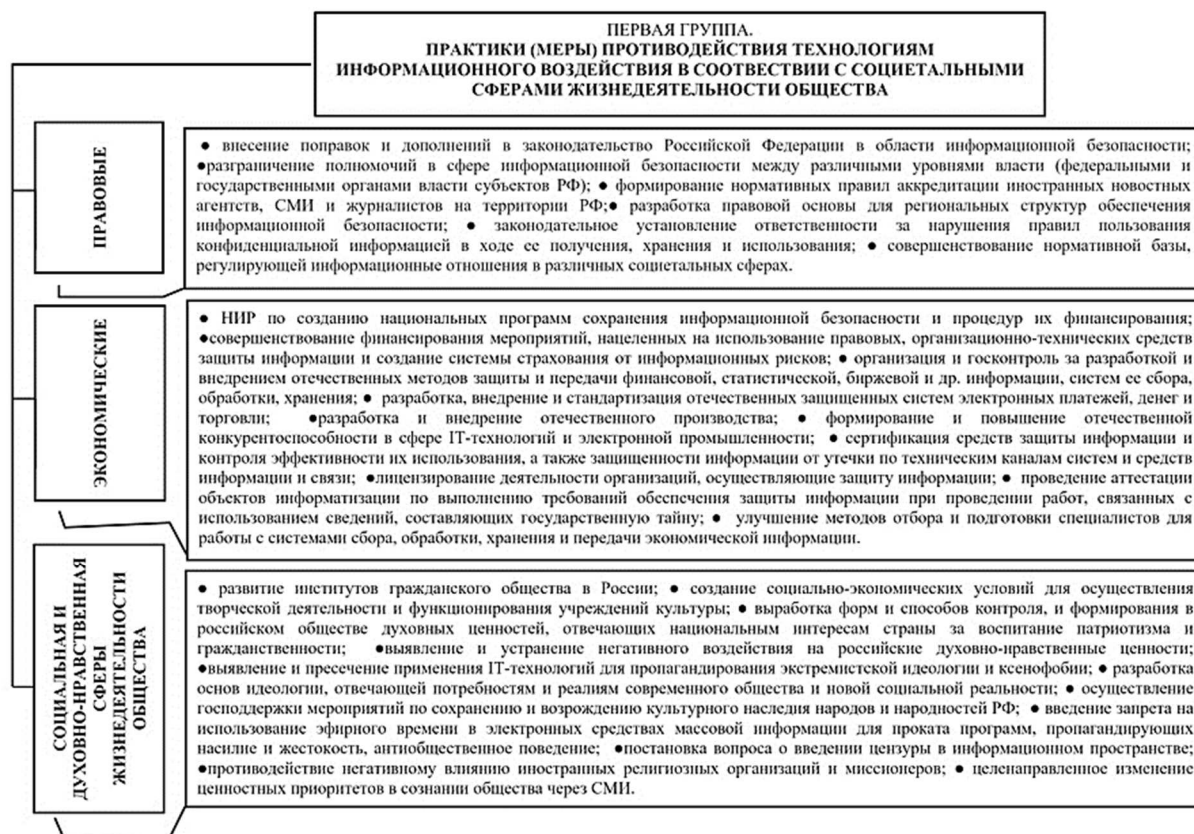

Рисунок 1 – Первая группа практик (мер) противодействия технологиям информационного воздействия.

Примечание: источник – собственная разработка по материалам [1, с. 212; 3; 4, с. 28–30].

На законодательном уровне государством также приняты меры в отношении ряда организаций, отдельных лиц, деятельность которых на территории РФ признана нежелательной. В частности, согласно данным Минюста РФ, реестр иностранных агентов с начала проведения СВО на Украине насчитывает свыше 100 организаций, обще-

ственных объединений и людей, обвинённых по статьям (Ст. 6 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; Ст. 29.1 от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»; Ст. 32 от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»; Ст. 2.1. от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на

лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ»; Ст. 9 от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»).

По данным того же Минюста РФ, за период 2022 по 2024 г. было выявлено около 60 иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых на территории РФ нежелательна (Russian America for Democracy in Russia – «Русская Америка за демократию в России», США; Russian antiwar committee «Антивоенный комитет России»); Center for Civil Liberties – «Общественная организация «Центр Гражданских Свобод», Украина и др.).

С 2022 по 2024 г. было принято в судебном порядке (Федеральный закон от 25.07.2002 № 14-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») решение и о ликвидации или запрете на территории РФ около 20 общественных объединений и религиозных организаций (Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram; Общественное объединение «Этническое национальное объединение»; Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения и др.).

В реестр террористических организаций, по данным Совета Безопасности РФ за период 2022 по 2023 г., попало около 14 организаций, в том

числе иностранных и международных, признанных таковыми (Террористическое сообщество – «московская ячейка» МТО «ИГ»; Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое наименование «Скулшутинг»); Украинское военнизированное объединение легион «Свобода России» (другое используемое наименование «Легион Свобода России»); Международное движение «Маньяки Культ Убийц» (другие используемые наименования «Маньяки Культ Убийств», «Молодёжь Которая Улыбается», М.К.У.) и др.).

Вторая группа защитных практик (мер) нацелена на поддержание ряда ключевых приоритетов сохранения национальной безопасности, с которыми феномен информационной безопасности взаимосвязан и которые он детерминирует (защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности РФ, укрепление обороны страны; развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России; поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений и т.д.), отраженных в Стратегии национальной безопасности РФ от 02.07.2021 г. № 400 [3]. Эта группа представлена следующими направлениями противодействия (рис. 2).

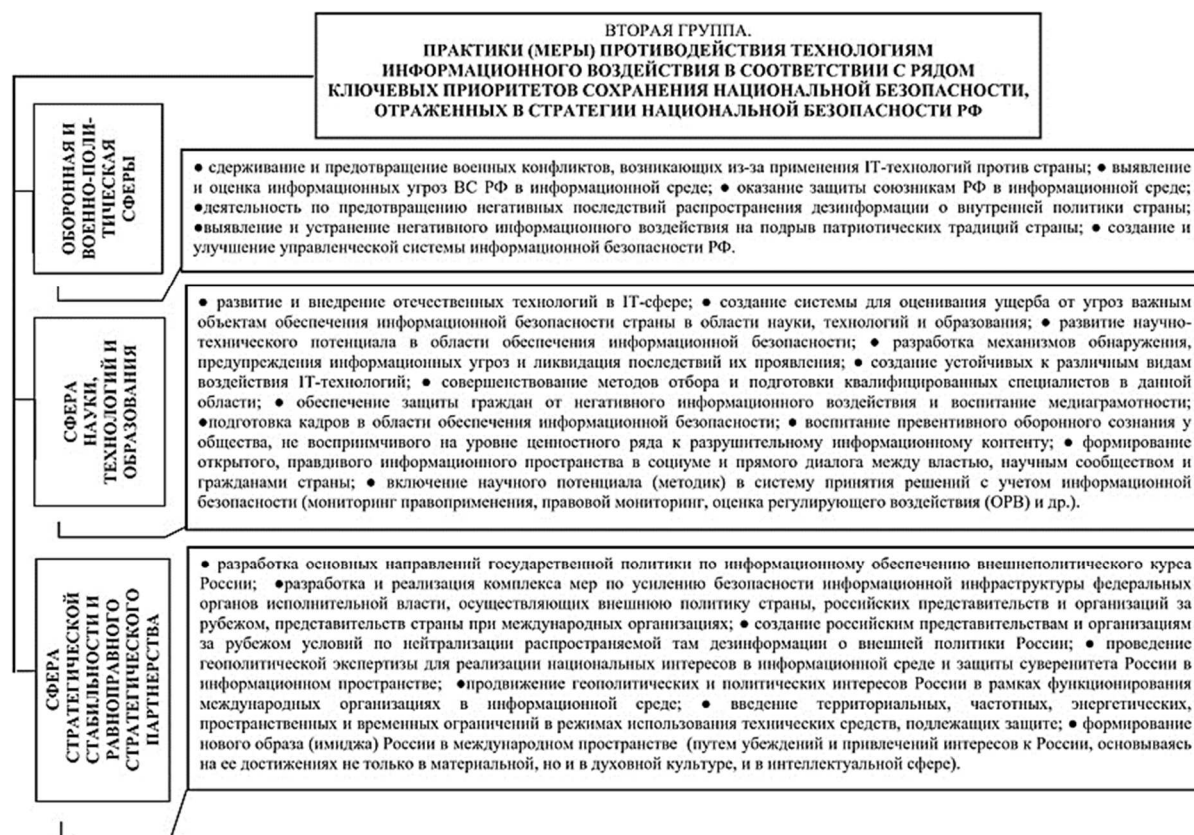

Рисунок 2 – Вторая группа практик (мер) противодействия технологиям информационного воздействия.

Примечание: источник – собственная разработка по материалам [2, с. 213–215; 3; 4, с. 28–31; 5, с. 11].

Третья группа представлена мерами противодействия информационному воздействию в соответствии с основными информационными средами (печатные СМИ, онлайн-СМИ, социальные сети и блоггерство), которыми оно детерми-

нировано и в которых оно осуществляется. Именно среды во многом определяют успешность или не успешность данного воздействия. К основным мерам этого направления следует отнести (рис. 3).

Рисунок 3 – Третья группа практик (мер) противодействия технологиям информационного воздействия.

Примечание: источник – собственная разработка по материалам [6, с. 110–111; 7, с. 125].

По данным совместного опроса, проведенного в 2023 году Motive agency & production и Институтом общественного мнения «Анкетолог», блогеров смотрят ежедневно более трети россиян (36 %), несколько раз в неделю – 45 % наших соотечественников, один раз в неделю – 11 % интересующихся, нерегулярно – всего 9 %. Основными каналами для просмотра блогеров среди россиян являются YouTube – 68 %, Telegram – 63 %, ВКонтакте – 55 %, Дзен – 43 %, ТикТок – около трети россиян 30 %, Instagram (соцсеть признана экстремистской и запрещена в России) – 24 %, «Одноклассники» – 23 %.

Особую роль в этом информационном контенте играют, так называемые, инфлюенсеры. По популярности рейтинг инфлюенсеров на период 2023 года среди россиян выглядел следующим образом: Анастасия Ивлева – 15 % (является, в настоящее время, подследственным лицом), Юрий Дудь (признан в России иноагентом по решению Минюст РФ) – 13 %, Дмитрий Куплинов – 10 %, Илья Варламов (признан в России иноагентом по решению Минюст РФ) – 10 %, Ольга Бузова – 8 %, Ксения Бородина, Ксения Собчак и Михаил Литвин – по 7 % соответственно [2, с. 153].

Четвертая группа защитных практик (мер) направлена на противодействие распространению в информационном пространстве достаточно нового феномена и эффективного инструмента управления сознанием и поведением социума. Речь идет о фейковых новостях и процессах дезинформации, на которых, как требующих предотвращения, следует остановиться более подробно. В настоящее время данное направление представлено следующими практиками (рис. 4).

Примером противодействия на законодательном уровне распространению фейковой информации в сети Интернет и в период проведения СВО на Украине является блокировка Instagram, Facebook, Twitter и др. социальных сетей, через которые распространялась недостоверная информация о Вооруженных Силах России и руководстве страны.

Также, на законодательном уровне закреплены штрафы за распространение фейковой информации (от 30 до 500 тысяч рублей в зависимости от тяжести содеянного), введено уголовное наказание (не только в отношении СМИ, но физических лиц) за распространение недостоверной информации об Вооруженных Силах РФ, призывы к санкциям против России (до 15 лет лишения свободы).

Рисунок 4 – Четвертая группа практик (мер) противодействия технологиям информационного воздействия.

Примечание: источник – собственная разработка по материалам [4, с. 28; 8, с. 82].

Примером применения специализированных систем по поиску и анализу разного рода деструктивного контента и фейков может служить:

Во-первых – автоматизированная система «Георгий Победоносец», разработанная в 2018 году Пермской компанией ООО «СЕУСЛАБ». Ее основная цель – выявление контента, несущего пагубные идеи для сознания социума, а также контента, который используется информационными экстремистскими источниками для вербовки населения в запрещенные организации и объединения.

Во-вторых – «Крибрум» – система многофакторного мониторинга, сбора и анализа социальных медиа в режиме реального времени, разработанная исследовательской и технологической компанией АО «Крибрум» в 2010 году [9, с. 98] и имеющая свою научно-практическую и образовательную платформу на базе ВШССН МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством академика Г.В. Осипова. Это может служить примером симбиоза социологического знания и научно-практического бизнес-контента.

Ярким примером подготовки специалистов в области противодействия распространению фейковой информации можно считать, разработанную группой ученых А.В. Манойло и В.И. Теличко в сентябре 2020 года, авторскую методику обучения специалистов способам и технологиям отражения фейков. Эта методика была опробована в октябре 2020 года на образовательной

площадке Федерального форума «Дигория» в рамках политико-коммуникационного трека, направленного на обучение участников форума методикам распознавания, разоблачения и отражения фейковых новостей. Методика продемонстрировала свою эффективность и может быть применена для подготовки специалистов для различных управлений Администрации Президента РФ.

Обучение основывается на операционной последовательности таких действий, как:

- выявление и распознавание фейка;
- первичный перехват информационной повестки у фейка (разоблачение); создание «вирусного антифейка», способного перехватить у фейка повестку, и вброс его в информационное пространство;
- «запуск встречной информационной волны», способной «сбить фейк на взлете»;
- вброс, поддерживающих «волну» антифейков и иного вирусного контента; оперативная социология [10, с. 82].

Также, отдельного внимания, в рамках изучения практик (мер) противодействия информационному воздействию, требует широко обсуждаемый и противоречивый вопрос о введении цензуры как решающего превентивного метода.

Согласно данным ВЦИОМ за 2021 год, о необходимости введения цензуры в интернете, «...большинство россиян (60 %) считают, что необходимость в ней определяется конкретным типом информации, 11 % россиян – за свободное распространение информации в Интернете, 26 % считают, что информация в сети – Интернет нуждается в цензуровании.

О необходимости ограничения информации в интернете, связанной с оружием, взрывчатыми веществами и их производством из подручных материалов заявляют большинство россиян (91 %).

Столько же россиян (91 %) ратуют за ограничение информации, содержащей призывы к вступлению в радикальные, экстремистские группировки.

По мнению большинства россиян, необходимо также ограничить призывы к вступлению в религиозные секты (89 %), информацию о самоубийствах (88 %), подвергнуть цензуре порнографические материалы (84 %), сцены насилия, агрессии в видео, компьютерных играх (82 %)» [11].

Также, по мнению респондентов, следует ограничить доступ к материалам, «...содержащим

нецензурную лексику и информацию о финансовых компаниях по типу «МММ» (73–74 %). 78 % россиян согласны с тем, что необходимо предпринимать меры борьбы с подобной информацией в интернете» [11].

Заключение.

Таким образом, с нашей точки зрения, основные направления противодействия технологиям информационного воздействия в отечественной практике представлены на всех социетальных уровнях государственной политики, обозначены выше содержательными блоками. Безусловно, приведенный в авторской типологии перечень отечественных практик (мер) противодействия технологиям информационного воздействия далеко не исчерпывающий. Он существенно требует дальнейшего расширения и углубления в контексте трансформаций социальной реальности, общей геополитической ситуации в стране и социального запроса от общества. Целесообразно задуматься и о выработке новых превентивных практик, нацеленных на безопасное информационное обеспечение жизнедеятельности человека, государства и общества. Актуальность научно-практического направления изучения данного феномена будет только возрастать.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Каропова С.Г. Информационная безопасность: специфика феномена, методы и способы ее обеспечения / С.Г. Каропова, С.В. Некрасов, А.Н. Пинчук // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 200–220.
2. Каропова С.Г. Технологии информационного воздействия на общественное сознание в условиях современных социокультурных трансформаций России / С.Г. Каропова, С.В. Некрасов // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 3. С. 150–156.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КосультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 10.05.2024).
4. Фалеев М.И. Угрозы национальной безопасности государства в информационной сфере и задачи МЧС России в этой области деятельности / М.И. Фалеев, Г.С. Черных // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. Т. 4. № 1(6). С. 21–34.
5. Путин В.В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности / В.В. Путин // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25). С. 8–11.
6. Казаков А.В. Противодействие негативному информационному воздействию на сознание российской молодежи / А.В. Казаков // Власть. 2015. № 9. С. 107–112.
7. Задорин И.В. Уровень медиаграмотности населения в регионах России: сравнительный анализ / И.В. Задорин, Д.В. Мальцева, Л.В. Шубина // Коммуникация. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. – № 4. С. 123–141.
8. Зырянова М.О. Способы противодействия распространению фейковой информации / М.О. Зырянова // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6. С. 80–83.
9. Еськов А.В. Противодействие распространению идеологии экстремизма в сети Интернет как условие общественной безопасности / А.В. Еськов, В.Н. Цымбал // Вестник Краснодарского Университета МВД России. 2023. № 1(59). С. 96–100.

10. Манойло А. Методика противодействия фейковым новостям / А. Манойло, В.Теличко, А. Попадюк // Международная жизнь. 2021. № 7. С. 78–93.
11. Интернет: возможности или угроза? / ВЦИОМ. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-vozmozhnosti-ili-ugrozy> (дата обращения 10.05.2024).

References:

1. Karepova S.G. Information security: key features of the phenomenon, its methods and means / S.G. Karepova, S.V. Nekrasov, A.N. Pinchuk // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2023. Vol. 29. № 4. P. 200–220.
2. Karepova S.G. Technologies of information impact on public consciousness in the conditions of modern sociocultural transformations in Russia / S.G. Karepova, S.V. Nekrasov // Social and Humanitarian Knowledge. 2024. № 3. P. 150–156.
3. RF Presidential Decree of 02.07.2021 № 400 «On the strategy for the national security of the Russian Federation» / SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (date of the application 10.05.2024).
4. Faleev M.I. Threats to the state's national security in the information sphere and the tasks of MchS of Russia / M.I. Faleev, G.S. Chernykh // Civil Protection Strategy: problems and research. 2014. Vol. 4. № 1(6). P. 21–34.
5. Putin V.V. Russia in a changing world: the continuity of the priorities and new opportunities / V.V. Putin // MGIMO Review of International Relations. 2012. № 4(25). P. 8–11.
6. Kazakov A.V. Counteracting a negative information influence on Russian youth's consciousness / A.V. Kazakov // Vlast'. 2015. № 9. P. 107–112.
7. Zadorin I.V. Evaluating medialitecy of citizens of Russian regions: comparative analysis / I.V. Zadorin, D.V. Maltseva, L.V. Shubin // Communication. Media. Design. 2017. Vol. 2. № 4. P. 123–141.
8. Zyryanova M.O. Ways to combat the spread of «fake information» / M.O. Zyryanova // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. № 6. P. 80–83.
9. Eskov A.V. Countering the spread of ideology of extremism on the Internet as a condition for social security / A.V. Eskov, V.N. Tsybal // Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin. 2023. № 1(59). P. 96–100.
10. Manoilo A. The method of counteracting fake news / A. Manoilo, V. Telichenko, A. Popadyuk // The International Affairs. 2021. № 7. P. 78–93.
11. Internet: opportunities or threat? / VCIOM. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-vozmozhnosti-ili-ugrozy> (date of the application 10.05.2024).

Информация об авторах

Кареева Светлана Геннадьевна
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва
svettran@mail.ru

Некрасов Сергей Владимирович
научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва
sv_79@inbox.ru

Svetlana G. Karepova
Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow
svettran@mail.ru

Sergey V. Nekrasov
Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow
sv_79@inbox.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-12>
УДК 332

Attribution
cc by

РАЗВИТИЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Кушнерова О.Н.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. Система профессионального обучения за триста с лишним лет претерпела множество преобразований. Наиболее сложный период пришелся на конец 1990-х и начало 2000-х годов, когда в меняющихся экономических условиях квалифицированные рабочие и специалисты среднего уровня становились невостребованными. Сегодня для ускоренного развития Дальнего Востока и всей реальной экономики нужны специалисты с новыми рабочими компетенциями и поэтому к их профессиональной подготовке предъявляются достаточно высокие требования. В статье приведен анализ современной ситуации, сложившейся на рынке рабочих специальностей в Хабаровском крае, рассмотрены основные направления и перспективы развития среднего профессионального образования на территории дальневосточного региона.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, колледжи, техникумы, система профессионального обучения, квалифицированные рабочие специалисты среднего звена, образовательные кластеры, профессионалитет.

DEVELOPMENT OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION (USING THE EXAMPLE OF THE KHABAROVSK TERRITORY)

Oksana N. Kushnerova

Pacific National University

Abstract. The vocational training system has undergone many transformations over more than three hundred years. The most difficult period occurred at the end of the 90s and the beginning of the 2000s, when, in changing economic conditions, skilled workers and mid-level specialists became unclaimed. Today, for the accelerated development of the Far East and the entire real economy, specialists with new working competencies are needed and therefore quite high demands are placed on their professional training. The article analyzes the current situation in the market for blue-collar jobs in the Khabarovsk Territory and examines the main directions and prospects for the development of secondary vocational education in the Far Eastern region.

Keywords: secondary vocational education, colleges, technical schools, vocational training system, qualified mid-level workers, educational clusters, professionalism.

Введение. Первые школы профессионального образования в России появились в начале XVIII века при Петре I. Главной целью этих учебных заведений была подготовка специалистов для государственных учреждений, армии и флота. Впоследствии стали открываться школы, которые готовили квалифицированные кадры для промышленности, медицины, торговли, образования.

Целостная система профессионального образования в России сформировалась в 80–90-е годы XIX века и была признана лучшей в мире. Эта система оперативно отвечала на запросы и потребности страны того времени [1].

В советское время получить рабочую профессию и начать трудовую деятельность с ранних лет было очень популярно и даже почетно.

В 90-е годы XX столетия поменялся политический строй, в стране произошли масштабные

изменения. В постсоветское время стало модным переименовывать техникумы в колледжи, при этом особо не заботясь об изменении самой системы подготовки профессиональных кадров в соответствии с новыми веяниями. Большинство колледжей финансировались по остаточному принципу. Выпускники техникумов и колледжей не всегда могли устроиться по специальности, а кому это удавалось получали довольно скромные зарплаты. В ссузы, в основном, шли те ребята, которые слабо учились в школе и считались «трудными» подростками. В итоге, сочетание всех этих факторов привело к снижению престижа рабочих специальностей и, что вполне естественно, к значительному сокращению количества абитуриентов.

Обсуждение. Результаты. К началу XXI века произошли серьезные структурные изменения в экономике, стали появляться новые профессии с запросом на новые знания и умения. Начал

формироваться новый рынок труда, где требовались новые компетенции. В этой связи, обнаружилась острая проблема нехватки кадров среднего звена и встал вопрос о преобразовании системы профессиональной подготовки с применением новых нестандартных подходов.

Благодаря работе, проведенной правительством в сфере СПО, удалось серьезным образом переломить неблагоприятную ситуацию, связанную с нежеланием молодежи поступать в колледжи и техникумы. Был разработан целый ряд мероприятий, направленных на модернизацию и развитие средних специальных учебных заведений, с целью повышения их привлекательности и улучшения качества обучения. В ст. 68 федерального закона ФЗ-273 от 29.12.2012. (с изм. и доп. от 01.01.2024) четко прописана миссия среднего профобразования: «Среднее профессиональное образование направлено на решение задач интеллектуального, культурного и профессионального развития человека и имеет целью подготовку квалифицированных рабочих или служащих и специалистов среднего звена по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, а также удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования» [2].

Современное поколение молодежи подходит к выбору учебного заведения достаточно осознанно, тем более, что сейчас наличие диплома о высшем образовании не является основным конкурентным преимуществом как для молодежи, так и для работодателей, а в приоритете – это получение реальных навыков, опыта и желания много работать.

Сегодня можно наблюдать своеобразную конкуренцию между университетами и СПО за будущих абитуриентов. И в этом соперничестве кол-

леджи нисколько не уступают вузам. Обучение в колледже уже не считается каким-то «второсортным», а на некоторые специальности отмечается даже конкурс. Так, по данным опроса SuperJob [3] в 2021 году количество выпускников, которые хотели поступить не в высшие, а именно в средние профессиональные учебные заведения возросло более, чем в 2,5 раза. У современных подростков нет культа высшего образования, они, в отличие от большинства их родителей, более прагматичны. Их цель – это реальная профессия и ускоренный выход на рынок труда.

В условиях внешних угроз и санкционного давления необходимо использовать весь ресурсный потенциал для ускоренного развития отечественной промышленности. В этой связи, большие надежды связывают с дальневосточными регионами России.

Хабаровский край в настоящее время является территорией опережающего социально-экономического развития. Структура его экономики многопрофильна, она основана на развитом промышленном производстве и широкой инфраструктуре транспортных магистралей.

Базисом для ускоренного развития экономики региона является эффективная система профессионального образования. Регион является одним из ведущих центров подготовки кадров в ДФО и занимает лидирующие позиции в процессах синхронизации системы профобразования с экономическими потребностями региона и запросами работодателей. По данным Хабаровского краевого института развития профессионального образования [4], потребность в квалифицированных кадрах будет только расти в связи с активным развитием экономики Дальнего Востока (табл. 1).

Таблица 1

Дополнительная потребность в выпускниках организаций СПО, чел.

Наименование отраслей	2022–2025
Здравоохранение	944
Информатика и вычислительная техника	1662
Культура и искусство	654
Металлургия, машиностроение и металлообработка	1246
Образование и педагогика	799
Строительство	3320
Сфера обслуживания	1808
Транспортные средства	3627
Экономика и управление	3522
Электротехника, радиотехника и связь, энергетика	1343

В Хабаровском крае в текущем году обучение проходит в 29 профессиональных образовательных организациях по 73 профессиям среднего профессионального образования. В колледжах и техникумах региона обучается свыше 30 тыс. человек и в последние годы наметилась положи-

тельная тенденция роста количества студентов, получающих образование в средних профессиональных заведениях края (табл. 2).

Между тем, рост количества выпускников колледжей и техникумов не удовлетворяет потребно-

сти в квалифицированных кадрах большинство ведущих, а также небольших предприятий края. Дефицит таких работников наблюдается во всех Дальневосточных регионах. Тем не менее, одной из проблем для СПО до недавнего времени была проблема трудоустройства выпускников. По данным Росстата, в 2021 году более 30 % выпускников с дипломами средних профессио-

нальных заведений находились в статусе безработных.

По мнению Т.Н. Блиновой и А.В. Федотова [6], существует некоторая диспропорция между реальными потребностями экономики Дальнего Востока в рабочих кадрах и их подготовкой в колледжах и техникумах (табл. 3).

Таблица 2

Численность обучающихся студентов, тыс. человек (на начало уч. года)

2019/2020	2020/2021	2021/2022	Изменение 2022/2020	
			абс., +/-	отн., %
Подготовка квалифицированных рабочих, служащих				
6,1	6,4	6,6	+0,5	108,2
Подготовка специалистов среднего звена				
28,1	29,5	30,5	+2,4	108,5

Составлено автором по данным Росстата [5].

Таблица 3

Показатели занятости и безработицы по уровню образования в Хабаровском крае на конец 2021 года, в % к итогу

высшее	среднее профессиональное, всего	из него по программам подготовки	
		специалистов среднего звена	квалифицированных рабочих и служащих
Занятые			
30,8	44,6	25,2	19,1
Безработные			
18,7	35,2	19,5	15,7
Распределение выпускников по каналам занятости			
Были направлены на работу			71,9
Были призваны на военную службу			12,4
Решили продолжить обучение			7,4
Находились в отпуске по уходу за ребенком			3,6
Трудоустроились самостоятельно			4,7

Составлено автором по данным [5].

Однако министр образования и науки Хабаровского края Виктория Хлебникова на заседании Госсовета РФ по направлению «Образование» в 2023 году отметила, что сейчас процент трудоустройства выпускников средних профессиональных заведений в Хабаровском крае выше, чем в среднем по стране и составляет более 72 % [7].

В настоящее время среднее профессиональное образование находится под пристальным вниманием государства. Разработанная государственная Программа социально-экономического развития Дальнего Востока № 2664-р от 24.09.2020 г., сроком до 2035 года, предусматривает поэтапную реализацию мероприятий, направленных на создание привлекательных условий для обучения современным рабочим специальностям. Сегодня каждый колледж имеет свое направление профессиональной подготовки (профиль). Согласно профилю, осуществляется оснащение или модернизация материально-технической базы, актуализируются образовательные программы, а управленческие и

педагогические работники обязаны проходить курсы для повышения своих профессиональных компетенций.

С 2022 года в крае запущена новая модель отраслевой подготовки кадров согласно федеральному проекту «Профессионалитет». Главные задачи проекта – создание современных практикоориентированных комплексов в системе профобразования. И здесь, активными участниками в подготовке молодых специалистов являются партнеры-работодатели, которые не только предоставляют свои производственные мастерские, привлекают своих работников к наставничеству на производстве, но и становятся инвесторами в процессе софинансирования национального проекта «Образование».

В 2023 году на территории края участниками проекта «Профессионалитет» стали четыре образовательно-производственных центра:

– Губернаторский авиастроительный колледж (г. Комсомольск-на-Амуре);

– Хабаровский техникум железнодорожного транспорта;

– Хабаровский педагогический колледж имени Героя Советского Союза Д.Л. Калараша;

– Хабаровский технологический колледж.

Осенью 2024 года к участию в проекте «Профессионалитет» готовятся стать еще два колледжа:

– Хабаровский колледж водного транспорта и промышленности;

– Хабаровский технологический колледж.

Заключение. Таким образом, анализируя все те изменения, которые произошли в последнее десятилетие после начала преобразований в системе образования и, в частности, среднего специального образования, наметились определенные положительные результаты. Существенно изменилось отношение к системе профессионального образования в крае. Обучение в колледжах и техникумах меняется согласно региональной производственной специфики, под за-

просы работодателей открываются новые направления подготовки в соответствии с новыми образовательными и профессиональными стандартами – ФГОС и WorldSkills. Рост спроса на специалистов среднего звена и рабочих специальностей создало тенденцию к ежегодному увеличению бюджетных мест за счет региональных средств. Продолжается активная работа по созданию образовательно-производственных кластеров в Хабаровском крае, которая, по мнению министра В. Хлебниковой, должна привести к запуску краевого проекта «Региональный профессионалитет» [7].

Важно также, что сами колледжи и техникумы заинтересованы в обеспечении прикладного характера подготовки и к максимальному приближению образовательных методик к реалиям производственного процесса. Руководители средних профессиональных учреждений тесно сотрудничают с непосредственными работодателями, формируя определенную управленческо-производственную структуру обучения, разрабатывая новое содержание образовательных программ и создавая новые учебно-производственные центры.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Щеглова Т.М. Развитие системы отечественного среднего профессионального образования. URL : <https://cyberleninka.ru>
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). URL : <https://www.consultant.ru/document>
3. SuperJob. URL : <https://www.superjob.ru/research/articles/112739/16>
4. Профессиональное образование. Министерство образования и науки ХК. URL : <https://minobr.khabkrai.ru>
5. Регионы России. 2022. URL : <https://rosstat.gov.ru>
6. Оценка соответствия структуры подготовки специалистов среднего звена кадровым потребностям экономики Дальневосточного федерального округа. URL : <https://www.po-rt.ru/articles/1935>
7. Процент трудоустройства выпускников техникумов в Хабаровском крае. Рамблер новости. URL : <https://news.rambler.ru/education/50179533>

References:

1. Shcheglova T.M. Development of the system of domestic secondary vocational education. URL : <https://cyberleninka.ru/>
2. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ (as amended on December 25, 2023) «On Education in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on April 01, 2024). URL : <https://www.consultant.ru/document>
3. SuperJob. URL : <https://www.superjob.ru/research/articles/112739/16>
4. Professional education. Ministry of Education and Science HC. URL : <https://minobr.khabkrai.ru>
5. Regions of Russia. 2022. URL : <https://rosstat.gov.ru>
6. Assessing the compliance of the structure of training of mid-level specialists with the personnel needs of the economy of the Far Eastern Federal District. URL : <https://www.po-rt.ru/articles/1935>
7. Percentage of employment of technical school graduates in the Khabarovsk Territory. Rambler news. URL : <https://news.rambler.ru/education/50179533>

Информация об авторе

Кушнерова Оксана Николаевна
старший преподаватель
Высшей экономической школы,
Тихоокеанский государственный университет
kushka71@mail.ru

Oksana N. Kushnerova
Senior Lecturer
at the Higher Economic School,
Pacific State University
kushka71@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-37>

УДК 316

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ма Жуйяо¹, Кошокова С.Я.²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

²Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. В данной статье поднимается такая важная составляющая деятельности любого государства, как социальная политика. Цель статьи: проанализировать подходы двух мировых держав – России и Китая – к социальной политике и на примере социальной поддержки и социального обеспечения граждан пожилого возраста показать все плюсы и минусы проводимой РФ и КНР социальной политики. В статье использовались следующие методы исследования: метод проблемного анализа, аналитический метод, сравнительно-сопоставительный метод. Результаты исследования показали, что вопрос социальной защиты граждан является актуальной темой как для России, так и для Китая, поскольку в конце XX века обе страны столкнулись со старением населения. Однако, круг проблем настолько широк, что решить их быстро и качественно не получается. Автор статьи делает вывод, что хотя в принципах работы с пожилыми людьми в двух странах можно выявить и существенные различия, Россия и Китай считают, что социальная сфера государственной политики должна стать приоритетной.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, социальная поддержка пожилого населения, Россия, Китай.

SOCIAL POLICY OF RUSSIA AND CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS

Ma Ruiyao¹, Saniyat Ya. Koshokova²

¹Lomonosov Moscow State University,

²Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. This article raises such an important problem of any state's activity as social policy. The purpose of the article is to analyze the approaches of two world powers – Russia and China – to social policy and to show all the pros and cons of social policy conducted by Russia and China on the example of social support and social security of elderly citizens. The following research methods were used in the article: problem analysis method, analytical method, comparative-comparative method. The results of the study showed that the issue of social protection of citizens is an urgent topic for both Russia and China, because at the end of the twentieth century both countries faced the aging of the population. However, the range of problems is so wide that it is not possible to solve them quickly and qualitatively. The author of the article concludes that although significant differences can be identified in the principles of work with the elderly in the two countries, Russia and China believe that the social sphere of state policy should become a priority.

Keywords: social policy, social state, social support of the elderly population, Russia, China.

Введение. Важнейшим направлением деятельности любого государства является проведение социальной политики, реализация которой повысит эффективность политической и экономической системы страны и ее различных составляющих. Социальная политика – это деятельность, направленная на управление социальным развитием общества, совершенствование социальной сферы государства, обеспечение социальных потребностей населения (как отдельных индивидов, так и социальных групп) [4, с. 11].

А.Ю. Трескова под социальной политикой понимает комплекс специальных мер и мероприятий, направленных на поддержание благосостояния

населения страны. Социальная политика как неотъемлемая часть внутренней политики государства затрагивает социальные интересы и проблемы различных слоев населения и социальных групп, которые требуют помощи и поддержки со стороны государства в лице различных социальных институтов [6, с. 379].

Основными направлениями социальной политики являются:

- регулирование демографических процессов;
- повышение уровня жизни граждан, их материального благосостояния;

– борьба с бедностью и поддержка незащищенных слоев населения;

– сокращение безработицы; улучшение жилищных условий и др.

Результаты.

Построение в России социального государства началось в 1993 году с принятия новой Конституции. Статья 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [3].

Принятая всеобщим голосованием Конституция, узаконила социальные ценности (такие как охрана труда и здоровья граждан, гарантированная заработная плата, государственная поддержка семей, защита материнства и детства, защита и поддержка инвалидов и пожилых людей и др.), на основе которых и стала формироваться социальная политика государства.

В период с 1993 по 2004 годы был проведен ряд важных реформ, полностью изменивших организацию социальной политики в России. Создание социального государства проходило в два этапа – законодательное закрепление и практическая реализация мер социальной политики.

За годы, прошедшие после распада СССР, была создана система фондов медицинского страхования (1993), система социальной реабилитации инвалидов (1995). В 2001 году была реформирована пенсионная система, перейдя от распределительной к накопительной. В 2004-2006 годах была проведена монетизация социальных выплат льготным категориям граждан.

Таким образом, в постсоветский период в России была предпринята попытка создать социальное государство, призванное защищать социальное благополучие своих граждан [6].

Однако, несмотря на то что Конституция провозглашает Россию социальным государством, реальная ситуация в стране не в полной мере отвечает критериям социального государства.

В современной Российской Федерации существуют следующие проблемы в области социальной политики.

Во многих регионах Российской Федерации самой серьезной остается проблема бедности. Как гласит статистика, в провинциальных городах России и в сельской местности почти 14 % населения живет за чертой бедности, несмотря на то, что большинство граждан имеют постоянную работу. Причина этого явления заключается в том, что социальная помощь в России ориентирована на ограниченное число конкретных групп населения (инвалидов, пенсионеров, ветеранов и т.д.) и не учитывает доходы не льготных категорий граждан.

Также, в России отсутствует система перераспределения доходов между богатыми и бедными, в результате чего Россия признана страной с самым высоким уровнем неравенства между гражданскими слоями населения.

Вышеназванные факторы являются основополагающей причиной понижения уровня рождаемости, что ставит во главу угла демографическую проблему. Несмотря на то, что государство активно стимулирует рождаемость (ввело систему выплат по беременности и родам, существенно повысило ежемесячные пособия на детей, уже много лет в России выдаются сертификаты на получение материнского капитала и т.д.), оно не в состоянии обеспечить адекватную поддержку семьям на протяжении всего процесса воспитания детей.

Кроме того, непоследовательность экономических реформ привела к поляризации российского общества и появлению новых групп граждан, нуждающихся в социальной помощи.

В целом, социальная политика современной Российской Федерации не представляет собой единой стратегии. Хотя Россия и пытается создать социальное государство, социальная российская система носит эклектичный характер, сочетая в себе старые и новые механизмы. Принятие решений в области социальной политики зачастую происходит спонтанно, а текущие политические и социальные изменения настолько быстро меняются, что у социальных служб и социальных институтов не всегда получается быстро на них реагировать.

В Китайской Народной Республике социальные проблемы страны были озвучены на XVII (2007) и XVIII (2012) съездах Коммунистической партии Китая. В контексте поставленной задачи – улучшение уровня жизни народа – в докладах, представленных на съездах, говорилось о необходимости «продвигать реформу социальной системы, расширять общественные услуги, улучшать защиту общественных интересов, способствовать установлению социальной справедливости, гарантировать образование, заработную плату, медицинское обслуживание, заботу о пожилых гражданах, решать проблемы с жильем, что, по мнению докладчиков, содействует созданию гармоничного общества» [5, с. 40].

И в то же время, перешагнув порог нового тысячелетия, Китай столкнулся с такими же проблемами, как и Россия. Вследствие изменений предыдущей структуры общества, в стране проявилась дифференциация между богатыми и бедными слоями населения; по данным на 2017 год 60 % населения Китая имели доход ниже среднего. Не стоит закрывать глаза и на проблемы в медицинском обеспечении, образовании, заработной плате, жилье, которые государство пытается решать по мере их поступления [5, с. 44]. С приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 году Китай взял курс на увеличение государственных расходов на здравоохранение, об-

разование, социальную защиту населения, снижение уровня бедности и других важных аспектов социальной политики.

В результате четко выверенных действий к началу 2021 года, как заявил председатель КНР, Китай одержал полную победу в борьбе с бедностью. согласно статистике, из состояния бедности были выведены 98,99 млн жителей, которые, в основном, проживали в сельской местности. Для сравнения, скажем, что в России число людей с более низкими доходами сократилось с 1,1 млн человек в 1990 году до менее чем 300 тыс. в последние годы.

Обсуждение.

Остановимся на одном из важных направлений социальной политики – на социальном обеспечении и социальной поддержке пожилого населения и рассмотрим, как реализуется оно на практике в РФ и КНР.

В России и Китае особо актуальным является направление социальной политики, связанное с социальной поддержкой пожилого населения, что вполне логично, потому что в конце XX века обе страны столкнулись с проблемой старения населения.

В России, имеющей довольно богатый опыт решения проблем пожилых людей, социальная политика в отношении граждан пожилого возраста реализуется через специальные программы, реализуемые сетью учреждений социального обслуживания и направленные на создание условий для повышения качества жизни граждан старшего поколения, а также через льготное медицинское обслуживание, широкую доступность образовательных и культурных услуг, возможность участия в досуговых мероприятиях и содействие активному образу жизни.

Государство также уделяет внимание вопросам занятости пожилых граждан, пытается решить проблему их финансовой и информационной грамотности, организуя курсы, развивает новые формы социального обслуживания [1, с. 80]. При этом, несмотря на то, что государство всячески старается индексировать пенсии, оно ввело систему льгот, компенсирует затраты пожилых граждан на отдельные виды услуг, периодически оказывает материальную поддержку одиноким пенсионерам, а гражданам, перешагнувшим восьмидесятилетний рубеж, назначало повышенную фиксированную выплату, материальное обеспечение пожилого населения в России оставляет желать лучшего.

К сожалению, ежегодная индексация пенсий не покрывает материальные затраты большинства пожилых граждан, и многие из них еле-еле сводят концы с концами.

Следует отметить и отрицательное воздействие на социальную группу граждан пожилого возраста пенсионной реформы от 03 октября 2018 го-

да. Согласно принятому Федеральному закону № 350-ФЗ, в период с 2019 по 2028 гг. постепенно будет увеличиваться возраст выхода на пенсию и на завершающем этапе составит 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин.

Основной причиной принятия этой меры называют тот факт, что население страны стремительно стареет, а взносы в пенсионный фонд от трудоспособного населения сокращаются, в результате чего дефицит пенсионного фонда приходится пополнять из бюджета, что сокращает инвестиции в развитие страны.

Однако в последнее время все чаще в России слышатся призывы к тому (в том числе и со стороны депутатов Государственной Думы), что эта реформа не оправдала себя и требует отмены, поскольку:

а) она приведет к увеличению безработицы (не всегда работодатели будут держать пожилого сотрудника, когда вокруг много молодых и энергичных кадров на эту должность);

б) она приведет к понижению производительности труда (после 55–60 лет у граждан начинаются серьезные проблемы со здоровьем);

в) большинство граждан России, особенно лиц мужского пола, может не дожить до назначения им пенсии по старости в новых условиях;

г) существует система льгот, предусматривающая досрочный выход на пенсию, обозначенный старыми возрастными рамками, в результате чего очень большой части населения России это нововведение не коснется;

д) за несколько лет проведения реформы дефицит бюджета на выплату пенсионных пособий по-прежнему сохраняется.

Таким образом, российская социальная политика в отношении граждан пожилого возраста, анонсированная государством, не лишена ошибок.

В Китае система социальных служб и пенсионного обеспечения граждан преклонного возраста пока еще не так развита, как в России, а находится в стадии становления, в связи с чем «престарелые китайцы, нуждающиеся в уходе, зачастую, могут рассчитывать лишь на помощь детей и других родственников, а также соседей и обшин» [1, с. 80].

На государственное пенсионное обеспечение могут рассчитывать не все пожилые китайцы, а только те, кто работал в государственных учреждениях или на государственных предприятиях. В КНР нет социальных пенсий, назначаемых, как в России, гражданам, которые не работали. Да и сами государственные пенсии, даже по сравнению с таковыми в России, крайне низкие.

В Китае, как и в России, многие граждане продолжают свою трудовую деятельность и в пре-

клонном возрасте. Только в Российской Федерации этот факт, чаще всего, связан с небольшой по размерам пенсией, а в КНР граждане работают, потому что хотят приносить пользу государству. Да и самим государством продолжение трудовой деятельности пенсионерами поддерживается, что заключается в разработанной системе льготных мер в области налогообложения, предоставлении кредитов пожилым и даже престарелым людям, которые хотят вести профессиональную деятельность.

В КНР помощь пожилым людям (материальную, организационную и др.) оказывают и общественные организации. Так, в каждом поселении есть совет, в который входят представители органов власти, КПК, частные предприниматели, меценаты. Нуждающийся в помощи пожилой китаец имеет право подать заявление в такой совет, и в большинстве случаев он получит помощь. Такой общинный способ заботы о престарелых людях заменяет семейную опеку в тех случаях, если пожилые граждане КНР не имеют семьи и родственников [1, с. 81].

В конце февраля 2021 года заместитель министра здравоохранения и социального обеспечения Китая Юй Цзюнь объявил о том, что власти страны приняли решение о постепенном повышении пенсионного возраста, который сейчас составляет 55 и 60 лет для женщин и мужчин соответственно, до 70–75 лет, что поможет полностью использовать человеческие ресурсы страны и улучшить систему социального обеспечения. По мнению китайских социологов, отчасти, это связано с проводимой Китаем в период с 1979 по 2015 гг. политикой «одна семья – один

ребенок», в результате которой пожилое население страны выросло, а численность рабочей силы, напротив, сократилась.

Согласно исследованию Китайской академии общественных наук, пенсионный фонд страны может иссякнуть к 2035 году, если китайское правительство не изменит свою пенсионную политику. Как заявил премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, пенсионный возраст в Китае, как и в России, будет повышаться постепенно, с 2021 по 2025 гг. Чиновник также добавил, что власти намерены работать над достижением нужного уровня рождаемости и собираются улучшать систему социального обеспечения [2].

Заключение.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что специфика китайской и российской социальной политики зависит от уровня экономического развития стран, их социально-политического устройства, а также от национально-культурных особенностей, хотя, несмотря на различные механизмы реализации социальной политики, нельзя не отметить и некоторые общие тенденции. Прежде всего, КНР и Россия считают, что социальная сфера государственной политики должна стать приоритетной. При этом различные формы поддержки и защиты населения обеих стран должны опираться не только на государственные структуры, но и на волонтерские группы, бизнес, общественные организации. По сути, социальная политика – это то направление, которое требует совместного, коллективного взаимодействия всех сфер общества в решении стоящих перед ним проблем.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Подходы и направления социальной политики в условиях старения населения: специфика России, КНР и США / Т.Е. Бейдина [и др.] // Вестник ЗабГУ. 2017. Т. 23. № 7. С. 74–85.
2. Власти Китая сообщили детали повышения пенсионного возраста. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6041e5779a79477cb0c3575c>
3. Конституция Российской Федерации (от 12.12.1993). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
4. Маргулян Я.А. Социальная политика. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. 236 с.
5. Социальная политика в России и Китае / Под ред. З.Т. Голенковой. М. : Новый хронограф, 2016. 528 с.
6. Трескова А.Ю. Социальная политика в Российской Федерации / А.Ю. Трескова // Молодой ученый. 2024. № 5(504). С. 379–380.

References:

1. Approaches and directions of social policy in the context of population aging: the specifics of Russia, the PRC and the USA / T.E. Beidina [et al.] // Bulletin of Transbaikal State University. 2017. Vol. 23. № 7. P. 74–85.

2. Chinese authorities have announced details of the pension increase. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6041e5779a79477cb0c3575c>
3. Constitution of the Russian Federation. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
4. Margulian Y.A. Social policy. SPb. : Publishing house of St. Petersburg University of Management and Economics, 2011. 236 p.
5. Social policy in Russia and China / Edited by Z.T. Golenkova. M. : New Chronograph, 2016. 528 p.
6. Treskova A.Yu. Social policy in the Russian Federation / A.Yu. Treskova // Young scientist. 2024. № 5(504). P. 379–380.

Информация об авторах

Ма Жуйяо

студент 4 курса бакалавриата
социального факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
maruiyao0805@qq.com

Кошокова Саньят Январбиевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и политологии,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
sumerki7@yandex.ru

Ma Ruiyao

4th year Undergraduate
Student of the Social Faculty,
Lomonosov Moscow State University
maruiyao0805@qq.com

Saniyat Ya. Koshokova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Political Science,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
sumerki7@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-13>

УДК 316

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНЫЙ КРЕДИТ И РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ

Мартыненко В.В.

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук*

Аннотация. Статья посвящена анализу российских реформаторских практик в контексте разрабатываемой автором теории социального кредита. Как отмечает автор, проблемы наших реформ наталкивались и наталкиваются на понимание того, какими моделями мы оперируем в своей реформаторской деятельности, на понимание элементов этой модели, призванных ответить на вопросы: И что такое государство, и что такое налоги, и что такое общество? Иногда реформаторы забывают об интересах будущих поколений, не осознавая, в рамках какой модели следует строить экономическую политику. Именно здесь и возникает проблема анализа кредита как доверительного акта, который соединяет усилия субъектов экономической деятельности, соединяет членов общества. Социальный кредит – это обустройство общества, это структура общества. Теория социального кредита как раз и является такой научной моделью для реализации реформаторских проектов. Автор обосновывает ее в новой научной дисциплине – кредитологии, дающей инновационный анализ философско-социологической проблематики государства и государственных сообществ, восстанавливающей осмысленность кредитной экзистенции homo politicus. При разработке теории социального кредита мы подчеркиваем, что любые взаимоотношения в обществе носят кредитный, доверительный характер: не опускаясь до кредита как экономического инструмента, эти взаимоотношения представляют собой более глубокую социальную композицию. В этой связи важно дать по-настоящему современное прочтение учения о соотношении социального кредита и денежной реформы: анализ основных его мотивов сосредоточен на проблемах, которые стали ключевыми уже давно.

Ключевые слова: кредит, государство, общество, реформа, экономика, деньги, финансы.

SOCIAL CREDIT AND RUSSIAN REFORMS

Vladimir V. Martynenko

Federal Research Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian reform practices in the context of the theory of social credit developed by the author. In general, the problems of our reforms have encountered and are encountering an understanding of what models we use in our reform activities, an understanding of the elements of this model designed to answer the questions: what is the state, what are taxes, and what is society. Sometimes reformers forget about the interests of future generations, not realizing within which model economic policy should be built. This is where the problem of analyzing credit as a trust deed arises, which unites the efforts of economic entities, connects members of society. Social credit is the organization of society, it is the structure of society. The theory of social credit is just such a scientific model for the implementation of reform projects, the author substantiates it in a new scientific discipline – creditology, which provides an innovative analysis of the philosophical and sociological problems of the state and state communities, restoring the meaningfulness of the credit existence of homo politicus. Developing the theory of social credit, we emphasize that any relationship in society is of a credit, trust-based nature, without stooping to credit as an economic instrument, these relationships represent a deeper social composition. In this regard, it is important to give a truly modern interpretation of the doctrine of the relationship between social credit and monetary reform: the analysis of its main motives focuses on problems that have become key in recent centuries.

Keywords: credit, state, society, reform, economy, money, finance

Введение. Научное обсуждение проблематики российского реформирования упирается в проблему его смысла: Ради чего, собственно, проводятся реформы? Не ради же самих реформ! Они осуществляются с целью получения тех

социальных результатов, которые закладываются в их основание. А любой результат мыслится и прогнозируется в рамках той модели, выбор которой позволяет работать в реформируемом сообществе.

И все проблемы политических, экономических, в том числе денежных и тому подобных реформ, начиная со времен Российской империи, кончая советским и современным периодами времени, наталкивались и наталкиваются на понимание того, какими моделями мы оперируем в своей реформаторской деятельности и что в рамках этих моделей можем реализовать.

Так, в советское время существовали различные модели отказа от денег, которые приводили и к инфляции, и к натуральному обмену; модели постсоветского периода, связанные с развалом экономики, бартерами и другими негативными явлениями, исходили из определенного понимания, которое в тот период вкладывалось в понятие «государственности», в понятие «логистика государственных процессов и социальной жизни». Но исследователи подобных явлений слабо осознают, что к их оформлению относится феномен и терминология страховки. Речь идет о перераспределении социальных платежей, как бы их ни называли – «формирующими бюджет» или «страховыми» платежами. По сути, государство как страховая компания перераспределяет их в интересах тех или иных выгодополучателей. И это имеет непосредственное отношение к реформаторской активности. Говорится, что все реформы вроде бы идут у нас или сверху, или снизу, но, на самом деле, они идут непонятно откуда. А это всегда упирается в ситуационную модель, в понимание ее элементов: и что такое государство, и что такое налоги, и что такое общество.

Обсуждение. Сейчас многие любят употреблять терминологическую конструкцию «институты гражданского общества», при этом мало кто понимает, что такое «институты», что такое «гражданское», что такое «общество». Чаще всего, такие терминологические конструкции обсуждают на уровне эмоций, метафор или каких-то фантазий о должном: типа «государство должно», «государство обязано» или, как провозглашают коммунисты, «у нас и то должно быть бесплатно, и то должно быть бесплатно», хотя и они понимают, что за бесплатное все платят.

Любая льготная программа государства – это только красивое название, а финансируется она за счёт других программ. Вся проблема заключается в том, что государство распределяет свой бюджет в пользу одних членов общества за счёт других; формально у государства есть функция, как у страховой компании, перераспределить средства в пользу тех, кого застраховали. При необходимости стимулировать какие-то экономические начинания, государство вынуждено это делать без общего ситуационного моделирования, без понимания, какими могут быть последствия реализации таких моделей. Но проблема заключается в том, что реформаторы не учитывают индекс этого моделирования, не понимают, в рамках какой модели общества, государства и функционирования экономики мы действуем. И самая плохая черта сегодняшней ситуации за-

ключается в следующем: нет понимания, что экономические субъекты разделены за счёт разных режимов в налогообложении.

С одной стороны, вроде бы – это стимулирующие налоговые преференции, с другой – они разрезают всё экономическое поле государственной экономики или российской экономики. То есть, условно говоря, даже посредством налога на добавленную стоимость (НДС) поле экономики разрезается: одни организации этот налог платят, а другие – нет. При таком положении дел организации не могут взаимодействовать между собой, потому что нет непрерывности экономического пространства, нет соединения их экономической деятельности. В качестве примера можно привести отмену налога на добавленную стоимость для IT-компаний. Если сегодня крупная организация планирует заключить с IT-компанией договор, она фактически должна ещё раз уплатить за неё НДС. То есть, весь расход на программное обеспечение ещё должен облагаться двадцатипроцентным налогом. Именно это есть следствие уже упоминавшийся, как бы, разрезанности экономического пространства. Поэтому следует еще и еще раз продумать, как всё свести к единому базису, чтобы не было подобных разрывов и провалов в экономике. Как говорится, «благими намерениями вымощена дорога в ад». Так и здесь: власти предоставляют определенные преференции конкретным компаниям, а о том, что это наносит вред единому экономическому пространству, никто не думает. Об интересах будущих поколений забывают, не понимая, в рамках какой модели следует строить экономическую политику. Именно здесь и возникает проблема анализа кредита как доверительного акта, который соединяет усилия субъектов экономической деятельности, соединяет членов общества.

Теория социального кредита, как раз, и является такой научной моделью для реализации реформаторских проектов. Мы обосновываем её в новой научной дисциплине – кредитологии, дающей инновационный анализ философско-социологической проблематики государства и государственных сообществ, восстанавливающей осмысленность кредитной экзистенции homo politicus.

Сам кредит – это баланс всей человеческой мысли и деятельности; он представляет собой не только социальный предикат, но и социальный субъект, выступая своего рода экспертом реформаторских практик. В этом смысле, кредит есть мера, происходящих в обществе изменений, преобразований, реформ. По сути, кредит выдает метрику обществу, конституирует алгоритм реформирования.

С помощью определенных категорий кредитологии (баланс и т.д.) воспроизводится почти математически точная мера социальных явлений, выстраивается система показателей и больших данных, которые характеризуют структурное со-

отношение или подвижное равновесие в постоянно изменяющейся социальной целостности. Эта мера выражает динамическое единство качественной и количественной определенностей социального объекта, схватываемых кредитным разумом и переосмысливаемых реформаторскими установками.

В истории мысли не раз предпринимались попытки уточнить социальный статус кредита, его нормативную структуру; не раз пересматривались методологические приоритеты его исследования. Однако при этом сам кредит страховал свою культурно-историческую идентичность, реформаторский код.

Теоретический каркас кредитологии актуализируется в условиях жёсткого противостояния политических систем в современном мире. Правда, сама его актуализация осмысливается сегодня в довольно мифологической тональности – например, в суждениях об институциональной риторике как условии удержания политического пространства, интенсивном сворачивании политического поля России. Но такая мифология далека от понимания сущности политического. Она сводится, по сути, к представлениям об определенных политических технологиях, которые, если основываться на узкой их трактовке, вряд ли смогут налаживать социальные связи, структурировать реформаторский процесс.

Государство – это не просто определенная форма правления. В нашем представлении, государство – это политическая форма кредитной самоорганизации общества, обеспечивающая реализацию страховых возможностей экзистенциального порядка, осуществление реформаторских инициатив.

Фундаментальные изменения, своего рода, протореформы дают о себе знать уже на первых этапах формирования государства. Говоря о происхождении государства, важно указать на элементы, затрудняющие понимание устройства государственнообразующей и кредитообразующей активности первобытных народов.

Если мы проведем исследование уз кровного родства как таковых, мы обнаружим в них изначальную естественно-социальную форму кредитных связей, участвующих в реформировании политического строя древности.

Мы также выявим, притаившуюся на заднем плане, территориальную детерминанту, не только лежащую в основе проявления родственных чувств, но и являющуюся местом для поиска кредитных устоев. Именно на этом месте родственные чувства стали кредитными теоретиками.

Абстрактно разделенные непроходимой пропастью, два типа союзов – союз соседей и союз родственников – в действительности, переплетаются друг с другом, задавая тем самым кредитную ткань протосоциальности, ее структурных преобразований.

«Основная проблема происхождения государства заключается не в том, чтобы объяснить культбит, который древние народы сделали от системы управления, основанной на личных отношениях, к управлению, основанному только на территориальности. Вопрос скорее в том, чтобы показать, какие процессы укрепляли территориальные связи, которые следует признать не менее древними, чем принцип соперничества» [2, с. 84].

Государствообразующий потенциал древности можно обозначить и таким типом социальной активности, который сопряжен с деятельностью кредитных ассоциаций как групп, сплоченных общей целью в деле реформ. Эти группы включают в себя представителей разных семей и разных городов. В некоторых промежуточных ассоциациях осуществлялось кредитование одного лица другим; так, например, богатый человек мог купить своему сыну продвижение в высшую группу. В некоторых частях Южной Нигерии ни один человек не мог стать членом старшей группы – своего рода кредитного клуба, если он не мог предьявить голову убитого им врага. У полубанту этот клуб мог быть открыт для всех, кто готов заплатить вступительный взнос – прообраз некоей кредитной кассы, позволяющей финансировать преобразования.

«Едва ли потребуются тщательное исследование, чтобы убедиться в том, что эти многочисленные типы ассоциаций имеют очень разные влияния на развитие государственности. Остается, однако, с некоторой долей точности определить, какие ассоциации несут потенциально политический характер, а какие нет» [2, с. 91].

Потенциально, политический характер несут, прежде всего, кредитные или кредитоподобные ассоциации. В определенной мере, сходную роль играют, как показывают исследователи, тайные сообщества у некоторых племен суданских земледельцев: членство в этих сообществах является необходимой предпосылкой для вступления в брак, получения должности, участия в религиозной деятельности и даже для почетного погребения.

По сути, всё перечисленное можно отнести к предпосылкам переформирования социальной ткани. О кредитных структурах их деятельности свидетельствуют, в частности, операции с долгами. Так, новоявленные члены этих сообществ должны были отведать священного вещества, дать обет хранить в секрете все ритуалы, свидетелями которых они стали, и получить новое имя, которое автоматически снимает с них ответственность за сделанные под старым именем долги. Скажем, африканское племя экои не представляет собой строго монархической системы правления. Хотя их вождь – лишь номинальная фигура, как у их соседей, но основная власть находится в руках совета старейшин. Глава Эгбо – общества, соответствующего ассоциации, безусловно, самый могущественный

человек племени, поскольку ассоциация «узурпировала практически все функции правительства, сделала торговлю почти невозможной для не входящих и осуществляет глубокое влияние на религиозную и мистическую жизнь нации. Эго, например, наказывает за воровство, собирает долги от имени своих членов и осуществляет телесные наказания – порку кнутом неиницированных людей, оскорбивших организацию» [2, с. 100–101]. Кредитные связи вырастают из обязанностей членов племени оказывать взаимную помощь друг другу, что дает возможность преобразовывать племенное поле.

Результаты. Мы подходим к построению системы государства как системы «универсального конститутивного синтеза» (Эдмунд Гуссерль), позволяющего ухватить многомерные процессы формирования кредитным сознанием социальных, экономических, юридических, психологических, культурных целостностей, которые непосредственно сказываются на реформаторских процессах.

В границах указанной науки, мы выявляем условия возможности того, как думать кредитом и как думать кредит. Если перефразировать известное определение, то можно сказать, что сама политика есть искусство кредитно возможного.

Кредитология есть междисциплинарное научное знание, объединяющее практическую и прикладную философию, математическую философию и логику (в их социальном приложении), а также – целый комплекс социальных и гуманитарных наук, позволяющих всесторонне рассматривать реформаторский пейзаж общества.

Фундаментальной задачей самой философии, как практической, так и теоретической, является поиск единства мира; в решении этой задачи она совпадает с математикой.

Если говорить о социальных импликациях, то здесь во весь рост встает проблема поиска единства социального мира, единства социальных наук. В современных исследованиях эта тема нередко отходит на второй план, так как пока не удается найти своего рода монаду (понятие единого), служащую условием возможности социального знания, реформаторского целеполагания.

В результате многолетних исследований мы пришли к выводу о том, что такой монадой может служить понятие «кредит» – не в его обыденном, но в его теоретическом понимании – как методологического принципа, положенного в основание социальных теорий, как принципа взаимодействия различных научных дисциплин, направленных на постижение природы общества.

Кредит создает внутренние механизмы осуществления реформаторского акта. Это понятие служит объединяющей чертой все расширяющегося многообразия социальных теорий и концеп-

ций. Социальная интеллекция кредита ориентирует на формирование целостного взгляда не только в области социальной мысли, но и социальной практики, новых структур социального опыта, самой реформаторской активности; она удерживает социальные вещи в их политическом, страховом и денежном бытии.

Кредит – это не просто экономическая или финансовая операция. Если мыслить его социально-философски, то нетрудно усмотреть в нем способ генерации социальных связей, историю становления политической очевидности, явления государства, его реформаторских усилий.

В нашем представлении, государство – это политическая форма кредитной самоорганизации общества, обеспечивающая реализацию страховых возможностей экзистенциального порядка.

В то же время, государство – это и страховая конструкция, которая должна минимизировать социальные риски, распределять их и перестраховывать, а, следовательно, и преобразовывать общество. Сюда входят, например, риски от технологических катастроф, природных катастроф, голода и других бедствий.

В.И. Вернадский создавал кадастры и запасы семян, которыми мы до сих пор пользуемся. Даже во время войны их не использовали, потому что это была наша страховка с точки зрения реализации продовольственных программ.

Возможно, политика опережает сегодня другие формы осмысления социальной реальности, поэтому так важно отразить эти формы через структуры кредитной концепции.

Вопрос о политическом – это вопрос о некоей изначальной социальности, структуры которой позволяет понять обоснованная нами кредитная когнитивистика, открывающая социокод реформирования.

Кредитология представляет собой естественно-научную дисциплинарную матрицу, в сердцевине которой находится понятие доверия, включающее доверие общества к реформаторским начинаниям. К его анализу издавна обращалась философская мысль. Но в самих философских исследованиях разработка данного понятия не доводится до кредитного уровня, его связи с политическим пространством.

На самом деле, доверие – это потенциал развития общества, его продвижения по пути реформ. Оно представляет собой сознательную оценку социальных рисков и их страховку. Поэтому и возникают социальные группы, общины, выступающие гарантами этого доверия. Даже количество золота в монете – это тоже гарантия степени, величины кредитного инструмента, то есть контракта.

Отталкиваясь от политических установок, от критики социального статуса политики, мы попыта-

лись создать своего рода метрическую многомерную «геометрию» социального мира, представляющую его не только как объединение социальных субъектов, но и как сложное пространство с заданной мерой – «мерой общества», обобщающей в том числе и результаты измерения политического дискурса, конфигурацию реформ. Открытие такого пространства – это действие, которое требует реформы самой науки, перестройки предшествующей социальной теории в самом её фундаменте; требует заново научиться тому, что, собственно, может означать основание социальности. Именно в кредите мы находим такую основу для познания общества, на которую можно было бы положиться.

Предложенная нами уникальная гипотеза исходит из того, что только кредитные установки теоретического мышления позволяют сформировать адекватную модель общества. Поэтому, задумываясь о кредите, мы размышляем о тех внутренних глубинных условиях, которые должны существовать, чтобы социальный процесс вообще был возможен.

Кредит имеет отношение к вопросу: Как устроен социальный мир? Социальные и кредитные структуры проходят друг сквозь друга. Если мы имеем кредитное уравнение социальности, то мы познаем ее в совершенстве, эффективно реформируем.

Математическая логика способствует выявлению алгоритма коллективных решений кредитного уровня, которые могут справляться с задачами, непосильными для индивидуального сознательного поведения, предназначенными для усиления интенсивности социальных связей. Концепция кредита описывает естественно-когнитивный способ связи индивидуального и коллективного (используя термин Дэвида Блурра, это, своего рода, «когнитивный коллективизм» кредитного региона); даёт эпистемическую оценку кредитных практик, исходя из внутреннего дуализма – дуализма социальной механики прав и концепции поля обязанностей. Обязательства, обязанности необходимы для того, чтобы субъект мог стать коллективным и осуществить свои права. Кадастр баланса прав и обязанностей создаёт предпосылки для функционирования коллективного в динамике, а, следовательно, во времени истории.

Содержательно, эти структуры в нашей теории модифицируются, обретая статус специфических социальных групп. Динамический потенциал существования общества в истории всегда является обобщённым и векторным, определяющим альтруизм социальных субъектов. Положительные балансы их деятельности развивают само общество, стимулируют реформы, не требуя выполнения обязательств по предоставленным им правам, а только фиксируя их с возможностью исполнения в будущем.

Права и обязательства охватывают весь спектр многообразной деятельности – от культурологи-

ческого и интеллектуального до практического, знаниевого и фундаментально научного, включая и конфессиональные свободы. Человек кредитует только как социальное существо, а сам кредит, сформировавшийся исторически, требует своего обновления в каждый новый момент истории.

Кредитная рациональность предполагает социальность, а социальность невозможна без кредитной рациональности. Кредит открыт не отдельным субъектом, но коллективным разумом; он является результатом коллективного творчества. Сама коллективность представляется социальной общностью, описываемой теорией кредита как ее глубинного измерения.

Эта теория выявляет уникальные характеристики социальных взаимодействий, в результате которых проявляются свойства новой балансовой методологии социальных наук как совокупности приёмов и операций для построения фундаментальной системы социального баланса прав и обязанностей.

Каждый человек с момента своего рождения непосредственно включается в коллективную целостность. Способ его вхождения в коллективность определяется как раз уже его балансом прав и обязанностей, который со временем наполняется: сначала этот баланс нулевой, затем он становится отрицательным или положительным.

Кредитные установки важны и для развития политического сознания. Они дают возможность по-другому мыслить и политику, и общество, проникая в существо реформаторского действия. Искомая «мера» общества должна представлять собой универсальное правило социального взаимодействия. Другими словами, «мера общества» – это алгоритм, позволяющий в динамике измерять «расстояние» между социальными субъектами (их различными объединениями), а на пространстве между ними, совместно с заданной «арифметикой», фактически структурировать указанные объединения. Сам же алгоритм, как говорил академик А.Н. Колмогоров, означает, что теоретически мы пытаемся сделать то, что можно, – как нужно, и это своего рода образец того, как следует делать реформы.

В современных философских исследованиях начинает анализироваться проблематика социальных вычислений, но, когда знакомишься с результатами этих исследований, сразу возникает масса вопросов, например, в рамках какой социальной модели ведутся эти вычисления. Ведь, они ведутся для того, чтобы разрешить какую-то модель, получить определенный результат. Но сегодня нет модели, которая описывает социальность. И мы делаем первый шаг к построению такой модели.

В нашем представлении социальные связи – это кредитные функции, с которыми люди умеют работать. Например, и банковская система всего

мира, и все домохозяйства всегда считают балансы, свои взаимоотношения с партнёрами. Фактически, речь идет о балансовой модели социальности.

Дмитрий Менделеев, размышляя о свободе в своём духовном завещании будущим поколениям – книге «Заветные мысли», писал: «Признавая, что свобода в ее основах много приобрела от революций, утверждаю, что только развитие просвещения и промышленности её развило, развивает и развивать будет, от тирании предохранит, незыблемой поставит и права с обязанностями уравновесит» [3, с. 405]. И, добавим, на путь преобразований наставит. А система прав и обязанностей, структурированная во времени, и даёт нам сущность денег как социальной категории.

Баланс прав и обязанностей – как сущность «меры общества» – является основным правилом, его структурирующим. Это и позволяет выявить каналы кредитных связей, адекватно воспроизвести их в теории государства. Такой подход не позволяет нам воспринимать социальный кредит в упрощённом экономическом нарративе.

В обществе, в его истории есть некоторые упорядоченные структуры, которые мы называем кредитными. Они имеют свои законы жизни и существуют в зависимости от того, насколько интенсивные усилия совершают люди, чтобы эти кредитные структуры действовали объективно. Кредит – это словарь, социально выстраивающий мир, мир общества. А деньги – словарные статьи, наполняющие этот мир смыслом полноценного существования человечества.

Итак, философская сущность кредита представляет собой функцию взаимодействия социальных субъектов или их доверителей (банковский кредит – это простейший частный случай такого взаимодействия), в поле которого и рождаются реформаторские идеи.

Или возьмём другой пример – рутинный «подходный налог». В идеале, он предназначен для страхового стимулирования возможностей социальных субъектов, баланс прав и обязанностей которых по отношению к общественному балансу отрицательный. Прописные русские пословицы: «С миру по нитке – бедному рубаха», «Мир по слюнке плюнет, так море», «Полено к полону – и дрова», «По капельке море, по воложке (былинке) стог, по зёрнышку ворох» и другие контаминируют страховые заряды (смыслы).

Линию вертикальных взаимосвязей, структурирующих общество в динамике, то есть во временном диапазоне жизни социальных субъектов, выражает социальная страховка, которую можно рассматривать и как политический институт общества, и как способ защиты преобразований. Тогда глобализация (не в её вульгарном проявлении как экспансии «золотого миллиарда») представляется перестраховочным институтом, структурирующим эти локальные пучки верти-

кальных взаимосвязей, которые проявляются в протоколах международных договоров. А они и есть суть страхового задела человечества.

Кредит и страховка проецируются друг на друга, формируя самих себя, развивая и дополняя.

Политика как социальный институт (а фактически – набор социальных институтов страхования и перестрахования) страхует горизонтальные кредитные отношения, которые выстраивают между собой социальные субъекты.

Различные примеры страховых проекций на текущие жизненные ситуации в государственном управлении в нашем описании и в реалиях практической философии представлены в различных видах: табеля о рангах, систем награждения, пенсионных накоплений, налоговых и других платежей. Эти примеры страховых конструкций мы артикулировали, чтобы читатели чётче могли осознать и представить себе вертикальные скрепы политического в обществе, дающие свой профиль реформ.

Классическое правило жизни общества – разделение властей – представляется простейшим примером страховки социальных горизонтальных связей, структурирующих общество. Социальные институты используют это правило, чтобы хоть как-то контролировать страховую жизнедеятельность общества. Правда, получается это не каждый раз; иногда случаются катаклизмы и революции различной этимологии.

В международных отношениях и политике кредитное поле выстраивалось такими страховыми и перестраховочными институтами, которые позволяли минимизировать риски техногенных катастроф и социальных конфликтов.

Корреспондентские отношения между государствами – это страховка различных социальных групп, а сами межгосударственные отношения являются перестраховочными инструментами, которые должны использоваться при возникновении различных катаклизмов. Такие перестраховочные механизмы предохраняют от того, чтобы действовало право сильного. Страховые суперпозиции можно назвать кредитным государством, которое конструирует страховку и перестраховку так, чтобы не нарушались социальные связи. Социальная страховка выстраивает законодательную базу, формирует резервную среду, накапливает средства для поддержания социальных связей.

Кредитология открывает путь к разрешению важнейшего вопроса современной практической философии – взаимоотношениям коллективного и индивидуального. Разрешение этого вопроса не только в теоретическом, но и в практическом плане увеличивает арсенал государственного строительства: мы понимаем, как связать его не только с банальным видением абстрактного большинства или меньшинства в обществе и производных от них диктатур, суверенитетов,

движений и прочих конструкций-формаций, а с соединениями, описываемыми более сложными философскими категориями. Такие соединения влекут за собой потребность выстраивать страховые институты, страхующие социальные взаимодействия между различными социальными стратами, а это уже – область политического, описывающего генезис государственного строительства.

Социальные состояния в мире существуют в той мере, в какой работают кредитные механизмы, вносящие порядок в социальный хаос и запускающие социальное обустройство и переустройство. Эти механизмы работают не только в теоретическом плане, но и в плане практической философии государственного строительства. В обществе нечто устраивается само собой в виде кредитной целостности; эта целостность обладает своей логикой, она несопоставима с логикой конечного человеческого разума. Поэтому перемалывание её и преобразование на основании неминуемо конечных измерений, которые в состоянии дать разум, могут привести к весьма нежелательным последствиям. Они и порождают современную социальную алхимию в виде нереализуемых программ и лозунгов, в виде превращенных форм реформирования или в виде господствующей сверхреальности, которая на самом деле оказывается феноменом не существования социального кредита. И раз кредитное допущение положено в основу социального опыта, так сказать, с математической точностью, то это предположение приобретает статус достоверного знания.

Указанную метрическую многомерную геометрию социального мира мы строим не просто на языке чистой математики, а на языке математической логики (развитие которой связано с исследованием философских принципов математики у Бертрана Рассела и Луи Кутюра), соотнося эти установки с разработками практической философии.

Кредит, рассмотренный философски, представляет собой структурный синтез как минимум трёх субстанций – общения, деятельности и ответственности. К этому синтезу приводит некий дополнительный элемент, представляющий собой такую ценностную категорию, как доверие: *Fides facit fidem* (доверие рождает доверие). А само доверие, как говорил Мераб Мамардашвили, есть всегда результат метафизического выбора, ибо для него нет и не может быть эмпирических причин и оснований. В этом смысле, кредит имеет, своего рода, сверхпытные, социально универсальные основания.

Пространство кредитных отношений, которыми человек владеет и которые может реально практиковать в процессе договорных отношений, – это социальное пространство. А сами договорённости и есть основа социальных взаимодействий, реформаторских интенций.

Не только определение, но и осмысление кредитного эйдоса – задача чрезвычайно сложная. Кредит как искусство социального измерения присутствует в социальном и культурном полях, он предстаёт как способ построения социального единства, включая и количественное единство. Можно сказать, перефразируя Гуссерля, что кредит предстаёт перед философом, который ещё не знал социальной геометрии кредита, но которого мы должны помыслить, как её изобретателя [1, с. 384]. То есть, кредит предстаёт перед философским сознанием как нечто, содержащее в своей основе инвариантность социальных предметов относительно групп экономических, юридических, культурных преобразований, предстаёт изобретателем самой социальной инвариантности.

Открытая нами «геометрия социального мира» подсказывает, как мастерится кредитный мир.

Результатом проведённых нами исследований является разработка теории кредитной природы формирования политических, экономических и правовых отношений в обществе. Отсюда следует также концепция денег как категории социального права.

В предложенной концепции впервые раскрыты социальные причины исторической эволюции денежных форм, а также выявлены социально-политический смысл денежной власти и социально-политическое значение монополизации денежной эмиссии. Доказано, что обесценение денег важно рассматривать как выражение крупных диспропорций в системе формирования и распределения прав и обязанностей в государстве и обществе, разного рода реформаторских иллюзий. Это обесценение свидетельствует об отсутствии социальной культуры полноценных кредитных отношений, а также – необходимых условий для их развития.

Нами определены условия рационального взаимодействия и оптимизации функций «политической» и «денежной» властей. Эта система призвана отражать саму процессуальную субстанциональность денег, каковой является развитие социальности.

Итак, государственную власть и власть денег необходимо:

- рассматривать как производные от естественно возникающих кредитных отношений в обществе, от его ценностных ориентиров;
- давать оценку знаний, полученных в социогуманитарных науках, с точки зрения кредитных процессов;
- выявлять условия возможности адекватного государственного регулирования, взвешенных реформ.

Значение и смысл, существующих в государстве законов, а также направлений деятельности ор-

ганов государственной власти различных уровней целесообразно анализировать и оценивать, прежде всего, сквозь призму их соответствия задачам социально полноценного страхования и поддержания полноценных общественных кредитных отношений.

Балансы взаимодействия между людьми, кредитные отношения, которые и формируют общество, как уже подчеркивалось, выстраивают связь индивидуального и коллективного. И сама система страховки или то, что принято называть государственным устройством, закрепляет эту связь индивидуального и коллективного. Коллективно страхуется тот индивидуальный субъект, который входит с положительным или с отрицательным балансом по отношению к обществу; несмотря на это различие, он всё равно страхуется, конечно, в разной степени.

Мы оставляем вне поля нашего зрения многое из того, чем занимаются те, кто анализирует преобразования, сосредоточившись главным образом на понятии социального кредита как инструмента подхода к ним. Реформаторам всегда хочется «как лучше», а получается «как всегда», поскольку модели реформирования государственного устройства не до конца адекватно прописаны.

Основная задача при планировании или обсуждении тех или иных реформ – понимание того, что мы, собственно, вкладываем в понятия социальных субъектов, объектов реформаторской деятельности.

Многие сегодняшние рассуждения о том, что мы ищем смыслы российской государственности, ищем свой путь, выглядят достаточно незрелыми. Мы до бесконечности будем искать свой путь, пока не поймем, в рамках какой модели мы собираемся его искать. Это как с физикой или с математикой: если у нас есть линейная модель, то мы получаем одни результаты, но всегда возникают нюансы, которые в неё не вкладываются, а разрешаются в моделях другого класса.

Разрабатывая теорию социального кредита, мы специально подчеркиваем, что любые взаимоотношения в обществе носят кредитный, доверительный характер; не опускаясь до *кредита* как экономического инструмента, они представляют собой более глубокую социальную композицию.

В этой связи, важно дать и по-настоящему современное прочтение учения о соотношении социального кредита и денежной реформы: анализ основных его мотивов сосредоточен на проблемах, которые стали ключевыми уже давно. Денежная реформа (*monetary reform*) и социальные кредиты внутренне переплетены, поскольку предполагают наличие свободных от долгов или чистых денег, выпущенных непосредственно из казначейства, а не получение «свежих» денег от Центрального банка в форме процентных облигаций. Это обычная схема, описываемая экономистами и банкирами. Но за этой схемой стоит

более универсальная схема, имеющая непосредственное отношение к описанию кредитного статуса общества.

Дело в том, что кредитная система пронизывает всю систему реформирования общества, поскольку первая способна удерживать неоднородное в социальной реальности, осуществляя синтез нового и старого без каких-либо предзаданных условий формирования узлов социальных связей. Сама кредитная находка – это всегда какое-то новое преобразование, реформаторская спонтанность. Вне кредитных усилий под вопросом оказывается совокупность конкретных сингулярностей мира, то есть появление социального мира как такового.

Здесь важно иметь в виду схему необеспеченности кредитного разума, пронизывающую весь круг социальных размышлений. Речь идет об особом беспокойстве разума, которое охватывает нас в тот момент, когда мы не можем больше положиться на экономически очевидное и вынуждены воссоздавать какие-то более совершенные структуры из своих способностей и связей, оказываясь тем самым частью техники кредита.

Речь идет о прагматике кредитной деятельности и ее теоретическом осмыслении. Мы исходим из широкого понимания кредитной практики человечества во всех ее формах.

Многочисленные экспериментальные и теоретические исследования в социальных и гуманитарных науках посвящены анализу реформирования государства, тому, как этот процесс воспринимается в сознании общества. Но до сих пор не выявлено, что понятие «государство» предполагает конструирование схем состояния, изменения, реформирования, процесса, движения, пространства, времени, причинности, самоидентифицированности кредитной деятельности. Это конструирование осуществляется на основе определенных структур, действий и операций, которые сами преобразуются и развиваются по внутренней логике, посредством процессов ассимиляции и адаптации человеческой деятельности к социальному миру.

Соотношение кредитного и государственного институтов имеет длинную и непростую историю. Нередко, кредитные устои использовались во имя укрепления абсолютистского государства, которое нуждалось в кредитной элите, способной вести государственные дела, создавать реформаторские проекты и отстаивать государственные интересы и законы. Даже кредитные реформы были еще одним способом, посредством которого абсолютистское государство объединяло и расширяло свою власть. Но это были узко понятые реформы. Ведь, кредит – не только способ государственного устройства. Кредит – это и есть репетиция всей социальности.

Здесь важна постановка проблемы – были ли у первобытных племен такие системы организации, чтобы мы могли говорить об их конституировании как кредитных сообществ, или, по крайней мере, как о зачатках кредитной активности людей, формирующих государства? Всё, естественно, зависит от смысла, придаваемого самому термину «кредит». Смысл, который придает ему экономисты, не совпадает с тем, какой он имеет у социологов, правоведов и культурологов. Обнаруживаются ли у более примитивных народов структурные эквиваленты основных кредитных явлений, типичных для более сложных обществ? Как литература существовала до изобретения письменности, как возникали формы семьи, которые, как небо от земли, отличаются от современного идеала постоянной и легальной моногамии, так же могут развиваться народы с кредитными ценностями, радикально отличающимися от наших, и со способами их поддержания, столь же сильно отличными от привычных нам.

Но как кредитные реалии соотносятся с такими характеристиками государства, как его размер, суверенитет, территориальные узы и так далее? Так, например, суверенитет характеризуется в научных исследованиях как отличительный признак современного государства. Само государство «приняло на себя функции монопольной политической координации. Государство правит, издает законы и затем принуждает к их исполнению. Такого государства... не существовало в древности. Содружество не было сосредоточено в едином суверенном органе, который неизмеримо выше каждого отдельного индивидуума и отмеряет каждому его долю прав.

Вследствие этого, необходимые политические элементы, которые всегда присутствовали в любом человеческом обществе, были распределены между формациями, которые мы теперь рассматриваем с точки зрения частного права: церквями, местными органами, кланами» [4, с. 93].

Новые теоретические проблемы в аппарате социального знания раскрываются в полной мере в наши дни, когда интеллектуальное сообщество столкнулось с необходимостью общесоциологической концептуализации мира, в котором утратили надежность прежние устои и механизмы социального существования и взаимодействия между государствами, обозначились новые вызовы для теории государства, а также прежде немислимые формы политического опыта.

Социальный феномен государства есть ключевое образование современной политики. Он часто рассматривается как необходимая структура для поддержания сложных обществ. Однако в рамках политической литературы трудно прийти к консенсусу относительно государства, природы его реформаторских установок.

Теоретики, придерживающиеся разных точек зрения, не могут выразить свое согласие по большинству важных вопросов, которые мы могли бы задать: Что такое государство? Что оно делает? Как это организовано? Кто им управляет и его реформирует?

Одна из целей настоящей статьи – отразить широкое разнообразие представлений о современном государстве как кредитном институте, способствующем его успешным реформам, а также создать новую методологию его исследования.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гуссерль Э. Начало геометрии. М. : Ad Marginem, 1996. 269 с.
2. Лоуи Р. Происхождение государства. М. : Дело, 2023. 128 с.
3. Менделеев Д.И. Заветные мысли. М. : Мысль, 1995. 413 с.
4. Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. London : Oxford University Press, 1920. Vol. 1. 328 p.

References:

1. Husserl E. The beginning of geometry. M. : Ad Marginem, 1996. 269 p.
2. Lowy R. The origin of the state. M. : Delo, 2023. 128 p.
3. Mendeleev D. I. Cherished thoughts. M. : Mysl, 1995. 413 p.
4. Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. London : Oxford University Press, 1920. Vol. 1. 328 p.

Информация об авторе

Мартыненко Владимир Владимирович
главный научный сотрудник
Объединённого центра социологии
и экономики знания
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
contacts@martynenko.info

Vladimir V. Martynenko
Chief Researcher
of the Joint Center for Sociology
and Economics of Knowledge
of the Federal Research Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences
contacts@martynenko.info

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-34>
УДК 316.4.06

Attribution
cc by

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Пчегатлук С.К., Косивченко Е.В.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. В данной работе рассматриваются проблемы воздействия искусственного интеллекта на современное общество с учетом социологических, культурологических и этических аспектов. Освещены сегменты влияния, такие как рынок труда, здравоохранение, право, образование, и вопросы конфиденциальности данных. Рассматриваются вопросы этики и справедливости в контексте использования и развития искусственного интеллекта. Как отмечают авторы, искусственный интеллект, затрагивающий практически все сферы жизнедеятельности, способен стать одним из факторов, определяющих векторы развития социальных процессов. Система искусственного интеллекта, заменяющие человека, не всегда могут быть эффективными. Выводы: подчеркивается, что искусственный интеллект оказывает значительное влияние на обозначенные аспекты общества, что требует глубокого обсуждения и разработки соответствующих норм и правил использования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, личность, образование, социология, культурные особенности.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION

Svetlana K. Pchegatluk, Ekaterina V. Kosivchenko

Kuban State Technological University

Abstract. This paper examines the problems of the impact of artificial intelligence on modern society, taking into account sociological, cultural and ethical aspects. Segments of influence such as the labor market, healthcare, law, education, and data privacy issues are highlighted. The issues of ethics and justice in the context of the use and development of artificial intelligence are considered. Artificial intelligence, which affects almost all spheres of life, can become one of the factors determining the vectors of development of social processes. Artificial intelligence systems that replace humans may not always be effective. The conclusions emphasize that artificial intelligence has a significant impact on these aspects of society, which requires in-depth discussion and the development of appropriate norms and rules of use.

Keywords: artificial intelligence, personality, education, sociology, cultural characteristics.

Введение. Искусственный интеллект (ИИ) представляет собой не только технологическое достижение, но и сдвиг в социальной и культурной парадигме современного общества. Внедрение искусственного интеллекта оказывает глубокое влияние на разнообразные аспекты человеческой жизни, вызывая широкий спектр социологических вопросов и вызовов.

В рамках социологического измерения, исследователи и общество, в целом, сталкиваются с вопросами о том, как искусственный интеллект изменяет образ мышления, формирует рынок труда, воздействует на социальные отношения и уровень принятия решений. Эти технологические инновации поднимают вопросы о справедливости, безопасности, личной приватности, а также о том, как общество должно адаптироваться к изменениям, связанным с прогрессом искусственного интеллекта.

Обсуждение. Результаты. Искусственный интеллект – это область компьютерных наук, кото-

рая занимается созданием систем и программ, способных выполнять задачи, требующие обычного человеческого интеллекта. Искусственный интеллект стремится разработать алгоритмы и модели, позволяющие компьютерам обучаться, анализировать данные, делать выводы, принимать решения и даже воспроизводить поведение, которое обычно связывается с человеческим мышлением. «Мы не являемся первыми исследователями в области искусственного интеллекта. Современные достижения в ИИ базируются на многолетних исследованиях и разработках предыдущих поколений ученых» [1].

Технологии искусственного интеллекта включают в себя машинное обучение, глубокое обучение, нейронные сети, алгоритмы оптимизации, обработку естественного языка и многое другое. Они применяются в самых разных областях, от медицины и финансов до автоматизации производства и создания интеллектуальных помощников [2].

Искусственный интеллект имеет глубокие социологические и культурологические последствия, оказывая влияние на различные аспекты нашей жизни. Рынок труда является одним из основных ключевых областей искусственного интеллекта, который вызывает социальную рефлексию, что означает умение индивида на постоянной основе обращаться к истокам своих мыслей, действий, компетенций, его умение принять позицию наблюдателя, размышляя над тем, как он познает самого себя, в том числе, что он делает.

Автоматизация и внедрение искусственного интеллекта могут изменить структуру рабочих мест, устраняя некоторые, одновременно создавая новые, требующие других навыков и знаний. Это формирует новые вызовы, определяющие адаптацию работников к трансформирующимся условиям. Он также оказывает влияние на принятие решений в различных сферах, включая здравоохранение и право.

Системы искусственного интеллекта используются для диагностики заболеваний, что вызывает вопросы о доверии к таким системам и вопросы этики в медицинской сфере. Кроме того, использование алгоритмов искусственного интеллекта в юридических вопросах вызывает дискуссии о справедливости и прозрачности принимаемых решений [3].

Современные технологии оказывают значительное влияние на сферу образования, открывая новые возможности для персонализированного обучения благодаря искусственному интеллекту. Этот подход позволяет адаптировать образовательные программы к индивидуальным потребностям каждого ученика, предоставляя задания и материалы, соответствующие их уровню знаний и скорости усвоения информации. Однако вместе с этими возможностями, возникают важные вопросы, касающиеся равного доступа к таким технологиям и их эффективного использования [4]. Не все образовательные учреждения, особенно в менее развитых регионах, могут позволить себе внедрение искусственного интеллекта, что может усугубить существующее неравенство в доступе к качественному образованию.

Помимо вопросов доступности, на передний план выходят этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовании. Один из ключевых вопросов – это обеспечение безопасности и прозрачности алгоритмов. Алгоритмы должны быть разработаны таким образом, чтобы их работа была понятной и проверяемой, что поможет избежать предвзятости и несправедливого отношения к определенным группам учащихся. Существует риск, что алгоритмы, обученные на предвзятых данных, могут воспроизводить и усугублять существующие социальные предрассудки, что неприемлемо в образовательном контексте.

Конфиденциальность данных учащихся также является критически важной. Образовательные системы на базе искусственного интеллекта со-

бирают и анализируют огромное количество личной информации, и необходимо гарантировать, что эти данные защищены от несанкционированного доступа и использования. Законы и регламенты по защите данных должны строго соблюдаться, а пользователи должны быть информированы о том, как их данные собираются, обрабатываются и хранятся. Кроме того, автономия систем искусственного интеллекта вызывает вопросы относительно их влияния на приватность личной информации. Важно найти баланс между использованием искусственного интеллекта для улучшения образовательного процесса и защитой прав учащихся на приватность. Например, системы, которые отслеживают поведение учащихся для улучшения их академической успеваемости, не должны нарушать их личное пространство и свободу.

Также, важно учитывать культурные и социальные аспекты внедрения искусственного интеллекта. Какие ценности и представления будут встроены в системы искусственного интеллекта? Как они будут восприниматься разными культурами и обществами? Эти вопросы требуют глубокого понимания культурных особенностей и обсуждения многообразия инклюзива при разработке и использовании искусственного интеллекта.

Внедрение ценностей и представлений в системы искусственного интеллекта является ключевым аспектом, так как эти системы создаются людьми, отражая часто неявные или явные ценности, нормы и убеждения общества или их разработчиков. Все, начиная от процесса выбора данных для обучения моделей и заканчивая программированием алгоритмов принятия решений, оказывает влияние на формирование этих ценностей.

Ценности, встроенные в системы интеллекта, могут отражать общие моральные установки общества, такие как принципы справедливости, равноправия или безопасности. Например, принцип справедливости. При создании системы искусственного интеллекта для процесса найма на работу, разработчики могут встраивать алгоритмы, которые стремятся к снижению предвзятости и обеспечению справедливости в оценке кандидатов. Например, алгоритм может быть настроен на анализ компетенций и навыков кандидатов без учёта их расы, пола или социального статуса, чтобы сделать процесс отбора более объективным.

Кроме того, они могут быть примером влияния культурных особенностей и норм поведения. Например, в одной культуре определенные решения могут быть восприняты как норма, тогда как в другой они могут вызвать недовольство или противоречить моральным убеждениям [5].

Важно задавать вопросы о том, какие именно ценности или убеждения встраиваются в алгоритмы искусственного интеллекта, и как они влияют на принимаемые решения. Это требует от-

крытого и прозрачного обсуждения, чтобы общество могло понимать, каким образом искусственный интеллект принимает решения и как они соотносятся с общественными ценностями.

Более того, осознанное управление ценностями в системах искусственного интеллекта может помочь предотвратить проблемы, такие как предвзятость или дискриминация. Разработчики могут активно стремиться к созданию более объективных и справедливых алгоритмов, учитывая различные точки зрения и культурные особенности, чтобы обеспечить более широкое принятие и использование искусственного интеллекта в различных обществах. Такой подход способствует развитию более этичных и социально ответственных систем искусственного интеллекта.

В контексте повседневной жизни, искусственный интеллект предоставляет доступ к огромному объему информации, обеспечивает персонализированные рекомендации и помогает в оптимизации задач, освобождая время и уменьшая нагрузку на человека. Однако параллельно с этим, возникают вопросы о зависимости от технологий, потере навыков общения в реальном мире и утрате самостоятельности в принятии решений.

Искусственный интеллект оказывает значительное влияние на саморазвитие личности, предоставляя обширные возможности для обучения и самообразования. В наше время доступны многочисленные онлайн-курсы, образовательные платформы и инструменты для развития навыков, которые позволяют людям учиться в удобном для них темпе и формате. Эти технологии открывают доступ к знаниям и ресурсам, которые ранее были недоступны для многих, способствуя равенству возможностей в образовательной сфере.

Однако помимо преимуществ, использование искусственного интеллекта в образовании и саморазвитии несет в себе и определенные риски. Одним из ключевых аспектов является ограничение разнообразия мышления и оригинальности. Алгоритмы, используемые для предоставления образовательного контента, часто подстраивают информацию под существующие интересы и предпочтения пользователя. Это может приводить к формированию так называемых «информационных пузырей», в которых человек получает только ту информацию, которая соответствует его текущим взглядам и интересам, исключая неожиданные или противоречивые точки зрения.

Шошана Зубофф в своей работе «Эпоха надзорного капитализма» отмечает: «Мы должны признать, что алгоритмы не просто отражают наши интересы; они формируют наши мысли и поведение» [9]. Это высказывание подчеркивает важность осознания того, что алгоритмы, на которых основаны многие образовательные платформы и инструменты, не являются нейтраль-

ными. Они активно влияют на то, как мы воспринимаем и обрабатываем информацию, и, следовательно, на наше мышление и поведение.

В последние годы в сфере психологии наблюдается значительный интерес к изучению влияния искусственного интеллекта на эмоциональную сторону человеческой личности. Нейросеть используется для разработки инновационных технологий, которые направлены на поддержку психического здоровья, анализ эмоций и обеспечение эмоциональной поддержки. Одно из ключевых направлений заключается в создании приложений и систем, способных определять и анализировать эмоции человека на основе его речи, текста или жестов. Такие технологии способны помочь в выявлении эмоциональных состояний и предоставлении рекомендаций для улучшения самочувствия. Например, приложения для медитации или релаксации могут реагировать на изменения эмоционального состояния пользователя, предлагая соответствующие практики.

Искусственный интеллект активно применяется для создания более доступных и эффективных форм эмоциональной поддержки, таких как виртуальные помощники или боты, способные общаться с людьми и предоставлять психологическую помощь. Эти системы могут быть особенно полезными для тех, кто испытывает стресс или тревогу и ищет конфиденциальную поддержку. Они могут проводить первичную оценку эмоционального состояния пользователя и предоставлять рекомендации или успокаивающие техники на основе анализа голоса или текста. Кроме того, такие технологии могут работать круглосуточно, что делает их доступными в любой момент времени, когда человеку требуется помощь. Примером успешного применения искусственного интеллекта в этой области является разработка приложений, способных анализировать эмоциональное состояние пользователя в реальном времени и предоставлять индивидуальные рекомендации. Такие приложения используют методы машинного обучения и обработки естественного языка для анализа данных, полученных от пользователя, и адаптации своих рекомендаций в зависимости от текущего эмоционального состояния. Это позволяет не только предоставлять более точные и персонализированные советы, но и повышать эффективность медитации, релаксации или других психотерапевтических практик.

Однако важно понимать, что, несмотря на возможности нейросети в области эмоциональной поддержки, он не может полностью заменить человеческую эмпатию и понимание. Психологическая помощь, основанная на глубоком понимании человеческих эмоций и контекста, остаётся краеугольным камнем в психологической работе. Специалисты в области психического здоровья могут учитывать множество факторов, включая невербальные сигналы и культурные особенности, что делает их поддержку более комплексной и персонализированной. Он может

улучшить доступность помощи и предоставить первичную поддержку, однако межличностное взаимодействие и понимание, обеспечиваемые психологами, остаются незаменимыми. Человеческое участие необходимо для глубокого анализа и лечения эмоциональных проблем, которые могут быть слишком сложными для современных систем искусственного интеллекта. В этом контексте искусственный интеллект следует рассматривать как вспомогательный инструмент, который может дополнить работу специалистов, но не заменить их.

Искусственный интеллект значительно влияет на социологию, как научную дисциплину, и на работу социологов в целом.

Он приносит революционные изменения в анализ больших данных для социологических исследований. Способность искусственного интеллекта обрабатывать и анализировать огромные объемы информации намного быстрее и эффективнее открывает новые перспективы для социологов. В первую очередь, это предоставляет возможность выявления тенденций и паттернов в обществе, которые ранее были трудно заметны или требовали длительных исследований. Используя искусственный интеллект, социологи могут анализировать огромные объемы данных социальных медиа, интернета, транзакций и других источников, выявляя скрытые закономерности в поведении людей и социальных групп [7].

Кроме того, методы исследования, благодаря искусственному интеллекту, становятся более точными и глубокими.

Алгоритмы машинного обучения позволяют создавать сложные модели, проводить анализ текста, распознавать образы и изображения, а также анализировать структуру социальных сетей. Это позволяет социологам получить более полное понимание общественных процессов, идентифицировать взаимосвязи и влияние различных факторов на социальные явления.

Такие новые методы анализа данных не только значительно улучшают процесс исследований, но и помогают в прогнозировании социальных изменений.

Искусственный интеллект обеспечивает социологам инструменты для прогнозирования тенденций развития общества, что помогает создавать более точные модели для принятия решений и разработки стратегий в различных сферах, от экономики до политики и социальной динамики.

Искусственный интеллект предоставляет социологам не только возможность строить более точные прогнозы об общественных явлениях, но и создавать модели, отражающие динамику социальных систем. Это открывает новые горизонты для анализа реакций общества на различные изменения и события. По мнению Энтони Гидденса: «Искусственный интеллект и цифровые

технологии меняют структуру общества и вызывают необходимость переосмысления концепций социальной структуры и агентства» [9].

Используя инструменты искусственного интеллекта, социологи могут моделировать различные сценарии поведения людей и групп в ответ на социальные изменения, политические сдвиги или экономические факторы. Такие моделирования помогают прогнозировать возможные последствия различных событий и обеспечивают понимание долгосрочных тенденций в развитии общества.

Социологи все чаще обращают внимание на разнообразные этические и социальные аспекты применения искусственного интеллекта в современном обществе.

Одной из главных тем исследований является влияние искусственного интеллекта на рынок труда. С внедрением автоматизации и роботизации, многие рабочие места подвергаются трансформации или исчезают вовсе. Это вызывает беспокойство относительно будущего трудовой занятости, возможного роста безработицы и необходимости переквалификации работников. В то же время, нейросеть создает новые профессии и возможности, требующие высоких навыков и знаний в области технологий.

Еще одной важной темой исследований является изменение в поведении людей под влиянием нейроси. Социологи изучают, как искусственный интеллект влияет на повседневную жизнь, включая общение, потребление информации и принятие решений. Например, использование алгоритмов в социальных сетях формирует «информационные пузыри», где пользователи получают информацию, соответствующую их взглядам, что может усиливать поляризацию общества.

Этические аспекты использования искусственного интеллекта занимает центральное место в современных дискуссиях. Одним из основных вопросов является обеспечение прозрачности и объяснимости алгоритмов искусственного интеллекта, особенно когда они используются в принятии важных решений, таких как кредитование, найм сотрудников или медицинская диагностика. Существуют опасения, что непрозрачные алгоритмы могут усиливать предвзятость и дискриминацию, заложенные в данных, на которых они обучаются. Социологи также обращают внимание на потенциальные негативные последствия применения современных технологий, включая возможное усиление социальных неравенств [8]. Автоматизация может привести к концентрации богатства и ресурсов в руках тех, кто владеет и контролирует технологии, усугубляя разрыв между различными социальными группами.

Исследования о влиянии современных технологий на социальные неравенства начались в середине XX века, когда технологический прогресс стал стремительно изменять различные аспекты

общества. Одним из пионеров в этой области является американский социолог и экономист Т. Веблен, который еще в начале 20 века говорил о «технократическом обществе» и о том, как технологические достижения могут влиять на социальную структуру.

Серьезное внимание проблемам технологических неравенств стало уделяться с конца 1960-х годов. В 1970 году американский социолог Д. Белл опубликовал работу «Грядущее постиндустриальное общество», где он исследовал, как информационные технологии и автоматизация могут изменить экономику и социальную структуру. Д. Белл указывал на то, что переход к информационному обществу приведет к новым формам неравенства, связанным с доступом к знаниям и технологиям.

В последние десятилетия, с развитием искусственного интеллекта и роботизации, проблема технологического неравенства стала еще более острой. Исследования показывают, что автоматизация труда может привести к потере рабочих мест в традиционных секторах экономики и к увеличению разрыва в доходах. Владельцы технологий и те, кто обладает высокими цифровыми навыками, оказываются в более выгодном положении, в то время как работники с низкими квалификациями сталкиваются с растущей угрозой безработицы и снижением заработной платы [11].

Социологи подчеркивают, что эти процессы могут привести к концентрации богатства и ресурсов в руках узкого круга лиц, что усугубляет социальные неравенства. Это вызывает опасения относительно социальной справедливости и устойчивости, поскольку неравномерное распределение благ и возможностей может привести к усилению социальной напряженности и конфликтов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Искусственный интеллект, будучи мощным инструментом для социологических исследований, стимулирует социологов к сотрудничеству с представителями других областей. Это может способствовать созданию междисциплинарных команд, объединяющих экспертов из информатики, психологии, экономики и прочих сфер, с целью совместного исследования и использования новейших технологий в социологии. Этот синергетический подход не только расширяет горизонты знаний и понимания для социологов, но и помогает создавать более комплексные и углубленные исследования общественных явлений.

Заключение. Рефлексия оказывает влияние искусственного интеллекта и открывает множество социологических аспектов, пронизывая различные сферы человеческой жизни. Рынок труда стал объектом обсуждения из-за автоматизации и внедрения искусственного интеллекта, также образование претерпевает изменения под воздействием современных технологий, а самое главное — это влияние на личность, предоставляя новые возможности обучения. Проникая в анализ больших данных, он революционизирует способы исследования социальных явлений. Способность обрабатывать огромные объемы информации открывает новые горизонты для выявления тенденций и паттернов в обществе. Используя алгоритмы машинного обучения, социологи создают сложные модели, позволяющие углубить понимание социальных процессов, выявить взаимосвязи и прогнозировать изменения. Искусственный интеллект требует не только технического, но и глубокого социального, этического и культурного понимания при своем использовании и развитии, чтобы обеспечить его полезность и этичность в различных сферах человеческой жизни.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шелли Джонс. Помощью ИИ и нейробиологии. URL : <https://webmedy.com/blog/ru/human-brain-ai-neuroscience> (дата обращения 28.06.2023).
2. Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта / К.В. Анохин, К.С. Новоселов, С.К. Смирнов [и др.] // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 93–105.
3. Купянский А.А. Искусственный интеллект в праве / А.А. Купянский // Проспект Свободный – 2023: Материалы XIX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Красноярск, 24–29 апреля 2023 года. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2023. С. 2076–2079.
4. Кириллов П.А. Искусственный интеллект для образования. Адаптивная система обучения // Молодой ученый. 2020. № 27(317). С. 39–43.
5. Сасин М.В. Искусственный интеллект: философия, современность, инновационность / М.В. Сасин; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева // Актуальные проблемы

- философии и социологии: материалы X Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Красноярск, 14 апреля 2022 года. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. С. 23–26.
- Исакова К.В. Проблемы философии искусственного интеллекта / К.В. Исакова // Гуманитарный научный журнал. 2022. № 2. С. 125–128.
 - Глухих В.А. Искусственный интеллект как проблема современной социологии / В.А. Глухих, С.М. Елисеев, Н.П. Кирсанова // Дискурс. 2022. Т. 8. № 1. С. 82–93.
 - Удилов Н.С. Перспективы развития искусственного интеллекта / Н.С. Удилов // Обществознание и социальная психология. 2023. № 7-3(51). С. 149–154.
 - Зубофф Шошана. Эпоха надзорного капитализма: Битва за человеческое будущее на новом рубеже власти. Нью-Йорк : PublicAffairs, 2019.
 - Гидденс Э. Последствия современности. Стэнфорд : Издательство Стэнфордского университета, 1990.
 - Мартыненко Т.С. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву / Т.С. Мартыненко, Д.Е. Добринская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1(161). С. 171–192.

References:

- Shelly Jones. Using AI and neuroscience. URL : <https://webmedy.com/blog/ru/human-brain-ai-neuroscience> (date of the application 28.06.2023).
- Artificial intelligence for science and science for artificial intelligence / K.V. Anokhin, K.S. Novoselov, S.K. Smirnov [et al.] // Questions of philosophy. 2022. № 3. P. 93–105.
- Kupyansky A.A. Artificial intelligence in law / A.A. Kupyansky // Svobodny Avenue – 2023: Materials of the XIX International Scientific Conference of Students, postgraduates and young Scientists, Krasnoyarsk, April 24–29, 2023. Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2023. P. 2076–2079.
- Kirillov P.A. Artificial intelligence for education. Adaptive learning system / P.A. Kirillov // Young scientist. 2020. № 27(317). P. 39–43.
- Sasin M.V. Artificial intelligence: philosophy, modernity, innovation / M.V. Sasin; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev // Actual problems of philosophy and sociology: materials of the X All-Russian scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists, Krasnoyarsk, April 14, 2022. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2022. P. 23–26.
- Isakova K.V. Problems of philosophy of artificial intelligence / K.V. Isakova // Humanitarian scientific journal. 2022. № 2. P. 125–128.
- Glukhikh V.A. Artificial intelligence as a problem of modern sociology / V.A. Glukhikh, S.M. Eliseev, N.P. Kirsanova // Discourse. 2022. Vol. 8. № 1. P. 82–93.
- Udilov N.S. Prospects for the development of artificial intelligence / N.S. Udilov // Social studies and social psychology. 2023. № 7-3(51). P. 149–154.
- Zuboff, Shoshana. The Age of Surveillance Capitalism: the Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New-York : PublicAffairs, 2019.
- Giddens A. The consequences of modernity. Stanford University Press, 1990.
- Martynenko T.S. Social inequality in the era of artificial intelligence: from digital to algorithmic gap / T.S. Martynenko, D.E. Dobrinskaya // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2021. № 1 (161). P. 171–192.

Информация об авторах

Пчегатлук Светлана Калачериевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
psvetlanak@mail.ru

Косивченко Екатерина Владимировна
студентка 3 курса,
кафедра социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
katya.kosivchenko@mail.ru

Svetlana K. Pchegatluk
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Jurisprudence and Personnel Work,
Kuban State Technological University
psvetlanak@mail.ru

Ekaterina V. Kosivchenko
3rd year Student,
Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
katya.kosivchenko@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-47>
УДК 316

Attribution
cc by

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ДАГЕСТАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Рамазанов Р.О.

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

Аннотация. В статье анализируются мировоззренческие ценности в реализации поставленных целей, показан вес мировоззренческих установок в формировании представления об окружающем пространстве. Аналитика, приведенная в статье, показывает важность для опрошенного дагестанского населения параметров семьи, здоровья, религии, удовлетворения материальных и духовных ценностей. Как отмечает автор, формирование мировоззрения опрошенного дагестанского населения находится под влиянием целого комплекса факторов, среди которых ключевыми являются семейное воспитание, образование, религия; исследование выявило наличие социально-демографических различий в обозначении базы образования мировоззренческих установок. Эмпирический материал констатирует место религии, во-первых, как важного символа в жизни индивида, во-вторых, его роль в формировании мировоззрения, в-третьих, его рассмотрение как важнейшей духовной ценности.

Ключевые слова: мировоззрение, мировоззренческие ценности, материальные ценности, мировоззренческие универсалии, духовные ценности, дагестанское население.

IDEOLOGICAL VALUES OF THE DAGESTANI POPULATION

Rashid O. Ramazanov

Dagestan Federal Research Center

Abstract. The article analyzes the worldview values in the realization of the set goals, shows the weight of worldview attitudes in the formation of an idea of the surrounding space. The analysis shows the importance for the surveyed Dagestani population of the parameters of family, health, religion, satisfaction of material and spiritual values. The formation of the worldview of the surveyed Dagestani population is influenced by a whole range of factors, among which family upbringing, education, and religion are key; the study revealed the presence of socio-demographic differences in the designation of the educational base of ideological attitudes. The empirical material states the place of religion, firstly, as an important symbol in the life of an individual, secondly, its role in the formation of a worldview, and thirdly, its consideration as the most important spiritual value.

Keywords: worldview, worldview values, material values, worldview universals, spiritual values, Dagestan population.

Введение.

Мировоззренческие ценности как категория культуры выступают мировоззренческими универсалиями, выражающими способ представлений об окружающем мире, его понимание человеком. К таким универсалиям относятся категории, отражающие наиболее общие признаки объектов, а также характеризующие человека как субъекта деятельности, его отношение к другим людям, обществу в целом и соответственно его ценностям [1; 2].

Мировоззренческие универсалии направлены на отражение целостной картины мира, в соответствии с которой создаются способы поведения и деятельности.

На основе такого рода универсалий, формируется мировоззрение нового типа, которое предполагает изменение ценностей, направленных на соответствующий тип деятельности, постановку присущих ему целей, соответствующий способ

производства, применяемые технологии и на характер отношения к природе.

В основе постановки целей лежат мотивы, определяющие поведение социальных групп и членов общества, ориентированных на достижение результатов их деятельности.

На каждом этапе человеческой деятельности можно проследить различные типы и формы отношения человека к природе и соответствующие формы их взаимодействия [3].

Обсуждение.

Проблема типологии мировоззрения восходит к критерию классификации. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс, опираясь на онтологическую первооснову, выделили материалистическое и идеалистическое мировоззрения [4].

Н. Лосский, рассматривая различные методы и направления философских учений, попытался

определить соответствующие им мировоззрения [5].

Делая акцент на центральном понятии (человек, космос или Бог), исследователи рассматривают космоцентрический, геоцентрический и антропоцентрический виды мировоззрения. Опираясь на уровни сознания, они выделяют обыденный, мифологический, религиозный, научный и философский типы мировоззрения, а также иррациональное и рациональное мировоззрения.

Однако данные критерии не позволяют создать всеохватывающей классификации, ибо оставляют за рамками взаимосвязь форм, уровней, типов и видов мировоззрения. В результате для более или менее всеохватывающей классификации разнообразных мировоззрений необходимо отметить соответствующие критерии и показать их соотношение [5].

Материальные ценности – это любые значимые для человека материальные объекты природной и сотворенной среды, направленные на непосредственное или опосредованное удовлетворение его потребностей. В первом случае материальные объекты служат для удовлетворения материальных потребностей человека, во втором случае – духовных потребностей и через это получают свою материальную значимость.

Соответственно, материальные ценности можно подразделить на базовые (пища, одежда, жилище) и вторичные (средства передвижения, средства связи, предметы роскоши и т.д.).

Социальные ценности – это любые значимые для человека социальные отношения, направленные на удовлетворение его потребностей. В соответствии с выделением четырех сфер общественного бытия.

Социальные ценности также можно подразделять на:

- базовые социальные ценности (семейные и дружественные отношения);
- социально-экономические ценности (отношения по поводу собственности и материальных благ);
- социально-политические ценности (отношения по поводу власти);
- социально-духовные ценности (отношения по поводу информации).

Социальные ценности проявляются в значимости определенного социального статуса для человека.

Духовные ценности – это душевное состояние или любая значимая для человека информация, порождающая и определяющая эмоции и чувства, мысли и идеи, интуитивные переживания и направленная на удовлетворение духовных потребностей человека.

В соответствии с выделением шести форм общественного сознания, духовные ценности можно подразделить на морально-нравственные, художественные (эстетические), религиозные, философские, правовые и научные ценности.

В соответствии с выделением трех уровней психической деятельности также можно говорить об эмоциональных, рациональных и интуитивных ценностях [6].

Характеристика выборки исследования. Эмпирическую базу исследования составляют результаты авторского социологического опроса по изучению политических ценностей дагестанского населения. Методом случайного отбора опрос проведен в 2024 г. городах (Махачкала, Хасавюрт, Дербент) и районах республики (Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Лакский) с учетом географической и этнополитической специфики. N = 679. Распределение респондентов по социально-демографическим признакам: мужчины – 316 чел. (46,4 %), женщины – 363 чел. (53,6 %); отношение к религии: верующий – 632 чел. (93,1 %), неверующий – 9 чел. (1,3 %), колеблющийся – 38 чел. (5,6 %); возраст: 15–19 лет – 189 чел. (27,8 %), 20–35 лет – 193 чел. (28,4 %), 36 лет и до пенсионного возраста – 165 чел. (24,3 %), пенсионер – 132 чел. (19,5 %); образование: среднее – 242 чел. (35,7 %), среднее специальное – 214 чел. (31,6 %), высшее – 223 чел. (32,7 %).

Результаты исследования. Исследователи отмечают, что «произошедшие в стране в последние годы перемены коренным образом изменили условия жизни всех слоев и групп российского общества. Очень значимыми оказались они и для молодежи, мировоззрение которой формировалось под воздействием трансформационных процессов в экономике и политике, а новые общественные реалии стали, «естественной средой обитания» [7, с. 10].

Эмпирический материал на вопрос: «**Что является для Вас важным в Вашей жизни?**» показывает важность для подавляющей части опрошенного дагестанского населения ценности «семья», анализ по социально-демографическому срезу показывает обозначение его более 90 % респондентов. С заметным отрывом располагается суждение «здоровье», отмеченное большей половиной опрошенных; обращает на себя внимание с ростом уровня образования увеличение обозначающих ценность физического здоровья с 55,2 % с базовым средним образованием до 72,9 % имеющих высшее образование. То есть знание и получение большого объема информации способствует укреплению в позициях человека принципа здорового образа жизни и необходимости следить за состоянием своего здоровья. Для одной второй части респондентов важна ценность «религия», среди них доля самоидентифицирующихся как верующих составляет 47,7 %, естественно, что процентный параметр неверующих в 2 раза меньше (20,0 %). По логике

подмассив неверующих не должен был акцентировать внимание на данной параметре, однако одна пятая часть как показывает аналитический материал подчеркивают важность религиозного учения и причисляют к значимым ценностям. О чем это свидетельствует? Автор предполагает, что на рост веса ценности «религия» огромное влияние оказывает религиозное возрождение, применительно к Дагестану исламское, тесное сотрудничество официальной власти с исламским духовенством, участие республиканских чиновников в религиозных мероприятиях, стремление получить исламское образование и поощрение со стороны взрослых.

Религиозные аспекты хорошо освещены в исследованиях З.М. Абдулагатова [8], Э.М. Загировой [9, 10], М.М. Шахбановой [12] и др. Далее, для одной трети опрошенных важно «удовлетворение материальных потребностей» и «удовлетворение духовных потребностей», причем наблюдается уменьшение подчеркивающих важность материального компонента с 47,0 % в разрезе 20–35 лет до 27,0 % пенсионеров по возрасту, при обратной тенденции по уровню образования – с 10,3 % имеющих базовое среднее образование до 39,2 % с высшим образованием отмечающих важность удовлетворить материальные потребности.

Важность духовных потребностей отмечена 38,5 % в интервале 15–19 лет и их меньше в когорте пенсионеров (34,9 %), по уровню образованию разрыв существенен – с 6,9 % с базовым средним образованием до 38,6 % с высшим образованием.

Востребованность друзей отмечена 27,4 % опрошенных по всему массиву, по возрасту придерживающихся данного суждения заметно больше в возрастном разрезе 15–19 лет (38,5 %) и меньше в подмассиве пенсионеров (14,0 %).

Авторское предположение о важности учебы подтверждается данными по возрасту: в интервале 15–19 лет и 20–35 лет доля таковых заметно больше – 37,2 % и 39,6 %, соответственно, такая же картина прослеживается и через призму образования – увеличение с 20,7 % имеющих базовое среднее образование до 30,7 % с высшим образованием.

Далее, 23,6 % по всему массиву подчеркивают важность коммуникации и потребность в ней, с возрастом доля таковых уменьшается с 28,2 % в разрезе 15–19 лет до 18,6 % пенсионеров по возрасту.

Далее, культурный досуг, включающий в себя посещение развлекательных мероприятий, театральных постановок, концертов, выставок и т.д. не очень важно для опрошенных. Здесь необходимо отметить, что такая ориентация вызвана, как неоднократно было отмечено, возросшей ролью религиозного учения в современном российском обществе, особенно ярко они проявляются в регионах распространения мусульман-

ства. Важность общественного признания подчеркнута одной восьмой частью опрошенных, при этом имеет место его востребованность в общественном сознании молодого поколения в разрезе 15–19 лет (20,5 %) и респондентов со средним специальным и высшим образованием – 13,7 % и 13,3 %, соответственно.

Формирование мировоззренческих установок актуализировано в современном российском обществе по целому ряду причин, поэтому в рамках исследования природы мировоззрения значимым представляется установление факторов, влияющих на формирование мировоззрения и форм его существования. Данные на вопрос: «Что влияет на формирование Ваших взглядов на жизнь?» показывают, что ключевыми факторами формирования мировоззрения, опрошенных являются, во-первых, воспитание в семье (87,4 %), во-вторых, образование (62,0 %), в-третьих, религия (47,0 %), то есть они входят в первую тройку важнейших параметров. Образование и его функции в воспитании мировоззрения обозначены наибольшей долей респондентов с высоким образовательным статусом (71,7 %), возрастном разрезе 20–35 лет (67,2 %) и самоидентифицирующимися как неверующие (90,0 %). В предыдущем вопросе были получены данные показывающие вес вероучения для опрошенных.

Респонденты последовательны в своих позициях и подчеркивают важность религии в формировании личного мировоззрения: анализ по социально-демографическим параметрам констатирует существование гендерного отличия, так мужчин заметно больше (50,4 %), по сравнению с женщинами (44,1 %), при этом с повышением возраста доля таковых уменьшается с 55,2 % в разрезе 20–35 лет до 25,6 % пенсионеров по возрасту, с 51,7 % имеющих среднее образование до 45,2 % с высшим образованием.

Далее, 27,8 % подчеркивают роль школы в формировании мировоззрения индивида и здесь выделяется подмассив с высшим образованием (33,7 %); роль культурного компонента отмечена 23,0 % по всем массиву, 15,4 % указали на влияние коллектива и ближайшего окружения, 12,6 % Интернета, 10,6 % религиозных институтов и 9,4 % религиозного духовенства. Среди указавших на роль религиозного фактора в образовании мировоззрения, выделяется возрастной подмассив 20–35 лет, которые по сравнению с другими возрастными подгруппами, подчеркивают конфессиональный аспект.

В исследовании был задан «контрольный вопрос»: «Как Вы думаете, какие духовные ценности важны для дагестанцев?»; результаты на который констатируют приоритетность для 65,8 % респондентов по всему массиву моральных и семейных ценностей; дальнейший анализ показывает, что доля придерживающихся данной точки зрения увеличивается с 46,2 % в разрезе 15–19 лет до 72,1 % пенсионеров по возрасту, с 62,1 % имеющих базовое среднее образование

до 69,9 % с высшим образованием. Второе ранговое место занимает вариант ответа «национальные традиции дагестанских народов», которые важны для респондентов (61,0 %). Разумеется, этнокультура, особенно выработавшая собственную модель взаимоотношений в повседневной жизни, имеет огромное значение для традиционного общества.

Несмотря на информатизацию общества, появление возможности получения большого объема информации, современное дагестанское общество сумело сохранить накопленный опыт воспитания, семейных ценностей и взаимоотношений, и в данном процессе значительную роль играет исламское учение, которое и период господства атеизма не теряло свои позиции, в настоящее время сумело их еще больше укрепить.

Далее, одна четвертая часть по всему массиву подчеркивает важность литературных произведений и научных открытий, 19,4 % указывают на духовную ценность трудов дагестанских богословов, то есть респонденты последовательно акцентируют на значимую роль ислама в своей жизни.

Далее, классическая дагестанских композиторов как духовное наследие важна для 11,2 % опрошенных по всему массиву, среди них выделяется подмассив пенсионеров (18,6 %) и когорты с

высшим образованием (15,1 %); русская культура важна для 12,2 % опрошенного дагестанского населения и здесь снова выделяется возрастная подгруппа пенсионеров (23,3 %) и имеющие высшее образование (18,1 %).

Заключение.

Проведенное исследование показывает приоритетность в массовом сознании дагестанского населения мировоззренческих универсалий семья, здоровье, образование, религия.

Важнейшими компонентами, которые оказывают существенное влияние на формирование мировоззренческих ценностей населения, являются воспитание в семье, образование, религиозное учение при заметно низком воздействии школы, ближнего круга окружения [13].

Сравнительный анализ результатов исследования позволяет утверждать, что ключевым в формировании мировоззрения, опрошенных является конфессиональный фактор, который в настоящее время выступает мощной силой способной влиять на общественное сознание. Основанием для данного вывода является обозначение маркера религия и его функции не только в воспитательном процессе, но и как духовную ценность, его роль в формировании мировоззренческой картины человека, обозначении его важности в жизни индивида.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего: Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996. 174 с.
2. Гафиатулина Н.Х. Религиозные установки как элемент управления ценностными ориентациями современной молодежи / Н.Х. Гафиатулина // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет. Ростов-н/Д., 2019. С. 217–225.
3. Водопьянов П.А. Мировоззренческие ценности достижения безопасного будущего в условиях глобальной нестабильности / П.А. Водопьянов // Труды БГТУ. Сер.6. История, философия. 2023. № 1(269). С. 136–141.
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1983.
5. Лосский Н.О. Типы мировоззрений. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н.О. Лосский; Сост. А. П. Поляков. М., 1995. 400 с.
6. Чебунин А.В. Мировоззренческие основы материальных, социальных и духовных ценностей / А.В. Чебунин // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3. Т. 1. С. 30–41.
7. Российская молодежь: проблемы и решения. М.: Центр социального прогнозирования, 2005. 648 с.
8. Абдулагатов З.М. Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности: монография. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2022. 328 с.
9. Верещагина А.В. Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения / А.В. Верещагина, Э.М. Загирова // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 117–128.
10. Загирова Э.М. Влияние типа религиозности на отношение к традиционной семье / Э.М. Загирова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 2. С. 82–103.

11. Шахбанова М.М. Религиозность и религиозное поведение: теоретико-методологические подходы исследования / М.М. Шахбанова // *Caucasian Science Bridge*. 2020. Т. 3. № 1. С. 29–41.
12. Шахбанова М.М. Факторы формирования веротерпимости (на примере социологического опроса городского населения Дагестана) / М.М. Шахбанова // *Исламоведение*. 2021. Т. 12. № 2. С. 57–70.
13. Гафиатулина Н.Х. Система ценностей российской молодежи в контексте обеспечения духовно нравственной безопасности общества / Н.Х. Гафиатулина // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2017. № 2(50). С. 143–157.

References:

1. Stepin V.S. The era of change and scenarios of the future: Selected socio-philosophical journalism. M. : IFRAN, 1996. 174 p.
2. Gafiatulina N.Kh. Religious attitudes as an element of controlling the value orientations of modern youth / N.Kh. Gafiatulina // *Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State Economic University. Rostov-on/D.*, 2019. P. 217–225.
3. Vodopyanov P.A. Ideological values of achieving a secure future in conditions of global instability / P.A. Vodopyanov // *Proceedings of BSTU. Ser. 6. History, philosophy*. 2023. № 1(269). P. 136–141.
4. Engels F. *Anti-During. The revolution in science, made by Mr. Eugene During*. M. : Politizdat, 1983.
5. Lossky N.O. Types of worldviews. Sensual, intellectual and mystical intuition / N.O. Lossky; Comp. A.P. Polyakov. M. : Republic, 1995. 400 p.
6. Chebunin A.V. Ideological foundations of material, social and spiritual values / A.V. Chebunin // *Bulletin of the Buryat State University*. 2018. № 3. Vol. 1. P. 30–41.
7. *Russian youth: problems and solutions*. M. : Center for Social Forecasting, 2005. 648 p.
8. Abdulagatov Z.M. *Islamic consciousness in Dagestan: in search of moderation* : monograph. Makhachkala : Dagestan Publishing House, 2022. 328 p.
9. Vereshchagina A.V. Polygamy in Dagestan in the optics of public opinion / A.V. Vereshchagina, E.M. Zagirova // *Sociological research*. 2022. № 2. P. 117–128.
10. Zagirova E.M. The influence of the type of religiosity on the attitude to the traditional family / E.M. Zagirova // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2017. Vol. 20. № 2. P. 82–103.
11. Shakhbanova M.M. Religiosity and religious behavior: theoretical and methodological research approaches / M.M. Shakhbanova // *Caucasian Science Bridge*. 2020. Vol. 3. № 1. P. 29–41.
12. Shakhbanova M.M. Factors of religious tolerance formation (on the example of a sociological survey of the urban population of Dagestan) / M.M. Shakhbanova // *Islamic Studies*. 2021. Vol. 12. № 2. P. 57–70.
13. Gafiatulina N.Kh. The system of values of Russian youth in the context of ensuring the spiritual and moral security of society / N.Kh. Gafiatulina // *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2017. № 2(50). P. 143–157.

Информация об авторе

Рамазанов Рашид Омариевич

кандидат политических наук,
старший научный сотрудник,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН
rashram@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-8091-0236>

Rashid O. Ramazanov

Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher,
Dagestan Federal Research Center
rashram@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-8091-0236>

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-20>
УДК 316

Attribution
cc by

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИДЕОЛОГИИ ИСЛАМИЗМА, А ТАКЖЕ ПРИ СОЗДАНИИ ИСЛАМИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ

Самойлов С.Ф., Вишневецкий К.В.
Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Актуальность. В настоящее время из всех течений религиозно-политического экстремизма исламизм представляет наибольшую опасность для общества и государства, что, конечно же, не исключает факта существования радикальных и экстремистских религиозно-политических сообществ православной, неязыческой и иной псевдорелигиозной направленности. Актуальность темы исследования также обуславливается необходимостью обеспечения одного из важнейших аспектов деятельности сотрудников правоохранительных органов в рамках противодействия экстремизму, которое выражается, в том числе, в своевременном выявлении и пресечении пропаганды экстремизма.

Цель: раскрыть специфику реализации основных принципов религиозно-политического экстремизма в идеологии исламизма, а также обозначить основные принципы, используемые при непосредственном создании исламистской символики.

Методы: научного описания, позволяющий раскрыть основные понятия и специфические черты исламистской идеологии; сравнительно-сопоставительный метод, связанный с рассмотрением сопоставлением отличительных признаков флагов и эмблем исламистских организаций, а также принципы их образования; системный анализ, позволяющий представить один из элементов феномена религиозно-политического экстремизма и противодействия ему сотрудниками подразделений по противодействию экстремизма.

Результаты: в рамках исследования были рассмотрены и выделены основные специфические черты идеологии исламизма, а также три основных направления в идеологии современного исламизма, такие как: салафизм, шариатизм, джихадизм. Более того, наличие указанных и подобных им символов и цветов достаточно строго указывает на то, что исламизм является далеко не единственной составляющей идеологической базы группировки, что открывает определенные перспективы для оперативной работы, в частности для раскола выявленной группы или привлечения к сотрудничеству лиц по идеологическим мотивам.

Выводы: для выявления символики новых радикальных и экстремистских группировок исламистского характера сотрудникам оперативных подразделений, задействованных в мероприятиях по противодействию экстремизму, необходимо знать не только отличительные признаки флагов и эмблем исламистских организаций, но и принципы их образования. Из представленной информации о принципах формирования исламистской символики можно сделать вывод о том, что установление характера ее идеологической составляющей может послужить важным элементом оперативно-розыскных мероприятий, связанных с противодействием экстремистским проявлениям религиозно-политической направленности.

Ключевые слова: радикальная и экстремистская символика, религиозно-политический экстремизм, исламизм, джихадизм, шариатизм, салафизм, такфиризм, специфика реализации принципов, основные направления исламизма, противодействие экстремизму, подразделение по противодействию экстремизму.

THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF RELIGIOUS AND POLITICAL EXTREMISM IN THE MAIN DIRECTIONS OF THE IDEOLOGY OF ISLAMISM, AS WELL AS IN THE CREATION OF ISLAMIST SYMBOLS

Sergey F. Samoilov, Kirill V. Vishnevetsky
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Relevance. Currently, of all the trends of religious and political extremism, Islamism poses the greatest danger to society and the state, which, of course, does not exclude the existence of radical and extremist religious and political communities of Orthodox, neo-Pagan and other pseudo-

religious orientation. The relevance of the research topic is also conditioned by the need to ensure one of the most important aspects of the activities of law enforcement officers in the framework of countering extremism, which is expressed, inter alia, in the timely detection and suppression of extremist propaganda.

Purpose: to reveal the specifics of the implementation of the basic principles of religious and political extremism in the ideology of Islamism, as well as to identify the basic principles used in the direct creation of Islamist symbols.

Methods: a scientific description that allows to reveal the basic concepts and specific features of Islamist ideology; a comparative method related to the consideration of comparing the distinctive features of flags and emblems of Islamist organizations, as well as the principles of their formation; a systematic analysis that allows to present one of the elements of the phenomenon of religious and political extremism and counteraction to it by employees of anti-extremism units.

Results: within the framework of the study, the main specific features of the ideology of Islamism were considered and highlighted, as well as three main directions in the ideology of modern Islamism, such as: Salafism, Sharia, jihadism. Moreover, the presence of these and similar symbols and colors strictly indicates that Islamism is far from the only component of the ideological base of the group, which opens up certain prospects for operational work, in particular for splitting the identified group or attracting people to cooperate for ideological reasons.

Conclusions. In order to identify the symbols of new radical and extremist groups of an Islamist nature, an employee of operational units involved in measures to counter extremism needs to know not only the distinctive features of flags and emblems of Islamist organizations, but also the principles of their formation. From the information provided on the principles of the formation of Islamist symbols, it can be concluded that establishing the nature of its ideological component can serve as an important element of operational investigative measures related to countering extremist manifestations of a religious and political orientation.

Keywords: radical and extremist symbols, religious and political extremism, Islamism, jihadism, Sharia, Salafism, Takfiri, specifics of the implementation of principles, the main directions of Islamism, counteraction to extremism, counter-extremism unit.

Введение. Среди всего массива радикальных и экстремистских символов, которые применяются с целью пропаганды экстремизма, символы исламистских организаций представляют собой наибольшую сложность для сотрудников подразделений по противодействию экстремизму.

В целом, идеологию исламизма как разновидности религиозно-политического экстремизма можно определить, как совокупность доктрин, трансформирующих мусульманское вероучение в духе нетерпимости к инакомыслящим с целью построения тоталитарного общества различными насильственными методами [1].

Раскроем специфику реализации основных принципов религиозно-политического экстремизма в идеологии исламизма:

– фундаментализм – стремление вернуться к изначальному мусульманскому вероучению посредством очищения традиционного ислама от так называемых «нововведений»;

– пуританизм – строгое соблюдение норм шариата в религиозной и социальной жизни;

– теократизм – нацеленность на построение авторитарного или тоталитарного государства, позиционирующего себя как шариатское или халифатское;

– фанатизм – слепая убежденность в истинности своих взглядов, сопровождаемая социальной агрессивностью; одной из форм религиозного

фанатизма в исламизме является такфиризм – обвинение в неверии мусульман, не разделяющих радикальную и экстремистскую идеологию;

– экспансионизм – нацеленность государства или политической организации на захват чужой территории. Специфика исламистского экспансионизма заключается в идее построения Всемирного халифата, включающего в себя страны, традиционно исповедующие ислам.

Результаты. Перечисленные выше характерные черты в конкретных исламистских организациях получают особую интерпретацию. Кроме того, каждая экстремистская доктрина делает особый акцент на одну из них. Данное обстоятельство позволяет выделить три основных направления в идеологии современного исламизма:

– салафизм;

– шариатизм;

– джихадизм.

Идеология салафизма представляет собой сложное явление, включающее большое число течений различной степени радикальности. Так, умеренный салафизм является официальной идеологией Саудовской Аравии и оказывает существенное влияние на социально-политическую жизнь Катара, Кувейта и ОАЭ.

Вместе с тем, салафитская доктрина при ее радикализации может служить обоснованием рели-

гиозно-политического экстремизма исламистского толка [2].

Основной идеей исламизма является возврат к первоначальному исламу, под которым понимают религиозные учения и практику первых трех поколений мусульман. При этом салафизм вводит существенные изменения в вероучение и культ традиционного ислама.

Наиболее опасными исламистскими экстремистскими группировками, причисляющими себя к салафизму, являются:

- «Ан-Нусра»;
- Имарат Кавказ.

Термин «шариатизм» является достаточно условным и обозначает совокупность исламистских доктрин, нацеленных на построение государства на основе шариата. Шариатистская идеология предполагает различные идеи построения национального государства. Одни концепции допускают создание шариатских национальных государств, другие же изначально настроены на построение общемусульманского государства – халифата, который в дальнейшем должен быть трансформирован во Всемирный халифат [3].

В отличие от салафизма, шариатизм находится в рамках традиционного ислама, но при этом настаивает на строгости соблюдения религиозных норм как в повседневной, так и в социально-политической жизни.

Ряд шариатистских организаций в противоположность салафизму допускают использование европейских форм построения социально-политической жизни и создают политические партии. Важнейшими политическими организациями шариатистского толка являются:

- «Движение ислама Восточного Туркестана» (рис. 4);
- «Братья-мусульмане»;
- «Талибан»;
- «Хизбут-Тахрир».

Идеология «джихадизма» предполагает выстраивание основных постулатов исламистской идеологии вокруг идеи джихада – понятия «священной войны» в исламе. При этом в исламизме, с одной стороны, само понятие «джихад» неправомерно сужается до понятия религиозной войны, а с другой – происходит его подмена понятием «террористическая деятельность».

В джихадизме, как и в других проявлениях исламизма, существует несколько течений, важнейшими из которых являются:

- такфиризм;

- интегральный джихадизм.
- направлений исламизма.

Такфиризм предполагает обвинение в неверии всех мусульман, не придерживающихся радикальных взглядов. Он может реализовываться как в форме религиозно-деструктивного сообщества, так и в форме экстремистской или террористической группировки.

Интегральный джихадизм представляет собой попытку объединения джихадистских группировок. Наиболее известными джихадистскими организациями являются:

- «Такфир валь-Хиджра»;
- «Исламский Палестинский джихад»;
- «Исламское государство»;
- «Боко Харам».

Теперь, когда основные характерные черты исламистской идеологии можно считать зафиксированными, представляется необходимым рассмотреть, каким образом они реализуются в символических изображениях. Характер символики исламистских организаций определяется их стремлением использовать традиционные для мусульманской религии символы.

Для выявления символики новых радикальных и экстремистских группировок исламистского характера сотруднику оперативных подразделений, задействованных в мероприятиях по противодействию экстремизму, необходимо знать не только отличительные признаки флагов и эмблем исламистских организаций, но и принципы их образования.

Так, при создании исламистской символики могут осознанно или неосознанно применяться следующие приемы:

- обращение, реальное или воображаемое, к символике первоначального ислама;
- совмещение «знамени джихада» с силуэтами определенных территорий;
- совмещение «знамени джихада» с силуэтом земного шара;
- добавление к традиционным исламским символам различных символов борьбы или агрессии;
- изображение различных религиозных объектов, подлежащих «защите»;
- совмещение националистической и исламской символики;
- изображение наряду с различными исламистскими символами различных животных хищников, традиционно символизирующих силу.

Применение одного из указанных приемов позволяет судить о степени радикальности группировки. Так, обращение к символике первоначального ислама свидетельствует об опоре идеологии той или иной группировки на принципы религиозного фундаментализма. Это характерно для крайних салафитских и джихадистских группировок.

Наличие наряду с черным знаменем с шахадой или черным знаменем с Печатью Пророка каких-либо других символов свидетельствует либо об определенной «либеральности» идеологии конкретной группировки по отношению к воинственному фундаментализму, либо о вхождении группы, ранее базировавшейся на идеях сепаратизма или национализма, в состав джихадистской или салафитской группировки.

Совмещение «знамени джихада» с силуэтами определенных территорий означает, что группировка опирается на поддержку определенного этноса или конфессиональной группы и ведет борьбу за создание шариатского государства в рамках конкретной страны, не ставя перед собой целей построения Всемирного халифата. Однако данное утверждение не следует рассматривать в качестве правила. В некоторых случаях, совмещение «знамени джихада» с силуэтами определенных территорий может означать, что конкретная группировка является «филиалом» более крупной исламистской организации [4].

Совмещение «знамени джихада» с силуэтом земного шара свидетельствует, с одной стороны, о решимости исламистской группировки вести борьбу до установления власти халифата во всем мире, а с другой – о наличии в ее идеологии определенных отклонений от жесткого фундаментализма, поскольку в последнем различные проявления художественных средств светского искусства не приветствуются.

Близким к данному приему можно считать добавление к традиционным исламским символам

различных символов борьбы или агрессии, а также различных хищников, традиционно символизирующих силу.

Наличие на флагах и эмблемах изображений сжимающей кулак руки, человеческих фигур, оружия (прежде всего мечей и автоматов), животных и т.п. вступает в определенное противоречие с мусульманскими традициями, в которых установлен запрет на изображение живых существ.

Вместе с тем, изображение орлов, львов, волков, всадников, солдат, особенно на фоне или в сочетании с черно-бело-зеленым или иными цветами, свидетельствует о наличии националистической составляющей в исламистской идеологии той или иной группировки.

В частности, изображение орла традиционно для арабских стран, прежде всего Сирии и Египта, волка – для Турции и Чечни, льва – для Ирана и народов, исповедующих различные варианты шиизма.

Заключение. Таким образом, наличие указанных выше и подобных им символов, и цветов достаточно строго указывает на то, что исламизм является далеко не единственной составляющей идеологической базы группировки, что открывает определенные перспективы для оперативной работы, в частности для раскола выявленной группы или привлечения к сотрудничеству лиц по идеологическим мотивам.

Из представленной информации о принципах формирования исламистской символики можно сделать вывод о том, что установление характера ее идеологической составляющей может послужить важным элементом оперативно-разыскных мероприятий, связанных с противодействием экстремистским проявлениям религиозно-политической направленности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система / С.М. Прозоров; Ин-т востоковедения, С.-Петербург. фил. М. : Вост. лит., 2004. С. 29.
2. Егулов А.В. Исламский радикализм на постсоветском пространстве: идеологические и организационные аспекты : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2005. С. 7.
3. Самойлов С.Ф. Выявление и пресечение пропаганды исламистских организаций как средство профилактики преступлений экстремистской направленности / С.Ф. Самойлов // Общество и право. 2019. № 2(68). С. 111.
4. Баконина М.С. Указ. соч.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

5. Самойлов С.Ф. Выявление и пресечение пропаганды исламистских организаций как средство профилактики преступлений экстремистской направленности / С.Ф. Самойлов // Общество и право. 2019. № 2(68).
6. Самойлов С.Ф. Своевременное выявление исламистской пропаганды как условие поддержания правопорядка / С.Ф. Самойлов, С.Ю. Просветов // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018.

References:

1. Prozorov S.M. Islam as an ideological system / S.M. Prozorov; Institute of Oriental Studies, St. Petersburg. phil. M. : East Lit., 2004. P. 29.
2. Egupov A.V. Islamic radicalism in the post-Soviet space: ideological and organizational aspects : abstract. ... candidate of Political Sciences. sciences'. Krasnodar, 2005. P. 7.
3. Samoilov S.F. Identification and suppression of propaganda of Islamist organizations as a means of preventing extremist crimes // Society and Law. 2019. № 2(68). P. 111.
4. Bakonina M.S. Said essay.
5. Samoilov S.F. Identification and suppression of propaganda of Islamist organizations as a means of preventing crimes of extremist orientation / S.F. Samoilov // Society and law. 2019. № 2(68).
6. Samoilov S.F. Timely identification of Islamist propaganda as a condition for maintaining law and order / S.F. Samoilov, S.Yu. Prosvetov // Countering extremism and terrorism: philosophical, sociological and political aspects : materials of the V International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2018.

Информация об авторах

Самойлов Сергей Фёдорович

доктор философских наук,
профессор,
полковник полиции,
начальник кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
samoilow111@yandex.ru

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

доктор юридических наук,
профессор,
полковник полиции,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Sergey F. Samoilov

Doctor of Philosophy,
Professor,
Police Colonel,
Head of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
samoilow111@yandex.ru

Kirill V. Vishnevetsky

Doctor of Law,
Professor,
Police Colonel,
Head of the Department
of Educational and Methodological Work
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-22>
УДК 316.4

Attribution
cc by

ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Степаненко С.Г.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. Актуальность. В данной научной работе проводится исследование современных вызовов, возникающих в правовой сфере в контексте процесса цифровизации. Анализируя последствия этого явления для правового обеспечения гуманитарных и социальных норм, статья раскрывает актуальные аспекты его влияния на современное правовое пространство. Работа ориентирована на выявление основных тенденций, вызовов и возможностей, а также на разработку рекомендаций для эффективного регулирования правовых отношений в условиях глобальной и цифровой среды. Таким образом, данное исследование представляет собой определённый вклад в понимание современных правовых реалий и необходимость их адаптации к изменяющимся условиям развивающегося мира. Цифровая трансформация открывает широкие возможности для инноваций, развития и улучшения качества жизни.

Однако для того чтобы полностью реализовать потенциал цифровизации и обеспечить ее позитивное воздействие на общество, минимизировать как существующие, так и потенциальные угрозы, необходимо разработать эффективные стратегии управления рисками, защиты прав потребителей и обеспечения кибербезопасности.

Ключевые слова: цифровизация, правовое пространство, гуманитарные аспекты, социальные аспекты, вызовы, регулирование.

HUMANITARIAN AND SOCIAL ASPECTS OF THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON LEGAL REGULATION

Sergey G. Stepanenko

Kuban State University of Technology

Abstract. The relevance of this scientific work lies in conducting research on contemporary challenges arising in the legal sphere in the context of digitization. Analyzing the consequences of this phenomenon for the legal support of humanitarian and social norms, the article reveals the current aspects of its influence on the modern legal space. The work is aimed at identifying the main trends, challenges, and opportunities, as well as developing recommendations for the effective regulation of legal relations in the conditions of a global and digital environment. Thus, this study represents a relevant contribution to understanding contemporary legal realities and the necessity of adapting them to the changing conditions of the developing world. Revolution has influenced the participants in the negotiation process, its dynamics, forms and the very essence of the negotiation culture. Digital transformation opens up wide opportunities for innovation, development and improvement of the quality of life.

However, in order to fully realize the potential of digitalization and ensure its positive impact on society, minimize both existing and potential threats, it is necessary to develop effective risk management strategies, consumer protection and cybersecurity.

Keywords: Digitization, legal space, humanitarian aspects, social aspects, challenges, regulation.

Введение. В современном мире глобализация и цифровизация играют ключевую роль в формировании общественных, экономических и культурных процессов. Эти явления проникают во все сферы жизни, включая правовое пространство. Глобализация приносит новые вызовы и возможности для развития мирового сообщества, в то время как цифровизация революционизирует способы взаимодействия между людьми, государствами и корпорациями.

В контексте этих процессов, становится все более важным исследование и понимание их влияния на правовую сферу. В данной работе мы сосредоточимся на гуманитарных и социальных аспектах этого влияния. В частности, нас будет интересовать, как глобализация и цифровизация формируют новые правовые реалии, а также как эти процессы влияют на обеспечение гуманитарных принципов и социальной справедливости в обществе.

Целью данной работы является проведение анализа последствий глобализации и цифровизации для правового пространства с акцентом на их гуманитарные и социальные аспекты. Мы попытаемся выявить основные тенденции, вызовы и возможности, а также предложить рекомендации для эффективного регулирования правовых отношений в условиях глобальной и цифровой среды.

Данное исследование представляет собой определённый вклад в понимание современных правовых реалий и необходимость адаптации правовой системы к быстро меняющимся условиям современного мира.

Обсуждение. Цифровизация – необратимый процесс XXI века, охвативший большинство развитых стран. Изначально она начала проявляться в экономике, а затем затронула и остальные сферы общества. Сейчас мы можем наблюдать проявление цифровизации практически во всех сферах общественной жизни. Процесс внедрения цифровизации в общественную жизнь сопровождается ростом технологий, которые воздействуют как на жизнь индивида, так и на жизнь всего общества. С развитием цифровых технологий совершенствуются способы производства и распространения товаров. Таким образом, происходят изменения в сфере экономики. С ростом цифровых технологий происходит расцвет сферы услуг. Формируется вторая реальность, виртуальная. Данному миру многие люди отдают большее предпочтение, чем реальному. Они готовы платить немалые деньги, чтобы приобретать виртуальные товары и услуги. Некоторые индивиды огромное количество времени тратят на эту компьютерную реальность, предпочитая общение в сети, живому общению [1].

Например, по данным, опубликованным исследовательской компанией Juniper Research, в 2020 году мировой оборот рынка покупок, встроенных в компьютерные и мобильные игры, составил \$15 млрд. А к 2025 году он увеличится почти вдвое и достигнет \$25 млрд. Доля россиян в этих тратах, по оценкам экспертов, невелика – всего 1,5 %. Однако если перевести это в российские рубли, то окажется, что и отечественные геймеры потратили в 2020 году на прокачку виртуальных умений своих героев порядка 16 млрд рублей [2]. По данным отчёта Data Bridge Market Research ожидается, что на рынке игр дополненной и виртуальной реальности в прогнозируемый период с 2021 по 2028 год темпы роста составят 19,0 %, а к 2028 году объём достигнет 42403,58 млн. долларов США [3].

Понятие «цифровизация» неразрывно связано с информатизацией, обозначающей процесс построения и развития телекоммуникационной инфраструктуры. Информатизация стремится к объединению информационных ресурсов, даже если они разделены географически. Этот процесс в значительной мере обусловлен развитием цифровых и информационных технологий, а

также распространением Интернета как средства коммуникации. Современная информатизация характеризует постиндустриальное общество и является одной из ключевых черт общества XXI века.

Одной из основных задач информатизации является объединение информационных ресурсов, которые могут находиться сколь угодно далеко друг от друга, единственная проблема – это наличие устойчивой широкополосной связи. Это создает основу для развития цифровых технологий и новых форм коммуникации, что влияет на различные сферы жизни общества.

Информатизация оказывает воздействие на все аспекты жизни, включая методы управления обществом. С развитием информационных технологий происходит изменение взаимодействия граждан с государством и между государствами, а также в области предоставления государственных услуг и регулирования экономики.

Цифровизация и информатизация предвосхищают другой важный феномен XXI века – глобализацию. Новейшие технологии формируют культурные общности, приводя к трансформации и интеграции различных культурных пространств. Это приводит к появлению единой глобальной информационной среды, по сути объединяющей все страны и народы в единую цивилизацию, что имеет существенное значение для дальнейшего развития мирового сообщества [4]. На угрозы и негативные последствия ускорения процесса цифровизации в отдельных сферах обращалось внимание и ранее [5].

Обратим внимание на преимущества цифровизации в контексте права:

1. Улучшенный доступ к правовой информации: Цифровые технологии позволяют создавать онлайн-базы данных и информационные порталы, где пользователи могут легко найти и получить доступ к законодательству, судебной практике, а также к другой правовой информации.
2. Упрощение и ускорение процессов: Цифровые системы автоматизируют многие аспекты правовой работы, такие как подача документов, ведение дел, обмен информацией между участниками процесса. Это способствует ускорению процессов и повышению эффективности работы правовых органов.
3. Улучшение доступности юридических услуг: цифровизация делает юридические услуги более доступными для граждан, позволяя проводить консультации и предоставлять юридическую помощь удаленно, через интернет [6].

В то же время, необходимо обозначить и недостатки процесса цифровизации в контексте права:

1. Кибербезопасность и защита данных: цифровизация может увеличить риски кибератак и уте-

чек данных, особенно важных с точки зрения правовой конфиденциальности. Недостаточная защита данных может привести к утечке персональной информации и нарушению прав граждан.

2. Доступность для всех групп населения: Не все граждане обладают достаточными навыками работы с цифровыми технологиями, что может создавать преграды для доступа к правовой информации и услугам. Это может усугубить проблему цифрового неравенства и исключения [7].

3. Юридические аспекты цифровой дискриминации: цифровизация может привести к возникновению новых форм дискриминации, например, при использовании алгоритмов и искусственного интеллекта в правовой сфере. Это требует разработки специальных механизмов и нормативов для защиты прав граждан от такой дискриминации.

Необходимость адаптации правовой системы к вызовам цифровой трансформации, на наш взгляд, связана со следующими вопросами:

— исследование стратегий и механизмов, которые могут помочь правовой системе адаптироваться к новым вызовам, представленным цифровой трансформацией;

— рассмотрение вопросов обновления законодательства, развития правовых норм и укрепления институтов правосудия для эффективной работы в цифровой среде.

Обратим внимание на область международного сотрудничества в области цифровой безопасности и киберзащиты как одного из ключевых аспектов адаптации правовой системы к вызовам цифровой трансформации.

Обеспечение информационной безопасности — это неотъемлемый компонент успешной работы организаций в современном цифровом мире. Этот процесс включает в себя не только технические аспекты, такие как установка и обновление программного обеспечения, но и организационные и человеческие меры, направленные на предотвращение угроз безопасности [8].

Важной составляющей обеспечения информационной безопасности является управление рисками. Организации всех уровней и форм собственности должны проводить оценку рисков, выявляя потенциальные уязвимости в своих системах и разрабатывая стратегии и тактики для их устранения или минимизации. Прежде всего, данная проблема касается государственных структур и тесно связанных с ними организаций и предприятий, сосредотачивающих по роду своей деятельности большие массивы персональных данных физических лиц, а также информацию, касающуюся коммерческой и иных видов тайн юридических лиц. Кроме того, не менее важно обеспечить соответствие нормативным требованиям и стандартам безопасности,

что позволяет соблюдать законодательство и предотвращать возможные штрафы и санкции.

Помимо этого, обеспечение информационной безопасности требует постоянного мониторинга и анализа как произошедших инцидентов, так и угроз потенциальных. Организации должны оперативно реагировать на возникающие проблемы, осуществляя инцидентный ответ и восстановление после атаки или инцидента безопасности.

Важно также уделять внимание обучению сотрудников. Регулярные тренинги и обучающие программы помогают повысить уровень осведомленности персонала по вопросам кибербезопасности и уменьшить вероятность социальной инженерии и других видов атак, связанных с человеческим фактором [9].

Наконец, с учетом динамичного характера киберугроз и постоянного развития технологий, организации должны постоянно совершенствовать свои методы и стратегии обеспечения информационной безопасности, чтобы оставаться защищенными в постоянно меняющейся кибербезопасности.

Банк России направил информационное письмо банкам, датированное 01 марта 2019 года, где разъяснил процедуру регистрации клиентов в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА), а также сбора биометрических данных в Единую биометрическую систему. Центральный банк подчеркнул важность четкого информирования клиентов о том, в какую конкретную биометрическую систему передаются их данные — в ЕБС или во внутреннюю систему банка. Следует отметить, что данное письмо не обладает нормативным статусом.

Федеральный закон «О персональных данных» определяет категорию персональных данных общего характера как любую информацию, прямо или косвенно относящуюся к определенному физическому лицу (ст. 3). Таким образом, закон содержит ключевой критерий персональных данных — возможность идентификации конкретного лица. Однако действующая редакция статьи 128 Гражданского кодекса РФ не включает информацию в число объектов гражданских прав, хотя ранее это и было предусмотрено [10].

В литературе отмечается, что персональные данные общего характера являются наиболее сложными и многоаспектными для понимания и интерпретации. Точная идентификация личности возможна при наличии данных, связанных с фамилией, именем и отчеством. Именно эти сведения служат основным идентификатором гражданина в гражданском обороте, поскольку через них осуществляется приобретение и осуществление прав и обязанностей.

Результаты.

1. Цифровая трансформация оказывает значительное влияние на различные сферы общества,

включая экономику, социальную сферу и правовую систему. В процессе исследования было выявлено, что цифровизация представляет собой как вызовы, так и возможности для общества.

2. Применение цифровых технологий открывает новые перспективы для развития бизнеса и улучшения качества жизни граждан. Однако оно также ставит перед обществом ряд задач, включая вопросы кибербезопасности, защиты персональных данных и социальной адаптации к изменениям в технологическом пространстве.

3. В контексте правовой системы, цифровая трансформация требует постоянного обновления законодательства и адаптации правовых норм к новым вызовам. Это включает в себя разработку механизмов регулирования цифровых технологий, защиту прав потребителей в цифровой среде и обеспечение кибербезопасности.

4. Необходимо также уделить внимание вопросам социальной справедливости и включения, чтобы цифровая трансформация не углубляла

цифровое неравенство и не создавала новых барьеров для доступа к информационным ресурсам.

Заключение. Цифровизация представляет собой неизбежный процесс современного общества, который формирует новую реальность и изменяет способы взаимодействия между людьми, организациями и государствами. Несмотря на вызовы, которые она порождает, цифровая трансформация открывает широкие возможности для инноваций, развития и улучшения качества жизни.

Однако для того, чтобы полностью реализовать потенциал цифровизации и обеспечить ее позитивное воздействие на общество, минимизировать как существующие, так и потенциальные угрозы, необходимо разработать эффективные стратегии управления рисками, защиты прав потребителей и обеспечения кибербезопасности. Только таким образом цифровая трансформация сможет стать драйвером устойчивого и инклюзивного развития, способствуя созданию более справедливого и благополучного общества.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Криштаносов В.Б. Методология оценки и управления цифровыми рисками / В.Б. Криштаносов // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2021. № 2(250). С. 15–36.
2. Игры по крупному: как геймеры тратят миллиарды на виртуальные покупки. URL : <https://tass.ru/obschestvo/13207929> (дата обращения 25.05.2024).
3. Мировой рынок игр дополненной реальности/виртуальной реальности – тенденции отрасли и прогноз до 2028 года. URL : <https://www.databridgemarketresearch.com/ru/reports/global-augmented-reality-virtual-reality-gaming-market> (дата обращения 25.05.2024).
4. Посталюк М.П. Цифровизация локальных систем региональной российской экономики: потребности, возможности и риски / М.П. Посталюк // ПСЭ. 2018. № 2(66). С. 174–176.
5. Степаненко С.Г. Цифровизация образования как процесс глобализации экономики / С.Г. Степаненко, В.В. Помазанов // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2020. № 3. С. 829-839.
6. Янгильбаева Л.Ш. Преимущества и недостатки процессов цифровизации экономики//Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2021. № 1(4). С. 73–79.
7. Чернавин Ю.А. Современная цифровизация: преимущества и риски для Российского общества и его безопасности / Ю.А. Чернавин // Военный академический журнал. 2020. № 2(26). С. 76–84.
8. Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху. Российское право в европейском контексте / Э.В. Талапина // Труды Института государственного права РАН. 2018. Т. 13. № 5.
9. Пилипенко А.Н. Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах. М. : Инфотропик Медиа, 2021. 232 с.
10. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М. : Статут, 2017.

References:

1. Krishthanosov V.B. Methodology for Assessing and Managing Digital Risks / V.B. Krishthanosov // Proceedings of BSTU. Series 5: Economics and Management. 2021. № 2(250). P. 15–36.

2. Big games: how gamers spend billions on virtual purchases. URL : <https://tass.ru/obschestvo/13207929> (date of application 05/25/2024).
3. The global augmented reality/virtual reality games market – industry trends and forecast until 2028. URL : <https://www.databridgemarketresearch.com/ru/reports/global-augmented-reality-virtual-reality-gaming-market> (date of application 05/25/2024)
4. Postaluk M.P. Digitization of Local Systems of the Regional Russian Economy: Needs, Opportunities, and Risks / M.P. Postaluk // PSE. 2018. № 2(66). P. 174–176.
5. Stepanenko S.G., Pomazanov V.V. Digitalization of education as a process of economic globalization // Electronic network polythematic journal «Scientific works of KubSTU». 2020. № 3. P. 829–839.
6. Yangulbayeva L.S. Advantages and Disadvantages of Economic Digitization Processes / L.S. Yangulbayeva // Bulletin of Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2021. № 1(4). P. 73–79.
7. Chernavin Yu.A. Modern Digitization: Advantages and Risks for Russian Society and Its Security / Yu.A. Chernavin // Military Academic Journal. 2020. № 2(26). P. 76–84.
8. Talapina E.V. Personal Data Protection in the Digital Age. Russian Law in European Context / E.V. Talapina // Proceedings of the Institute of State and Law RAS. 2018. Vol. 13. № 5.
9. Pilipenko A.N. Trends in Digitization of Executive Power in Foreign Countries. M. : Infotropik Media, 2021. 232 p.
10. Saveliev A.I. Scientific-Practical Commentary on the Federal Law «On Personal Data». M. : Statut, 2017.

Информация об авторе

Степаненко Сергей Григорьевич
доцент кафедры СПиРП,
Кубанский государственный
технологический университет
stepik71@mail.ru

Sergey G. Stepanenko
Associate Professor
of the Department of SPiRP,
Kuban State Technological University
stepik71@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-45>

УДК 316

Attribution

cc by

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ И СТРАТИФИКАЦИИ

Сюй Хаовэй¹, Самыгин С.И.²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация. В своей работе авторы поставили целью исследование феноменов институализации и стратификации в их временном развитии. Авторы рассмотрели и проанализировали различные направления социологической науки, исследующие явления, рассматриваемые в этом материале. Исследованы формальные и неформальные социальные группы, их соотношение и возможности влияния в социуме на процессы институализации и стратификации, затронуты вопросы, связанные с компьютеризацией повседневности и появлением виртуальной реальности. В своей работе автор использовал следующие методы: аналитический, темпоральный, индуктивный. В результате, авторы приходят к выводу об особой актуальности изучения разобранных явлений в связи с начавшимся внедрением искусственного интеллекта практически во все стороны жизни.

Ключевые слова: институт, «средний класс», социальная общность, социальная группа, индивидуум, формализация.

SOME ISSUES OF INTERNATIONALIZATION AND STRATIFICATION

Xu Haowei¹, Sergey I. Samygin²

¹Lomonosov Moscow State University,

²Rostov State University of Economics

Abstract. In his work, the author set out to study the phenomena of institutionalization and stratification in their temporal development. The author has reviewed and analyzed various areas of sociological science that investigate the phenomena considered in this material. Formal and informal social groups, their correlation and the possibilities of influence in society on the processes of institutionalization and stratification are studied, issues related to the computerization of everyday life and the emergence of virtual reality are touched upon. In his work, the author used the following methods: analytical, temporal, inductive. As a result, the author comes to the conclusion about the special relevance of studying the analyzed phenomena in connection with the beginning of the introduction of artificial intelligence in almost all aspects of life.

Keywords: institute, «middle class», social community, social group, individual, formalization.

Введение. Слово «институт» давно и прочно вошло в нашу речь, причём произносится оно безотносительно высшего учебного заведения. Теперь кроме упомянутого значения, этот термин допускается в самых разнообразных сочетаниях, например, институт уполномоченного по правам человека или финансово-кредитные институты. Это понятие будет интересовать нас применительно к экономической, государственной, политической, социальной деятельности человека в индивидуальном и групповом порядке.

В общем плане, о некоторых формах объединения людей с целью совместной деятельности или иной формы участия для того, чтобы создать механизм удовлетворения потребностей, возникающих у отдельного индивидуума или социальной группы, в основном, это относится к групповым интересам.

Результаты. Впервые термин «институт» был введён в научный оборот в конце семнадцатого века, в той части философии, из которой впоследствии вышла наука социология.

Данный термин использовался в научных трудах, исследовавших относительно гражданских институтов, таких как религиозные, общественные и отчасти политические объединения [1; 2].

Становление социологии как науки произошло в начале девятнадцатого века; обозначим выдающую роль в развитии социологии Герберта Спенсера и Огюста Конт. С этого времени понятия «институт» и «институциональный метод» прочно обосновались в научных исследованиях [3].

Нередко этот термин употребляется как в отношении общепринятых правил, так и в отношении типажа поведения. Мы не видим здесь противо-

речия, поскольку многие правила проходят установление эмпирическим путём.

Сам перечень социальных институтов может занять довольно много места. Поэтому ограничимся перечислением основных, попутно отметив пересечение с институтами, определяемыми как гражданские. Прежде всего, это государство, семья, религия, право, наука, образование.

Обсуждение. В литературе и научных публикациях можно найти более двух десятков определений понятия «институт»; мы коснёмся их по мере продолжения нашей работы.

Бурный прогресс техники и технологий в конце девятнадцатого – начале двадцатого века, не могла состояться без развития науки, в том числе наук, изучающих общественные отношения.

Так, в экономической науке кроме «классического» направления связанного с именами А. Смита и Д. Рикардо, появились новые течения; многие полагают их, не утратившими актуальность по сей день; имеем в виду учения К. Маркса и Дж. М. Кейнса. Отсюда есть некоторые основания полагать, что само появление понятия «институализация», в качестве научного направления, пришло в социологию из экономики.

Совершенствование науки и техники сопровождалась значительными подвижками в социальных группах и сообществах уже, имевшихся на рассматриваемый период, так же появлялись новые, как результат модернизации системы образования. Так, появились социальные группы, которые в текущий период определяются через термин «средний класс».

Определённую сложность в разработке темы представляет размытость понятия «институт», а, следовательно, и процессов с ним связанных, мы уже затрагивали эту проблему. При этом отмечаем потребность стандартизации понятия, объединённого ограниченным набором признаков и отличий; тем не менее, множество таких свойств и признаков не позволяет корректно решить эту задачу, избегая противоречий. Во всяком случае, институализм как магистральное направление в обществоведческих науках сохраняет свою значимость и продолжает разрабатываться научным сообществом в разных странах.

Обилие трактовок термина «институт» совсем не препятствует этому процессу, потому что он имеет обширное и стабильное применение в гуманитарных науках, не исключая, социологию, юриспруденцию, экономику и многими другими, в это не трудно убедиться, открыв публикации, относящиеся к перечисленным наукам [4]. Поскольку понятие «институт» приобрело не только научное значение, но общественное и даже культурное; оно требует серьёзного философского анализа. Не вдаваясь в подробности определения феномена социальных процессов, отметим, прежде чем начнётся сам процесс, необ-

ходимо, чтобы сложились необходимые условия для этого начала. Одно из условий - это формирование социальной общности, которую будет затрагивать новый социальный процесс, он же может касаться нескольких социальных общностей. Для лучшего понимания природы социальных институтов и процесса институализации, считаем, допустимым привести перечень важнейших и напомнить о некоторых из них.

Итак, это институты обрядовые, политические, семейные, религиозные, профессиональные, образовательные, региональные. Этим мы ограничимся.

Очевидно, что появление социальной общности, института, его жизнь как сложившейся общности имеет временные рамки, от точки начала отсчёта до завершения, в некоторых случаях.

Полагаем допустимым определить время от начала формирования социального института до окончательного оформления в виде устойчивой социальной общности, определить, как время институализации. Находим целесообразным уделить несколько слов раскрытию термина социальная группа.

Под социальной группой, чаще всего, понимается множество людей, объединённых комплексом установленных атрибутов, имеющих общие интересы, общающихся и взаимодействующих через межличностные и межгрупповые отношения. Обстоятельства, деятельность социальной группы регламентируются социальными институтами, через правила, ценности, традиции, поскольку социальные группы могут быть формальными и неформальными, такими же могут быть институты, правила и тому подобное.

Ещё один важный момент, кроме формальности и неформальности – это такое свойство, как открытый или закрытый характер, первые, как правило, более подвижные, чем вторые, иногда практически не подвижные в силу закрытости.

Принадлежность индивидуума к социальной группе не означает невозможность принадлежности его к другой общности [5]. Так, например, принадлежность к группе «автомобилисты» вполне допускает принадлежность к группам по профессиональному, образовательному или иному принципу. Существенную значимость имеет современный факт институализации межгрупповых и даже межгосударственных отношений.

Некоторые исследователи ставят знак равенства между понятиями «институализация» и «формализация», полагаем это не совсем так, формализация часть более широкого понятия, относящаяся к уточнению функций, правил и механизмов действия внутри и вне процесса институализации. Формализация - некоторая завершающая стадия институализации, в ходе которой система отношений, возникшая эмпирическим путём, проходит процесс превращения в нормы, как уже

упоминалось в писанную или не писанную. Однако принадлежность к группе означает следование правилам, иначе хаос неминуем.

Процесс институализации имеет началом с формирования неких объединяющих целей, оформление норм и правил, как следствие процедур, связанных с этими правилами, к части правил можно отнести систему санкций, завершается этот процесс формированием, формализацией структуры статусов.

В виде промежуточного вывода сделаем следующее обобщение, под институализацией допустимо понимать многоступенчатый процесс, начинающийся с осмысления потребностей затрагивающий интересы множества людей, которых мы определили, как социальную группу, общность, на финальной стадии формируются системы правил и статусов.

Все социальные группы занимают своё уникальное положение, дифференциация этих групп может происходить по имущественному, религиозному, профессиональному и иным уже упоминавшимся признакам, в завершение процесса дифференциации образуется общность, социальный слой или группа которые в социологической науке определяются как страта.

Не предполагаем необходимым напоминать, что образование страты происходит эмпирическим путём. Проблемы стратификации начали разрабатываться в науке ещё до того момента, как сам термин был введён в научный оборот. Достаточно простые, по мнению многих, примитивные условия социальной стратификации предложил небезызвестный К. Маркс; в основе теории, предложенной К. Марксом, лежит отношение к собственности, упрощённом виде вся классификация сводится к двум классам: эксплуатируемым и эксплуататорам.

Один из основателей социологии как науки М. Вебер не без успеха оппонировал К. Марксу, он оперировал тремя категориями стратификации: отношение к собственности, власть, через партийную принадлежность, социальный статус, определяемый через престиж. К последнему критерию мы ещё вернёмся, в ходе нашего рассмотрения проблематики статьи.

В двадцатом веке оба направления получили авторитетных продолжателей, уточнялись критерии стратификации, новые вводились в оборот. Мы не случайно употребили термин «авторитетный», так продолжатели Марксовой теории, в качестве критерия, применимого к стратификации ввели понятие «авторитет», определяемое через стремление к власти и реализацию этого стремления всякого рода социальных общностей, страт. По этой причине очень существенно, детально постигнуть параметры практически применимых для определения понятий «авторитет» и «успех».

Вряд ли возможно создать всеобщее объяснение данных понятий, даже в силу того, что значение слов, их понимание каждым человеком, имеет свойство преобразоваться. Это не так просто, как кажется на первый взгляд, денежное состояние. Вряд ли. Как мы знаем из религии и общественных отношений, проповедник или учёный, предложивший новую теории, может оказать воздействие большее и продолжительное по времени, чем обладатель миллиардов. Справедливость этого тезиса подтверждают имена, уже упомянутые в этой статье. Несмотря на значительное количество условий, коррелирующих с материальным фактором, не считаем этот момент преобладающим, поскольку доступ к достижению материальных зависит от других, сугубо нематериальных параметров.

Путь к успеху, авторитету, благосостоянию может облегчить или напротив усложнить, например, следующие условия стратификации: этническая принадлежность, возрастная, половая, региональная, статус поселения, религиозные, морально-этические.

В научных публикациях о социальной стратификации многократно встречается понятие «неравенство», удостоверяется актуальными на сегодня исследовательскими подходами, имеется ввиду функциональный, конфликтологический, марксистский и неомарксистский. Не считаем эти подходы исчерпывающими в силу их некоторой одномерности, переход к информационному обществу, появлению такого понятия как виртуальная реальность. На самом деле, поклонником и участником компьютерной игры онлайн может быть практически любой человек независимо от материального достатка или социального статуса. В чём же выражается их неравенство? Разве, что в наличии или ограниченности свободного времени, думаем, в ближайшее время эта тема будет изучена самым подробным образом.

Несмотря на относительно недавнее появление понятий «страта» и «стратификация», само явление имеет продолжительную историю; социология и другие общественные науки - политология, экономика изучают основные типы социальной стратификации, определяемые как рабство, сословие, класс, каста. Напомним, что экономика это не про цифры, это и отношения; таким же образом можно утверждать, что стратификация это – про отношения, в том числе про коммуникацию между стратами.

Невозможно представить зарождение, деятельность, жизнь различных страт без обмена информацией и смыслами, иначе всё окружающее может погрузиться, если использовать самый мягкий термин, в беспорядок.

В этой статье мы не будем касаться вопросов достоинства и недостатков стратификации и институализации снизу путём узаконения, сложившихся практическим путём норм, или созданием и закреплением правил через законодательство и другие правовые акты. При данных условиях, ограничимся определённым автоповтором: ин-

ституализация это замещение самопроизвольно-го, во многом экспериментального поведения, подлежащего моделированию, регламентированию, планированию; одной из форм её завершения служит формирование общественного признанного института.

Заключение. Стратификация тесно связана с институализацией; некоторые исследователи даже отождествляют оба понятия, которые представляет собой выделение и систематизацию общества через образование различных слоёв, страт на основе классифицируемых общих признаков.

Считаем оба этих понятия крайне актуальными для максимально тщательного научного анализа; востребованность такого изучения диктуется изменениями, происходящими в обществе по всему миру.

Цифровизация, скорое повсеместное и повседневное внедрение искусственного интеллекта окажут своё влияние на институализацию и стратификацию; надо быть готовым к новым вызовам и ответному действию. Полагаем, цифровизация и средства, обеспечивающиеся искусственным интеллектом, дают основания для уверенности успешного решения этой задачи.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Байниязова З.С. Проблема консолидации правового статуса личности в российской правовой системе в цифровую эпоху / З.С. Байниязова, А.В. Бондаренко, М.Ю. Лукиянов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1(188). С. 14–17.
2. Волик М.В. Формирование кадровых экосистем в ИТ-сфере: обзор проблем и перспектив / М.В. Волик // Дискуссия. 2024. № 1(122). С. 63–72.
3. Хакимов Э.М. Методологические и теоретические проблемы социальной стратификации / Э.М. Хакимов, Ю.М. Хабибуллина, Р.Д. Валиуллин. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-i-teoreticheskie-problemy-sotsialnoy-stratifikatsii>
4. Чувелева Н.Н. <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-i-teoreticheskie-problemy-sotsialnoy-stratifikatsii>; https://spravochnick.ru/sociologiya/klassifikaciya_i_stratifikaciya/problemy_socialnoy_stratifikatsii/
5. Подручный М.В. Социология. Курс лекций для студентов заочной формы обучения / М.В. Подручный, О.А. Матусевич. М. : Минск, 2022.
6. Волик М.В. Формирование кадровых экосистем в ИТ-сфере: обзор проблем и перспектив / М.В. Волик // Дискуссия. 2024. № 1(122). С. 63–72.

References:

1. Bayniyazova Z.S. The problem of consolidating the legal status of an individual in the Russian legal system in the digital age / Z.S. Bayniyazova, A.V. Bondarenko, M.Yu. Lukiyanov // Eurasian Legal Journal. 2024. № 1(188). P. 14–17.
2. Volik M.V. Formation of personnel ecosystems in the IT sphere: an overview of problems and prospects // Discussion. 2024. № 1(122). P. 63–72.
3. Khakimov E.M. Methodological and theoretical problems of social stratification / Khakimov E.M., Khabibullina Y.M., Valiullin R.D. теоретические проблемы социальной стратификации / Э.М. Хакимов, Ю.М. Хабибуллина, Р.Д. Валиуллин. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-i-teoreticheskie-problemy-sotsialnoy-stratifikatsii>
4. Chuveleva N.N. теоретические проблемы социальной стратификации / Э.М. Хакимов, Ю.М. Хабибуллина, Р.Д. Валиуллин. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-i-teoreticheskie-problemy-sotsialnoy-stratifikatsii>; https://spravochnick.ru/sociologiya/klassifikaciya_i_stratifikaciya/problemy_socialnoy_stratifikatsii/
5. Podruchny M.V. Sociology. A course of lectures for correspondence students. M. : Minsk, 2022.
6. Volik M.V. Formation of personnel ecosystems in the IT sphere: an overview of problems and prospects / M.V. Volik // Discussion. 2024. № 1(122). P. 63–72.

Информация об авторах

Сюй Хаовэй

бакалавр,
социологический факультет,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1643105295@qq.com

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового
и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78_@yandex.ru

Xu Haowei

Bachelor,
Faculty of Sociology,
Lomonosov Moscow State University
1643105295@qq.com

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78_@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-23>
УДК 316.4, 316.75

Attribution
cc by

МУЖЕСТВЕННОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Тамбиянц Ю.Г., Лукинов А.Н.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. Актуальность. В статье предлагается рассмотрение мужественности в качестве исторического и социально-психологического феномена. Исходя из данных первичного социологического исследования, определяются векторы мужественности в сознании молодежи, а также характер сдвигов в социальном поведении. Динамика мужественности в рамках российского общества в целом характеризуется как нисходящая, в чем видится результат погруженности отечественного социума в социокультурную среду потребительства, подкрепляемую компьютеризацией. В то же время, как национальный феномен, мужественность в России все еще не растеряла традиционных оснований, преимущественно связанных с коллективными задачами. Ресурс мужественности при всем его субъективизме вполне может стать козырем России в обостряющейся конкуренции цивилизаций.

Ключевые слова: мужественность, модели мужественности, факторы мужественности, закон техно-гуманитарного баланса, торговый дух, бойцовский дух, военная эволюция, цивилизационная конкуренция.

MASCULINITY AS A PHENOMENON OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

Julian G. Tambiyants, Andrey N. Lukinov

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. The article proposes the consideration of masculinity as a historical and socio-psychological phenomenon. Based on the data of the primary sociological research, the vectors of masculinity in the minds of young people are determined, as well as the nature of shifts in social behavior. The dynamics of masculinity within Russian society as a whole is characterized as downward, which is seen as the result of the immersion of domestic society in the socio-cultural environment of consumerism, supported by computerization. At the same time, as a national phenomenon, masculinity in Russia has still not lost its traditional foundations, mainly related to collective tasks. The resource of masculinity, for all its subjectivism, may well become Russia's trump card in the escalating competition of civilizations.

Keywords: masculinity, models of masculinity, factors of masculinity, the law of techno-humanitarian balance, trading spirit, fighting spirit, military evolution, civilizational competition.

Введение. Весьма расхожий характер имеет тезис о неустойчивости и текучести современного мира.

Противостояние двух систем, определяющее мировую биполярность, сменилось, вроде бы, торжеством мирового капитализма и международного гегемона США, в рамках которых довольно скоро обнаружилось собственные противоречия.

Диалектика социальной эволюции позволяет распознать своего рода антитезис, заключающийся в оборотной стороне развития западной, да и вообще мировой цивилизации, коньком которой выступают технологии и возрастающий уровень потребления.

Обсуждение. Победы над фашизмом и коммунизмом привели западные демократии к самоуспокоенности, что израильский ученый А. Гат

видит в падении рождаемости, старении населения и последовательной эрозии патриархата. Для поднятия уровня пассионарности он считает целесообразным разработку нового образа войны, отвечающего социальным запросам современности [2, с. 120]. Правда, имеются и противоположные мнения.

Известный либеральный ученый Э. Геллнер восторгается необратимой победой «коммерческого общества над обществом насилия», полагая, что в новых условиях не только храбрый достоин красавицы [3, с. 91].

Не отрицая возможной дискуссионности упомянутой проблемы, тем не менее, укажем на объективный факт стремительного усиления мусульманского фактора в западноевропейских странах, который по пассионарности на порядок превосходит коренных жителей.

По мнению политолога В. Соловья, иммигрантские группы в Европе «демонстрируют нескрываемую и агрессивную волю к власти, в то время как европейцы потеряли не только волю к власти, но даже волю к борьбе» [8].

В связи с этим, уместно поставить вопрос: А как обстоят дела в России? Это особенно актуально в свете обостряющихся отношений с Западным миром, да и вообще нового витка цивилизационной конкуренции.

Отечественный социум также захватывает текучесть и турбулентность общественной действительности, что актуализирует ряд проблем, в том числе касательно воспроизводства национальной идентичности.

В текущий момент Россия только определяется с собственным статусом в международном сообществе; плюс к этому, внутренняя ситуация никак не лишена принципиальных антагонизмов, отражающихся, в том числе и на транснациональном уровне.

Культура потребления отнюдь не обходит российской социальной среду, закладывая схожие с Западом проблемные тенденции. Если выражаться категориями исторической философии Л. Гумилева, следует говорить о следующем за акматической фазой пассионарном упадке [4]. Мы же предпочитаем «пассионарности» более обыденный и приземленный термин «мужественность», ставя вопрос о возможном ее выхолащивании, в чем видим прежде всего следствие «болезни» цивилизации.

Как показывает ретроспективный исторический анализ, мужественность представляет собой ресурс который в определенные моменты играет не просто важную, но решающую роль, обеспечивая адекватный ответ на определенного характера вызовы.

В настоящей работе мы намерены затронуть проблематику мужественности именно в отечественных условиях. Рамки статьи заставляют существенно ограничить объект исследования.

Нашей целью выступает выяснение характера динамики мужественности в российской молодежной среде. Соответственно, задачи статьи предполагают:

— во-первых, уточнение определения мужественности в качестве социально-психологического, а также исторического феномена;

— во-вторых, определить сущность представлений о мужественности молодежного сознания, а затем сдвигов в социальном поведении молодежи, связанных с проявлениями мужественности. Решение второй задачи будет опираться на данные собственного социологического исследования, проведенного среди курсантов Краснодарского авиационного училища.

В авторской интерпретации, мужественность видится как определенная черта характер, или особое внутреннее состояние, связанное с проявлениями твердости, решительности, настойчивости в процессе достижения поставленных задач, что связано обычно с противодействием внешним обстоятельствам или преодолением внутренних психологических барьеров.

Имеет смысл утверждать существование внутренних (психофизиологических, психологических), а также внешних, главным образом, социальных источников мужественности, из чего следует тезис о мужественности как о социально-психологическом феномене, который может приобретать как индивидуальные, так и коллективные (массовые, в том числе) формы.

Собственно, характер мужественности как явления пытались осмыслить и дать ему взвешенную оценку уже в древние времена.

Тематика мужественности находится в центре одного из диалогов Платона «Лакет», где данному феномену придается расширенное понимание: «мужествен не только перед лицом бед и страхов, но умеет искусно бороться со страстями и наслаждениями, оставаясь ли в строю или отступая» [7, с. 191]. При этом подчеркивается некий фундаментализм мужественности – если человек изначально обделен этим, то нет смысла обучать его воинскому делу.

Итогом анализа наследия древнегреческого эпоса Е. Алымовой стали три модели мужественности – Ахилла, Гектора и Одиссея» [1], к которым мы намерены добавить еще и четвертую модель идентичности, основанную уже на наших собственных соображениях. Все четыре модели или формы мужественности содержательно различаются между собой, хотя и могут кое в чем пересекаться.

Итак, модель Ахилла предполагает на первом плане стремление к индивидуальной славе посредством победы над врагом или врагами. Тем самым, здесь бесспорно доминирует героическое самоутверждение конкретной личности. Принципиально иным содержанием наполнена модель Гектора, где во главу угла ставятся героические усилия по защите родного города, родной земли. Легко заметить, что феномен патриотизма и неуклонного следования долгу органично вписываются в данную модель. Модель Одиссея представляет собой такой вариант проявлений мужественности, который связан в первую очередь со стойкостью в плане преодоления жизненных испытаний, грозящих психологически «слоमित» человека.

Наконец, предложенная нами четвертая модель идентичности, предполагает следование собственному внутреннему кодексу, несмотря на меняющиеся обстоятельства, то есть когда человек находит в себе силы быть постоянно «самим собой» [9].

Если обратить внимание на исторические условия, то их анализ очевидно указывает на вектор упадка мужественности. В этом мы видим результат множества причин, в основном, связанных с динамикой западной цивилизации, считающейся образцом современного благополучия и комфорта.

Упомянутая выше концепция пассионарности, предложенная отечественным историком Л. Гумилевым, как раз и склонна утверждать, что материальное благополучие коррелирует с упадком пассионарности, которая во многих отношениях может пересекаться с мужественностью, хотя, конечно, это не тождественные понятия.

На основе собственного ретроспективного взгляда, мы хотим предложить комплекс из пяти факторов, работающих на выхолащивание мужественности, которым дадим краткий обзор.

Закон техно-гуманитарного баланса представляет первый фактор. Суть этого закона состоит в том, что разрастание мощи военных и производственных технологий требует обязательного и последовательного развития методов культурной регуляции. Последние нужно привести в соответствие с упомянутыми военными технологиями, прежде всего с целью безопасного их применения [6].

Отсюда, с течением времени, возрастает функциональное значение разнообразных идей мирного сосуществования, общечеловеческих ценностей, тогда как применение силовых методов воспринимается все чаще не в виде нормы, а, скорее, в качестве варварского пережитка.

Эволюция военного дела представляет, с нашей точки зрения, второй фактор. Военная сфера изначально представляла собой сегмент общественных отношений, в рамках которого мужественность выступала наиболее важным ресурсом. Однако военные революции принципиально меняли качественные характеристики войны, трансформировали ее облик, что неизбежно вызывало заметные сдвиги в содержании воинского мышления и духа.

Всего насчитывается три таких революции.

Первая революция – организационная, существенным образом рационализировала боевой воинский дух.

Вторая революция – огневая, увеличила расстояние, на котором открывались непосредственные боевые действия.

Третья революция привела к противодействию не столько между людьми и их индивидуальным и групповым боевым настроем, сколько между бездушными механизмами и моторами.

Феномен воина, отнюдь не потерявший своей актуальности после первой и даже второй военных революций, после третьей оказался оконча-

тельно вынесенным за пределы военной сферы, полностью уступив место солдату.

Если для войн прошлого обязательным являлись определенные психологические особенности у представителей групп, вовлеченных в боевые действия, то в современном мире профессия военного, согласно тезису Э. Геллнера, не имеет специфических особенностей и доступна фактически любому [3, с. 90].

Третий фактор мы видим в *развитии государства* в качестве главной регулирующей насилье структуры. Сама суть государственного феномена предполагает стремление взять под контроль силовые ресурсы или, по-другому, установить монополию на насилие. В процессе государственной эволюции (стейтогенеза, согласно терминологии Л. Гринина), усиливающиеся административные институты налагают на общество дополнительные рамки и контролирующие механизмы, затрагивая, в том числе реализацию силовых ресурсов на практике, посредством придания им юридического значения.

Динамика взаимодействий торгового духа и бойцовского духа представляет, по-нашему, четвертый фактор. Если до эпохи капитализма воинский дух и торговый дух, главным образом, взаимно уравновешивались, время от времени, получая краткосрочный перевес, то в Новое время просматривается уже безусловное преобладание второго над первым, что приобретает неуклонный смысл. Это происходит в силу ряда причин, главной из которой мы считаем то, что иррациональная сущность бойцовского духа сама по себе антагонистична капиталистическому мировоззрению, основанному на жестком рациональном расчете.

Наконец, *гедонистический дух* современности представляется нам пятым фактором.

Тотальное распространение гедонистических установок – не что иное, как следствие распространения общества потребления, чем характеризуется состояние современной капиталистической цивилизации. Причем, феномены геймерства, порно в значительной большей степени затрагивают именно мужчин, находя в их психофизиологической сущности основной отклик.

В итоге, достижительские стремления «сильной» половины снижаются, тогда как женщины вырываются вперед по нескольким социальным показателям. Здесь упомянутый тренд современной цивилизации подтверждается научными исследованиями [5], а также отражается в художественной культуре (роман «Бойцовский клуб» Ч. Полланика). Представляется, что расцвет одиозных идеологических феноменов вроде радикального феминизма, не в последнюю очередь, обусловлен подобными социальными условиями.

Для более конкретизированного представления о подобной проблеме, в отечественной среде

было проведено социологическое исследование среди курсантов Краснодарского авиационного училища. Подобная выборка была продиктована:

– во-первых, принадлежностью опрошенных к молодежному сегменту (возрастной состав от 18 до 22 года);

– во-вторых, военным статусом респондентов, что само по себе, предполагает феномен мужественности, пусть и более в культурном плане. В общей сложности, опрошено 184 курсанта, юношей и девушек. Инструментарием послужила анкета, выборка целевая.

Изначально предполагалось уточнение, каким именно содержанием наполняется понятие мужественности в сознании молодых людей. Распределение ответов показало, что как юношами, так и девушками отвергаются формы мужественности, ассоциируемые с внешней брутальностью (варианты ответов: быть накачанным; иметь хорошую машину собрали не более 1,5 % упоминаний), что, как следует полагать, интерпретируется как внешний блеск, скрывающий отсутствие реального «стержня».

С мужественностью респонденты предпочитают ассоциировать формы поведения, имеющие более практическое выражение. Ответ: «Умение защитить, постоять за себя» отметили 88 % юношей и 77 % девушек; «Решительно достигать поставленные цели» – 90 % юношей и 76 % девушек; «Не ломаться перед обстоятельствами» – 85 % юношей и 90 % девушек.

Популярность у девушек последнего варианта видения мужественности, наверняка, связана с выбором мужа, образ которого, зачастую, ассоциируется именно с подобной чертой. Примерно в два раза реже респонденты отмечали ответ: «Отстаивать собственное мнение» (42 % юношей, 37 % девушек), что позволяет предположить, что большая часть опрошенных довольно неуверенно чувствуют себя в рамках дискуссий.

Следующий вопрос выявлял предпочтение уже конкретной модели мужественности из четырех предложенных; при этом респонденты должны были выстроить иерархию, какую из моделей они ставят на первое, второе, третье места. Тем самым, в ответах конкретного респондента полностью выпадала одна из четырех моделей мужественности.

Характерно, что по числу упоминаний у курсантов мужского пола на первом месте – модель Гектора (98 %); причем, две трети из них (64 %) ставят ее на первое место. Модель Одиссея по числу упоминаний среди парней, вроде бы, ненамного уступила модели Гектора (94 %), однако, на первое место ее поставили только 27 %. Третье место респонденты-юноши отдали модели идентичности – 78 % по числу упоминаний. У девушек по числу упоминаний лидирует модель Одиссея (98 %); на втором месте по этому показателю модель Гектора (90 %), которую, однако, на первое место поставили 60 % респонденток; на третьем месте – модель идентичности 80 %.

Интересно, что последнее место по числу упоминаний заняла модель Ахилла, причем, у обеих групп респондентов – всего 25 % – юноши и 20 % – девушки. Подобный факт, на вскидку, можно расценить с нескольких сторон. Модель Ахилла, сама по себе, предполагает концентрацию усилий в направлении исключительно личного самоутверждения; значит, ее непопулярность может свидетельствовать о предпочтении коллективных целей, которые куда сильнее связываются с моделью Гектора (отсюда и наибольшее число ее упоминаний). Это, с одной стороны, суживает психологическую базу радикального и экстремистского поведения, столь нелюбимого нынешними российскими властями. Но, с другой стороны, данное обстоятельство можно трактовать как дефицит пассионарности у молодежи.

Далее следовал вопрос, который определял направление динамики мужественности с точки зрения молодежного сознания. Как нам представляется, респонденты довольно адекватно оценивают реальную ситуацию, на что указывает громадный перевес тех, кто видит здесь нисходящую динамику. Около пятой части опрошенных юношей (21 %) выбрали ответ, что количество реально мужественных людей «несомненно увеличивается» или «скорее увеличивается», тогда как, отметивших противоположные позиции – «несомненно уменьшается» и «скорее уменьшается» оказалось более двух третей (71 %), при 6 % считающих, что данное количество не меняется. Еще больший разрыв у респондентов-девушек. На восходящую динамику мужественности указало 13 %, а на противоположную тенденцию 83 %, при 2 % не увидевших здесь особых изменений.

Вопрос об отличиях армейской и гражданской сфер, именно с точки зрения количества мужественных людей, в некотором роде, был ориентирован на проверку тезиса известного либерального исследователя Э. Геллнера, отличающегося пацифистскими наклонностями. Англичанин Э. Геллнер, в противовес израильянину А. Гату, склонен приветствовать упадок «безрассудной горячности» западного общества. Им констатируется возросшая однородность занятий, которые раньше были принципиально различными, что касается также военной сферы. Как пишет Э. Геллнер, «профессия военного, в каком-то смысле, стоит в одном ряду со всеми другими профессиями. Она не рождает никакой особой касты и в принципе мало чем отличается, например, от профессии фермера. В нее можно свободно вступить и можно покинуть ее без каких-либо специальных ограничений, выбрав себе другое поприще» [3, с. 90–91].

Полученные ответы курсантов явно оппонируют утверждению британского ученого. Из юношей больше половины (58 %) выбрали ответ, что современная армия отличается от «гражданки» большим количеством мужественных людей «очень сильно»; 38 % опрошенных курсантов ответили – «в некоторой степени отличается», тогда как только 4 % не увидели здесь особых

отличий. Девушки-респондентки оказались подержаннее – 34 % отметили вариант «очень сильно», 51 % – «в некоторой степени отличается» и 15 % отличий не увидели.

Тем не менее, общая картина однозначно встроена в противовес утверждению Э. Геллнера.

Наконец, завершали наше небольшое исследование вопросы о препятствующих, а также, наоборот, благоприятствующих мужественности факторах. Из данных таблицы 1 наглядно видно распределение ответов. В целом, парни, чаще всего, называют попытки избежать армейской службы, что, по всей вероятности, связано с их

профессиональным статусом и выбором (курсанты военного училища). А вот наибольшая часть девушек предпочитает указывать на вырождение мужской природы, с чем солидарна также значительная часть парней (45 %). Интересно и даже несколько неожиданно нечастое упоминание компьютерных игр, в которых многие исследователи (Ф. Зимбардо, Н. Коломбе [5]) видят одну из важнейших причин упадка мужественности. Хотя, популярная у опрошенных позиция – «вырождение мужской природы» может трактоваться в качестве следствия тотального доминирования потребительской культуры, а также досуговой компьютеризации.

Таблица 1

Факторы, мешающие мужественности (в %)

Что мешает сейчас формированию мужественности ?	Юноши	Девушки
Вырождение мужской природы	45	49
Распространение культуры потребления	37	27
Компьютерные игры	19	14
Уголовное законодательство	3	2
стремление «откосить от армии»	51	40
Стремление женщин взять на себя мужские функции	31	28
Другое	12	7

А вот в рамках ответов о способствующих мужественности факторах (табл. 2) исключительно оптимистично стоит рассматривать первое место «патриотизма». Твердое второе место по числу упоминаний занимают занятия спортом, в то время как фактор потребления соответствующей кинопродукции был упомянут наименьшим количеством респондентов. Недостаточно адекватно, с нашей точки зрения, респонденты расценива-

ют объективные условия современности, которые сами по себе являются хорошей школой выработки индивидуальных качеств стойкости к трудностям, решительности их преодоления. Возможно, это объясняется молодостью опрошенных курсантов, недостаточным погружением большинства из них в социальную действительность.

Таблица 2

Факторы, способствующие мужественности (в %)

Что способствует сейчас формированию мужественности?	Юноши	Девушки
Спортивные секции	69	47
Киногерои боевиков	6	7
Патриотизм	76	80
Жесткие правила современной жизни	25,5	33
Другое	17	4

В заключении, мы намерены предложить следующие выводы.

1. Применительно к российскому обществу, динамика мужественности, в целом, характеризуется как нисходящая, в чем, прежде всего, мы видим результат погруженности отечественного социума в распространяемую на глобальном уровне социокультурную среду потребительства, подкрепляемую компьютеризацией. Общий смысл мировой цивилизационной перспективы ориентирует социальное большинство на выбор стратегий наименьшего сопротивления, что работает на снижение достижительских стремлений, никак не способствуя востребованности мужественности как ресурса.

2. В качестве национального феномена, мужественность в России все еще не растеряла традиционных оснований, преимущественно связанных с коллективными задачами. Показательно в этом плане, что молодежь предпочитает, чаще всего, модель Гектора, с которой наиболее органичным образом сочетаются патриотические настроения.

Следует полагать, что ресурс мужественности, при всем его субъективизме, вполне реально сделать козырем России в обостряющейся конкуренции цивилизаций. Пожалуй, именно этот козырь играет сейчас за мусульманский мир, определяя его победное шествие в Европе. Данное обстоятельство целесообразно принять во внимание отечественным политическим структурам в ходе выстраивания соответствующих стратегий.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алымова Е.В. Тема мужества в доклассической греческой культуре (на материале эпической поэзии) / Е.В. Алымова // Вестник Ленинградского государственного университета. 2014. С. 7–19.
2. Балакришнан Г. Роль насилия в истории / Г. Балакришнан // Прогнозис. 2008. № 1(13). С. 92–123.
3. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М. : Московская школа политических исследований, 2004. 240 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М. : Айрис-Пресс, 2016. 560 с.
5. Зимбардо Ф. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности / Ф. Зимбардо, Н. Коломба. М. : Альпина Паблишер, 2017. 344 с.
6. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М. : Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
7. Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986. 607 с.
8. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории М. : Русский мир, 2008. URL : https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3
9. Тамбиянц Ю.Г. Мужество нас покидает? Ученый о том, как меняются типично мужские качества / Ю.Г. Тамбиянц // «АиФ-ЮГ». 2020. № 9

References:

1. Alymova E.V. The theme of courage in pre-classical Greek culture (based on the material of epic poetry) / E.V. Alymova // Bulletin of the Leningrad State University. 2014. P. 7–19.
2. Balakrishnan G. The role of violence in history / G. Balakrishnan // Forecaster. 2008. № 1(13). Pp. 92 -123.
3. Gellner E. Conditions of freedom. Civil society and its historical rivals. M. : Moscow School of Political Studies, 2004. 240 p.
4. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of the earth. M. : Iris-Press, 2016. 560 p.
5. Zimbardo F. A man in isolation: Games, porn and loss of identity / F. Zimbardo, N. Columba. M. : Alpina Publisher, 2017. 344 p.
6. Nazaretyan A.P. Anthropology of violence and culture of self-organization: Essays on evolutionary and historical psychology. M. : LKI Publishing House, 2007. 256 p.
7. Plato. Dialogues. M. : Thought, 1986. 607 p.
8. Solovey V.D. Blood and soil of Russian history M. : Russkiy mir, 2008. URL : https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3
9. Tambyants Yu. G. Is our courage leaving us? A scientist on how typically masculine qualities change./ Yu. Tambyants // «AiF-YUG». 2020. № 9.

Информация об авторах

Тамбиянц Юлиан Григорьевич
доктор философских наук,
доцент,
профессор кафедры социологии и культурологии,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
09081969jylian@rambler.ru

Лукинов Андрей Николаевич
аспирант,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
09081969jylian@rambler.ru

Julian G. Tambyants
Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
09081969jylian@rambler.ru

Andrey N. Lukinov
Graduate Student,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
09081969jylian@rambler.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-24>
УДК 316.4

Attribution
cc by

ИМИДЖ И ОБРАЗ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТЕОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тыкин А.А.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. Актуальность. Информационные процессы в современном мире, ставят вопросы переосмысления всего спектра социальных отношений. Понятие «имидж», признанное в социально-гуманитарной сфере, несколько аморфно ввиду отсутствия методологической определенности, однообразия интерпретации, а существующие разработки неоднородны, что не позволяет отнести их к сложившейся системе взглядов. Цель и задачи. Воспринимаемая понятия «имидж» и «образ» в качестве синонимов, выявить существующую между ними разницу, показать, что имидж выступает не просто стереотипом, а стереотипом социальным. Выводы. Основные признаки имиджа: целенаправленное внедрение в сознание большинства; направленность на решение конкретных задач; способность вызвать эмоциональный отклик; формируемость через каналы массовой коммуникации; неустойчивость.

Ключевые слова: имидж, образ, социальные стереотипы, массовая коммуникация, имиджевые структуры, символический интеракционизм.

IMAGE IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION: RESEARCH THEORY

Anatoly A. Tykin

Kuban State Technological University

Annotation. Relevance. Information processes in the modern world raise questions of rethinking the entire spectrum of social relations. The concept of image, recognized in the social and humanitarian sphere, is somewhat amorphous due to the lack of methodological certainty, uniformity of interpretation, and existing developments are heterogeneous, which does not allow them to be attributed to the existing system of views. Goal and tasks. Taking the concepts image and image as synonyms, identify the difference between them. Show that the image is not just a stereotype, but a social stereotype. Conclusions.

The main features of the image: purposeful introduction into the consciousness of the majority; focus on solving specific problems; the ability to evoke an emotional response; formability through mass communication channels; instability.

Keywords: image, image, social stereotypes, mass communication, image structures, symbolic interactionism.

Введение. В условиях информатизации современного мира, начавшейся с конца XX века, информационный продукт стала тем фактором, благодаря которому в экономике получают прибыли, политики приходят и сохраняют свою власть, народы обмениваются продуктами духовной и материальной культуры. Происходящие информационные изменения, ставят вопросы пересмотра и переосмысления всей системы социального взаимодействия.

Понятие «имидж», без сомнения, информационный продукт. Несмотря на актуальность и признанность в обществоведческой науке, следует констатировать некоторую его аморфность, отсутствие методологической определенности в исследовании этого феномена, единообразия в интерпретации.

Существующие теоретические наработки относительно имиджа представляют собой неодно-

родные образование, нежели сложившуюся научную систему взглядов.

Обсуждение. Результаты. Терминологическая неопределенность объясняется наличием в русском языке понятия «образ», которое при первом приближении кажется аналогом английского «image»; на самом же деле, эти понятия не эквивалентны полностью. В нашем исследовании понятие «имидж» и «образ» будут восприниматься в качестве синонимов, для нас это не принципиально, но прежде, попытаемся показать существующую между ними разницу.

Ч. Кули считал, что в современном мире реальные образы, играют меньшую роль, чем сконструированные [2, с. 283]. Не важно, соотносится ли конструируемый образ реальности, главное, что он воздействует, направляет и побуждает к действию.

Высказанный тезис подтвердился и получил дальнейшее развитие в социологической науке. «Паблик Рилейшенз», опирающийся на общественные связи стал механизмом управления обществом и государством. Мир образов и имиджей, технологий по их конструированию, продвижению и внедрению, это реальность современного мира.

В социологическом словаре [3] показаны следующие значения образа:

- вещественный или мыслительный конструкт объекта;
- не полное, но целостное представление об объекте или объектах;
- идеальный продукт психологической деятельности, конкретизирующийся в форме психического отражения.

Характеризуя образ, можно сказать, что он вторичен и пассивен, имидж же определяется в качестве образца, эталона. Образ, это отражение первичного объекта, имидж же первичен по отношению к объекту, более того объект очень часто подгоняется под уже существующий имидж. Образ пассивен, выступает «тенью» своего объекта; имидж активен, его призвание - не отражать объект, а целенаправленно воздействовать. Образ целостен, аморфен, естественен, отражает объект или какую-нибудь его часть в полном объеме. Имидж же конкретен, практичен, лишен полноты, оставляется только то, что необходимо, все лишнее удаляется. Образ, это естественное отражение объекта, имидж – конструкт для достижения конкретной цели.

Ввиду своей сложности, образ оказался в сфере интересов различных направлений социально-гуманитарного знания.

Механизмы формирования образа были предметом исследования К. Юнга [4] в его концепции архетипов. Архетип, это передающееся от поколения к поколению бессознательное средство передачи самого важного опыта, составная часть коллективного бессознательного, которое выступает творческим принципом, связывающим человека с космосом, природой, людьми. Вся мудрость человечества сосредоточена в коллективном бессознательном. Образы, мифы, ставшие архетипами выступают идеальными представлениями коллективного бессознательного.

Есть различные определения образа как географического объекта; условно можно выделить следующие трактовки: социологическую, психологическую, лингвистическую, культурную.

В философии «образ» – это результат и идеальная форма отображения объекта в человеческом сознании.

Для психологов, форма реального объекта или предмета, возникающая при упоминании.

Однажды появившись, он играет самостоятельную роль в жизни человека.

Образы могут возникать в воображении, без непосредственного контакта с объектом, посредством поступающей информации. Образ шире, он включает в себя миф, имидж, стереотип и т.д.

Образ возникает в результате перцепции, позволяющей человеку переводить внешние сенсорные раздражения в упорядоченные впечатления. Восприятие, процесс когнитивный, включающий разные виды ощущения, размышления, воображения, то есть все виды мыслительных процессов, зависящих от поведения и жизненного опыта [5].

Согласно Л.В. Никольской, «образ, это результат восприятия, в нем отражается объект и его субъективная оценка. Важную роль в возникновении образа играют ассоциации, он всегда с эмоциональным наполнением. Механизм его формирования основан на процессе установления связей, обобщений и аналогий, определяемых опытом, условиями восприятия и особенностями мышления» [7].

Понятие «имидж» также трактуется по-разному; отсутствует единство в понимании его смысловых полей. Существует ряд определений имиджа, которые во многом схожи, но и в отдельных случаях противоречат друг другу. Не вызывает сомнений, что разговор о имидже - это разговор о коммуникации и информации, его информационно-коммуникативная природа очевидна.

Е.Б. Перелыгина: «Имидж, формируемый профессионально, целенаправленный продукт, направленный на повышение успешности организации или человека для достижения субъективного психологического эффекта, символического представления о клиенте у определенной аудитории» [8].

«Имидж – это формируемый целенаправленно (СМИ, прессой, литературой и т.д.) образ человека, явления, объекта, предмета, функцией которого является стремление оказать эмоционально-психологическое воздействие с целью рекламы, продвижения, популяризации и т.д. [10].

Коммуникация и информация основные факторы формирования имиджа. Соответственно, социокommunikативный подход наиболее приемлем для вскрытия природы имиджа, проявления детерминант социального взаимодействия в условиях обмена информацией.

Поведение человека определяется не какими-то внутренними факторами, а посредством воздействия внешней среды и окружения, по принципу Стимул – Реакция. Под реакцией понимается движение индивида при выполнении какого-то действия, под стимулами доступные фиксации внешние раздражители, вызывающие у человека реакцию. Задача состоит в том, чтобы найти закономерные связи между реакциями и стимулами, с целью предвидения поведения субъекта и управления им.

Основные характеристики имиджа состоят в следующем. Имидж может быть искусственным

и естественным. Искусственный имидж идеален, он формируется целенаправленно заинтересованными акторами и предназначается для решения стратегически важных задач, поставленных теми, кто его создает. Стихийно возникающий естественный имидж, выражает обобщенное, стереотипное представление о сущности социального субъекта. Возникая целенаправленно или спонтанно, он формируется в сознании и представляет целостность, которая может быть оценена и измерена. Составные части имиджа системно взаимосвязаны, дополняют друг друга. Он ориентирован на решение конкретных задач, неустойчив, требует регулярной корректировки и поддержки информационно-коммуникативных мер, способен вызывать положительный, эмоциональный отклик у большой аудитории, так как формируется через каналы массовой коммуникации [14, с. 32–33].

А.Ф. Векслер определяет имидж в качестве «существующего в массовом сознании стереотипа, эмоционально окрашенного образа кого и чего-либо, способного оказывать влияние на поведение людей» [16].

Под стереотипом У. Липман понимает «принятый в конкретной группе образец интерпретации и восприятия информации, при распределении и осознании окружающей действительности, основанный на предшествующем социальном опыте» [17]. Ввиду огромных объемов разной информации, современный человек из-за невозможности ее осмыслить самостоятельно, вынужден использовать коммуникативные стереотипы заместители, а не конкретные реальные факты. При чем, имидж выступает не просто стереотипом, а стереотипом социальным.

Социальный стереотип – это упрощенный, устоявшийся образ социального актора (организации, индивида, явления, группы, события и т.д.), существенная характеристика имиджа как образа, который связывает его с общественным мнением – массовой коммуникацией, информационной политикой, формируемой масс-медиа.

Стереотипы формируются в условиях избытка и недостатка информации. В первом случае, это результат квалифицированной трансляции информации в масс-медиа с применением современных технологий. Во втором, в условиях дефицита информации и зачастую в предвзятых тонах, доминирующих в социуме.

Понятия «имидж» и «стереотип» необходимо различать, так как стереотип в отличие от имиджа, это не индивидуализирующее отражение объекта, а интегрирующее, обобщающее, абстрактное понятие. Стереотип не в состоянии подменить имидж, но может улучшить его восприятие.

Социальные стереотипы в массовом сознании, выступают важным фактором общественных представлений, что позволяет при эмоциональной оценке имиджа, провести их сравнение. Социальный стереотип, являющийся продуктом коллективного опыта, характеризуется как устойчивый, упрощенный образ, возникающий при дефиците информации, зачастую предвзятых представлений, то имидж в определенной степени родственен социальному стереотипу.

Имидж есть символический образ, конструируемый при помощи мифов, символов, стереотипов, это конструкт искусственного характера формируемый для воздействия на определенную аудиторию. Символ же – это элемент интегрирующей коммуникации, объединяющей людей в целое и несущий позитивный заряд, создающий новую социальную реальность.

Заключение. Социализация и социальная идентификация личности являются очень важными процессами для имиджа. Имидж в массовом сознании – миф, абстрактный символический образ, воспринятый за реальность.

Современный человек зависим от символов, от тех значений, которые он им придает. Знаковые системы во взаимодействии эволюционируют, а бессознательное в массовых коммуникациях преобладает. Характеристики коллективного бессознательного: упрощение, преуменьшение, преувеличение, искажение, образность, ассоциативность, акцентирование, неадекватность, нереалистичность. Элемент массового сознания мифологема – основа коллективной психологии.

Рассмотрев разные интерпретации имиджа, можно отметить основные конструирующие признаки данного понятия. Его целенаправленное внедрение в сознание большинства, заинтересованными акторами; направленность на решение конкретных задач; оценочность; способность вызвать эмоциональный отклик у большой аудитории; системная взаимосвязь составляющих его частей; его формируемость через каналы массовой коммуникации; неустойчивость.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 2000. 320 с.
2. Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор Г.В. Осипов. М. : Изд. ИНФРА М – НОРМА. 1998. 488 с.
3. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.Г. Юнг; Перевод А.А. Чечиной. М. : АСТ. 2019. 495 с.
4. Голд Д. Психология и география. Основы поведенческой географии / Д. Голд Пер. с англ. С.В. Федулова. М. : Прогресс. 1990. 302 с.
5. Никольская Л.В. Линия и слово / Л.В. Никольская // Строительство и архитектура Ленинграда. 1980. № 10. С. 36.
6. Перельгина Е.Б. Психология имиджа : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 2002. 223 с. С. 21.
7. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М. : АСТ-ПРЕСС. 1999. 640 с.
8. Бондаренко Е.В. Манифестирование имиджа региона средствами массовой информации : дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2012. 169 с.
9. Векслер А.Ф. Связи с общественностью для бизнеса. Н. Новгород : PR-Эксперт, 2001. 194 с.
10. Липман У. Общественное мнение. М. : Институт фонда общественное мнение, 2004. 384 с.

References:

1. Cooley C.H. Human nature and social order. M. : Idea-Press, House of Intellectual Books. 2000. 320 p.
2. Sociological encyclopedic dictionary / Coordinating editor G.V. Osipov. M.: Publishing house. INFRA M – NORM. 1998. 488 p.
3. Jung K.G. Archetypes and the collective unconscious / Translation by A.A. Chechina. M. : AST. 2019. 495 p.
4. Gold D. Psychology and geography. Fundamentals of behavioral geography / Transl. from english S.V. Fedulova. M. : Progress, 1990. 302 p.
5. Nikolskaya L.V. Line and word / L.V. Nikolskaya // Construction and architecture of Leningrad. № 10. 1980. P. 36.
6. Perelygina E.B. Psychology of image : textbook. M. : Aspect-Press, 2002. 223 p. P. 21.
7. Vasyukova I.A. Dictionary of foreign words. M. : AST-PRESS. 1999. 640 p.
8. Bondarenko E.V. Manifestation of the image of the region by the media : dis. ... candidate of sociological sciences. Stavropol, 2012. 169 p.
9. Veksler A.F. Public relations for business. N. Novgorod : PR-Expert. 2001. 194 p.
10. Lipman U. Public opinion. M. : Institute of Public Opinion Foundation. 2004. 384 p.

Информация об авторе

Тыкин Анатолий Алексеевич
аспирант кафедры истории,
философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет
anatoly.mrykin@yandex.ru

Anatoly A. Tykin
Graduate Student
of the Department of History,
Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
anatoly.mrykin@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-28>
УДК 172.13

Attribution
cc by

ВОЛОНТЕРСТВО КАК РЕСУРС КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Шадже Л.А.

Адыгейский государственный университет

Аннотация. Статья направлена на изучение важной и актуальной темы, которая имеет большое значение для развития гражданского общества и укрепления социальной стабильности в России. Актуальность проблемы обусловлена тем, что волонтерство является одним из ключевых инструментов социальной активности и гражданского участия в современном обществе. В условиях нестабильности, которое сейчас наблюдается в России, волонтерское движение приобретает особую важность как ресурс консолидации общества. Исследование данной темы актуально, поскольку добровольчество способствует укреплению социальной солидарности, развитию гражданского общества и решению актуальных проблем.

В данной статье рассмотрена история развития волонтерства в России, начиная с его первых проявлений и заканчивая современными тенденциями. Проанализированы социальные и экономические выгоды добровольчества как для общества в целом, так и для отдельных индивидов. Особое внимание уделено роли волонтерства в сплочении людей различных социокультурных групп.

Также, рассмотрены эффективные практики волонтерской деятельности, успешные примеры проектов и их влияние на социальную сферу. Освещены вопросы поддержки государства в развитии волонтерского движения, а также технологии и инновации, применяемые в волонтерской деятельности.

Выявлены вызовы и перспективы развития волонтерства в России, а также предложены пути и стратегии развития данного движения в условиях современного общества.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, консолидация общества, практики волонтерской деятельности, социальная интеграция, государственная поддержка волонтерства, технологии и инновации волонтерской деятельности, ценности волонтерства.

VOLUNTEERING AS A RESOURCE FOR CONSOLIDATING RUSSIAN SOCIETY IN CONDITIONS OF INSTABILITY

Leyla A. Shadzhe

Adyghe State University

Abstract. The article is aimed at studying an important and relevant topic that is of great importance for the development of civil society and strengthening social stability in Russia. The relevance of the problem is due to the fact that volunteering is one of the key tools for social activity and civic participation in modern society. In the conditions of instability that is currently observed in Russia, the volunteer movement is of particular importance as a resource for the consolidation of society. The study of this topic is relevant, since volunteering helps strengthen social solidarity, develop civil society and solve current problems.

This article examines the history of the development of volunteerism in Russia, from its first manifestations to modern trends. The social and economic benefits of volunteering both for society as a whole and for individuals are analyzed. Particular attention is paid to the role of volunteering in uniting people of different sociocultural groups.

Effective volunteering practices, successful examples of projects and their impact on the social sphere are also discussed. Issues of state support in the development of the volunteer movement are covered, as well as technologies and innovations used in volunteer activities.

The challenges and prospects for the development of volunteerism in Russia are identified, and ways and strategies for the development of this movement in the conditions of modern society are proposed.

Keywords: volunteering, volunteering, consolidation of society, volunteering practices, social integration, government support for volunteering, technologies and innovations of volunteering, values of volunteering.

Введение. Добровольчество является неотъемлемой частью современного общества и играет важную роль в его консолидации в условиях нестабильности. Одним из ключевых аспектов волонтерской деятельности являются социальные и экономические выгоды, которые она приносит.

Волонтерство способствует укреплению социальной солидарности, содействует развитию гражданского общества и формированию позитивных общественных изменений [1].

История развития волонтерства в России насчитывает традиции и практики, которые сформировались под влиянием различных общественных и культурных факторов. Еще в XIX веке в России начали активно развиваться различные благотворительные общества, союзы и филантропические организации, играя значительную роль в помощи нуждающимся [2]. Одним из крупнейших и наиболее известных было общество Красного Креста, основанное в 1867 году в Санкт-Петербурге. Оно занималось помощью раненым и больным, а также распространяло гуманитарные ценности среди населения.

История волонтерского движения в России насчитывает не только XIX век, но и более древние времена. В русской православной среде традиция добровольчества существовала издавна и сохраняется до сегодняшних дней. Это подчеркивает глубокие исторические корни волонтерского движения в России и его важную роль в формировании общественных ценностей.

История добровольчества в России богата событиями и инициативами, которые оказали значительное влияние на формирование общественных отношений и ценностей. С течением времени волонтерское движение становится все более активным и разнообразным, охватывая различные сферы жизни общества и продолжая служить важным ресурсом консолидации российского общества в условиях нестабильности.

Одной из социальных выгод волонтерства является возможность участия в благотворительных и общественно значимых мероприятиях без материального вознаграждения. Люди, занимающиеся волонтерской деятельностью, готовы отдавать свое время и усилия для помощи другим, что способствует формированию доброжелательной и поддерживающей обстановки в обществе. Кроме того, добровольчество способствует развитию навыков и компетенций участников, повышает их самооценку и уверенность в своих силах. Более того, «добровольческая деятельность обеспечивает важный вклад в социальную политику страны и повышение качества жизни людей, формирует новые стандарты в поведении населения» [3, с. 153].

Следует отметить, что волонтерство несет в себе и экономические выгоды. Отсутствие оплаты труда для волонтеров позволяет сэкономить средства на содержание персонала и организации мероприятий. Благодаря добровольному

характеру участия волонтеров, организации могут реализовывать свои проекты более эффективно и экономично.

Обсуждение. Результаты. По мнению ряда ученых, «волонтеры являются ресурсами компаний, организаций, объединений, выполняющими разные функции, в том числе:

- маркетинговые, обращенные к разным участникам социального сообщества;
- волонтерство расширяет сферу влияния социальных инициатив на формирование общественного сознания;
- волонтерство укрепляет значимость позитивных действий бизнеса в отношении ресурсосбережения и поддержки социально-ориентированных инновационных проектов;
- волонтерство создает условия для расширения влияния масс-медиа в разных сферах общественной и социальной жизни;
- волонтерство способствует накоплению потенциала духовности и нравственности в обществе и мотивирует бизнес и его работников на укрепление имиджа и культурно-нравственных ценностей общества; расширяет круг небезразличных людей и субъектов бизнеса, обеспокоенных состоянием экологии и охраны природы» [4, с. 86].

Волонтерство не только способствует укреплению социальной солидарности и развитию гражданского общества, но и приносит конкретные выгоды как участникам волонтерского движения, так и обществу в целом.

Роль волонтерства во внедрении инноваций. Волонтерство играет значительную роль во внедрении инноваций в современном обществе. Одним из ключевых аспектов является его влияние на формирование инновационной культуры в различных сферах, включая образование. Организация участия обучающихся в волонтерской деятельности может способствовать развитию инновационного мышления, творческого подхода к решению задач и обогащению личного потенциала.

Исследуя инновационный подход к организации волонтерской деятельности, ученые отмечают, что «волонтерская деятельность обладает значимым потенциалом в стимулировании обучающихся к личностному и профессиональному росту. Для реализации этого потенциала необходимо изменить подходы к организации всех аспектов волонтерской деятельности: иницирование волонтерских проектов, отбор волонтеров и распределение их по выполняемым функциям, подготовка волонтеров, тьюторское сопровождение в период участия в проекте, оценка работы волонтера» [5, с. 152].

Кроме того, добровольчество способствует социальной стабилизации, что особенно важно в периоды нестабильности. Программы, подобные «Бессмертному полку», не только сохраняют историческую память, но и способствуют укреплению социальной солидарности, созданию общности и снижению социальных дисбалансов.

Государство играет важную роль в поддержке волонтерского движения и развитии инноваций. Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в России выделяет важность государственной поддержки для создания благоприятной среды развития волонтерства и инноваций в обществе.

Добровольчество не только способствует внедрению инноваций, но и является мощным инструментом социальной интеграции, сплочения общества и развития гражданского сознания. Органам власти следует целенаправленно поддерживать волонтерское движение для достижения стабильности и процветания общества.

Эффективные практики волонтерской деятельности. Успешные методики и технологии организации и поддержки волонтерской деятельности имеются в публикациях, которые обобщают опыт волонтеров и организаторов деятельности по всей Российской Федерации [6]. Такие материалы представляют собой ценный ресурс как для организаторов добровольческой работы, так и для самих волонтеров, помогая им развивать свои навыки и повышать эффективность своей деятельности.

В практических пособиях содержатся конкретные примеры лучших практик, которые реализуются волонтерами в различных сферах, таких как организация мероприятий по социальной поддержке, экологические акции, культурные мероприятия и другие виды волонтерской работы [7]. Этот опыт позволяет выявить наиболее эффективные подходы и методы, которые могут быть успешно применены и в других регионах страны.

Сборники лучших добровольческих практик и технологий также могут быть полезны органам власти, поскольку они предоставляют информацию о том, какие методики работают на практике и способствуют достижению поставленных целей в сфере волонтерства.

По мнению исследователей, «участие в волонтерской деятельности дает возможность не только создавать значимые для общества проекты, но и стимулирует выработку у человека социально полезных качеств, тем самым повышая общий уровень социальной активности» [8, с. 293]. Это позволяет государственным структурам более осознанно поддерживать и развивать волонтерское движение, создавая благоприятные условия для его функционирования.

Изучение и применение эффективных практик волонтерской деятельности является важным шагом на пути к укреплению роли волонтеров в

консолидации российского общества и обеспечению его устойчивого развития в условиях современной нестабильности.

Влияние волонтерства на социальную сферу. Добровольчество играет значительную роль в социальной сфере, способствуя консолидации общества и улучшению жизни людей. Исследования показывают, что волонтерская деятельность оказывает положительное влияние на различные аспекты общественной жизни. Например, волонтеры могут помогать в оказании социальных услуг нуждающимся, участвовать в организации мероприятий для местного сообщества, а также внедрять инновационные подходы в решение социальных проблем.

Одним из ключевых аспектов волонтерства в социальной сфере является его способность внедрять инновации. Волонтеры, обладая свежими идеями и энтузиазмом, могут стать двигателями изменений в обществе. Они способны предлагать новые подходы к решению проблем, привнося свежий взгляд на сложившиеся ситуации и помогая обществу развиваться и совершенствоваться.

Помимо этого, добровольчество в социальной сфере способствует укреплению связей в обществе. Люди, объединенные общей целью помощи другим, формируют сообщества, где ценятся доброта, отзывчивость и готовность прийти на помощь. Такие сообщества способствуют укреплению социальной ткани общества и создают благоприятную среду для совместной деятельности и развития.

Государство играет важную роль в поддержке волонтерского движения в социальной сфере. Создание благоприятной среды для развития волонтерства, предоставление государственной поддержки и поощрение волонтерской деятельности способствуют увеличению числа людей, готовых вступить в ряды волонтеров и внести свой вклад в улучшение социальной среды.

Добровольчество в социальной сфере имеет огромный потенциал в консолидации общества, внедрении инноваций и создании благоприятной среды для развития. Развитие волонтерского движения при поддержке государства способствует улучшению качества жизни людей и формированию гармоничного общества.

Поддержка государства в развитии волонтерского движения. Волонтерство в России становится все более значимым фактором консолидации общества в условиях нестабильности. Одним из ключевых аспектов успешного развития волонтерского движения является поддержка со стороны государства. Государство играет важную роль в создании благоприятной среды для развития добровольчества и обеспечении его устойчивости.

В последние годы Государственная Дума РФ активно работает над законодательными иници-

ативами, направленными на поддержку волонтерства в стране. Правительство РФ и другие государственные организации привлекаются к этому процессу с целью создания эффективной системы государственной поддержки волонтерского движения [9]. Это свидетельствует об основательном отношении государства к волонтерству как важному инструменту социальной интеграции и поддержки населения.

Важным аспектом является разработка мер государственной поддержки добровольчества в сфере сохранения культурного наследия. Государство активно выступает в роли лидера в развитии этого направления и проведении соответствующих мероприятий. Это позволяет не только сохранить культурное наследие страны, но и способствует развитию волонтерского движения, в целом.

Как отмечает Н.И. Горлова: «В Российской Федерации широкое распространение получили правительственные и неправительственные грантовые конкурсы по поддержке волонтерских проектов и общественных инициатив в области сохранения культурного наследия. Также, проводятся образовательные проекты и профильные форумы, которые повышают качество тематических волонтерских инициатив» [10, с. 96].

Государственная поддержка волонтерства включает в себя различные аспекты, такие как финансовая поддержка, создание специальных программ и проектов, обучение и повышение квалификации волонтеров, а также оказание методической помощи и консультаций. Все это способствует увеличению числа активных участников волонтерского движения и повышению его эффективности.

Одним из важных моментов в поддержке добровольчества является информационная поддержка и пропаганда волонтерских инициатив. Государственные и общественные организации активно работают над привлечением внимания общественности к волонтерской деятельности, рассказывая о ее важности и пользе для общества. Это способствует формированию позитивного образа волонтерства и мотивирует людей присоединиться к этому движению.

Государственная поддержка играет ключевую роль в развитии волонтерского движения в России. Создание благоприятной среды, финансовая поддержка, разработка специальных программ и проектов, а также информационная поддержка – все это способствует укреплению добровольчества как ресурса консолидации российского общества в условиях нестабильности.

Технологии и инновации в волонтерской деятельности. Технологии и инновации играют ключевую роль в современной волонтерской деятельности, способствуя ее эффективности и развитию. Одним из перспективных подходов является интеграция волонтерской деятельности в образовательный процесс с использованием

технологий Service Learning. Этот метод позволяет не только стимулировать личностный и профессиональный рост обучающихся, но и способствует развитию социальной ответственности и активного гражданства.

Важным аспектом является использование инновационных технологий в организации волонтерской деятельности. Например, интернет-платформы играют значительную роль в поддержке и координации волонтерских инициатив. Они облегчают поиск информации о возможностях для волонтеров, а также способствуют взаимодействию между участниками и организаторами волонтерских проектов. Такие технологии делают волонтерскую деятельность более доступной и привлекательной для широкого круга людей. В России «имеется достаточный потенциал для ее дальнейшего становления и совершенствования основных технологических механизмов. Реализуются технологии организации молодежных волонтерских объединений и организаций, волонтерских акций, связанных с привлечением внимания общественности к какому-то событию, поиском помощи, сбором добровольцев, технологии функционирования международных волонтерских объединений, технологии по разработке и внедрению в практику различных программ по вовлечению молодежи в волонтерскую деятельность» [11, с. 81].

Программы, предлагающие новые подходы к организации волонтерской деятельности, также заслуживают внимания. Например, инновационная программа, которая пересматривает цели, содержание, технологии и организационно-педагогические механизмы подготовки и организации волонтерской деятельности, может способствовать более эффективному вовлечению волонтеров и повышению качества их работы. Новые подходы и инновационные методики могут сделать волонтерскую деятельность более целенаправленной и результативной.

Использование современных технологий и инноваций в добровольчестве не только способствует улучшению качества деятельности волонтеров, но и делает эту сферу более привлекательной и доступной для всех желающих внести свой вклад в общее благо.

Ценности в волонтерской деятельности. Одним из ключевых аспектов волонтерской деятельности является этика и ценности, которые лежат в основе работы волонтеров. Этика волонтерства определяет нравственные принципы и гуманистическую направленность действий волонтеров.

Ценности добровольчества включают в себя не только самоотверженность и готовность помогать другим, но и солидарность с целями организации, в рамках которой осуществляется волонтерская деятельность. Каждый волонтер стремится к достижению общих целей, что способствует укреплению взаимопонимания и сотрудничества в обществе.

Основные принципы волонтерской деятельности, закрепленные в кодексах и руководствах, включают в себя искренность в отношениях, уважение к каждому участнику процесса, а также ответственность за свои действия и решения. Эти принципы способствуют формированию доверительных отношений как внутри волонтерского сообщества, так и с теми, кто получает помощь и поддержку от волонтеров.

Важно отметить, что этика и ценности волонтерской деятельности не только формируются на уровне индивидуальных убеждений каждого волонтера, но и являются частью общественного сознания. Добровольчество как явление, основанное на добровольном участии людей в различных социальных проектах, способствует установлению новых стандартов поведения и межличностных отношений в обществе.

Этика и ценности волонтерской деятельности играют важную роль в консолидации общества, способствуя формированию доверия, солидарности и уважения между людьми. Работа волонтеров, основанная на высоких моральных принципах и гуманистических ценностях, способствует укреплению социальной структуры и созданию благоприятной среды для развития общества в целом.

Вызовы и перспективы развития волонтерства в России. Как отмечено выше, волонтерство в России становится все более значимым фактором консолидации общества в условиях нестабильности. Рассмотрим вызовы и перспективы развития добровольчества в современной российской действительности.

Одним из ключевых вызовов для волонтерского движения является необходимость адаптации к изменяющимся обстоятельствам, таким как пандемия коронавируса. Как отмечается в ряде исследований, благодаря работе добровольцев во время пандемии, множество людей получили и продолжают получать необходимую поддержку. Это подчеркивает важность волонтерства в кризисные периоды и требует постоянного развития и совершенствования механизмов оказания помощи. Следует подчеркнуть, что «системное и комплексное развитие добровольческого движения различных направлений достижимо при учете как потребностей населения, федеральных и региональных властей, так и желаний самих волонтеров, что даст возможность разработать механизмы социального планирования и прогнозирования, наращивать его ресурсную базу» [12, с. 98].

Другим вызовом является необходимость уделять внимание разнообразию форм волонтерской деятельности и потребностям различных

групп населения. Исследование о развитии добровольчества в России указывает на положительную динамику в этой сфере, что свидетельствует о росте интереса к участию волонтеров в различных областях жизни общества [13]. Поэтому важно продолжать развивать разнообразные программы и проекты, которые бы отвечали на актуальные потребности и способствовали вовлечению различных слоев населения.

Следующая перспектива развития волонтерства связана с использованием современных технологий и инноваций. В современном мире цифровизация играет ключевую роль в организации деятельности, в том числе и волонтерской. Внедрение технологий позволяет эффективнее координировать действия волонтеров, улучшать мониторинг и оценку результатов их работы, а также повышать доступность информации о возможностях участия волонтеров [14].

Вызовы и перспективы развития добровольчества в России тесно связаны с адаптацией к изменяющимся условиям, учетом разнообразия потребностей общества и использованием современных технологий. Развитие волонтерского движения в стране имеет потенциал способствовать консолидации общества, укреплению социальной солидарности и решению актуальных проблем.

Заключение. История развития добровольчества в России показывает, что это является важным элементом социальной жизни и сплочения людей. Роль волонтерства во внедрении инноваций необходима для обеспечения устойчивого развития общества.

Эффективные практики волонтерской деятельности позволяют решать актуальные проблемы и создавать благоприятную среду для развития инноваций. Поддержка государства в развитии волонтерского движения играет важную роль в обеспечении его устойчивости и эффективности.

Технологии и инновации в волонтерской деятельности помогают оптимизировать процессы и увеличивать эффективность участия волонтеров. Этика и ценности в добровольческой деятельности играют ключевую роль в формировании доверия и уважения к волонтерам.

Вызовы и перспективы развития добровольчества в России требуют постоянного внимания и поддержки со стороны гражданского общества и государства.

В целом, волонтерство является важным ресурсом консолидации российского общества и способствует укреплению социальной солидарности и взаимопомощи.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2016. 434 с.
2. Горлова Н.И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М. : Ин-т Наследия, 2019. 290 с.
3. Имаева Л.М. Экономический подход к исследованию волонтерства / Л.М. Имаева // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 10-1. С. 152–154.
4. Щепакин М.Б. Волонтерство в обеспечении роста социальной ответственности бизнеса / М.Б. Щепакин, В.М. Михайлова, А.А. Поветкина // Sciences of Europe. 2017. № 13-4. С. 82–87.
5. Мазниченко М.А. Инновационный подход к организации волонтерской деятельности обучающихся как стимула и средства их личностного и профессионального роста / М.А. Мазниченко, Г.С. Папазян // Наука и школа. 2017. № 6. С. 145–153.
6. Сборник лучших практик развития волонтерского движения субъектов Российской Федерации / Сост. А.В. Ковтун, А.А. Соколов; Под ред. Т.Н. Арсеньевой. М. : АБЦ, 2016. 93 с.
7. Сборник лучших добровольческих практик и инициатив. URL : <https://edu.dobro.ru/upload/uf/76d/76d04b16fd8e12fb763752fa62a811a4.pdf> (дата обращения 07.06.2024).
8. Ковров В.В. Влияние волонтерства на социальную активность обучающихся в российских вузах / В.В. Ковров, Н.Х. Гафиатулина, В.К. Биловус // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 292–296.
9. Поддержка и развитие волонтерского движения в России. URL : <http://duma.gov.ru/news/52906/> (дата обращения 07.06.2024).
10. Горлова Н.И. Меры государственной поддержки волонтерства в сфере сохранения культурного наследия в России / Н.И. Горлова // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. № 1(48). С. 89–97.
11. Новикова Н.А. Волонтерская деятельность учащейся молодежи: история становления и опыт реализации в современной России / Н.А. Новикова, Н.А. Ефременков. Смоленск : СГИИ, 2016. 131 с.
12. Сычева А.В. Перспективы развития добровольческого движения в современном российском обществе / А.В. Сычева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 93–99.
13. Доклад о развитии добровольчества в Российской Федерации в 2022 году. URL : <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-o-razvitii-dobrovolchestva-za-2022-god.pdf?ysclid=lx77ebwxnl419707822> (дата обращения 07.06.2024).
14. Тенденции и перспективы волонтерского движения в РФ. URL : <https://publico.ru/articles/tendencii-i-perspektivy-volonterskogo-dvizheniya-v-rf> (дата обращения 07.06.2024).

References:

1. Pevnaya M.V. Volunteerism management: international experience and local practices. Ekaterinburg : Ural Publishing House, University, 2016. 434 p.
2. Gorlova N.I. Formation and development of the institution of volunteering in Russia: history and modernity. M. : Heritage Institute, 2019. 290 p.
3. Imaeva L.M. Economic approach to the study of volunteering / L.M. Imaeva // Economics and business: theory and practice. 2019. № 10-1. P. 152–154.
4. Shchepakina M.B. Volunteering to ensure the growth of social responsibility of business / M.B. Shchepakina, V.M. Mikhailova, A.A. Povetkina // Sciences of Europe. 2017. № 13-4. P. 82–87.
5. Maznichenko M.A. An innovative approach to the organization of volunteer activities of students as a stimulus and means of their personal and professional growth / M.A. Maznichenko, G.S. Papazyan // Science and school. 2017. № 6. P. 145–153.
6. Collection of best practices for the development of the volunteer movement of the constituent entities of the Russian Federation / Comp. A.V. Kovtun, A.A. Sokolov; Edited by T.N. Arsenyeva. M. : AVTs, 2016. 93 p.
7. Collection of best volunteer practices and initiatives. URL : <https://edu.dobro.ru/upload/uf/76d/76d04b16fd8e12fb763752fa62a811a4.pdf> (date of the application 06/07/2024).
8. Kovrov V.V. The influence of volunteering on the social activity of students in Russian universities / V.V. Kovrov, N.Kh. Gafiatulina, V.K. Bilovus // State and municipal management. Scientific notes. 2022. № 2. P. 292–296.

9. Support and development of the volunteer movement in Russia. URL : <http://duma.gov.ru/news/52906> (date of the application 06/07/2024).
10. Gorlova N.I. Measures of state support for volunteering in the field of preserving cultural heritage in Russia // Culture and Education: scientific and information magazine of universities of culture and arts. 2023. № 1(48). P. 89–97.
11. Novikova N.A. Volunteer activities of students: history of formation and experience of implementation in modern Russia / N.A. Novikova, N.A. Efremenkov. Smolensk : SGII, 2016. 131 p.
12. Sycheva A.V. Prospects for the development of the volunteer movement in modern Russian society / A.V. Sycheva // News of Tula State University. Humanitarian sciences. 2018. № 4. P. 93–99.
13. Report on the development of volunteerism in the Russian Federation in 2022. URL : <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-o-razvitii-dobrovolchestva-za-2022-god.pdf?ysclid=lx77ebwxnl419707822> (date of the application 06/07/2024).
14. Trends and prospects of the volunteer movement in the Russian Federation. URL : <https://publico.ru/articles/tendencii-i-perspektivy-volonterskogo-dvizheniya-v-rf> (date of the application 06/07/2024).

Информация об авторе

Шадже Лейла Азаматовна
аспирантка кафедры философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
shadzhe@inbox.ru

Leyla A. Shadzhe
Postgraduate Student
of the Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University
shadzhe@inbox.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-38>

УДК 342.9

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РОССИИ

Штырхунова Н.А., Абрамян С.К.

Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть, проанализировать и дать оценку проблем безопасности дорожного движения при использовании средств индивидуальной мобильности в России. Исследование представляет собой комплексный анализ (статистический, ситуационный, анализ нормативной базы) динамики дорожно-транспортных происшествий с участием электрических самокатных устройств и других средств индивидуальной мобильности (СИМ), приведены некоторые изменения в правилах дорожного движения (ПДД) для пользователей электрических самокатов. С внедрением новейших технологий в нашу жизнедеятельность, возникает необходимость в регулировании вопросов, касающихся безопасности, которые находят свое отражение в нормах российского законодательства.

Инструментами в процессе работы над статьей стали такие методы, как сравнительно-правовой, описательный, статистический. Теоретическую основу составили научные работы ведущих ученых в области отечественного административного права; нормативную – правовые акты в анализируемой сфере; эмпирическую – статистические данные.

Результатом проведенного в статье анализа стали выводы и предложения о разработке и внедрении эффективных норм и правил в сферу обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: аварийность, безопасность, безопасность дорожного движения, закон, законодательство, средства индивидуальной мобильности, обеспечение безопасности, правила дорожного движения, водитель, пешеход.

PROBLEMS OF ROAD SAFETY WHEN USING PERSONAL MOBILITY EQUIPMENT IN RUSSIA

Natalia A. Shtyrkhunova, Suzanna K. Abramyan

Admiral F.F. Ushakov State Maritime University

Abstract. The purpose of the study is to consider, analyze and assess the problems of road safety when using personal mobility equipment in Russia. The study is a comprehensive analysis (statistical, situational, analysis of the regulatory framework) of the dynamics of road accidents involving electric scooter devices and other means of individual mobility (SIM), some changes in the rules of the road (SDA) for users of electric scooters are given. With the introduction of the latest technologies into our daily life, there is a need to regulate issues related to safety, which are reflected in the norms of Russian legislation. Such methods as comparative legal, descriptive, and statistical became tools in the process of working on the article. The theoretical basis was made up of scientific works by leading scientists in the field of domestic administrative law; normative – legal acts in the analyzed area; empirical – statistical data. The analysis carried out in the article resulted in conclusions and proposals on the development and implementation of effective norms and rules in the field of road safety.

Keywords: accident rate, safety, road safety, law, legislation, means of individual mobility, safety, traffic rules, driver, pedestrian.

Введение.

В настоящий период развития нашего государства, где урбанизация стремительно нарастает, а вопросы экологии и устойчивости становятся все более актуальными, использование средств индивидуальной мобильности является много-объемным и важным аспектом современного

городского образа жизни. Действительно, за последние несколько лет стремительно возрос спрос на электрические транспортные средства, предназначенные как для одного, так и для нескольких человек, наделенные уникальными характеристиками, куда входят: удобство в применении альтернативного варианта средства передвижения, возможность снижения высоких за-

трат, экологическая устойчивость, внедрение инновационных технологий для широкой аудитории, а также улучшение уровня здоровья и физической активности у населения.

Следовательно, необходимо отметить, что с внедрением новейших технологий в нашу жизнедеятельность, возникает необходимость в регулировании вопросов, касающихся безопасности, которые находят свое отражение в нормах российского законодательства. Рассматривая институт правового регулирования средств индивидуальной мобильности, необходимо понимать, что он охватывает как частные, так и публичные правоотношения, что подчеркивает актуальность поддержания государственного баланса между защитой интересов частных лиц и обеспечением правопорядка и стабильности в обществе в целом.

Как указывают эксперты, нельзя все сводить только к запретам и ограничениям на законодательном уровне, необходимо целый комплекс мероприятий, который позволит снизить уровень дорожно-транспортных происшествий с участием СИМ. Среди них:

– введение специальных медленных зон на самых оживленных участках с максимальной скоростью от 5 до 15 км в час (по примеру г. Москвы, где данное снижение происходит по технологии Geofencing с привязкой к соответствующим координатам);

– разработка различных образовательных программ для школьников соответствующей тематики (с включением в них интерактивных тренажеров, квестов по городским магистралям и т.д.);

– внедрение кикшеринговыми компаниями определенных систем, позволяющих определять, что на самокате передвигаются два человека, с последующим уведомлением об этом пользователя, а в дальнейшем, в случае повторения, направление штрафа и блокировка аккаунта пользователя средства индивидуальной мобильности и т.д.

Таким образом, возникает необходимость принятия и разработки комплекса административных мер по поддержанию и усовершенствованию функционирования данных правоотношений. Следует отметить, что согласно внесенными 01 марта 2023 года в Правила Дорожного Движения (далее – ПДД) изменениям, под средством индивидуальной мобильности (далее – СИМ) принято считать «средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства)» [1].

В соответствии с этим, целесообразно внесение определенных дополнений и разъяснений, как в ПДД, так и в иные нормативные правовые акты,

а в частности в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), так как в последнее время участились случаи грубых нарушений безопасности на дорогах, которые за последний год, согласно данным МВД России, «выросли на 35 %» [2], что привело к серьезным последствиям – причинению среднего и тяжкого вреда здоровью всех участников дорожного движения, где большинство, к сожалению, составляют пешеходы в лице детей и пожилых людей.

Самым распространенным примером игнорирования норм ПДД в области использования СИМ является превышение допустимой скорости на отдельных участках дороги, что в результате приводит к увеличению случаев травматизма, в первую очередь, самих водителей СИМ, а также граждан, ставшими участниками дорожного движения в данный период времени. В статистических данных такой вид правонарушения попадает под пункт «наезд на пешехода». Действительно, согласно данным МВД России, три четверти (74 %, или 620) ДТП с участием СИМ зарегистрировано как наезд на пешехода, почти пятая часть (17,5 %, или 147) пришлось на столкновения, другие виды ДТП в сумме составили 8,5 % [2].

Не менее значимым видом инцидентов, совершаемых в результате использования мобильных транспортных средств является столкновение водителя автомобиля с владельцем или арендатором электросамоката. По последним данным, предоставленным МВД России в средства массовой информации, на сегодняшний день данные случаи составляют 95 % от общего числа всех аварийных ситуаций [2], которые не всегда приводят к летальному исходу, но значительно повышают уровень травматизма в стране. Следовательно, вопрос, касающийся правового регулирования использования СИМ, в результате участвовавших случаев несоблюдения безопасности на дорогах нашей страны, является весьма актуальным, что и подтверждает ряд законодательных норм, принятых в последний период времени. Научная новизна исследования состоит в имеющей научно-практическое значение формулировке авторских суждений, характеризующих текущее состояние и перспективы развития цифровых технологий СИМ в транспортно-логистической инфраструктуре.

Обсуждение.

На текущем этапе цифровизации экономики и цифровизации общества в транспортно-логистической инфраструктуре современный электросамокат сегодня – это компактное экологически чистое транспортное средство, способное помочь решить проблему передвижения «последней мили». Под «Последней милей» понимается расстояние, которое нужно пройти человеку от некоторой остановки традиционного вида городского транспорта до своего дома или работы и т.п. Иногда дорога из пункта А в пункт Б

(например, от остановки общественного транспорта до работы) пешком занимает 20–40 минут. На самокате то же расстояние можно преодолеть намного быстрее практически в 2 раза. Самокат можно взять у метро, принести в офис или положить в багажник автомобиля. Но есть множество проблем, мешающих использованию электросамокатов в России. Днем создания первого электрического самоката является 19 сентября 1895 года. Его создателем был Огден Болтон, который получил патент на свое устройство. Конструкция электросамоката включала установленный на ступице электродвигатель и 10 вольтовую батарею.

В связи с растущим спросом на это устройство, многие фирмы, ранее специализировавшиеся на производстве совершенно другой продукции, начали выпускать и электрические самокаты. В рейтинг ведущих производителей вошли такие компании как: Xiaomi, Ninebot, Kugoo, Yamato, iconBIT [3].

На сегодняшний день рынок кикшеринга стабилизировался, и большую часть его занимают три крупные компании с самым большим парком самокатов и средой их обитания: Urent, Whoosh и «Яндекс Go». Но небольшие компании все еще остаются на рынке, хотя и в более локальном формате, часто привязанные к конкретному району или территориальному округу [3].

Проведенные исследования показали, что крупные города РФ относительно приспособлены для электросамокатов – есть специальные дорожки и площадки для передвижения электро-мобильных средств.

По данным, представленным в отчетах Росстата за 2022 год, в Москве, протяженность велодорожек составляет приблизительно 1000 км, а автомобильных дорог по территории города примерно 7000 км. Дорожки для велосипедистов и самокатчиков созданы по ГОСТу. Чаще всего, площадки для катания размещают на тротуарах и просто размечаются яркой краской.

В связи с тем, что дорожки физически не ограждены от пешеходных проходов, самокатчики выезжают на пешеходные зоны, что приводит к травмированию пешеходов.

Существенной проблемой в 2021-2022 годах, касающейся безопасности дорожного движения, в Министерстве внутренних дел выделяют нормативный и законодательный вакуум, который не дает возможности отрегулировать постановку на учет и отслеживание эксплуатации появляющихся новых видов транспортных средств. Тогда как в некоторых городах, например, в Москве, начали локально ограничивать максимальную скорость электросамокатов и установили специальные зоны, в которых самокаты должны снижать скорость или в которых запрещено перемещение на кикшеринге. Однако на федеральном уровне правила не были закреплены, и каждый город и регион устанавливали свои правила обращения

с самокатами индивидуально, либо не определяли их вообще.

В октябре 2022 года с целью решения проблемы эксплуатации данных средств передвижения Правительство РФ ввело в действие значительное число изменений, часть из которых перечислены ниже. Так, в правилах дорожного движения для электрических средств индивидуального передвижения СИМ (средство индивидуальной мобильности) ввели изменения, которые вступили в силу с марта 2023 года:

- в правилах дорожного движения (ПДД) нашей страны СИМ выделены в отдельную категорию средств индивидуального передвижения; ограничено разрешено движение по тротуарам и велосипедным дорожкам;

- установлена максимально возможная скорость перемещения СИМ, которая не должна превышать 25 км/ч;

- СИМ весом не более 35 кг могут использоваться для передвижения совместно с людьми в пешеходных зонах; передвижение пешеходов получает приоритетное преимущество перед СИМ;

- электросамокаты не относятся к категории мопедов, не подлежат техническому регламенту и не требуют лицензии;

- использование СИМ разрешено не более одним человеком на одно устройство.

Введенные в действия изменения, необходимы для решения возникающих конфликтных ситуаций при передвижении по маршрутам следования. С момента утверждения поправок люди, использующие СИМ, не будут считаться пешеходами, водителями скутеров и т.п., так как их права и обязанности закреплены в ПДД как пользователей самостоятельного вида транспортных средств.

Введенные требования идентичны с правилами пользования кикшерингов, но также распространяются на частные самокаты, что должно понизить количество случаев аварий на дорогах и пешеходных зонах [4].

Еще одна проблема касается вопросов безопасной эксплуатации СИМ – в этом направлении всё чаще встречаются в прессе публикации о степени травматизма при авариях с участием электросамокатов. Компании все больше внимания уделяют безопасности арендуемых устройств на всех уровнях эксплуатации, как техническом, так и информационном.

Неограниченными правами в пользовании остаются только владельцы личных СИМ, что является серьезной проблемой, которая достигает высоких значений травматизма. По данным МВД РФ, за 2021 год в России 88,9 % ДТП с участием СИМ произошло по вине владельцев личных

СИМ и только 11,1 % произошло с участием арендованных электрических самокатов.

Безопасность поездок на СИМ в нашей стране закреплена не только в ПДД РФ, но и на нормативном уровне. Так, с 1 февраля 2023 года вступил в силу ГОСТ на электросамокаты и моноколеса, носящий только рекомендательный характер для производителей устройств передвижения. Принятый новый нормативный документ ГОСТ Р 70514-2022, адаптирован к действию международного стандарта EN 17128-2020 и применим для безопасной эксплуатации пользователей и владельцев средств индивидуальной мобильности с учетом технических свойств и эксплуатационных характеристик устройств.

Результаты.

Подводя итог, видим, что современный цифровой гаджеты в сфере индивидуальной мобильности и услуги по их обслуживанию нашли свое место в современной транспортно-логистической среде. Рынок аренды электросамокатов в России продемонстрировал сильный рост к 2022 году с точки зрения денежной массы и роста пользовательской базы, подтверждая прогнозы исследования 2021 года. Несмотря на сложившуюся ситуацию, есть все предпосылки для дальнейшего роста данного вида рынка и распространения услуг микромобильности в РФ.

Потенциальные возможности рынка еще не исчерпаны, и фирмы активно привлекают денежные средства из различных финансовых и инвестиционных источников для увеличения своего парка, а также его расширения в этом и последующих годах [5].

Кроме того, теоретическое исследование отечественной нормативной правовой основы в области безопасности дорожного движения, показало с нашей точки зрения, следующие недостатки:

- 1) общественные отношения, возникающие в области дорожного движения, не в полной мере охвачены нормативными правовыми актами;
- 2) в законодательстве, устанавливающем требования и положения по работе контрольно-надзорных органов, координации их совместной деятельности, существуют пробелы;
- 3) административное законодательство за нарушения в области безопасности дорожного движения не обеспечивает в полной мере предупреждения и профилактику правонарушений;
- 4) неразвитость правового регулирования по механизму привлечения и стимулирования институтов гражданского общества и СМИ в деятельности в рассматриваемой сфере.

Для улучшения и обеспечения безопасности эксплуатации электросамокатов предложим ряд идей.

Во-первых, необходимо запретить использование электросамокатов детьми до 14 лет.

Во-вторых, необходимо запретить активное вождение в густонаселенных районах городов и населенных пунктов.

В-третьих, на электросамокаты необходимо устанавливать видеокамеры, чтобы: фиксировать агрессивное вождение и устанавливать виновных в происшествии; при аренде можно было увидеть, кто берет в прокат электросамокатов, и в процессе эксплуатации не было бы обмена с людьми, которым нельзя пользоваться СИМ.

Нарушители правил передвижения электрических самокатов должны наказываться лишением права использования электрических средств индивидуальной мобильности на определенный временной период, например, на полгода или год, и уплатой существенного денежного штрафа. Эти и ряд других предложений смогут обеспечить безопасность жизни обычных пешеходов и тех, кто использует СИМ.

Цифровые гаджеты могут и должны способствовать не только цифровизации экономики, но и повышать комфорт и безопасность транспортно-логистической инфраструктуры.

Заключение.

Административная ответственность за нарушения ПДД на СИМ, как закреплено в нашем законодательстве, может быть, как в виде штрафов, так и в виде других мер в зависимости от характера и серьезности нарушения. Наказания и штрафы могут варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств случая, либо решения суда. В связи с этим важно соблюдать ПДД при использовании СИМ в целях обеспечения безопасности, как себя, так и других участников дорожного движения.

Таким образом, разработка и внедрение эффективных норм и правил в сферу обеспечения БДД, играют ключевую роль в обеспечении безопасности участников дорожного движения, включая и пользователей СИМ.

Важно отметить, что данные нормы должны учитывать особенности и потребности данного вида транспорта, а также способствовать соблюдению безопасности как водителями СИМ, так и другими участниками дорожного движения. Следовательно, сотрудничество между Минтрансом и МВД России в усовершенствовании и применении норм в данной сфере в дальнейшем может способствовать более эффективному контролю и регулированию по использованию СИМ, что, в свою очередь, может уменьшить риски аварийных ситуаций и травматизма на дорогах.

Отметим также важность проведения мониторинга и анализа результатов внедрения этих

правовых норм и правил в практику, чтобы убедиться в их эффективности, а, при необходимости, внести соответствующие коррективы. Аварийность и безопасность на дорогах – это динамические процессы, требующие постоянного внимания и контроля.

В целом, в современном российском законодательстве начался процесс преодоления неопределенности правовой природы средства индиви-

дуальной мобильности, современным участникам дорожного движения стоит хорошо изучить уже имеющиеся законы по использованию средства индивидуальной мобильности, однако изложенные проблемы позволяют говорить о необходимости продолжения нормотворческой деятельности по данному направлению.

Главной целью преодоления указанных проблем является достижение безопасности дорожного движения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.10.2022 года № 1769-ФЗ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 7100.
2. Статистика ДТП с участием средств индивидуальной мобильности за 2023 год // Доступ из Справочно-поисковой системы официального сайта Министерство внутренних дел Российской Федерации (в редакции с 08 августа 2023 года)
3. Кадаков М.А. Пользователи электросамокатов продолжили нести ответственность за ДТП как пешеходы / М.А. Кадаков // Российская газета – Федеральный выпуск: № 165(9110).
4. Шапарин А.В. Транспортному средству без госномеров не место на дороге / А.В. Шапарин // РИА Новости. 2023. 05 сентября.
5. Баршев В.С. Электросамокат «в законе» / В.С. Баршев // Российская газета – Федеральный выпуск: № 37(8982). 2023. 20 февраля.

References:

1. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 06.10.2022 № 1769-FZ «On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Invalidation of Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Certain Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 41. Art. 7100.
2. Statistics of accidents involving personal mobility equipment for 2023 // Access from the Reference and Search Engine of the official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (as amended on August 08, 2023).
3. Kadakov M.A. Users of electric scooters continued to be responsible for accidents as pedestrians / M.A. Kadakov // Rossiyskaya Gazeta – Federal issue: № 165(9110).
4. Shaparin A.V. A vehicle without license plates has no place on the road // RIA Novosti. 2023. September 05.
5. Barshev V.S. Electrosamokat «in the law» / V.S. Barshev // Rossiyskaya Gazeta – Federal issue: № 37(8982). 2023. February 20.

Информация об авторах

Штырхунова Наталья Александровна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры судовождения,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск
shtnat33@mail.ru

Natalia A. Shtyrkhunova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Navigation,
Admiral F.F. Ushakov State Maritime University,
Novorossiysk
shtnat33@mail.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
теории и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск
abrsyuzanna@yandex.ru

Susanna K. Abrahamyan
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Admiral F.F. Ushakov State Maritime University,
Novorossiysk
abrsyuzanna@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-48>

УДК 316

Attribution

cc by

ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ДИАГНОСТИКА И ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Юлдашев А.Ю.

*Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Статья посвящена проблеме терроризма, анализу методов его диагностики и способам предотвращения. Обострение социальных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов современного общества, рост экстремистской идеологии обуславливает актуальность проблемы исследования. Цель: провести анализ сущности терроризма как социального явления, на основе которого определить методы его диагностики и пути предотвращения. Задачи: 1) выявить сущностные характеристики терроризма как социального явления; 2) провести анализ методов диагностики терроризма; 3) определить пути предотвращения терроризма как социального явления. Методы: теоретический анализ научных источников. Результаты: теоретический анализ литературы позволил раскрыть социальные признаки терроризма, сутью которого является признание насилия как способа разрешения социальных, национальных, религиозных и других противоречий. В основе терроризма с позиции субъекта террористической деятельности лежит экстремистская направленность личности, определяющая готовность к террористическим действиям. Выводы: повышение террористической опасности в современной действительности вызывает необходимость поиска и использования новых форм и методов диагностики и противодействия терроризму. Социальной группой, уязвимой для пропаганды терроризма, является молодежь. Профилактика терроризма должна основываться на моделях управляемой социализации молодежи. В основе профилактических программ по противодействию терроризму должны лежать методики социально-психологической диагностики для выявления потенциальных террористов, создающих террористические угрозы. Использование достоверных методик диагностики экстремистской направленности личности является одним из условий противодействия терроризму.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, террористическая деятельность, экстремистская идеология, экстремистская направленность, диагностика экстремизма.

TERRORISM AS A SOCIAL PHENOMENON: DIAGNOSIS AND WAYS OF PREVENTION

Asad Yu. Yuldashev

*Nizhny Novgorod Institute of Management – branch Russian Academy
of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problem of terrorism, analysis of methods for its diagnosis and methods of prevention. The aggravation of social, interethnic and interfaith conflicts in modern society, the growth of extremist ideology determines the relevance of the research problem. Objective: to analyze the essence of terrorism as a social phenomenon, on the basis of which to determine methods for its diagnosis and ways to prevent it. Research objectives: 1) identify the essential characteristics of terrorism as a social phenomenon; 2) conduct an analysis of methods for diagnosing terrorism; 3) determine ways to prevent terrorism as a social phenomenon. Methods: theoretical analysis of scientific sources. Findings: a theoretical analysis of the literature made it possible to reveal the social characteristics of terrorism, the essence of which is the recognition of violence as a way of resolving social, national, religious and other contradictions. The basis of terrorism from the position of the subject of terrorist activity is the extremist orientation of the individual, which determines the readiness for terrorist actions. Conclusions: the increase in terrorist danger in modern reality necessitates the search and use of new forms and methods of diagnosing and countering terrorism. The social group vulnerable to terrorist propaganda is young people. Terrorism prevention should be based on models of controlled socialization of youth. Preventive programs to counter terrorism should be based on socio-psychological diagnostic methods to identify potential terrorists who create terrorist threats. The

© Юлдашев А.Ю.

use of reliable methods for diagnosing a person's extremist orientation is one of the conditions for countering terrorism.

Keywords: terrorism, extremism, terrorist activity, extremist ideology, extremist orientation, diagnosis of extremism.

Введение. Обострение социальных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов современного общества, рост экстремистской идеологии среди населения, распространение групп и организаций экстремистской и террористической направленности, интернет-терроризм обуславливают повышение угроз террористической опасности населению. Рост угроз террористической опасности в новых условиях общественного развития вызывает необходимость поиска и использования новых форм и методов профилактической работы с населением по предотвращению терроризма. В противодействии терроризму необходимым становится использование методик социально-психологической диагностики личности и групп радикальной направленности, обладающих высокой степенью достоверности для выявления потенциальных террористов, представляющих террористическую угрозу населению. Актуальными становятся вопросы терроризма как социального явления, осмысление его сущности и социальных детерминант, а также методов диагностики терроризма и террористической деятельности и путей их предотвращения.

Результаты. Терроризм как социальное явление обусловлен действием комплекса социально-экономических, национально-культурных и социально-психологических факторов, к которым относятся наличие внутренних и внешних социально-политических противоречий и конфликтов, социально-экономических проблем, многонациональность и многоконфессиональность российского общества, девальвация традиционных норм и ценностей, распространение радикальных групп и сайтов в информационном пространстве сети интернет. Повышается важность профилактики терроризма как социального явления.

Социальной группой, наиболее уязвимой для пропаганды экстремизма и терроризма является молодежь [3]. Социальные характеристики молодежи, такие как «внушаемость, легкость восприятия деструктивных влияний, повышенное чувство социальной справедливости, юношеский максимализм» [2, с. 102], определяют социально-психологические условия для развития экстремистской активности и готовности к террористической деятельности. Экстремистская активность личности связана с формированием ее экстремистской направленности, которая, по мнению А.В. Ларионовой, отражает «системное свойство личности, интегрирующее в себе совокупность мотивов, взглядов, убеждений, смыслов, потребностей и устремлений экстремистского содержания, обуславливающих самоосуществление и самореализацию человека в экстремистской деятельности» [4, с. 130]. Целью предупреждения терроризма является форми-

рование личности молодого человека, обладающего иммунитетом к экстремистской пропаганде, который понимается как «субъективная невосприимчивость к целенаправленно распространяемым идеям, фактам, аргументам, отрицающим существующие в обществе политические, правовые и духовные нормы и ценности, принципы организации политической системы и общественной жизни» [1, с. 12]. С этих позиций необходимо рассматривать и методы противодействия терроризму как социальному явлению, и методы его социальной диагностики.

Профилактика терроризма, в основе которой лежит идеология крайней степени экстремизма, определяется как «система мероприятий, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, когда она еще не осуществляется – предупредить, предотвратить, уничтожить такое опасное явление как экстремизм на этапе зарождения» [5, с. 7]. В основе профилактической работы «должна лежать идея управляемой социализации» [1, с. 29]. Предложено три модели профилактики экстремистских проявлений, которые лежат в основе противодействия терроризму: модель профилактики, «основанная на усилении роли традиционных институтов социализации» [1, с. 29]; модель «профилактической работы по снижению деструктивного потенциала молодежных субкультур» [1, с. 30]; вариативные модели противодействия экстремизму и терроризму в системе непрерывного профессионального образования молодежи [1].

Рост террористической опасности в современных условиях развития общества вызывает необходимость поиска и использования методов диагностики личности на предмет склонности к террористической деятельности, что является одним из условий противодействия терроризму. Поэтому, в основе профилактических программ по противодействию терроризму должны лежать методики социальной, психологической диагностики человека, позволяющих с высокой степенью вероятности выявлять потенциальных террористов, создающих террористические угрозы. К основным методам диагностики склонности к террористической деятельности относятся традиционные методы диагностики – анкетирование, интервьюирование, тестирование. Анкетирование как метод диагностики не исключает сознательного контроля респондента, что снижает достоверность полученных результатов. Анкетирование целесообразно использовать «в анонимных исследованиях, имеющих целью оценку распространенности в определенной группе экстремистских идей, но малоэффективны при индивидуальном применении» [6, с. 71]. Интервьюирование как метод диагностики терроризма обладает более высокой степенью достоверности, поскольку «у интервьюера есть

возможность проверить респондента на ложь, варьируя список вопросов, повторяя вопросы» [6, с. 71]. Метод интервью показал свою эффективность при диагностике обычных граждан «позволяет получить богатый эмпирический материал при работе с рядовыми гражданами» [9], однако «имеет свои ограничения в процессе диагностики лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности» [10].

Более высокой степенью достоверности оценки террористического профиля личности обладают тесты-опросники. По своему содержанию тесты оценивают экстремистские тенденции и направленность личности, склонность к радикализму, экстремистское мировоззрение и другие признаки личности, склонной к террористическим действиям. Например, «методика Militant Extremist Mindset (MEM) Scale разработана группой авторов для диагностики радикального экстремистского мировоззрения личности» [8]; шкала намерений активизма и радикализма (ARIS), которая измеряет переход от экстремистских установок и убеждений к действиям, определяющий готовность к террористической деятельности [7]. Диагностика склонности к терроризму, как правило, включает комплекс психодиагностических тестов, которые применяются в совокупности различных методов социальной диагностики [4; 6].

Обсуждение. Анализ терроризма как социального явления раскрывается с позиции субъекта террористической деятельности, в основе которой лежат экстремистская идеология, формирующая экстремистскую направленность личности и ее готовность к террористической деятельно-

сти. С этих позиций ключевыми ориентирами для разработки технологической модели профилактики терроризма являются типология террористического поведения, типология радикальных групп экстремистской направленности, специфика формирования экстремистской направленности личности, совокупность социально-психологических детерминант, провоцирующих формирование террористического поведения личности и групп экстремистской направленности. Анализ научных источников показал, что в основе профилактических программ по противодействию терроризму должны лежать методики социально-психологической диагностики человека, позволяющих с высокой степенью вероятности выявлять потенциальных террористов, создающих террористические угрозы.

Заключение. Рост террористических угроз вызывает необходимость поиска и использования новых форм и методов диагностики и противодействия терроризму. Терроризм как социальное явление раскрывается в контексте готовности личности к террористической деятельности. Субъект террористической деятельности характеризуется экстремистской направленностью, определяющей его готовность к выполнению террористических действий. Методы противодействия терроризму должны основываться на моделях профилактики управляемой социализации. В основе профилактических программ противодействия терроризму должны лежать методики социально-психологической диагностики для выявления лиц со склонностью к формированию экстремистской направленности и готовности к террористической деятельности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Зеленев Ю.Н. Теория и практика педагогической профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования : автореф. дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.01. Екатеринбург, 2014. 39 с.
2. Кузьмин А.В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде : дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.05. Тамбов, 2014. 413 с.
3. Лазарев Д.А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия : дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Краснодар, 2017. 169 с.
4. Ларионова А.В. Особенности взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности личности и ее потенциальных проявлений : дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01. Томск, 2016. 162 с.
5. Профилактика экстремизма и воспитание толерантности в молодежной среде: информационно-методический сборник / Под ред. д-ра пед. наук, проф. О.Л. Подлиняева. Иркутск : Издательство Галкин Виктор Викторович, 2018. 40 с.
6. Методы диагностики экстремистских тенденций личности в зарубежных исследованиях / А.С. Эльзесер, Т.В. Капустина, Д.Е. Жданова, Р.В. Кадыров // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 68–79.

7. Decker S.H. Activism and Radicalism in Prison: Measurement and Correlates from a Large Sample of Inmates in Texas / S.H. Decker, D.C. Pyrooz // *Justice Quarterly*. 2019. Vol. 36. № 5. P. 787–815.
8. Furnham A. Correlates of the Militant Extremist Mindset / A. Furnham, G. Horne, S. Grover // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. ID 2250. 7 p.
9. Haugstvedt H. Research. Note: «How Can I Get Them Offstage?» Critical Reflections on a Researcher's Approach to Qualitative Data Collection with Social Workers Involved in Preventing Violent Extremism in Norway / H. Haugstvedt // *Journal for Deradicalization*, 2020. № 23. P. 214–234.
10. Khalil J. A Guide to Interviewing Terrorists and Violent Extremists / J. Khalil // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2019. Vol. 42. № 4. P. 429–443.

References:

1. Zelenov Yu.N. Theory and practice of pedagogical prevention of extremist manifestations among youth in the system of continuous professional education : abstract of the dis. ... doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.01. Ekaterinburg, 2014. 39 p.
2. Kuzmin A.V. Socio-cultural prevention of extremism among youth : dis. ... doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.05. Tambov, 2014. 413 p.
3. Lazarev D.A. Youth extremism in the context of a transforming Russian society: problems of prevention and counteraction : dis. ... candidate of sociological sciences: 22.00.04. Krasnodar, 2017. 169 p.
4. Larionova A.V. Features of the relationships between the structural components of an individual's extremist orientation and its potential manifestations : dis. ... candidate of psychological sciences: 19.00.01. Tomsk, 2016. 162 p.
5. Prevention of extremism and education of tolerance among young people: informational and methodological collection / Edited by Dr. Ped. sciences, prof. O.L. Podlinyaeva. Irkutsk : Publishing house Viktor Viktorovich Galkin, 2018. 40 p.
6. Methods for diagnosing extremist personality tendencies in foreign studies / A.S. Elzesser, T.V. Kapustina, D.E. Zhdanova, R.V. Kadyrov // *Modern foreign psychology*. 2022. Vol. 11. № 1. P. 68–79.
7. Decker S.H. Activism and Radicalism in Prison: Measurement and Correlates from a Large Sample of Inmates in Texas / S.H. Decker, D.C. Pyrooz // *Justice Quarterly*. 2019. Vol. 36. № 5. P. 787–815.
8. Furnham A. Correlates of the Militant Extremist Mindset / A. Furnham, G. Horne, S. Grover // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. ID 2250. 7 p.
9. Haugstvedt H. Research. Note: «How Can I Get Them Offstage?» Critical Reflections on a Researcher's Approach to Qualitative Data Collection with Social Workers Involved in Preventing Violent Extremism in Norway / H. Haugstvedt // *Journal for Deradicalization*, 2020. № 23. P. 214–234.
10. Khalil J. A Guide to Interviewing Terrorists and Violent Extremists / J. Khalil // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2019. Vol. 42. № 4. P. 429–443.

Информация об авторе

Юлдашев Асад Юнусович
аспирант,
Нижегородский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Student20-17@rambler.ru
ORCID 0009-0003-0879-8600

Asad Yu. Yuldashev
Graduate Student,
Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
Student20-17@rambler.ru
ORCID 0009-0003-0879-8600

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-3>

УДК 340

Attribution

cc by

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Андреева О.А., Макарычан Э.А.

Таганрогский институт управления и экономики

Аннотация. Актуальность теоретико-правового анализа социальной функции современного государства базируется на обобщении имеющегося опыта и учета влияния на неё экономических, политических, правовых и других условий. Рассмотрены теоретико-правовые аспекты формирования социальной политики государства в процессе ее становления в истории государства и права. Методологической основой исследования явились такие методы познания, как сравнительно-правовой, анализ и синтез, формально-юридический и другие, позволившие выявить направленность социальной функции государства на создание условий, необходимых для самореализации всех граждан. Социальное государство является сохранение человеческого капитала и повышение уровня его потенциала. Установлено, что социальное государство является закономерным результатом развития цивилизации; социальная политика не патернализм, а ответственность граждан за свое будущее и последующих поколений. Целью социальной функции государства является: снижение уровня социальной напряженности; исключение большого разрыва между богатством и бедностью; обеспечение равных возможностей и условий для старта всех граждан; достижение максимально возможной социальной справедливости, основанной на праве и законе.

Ключевые слова: государство, функции, социальная функция, социальная политика, социальное государство, право, закон.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE SOCIAL FUNCTIONS OF A MODERN STATE: FORMULATION OF THE RESEARCH PROBLEM

Olga A. Andreeva, Eduard A. Makartychan

Taganrog Institute of Management and Economics

Abstract. The relevance of the theoretical and legal analysis of the social function of a modern state is based on a generalization of existing experience and taking into account the influence of economic, political, legal and other conditions on it. Theoretical and legal aspects of the formation of the state's social policy in the process of its formation in the history of state and law are considered. The methodological basis of the study was such methods of cognition as comparative legal, analysis and synthesis, formal legal and others, which made it possible to identify the focus of the social function of the state on creating the conditions necessary for the self-realization of all citizens. The social state is the preservation of human capital and increasing the level of its potential. It has been established that the social state is a natural result of the development of civilization; social policy is not paternalism, but the responsibility of the citizen for his future and subsequent generations. The purpose of the social function of the state is to: reduce the level of social tension; eliminating the large gap between wealth and poverty; ensuring equal opportunities and starting conditions for all citizens; achieving the maximum possible social justice based on law and law.

Keywords: state functions, social function, social policy, social state, law, law.

Введение.

Социальная функция государства регулирует отношения между государственными органами, населением, гражданским обществом с целью достижения максимальной социальной справедливости, основанной на праве и законе. Она определяет политическую концепцию государства, содержащую идею равного распределения благ и обязанностей между всеми гражданами.

В п. 1 ст. 7 Конституции РФ указано, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Функция российского государства в социальной сфере заключается в обеспечении защиты и поддержки населения, особенно тех, кто нуждается в помощи и поддержке.

© Андреева О.А., Макарычан Э.А.

Государство также стремится обеспечить общественное благополучие через создание равных возможностей для всех граждан. Это достигается через реализацию государственной политики в таких областях, как здравоохранение, образование, наука, культура и другие.

Важно, чтобы государство содействовало формированию благоприятной социальной среды для всех слоев населения, чтобы каждый человек имел равные шансы на развитие и самореализацию.

Появление цифровых технологий изменило жизнь людей, под угрозой исчезновения оказываются некоторые профессии, которые может заменить нейросеть – математическая модель способная решать интеллектуальные задачи.

К.М. Карнаухова пишет, что «в течение ближайших 10–15 лет предполагается уход большой массы трудоспособных граждан из области материального производства».

Перед государствами встают абсолютно новые социальные задачи, а концепции, предлагающие их решение на рынке философских теорий, отсутствуют в принципе» [1, с. 68].

Следовательно, требуется анализ правовых механизмов оказания помощи и защиты нуждающемуся населению. Можно согласиться с мнением И.С. Панкратова и М.Д. Баровских, о том, что в настоящее время «...социальная функция в полной мере выполняет свое предназначение нельзя, достаточно выделить такой момент, как не выплаченная заработная плата, пособия людям вовремя, до сих пор «действует» бюрократическая система, все предпринимаемые меры со стороны государства не всегда выполняются» [2, с. 66–69].

Социальная политика государства направлена на создание таких условия, которые бы гарантировали достойную жизнь всем слоям населения, но в исключительных случаях- наиболее нуждающимся.

Обсуждение.

Функции государства охватывают различные сферы, подверженные угрозам из-за различных кризисов, возникающих в жизни государства. В настоящее время государство обеспечивает распределение основных благ для тех, кто нуждается в этом больше всего, согласно Конституции РФ.

Законодательство РФ действительно гарантирует социальную помощь населению, включая предоставление субсидий, федеральных программ и социальных доплат. Реализация мер финансирования также играет важную роль в поддержке нуждающихся. Подобные гарантии помогают смягчить негативные последствия экономических и политических кризисов, связанных с инфляцией и замедлением экономического

роста, а также предотвращать социальные противоречия, вызванные неравенством доходов в обществе.

Важным аспектом является эффективное функционирование и контроль за реализацией таких мер, чтобы обеспечить равный доступ к социальной помощи и справедливое распределение ресурсов. На основе развитой экономической базы, возможно в бол обеспечение бы «жизненные потребности населения и гарантировала им защиту от рыночных рисков, связанных со старостью, безработицей, несчастными случаями и болезнями [3, с. 135].

Теоретико-правовой анализ социальной функции государства, а также функционирование возможностей и пределов проводился на основе методологии юридической науки. Для этого использовались как общетеоретические методы, такие как диалектический метод, так и специальные юридические методы, например системно-структурный анализ и синтез. Этот подход позволил выявить тенденции и механизмы становления социальной функции государства, а также оценить перспективы его будущего развития. Комбинация различных методов позволяет глубже понять взаимосвязи между социальными функциями государства, правовыми нормами и общественными отношениями, что важно для эффективного управления социальными процессами и обеспечения благополучия граждан.

Степень научной разработанности проблемы.

Как отмечал О.Е. Кутафин, «главная задача социального государства – достижение такого общественного развития, которое основывается на закрепленных правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Социальное государство призвано помогать слабым, влиять на распределение экономических благ исходя из принципа справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное существование» [4, с. 345]. Однако социальная модель государства – не патернализм, когда перераспределение социальных благ осуществляется без учета ответственности гражданина за свое будущее, и будущее последующих поколений. Поэтому актуальность приобретает воспитание такой личности и общества, которая бы заботилась о своем будущем благосостоянии, учитывая уровень возможных гарантий, предоставляемых государством с целью достижения социальной справедливости.

Платон в своем сочинении «Государство» выразил критику по отношению к богатству и бедности, утверждая, что умеренность и средний достаток являются основой стабильности государства. Он подчеркнул политическое значение социально-экономического расслоения общества, указав на него как главный аспект, отличающий идеальное государство от других форм управления.

Платон призывал к преодолению разделения на богатых и бедных, отмечая, что обычное госу-

дарство может быть по сути разделено на множество враждебных государств, каждое из которых представлено богатыми и бедными. Он выделял необходимость объединения и гармонии в обществе, чтобы избежать конфликтов и обеспечить устойчивое развитие государства [5, с. 217].

Для того, чтобы построить идеальное государство, необходимо выяснить те цели, которые объединяют людей как блага жизни, но это не только удовольствия, а разумные сочетания физических и духовных благ, которые по мнению Аристотеля должно быть: «...всем на пользу, то и есть право» [6, с. 415].

Следовательно, в основе античной идеи социального государства лежал принцип, что справедливо-то и законно, поэтому право шире, чем закон, а социальные идеалы того времени были связаны:

- во-первых, с понятиями справедливости, порядка и добродетели;
- во-вторых, с представлениями о достойной жизни человека;
- в-третьих, с взаимоотношениями между социальными группами, обществом и государством и так далее.

Следовательно, идея социального государства берет начало от справедливого распределения материальных благ и на этой основе социальной стабильности.

Понятие «социального государства» было введено в научный оборот немецким политиком и экономистом Лоренцем фон Штейном в 1850 году. В тот же период, Э.П. Ханнон в своем труде «Происхождение государства всеобщего благосостояния в Англии и Германии, 1850–1914 гг.: сравнение социальной политики», отмечает, что концепция социального государства стала актуальной на Западной Европе в период предшествующий революции на фоне проблем социальной несправедливости и необходимости социальной реформы.

Концепция социального государства предполагает, что государство обязано заботиться о социальном благополучии своих граждан, обеспечивать социальную защиту и поддержку тех слоев населения, которые нуждаются в помощи.

Эта идея стала базой для развития системы социального обеспечения и крыла появлению таких учреждений, как пенсионные фонды, медицинская страховка и другие формы государственной социальной защиты.

Отдаленным истоком идеи о социальной функции государства являются идеи античных философов, которые считали идеальным государством то, в котором в наибольшей степени учи-

тываются интересы всех граждан, а законы действуют во имя всеобщего блага.

Концепция социального государства, направленная на помощь наиболее нуждающимся слоям населения, разрабатывалась еще в античном мире и до настоящего времени остается актуальной в индустриальных и постиндустриальных обществах.

Теоретические аспекты реализации функций государства были изучены российскими учеными XIX века, такими как Н.И. Лазаревский, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, Ф.Ф. Кокошкин, Н.М. Коркунов.

В частности, Б.А. Кистяковский отмечал, что «...вся деятельность государства выполняется в интересах подвластных. Государство при осуществлении своих задач признает за индивидуумом правовую способность привлекать в своих интересах государственную власть и пользоваться государственными учреждениями» [7, с. 310].

Н.М. Коркунов понимал под функциями государства основные направления его деятельности. Он писал, что «...государство есть постоянное общение, объемлющее не одно наличное, но целый ряд сменяющихся поколений. Поэтому оно не может руководиться в своей деятельности только интересами наличного поколения, только потребностями настоящего времени. Напротив, оно является естественным охранителем интересов грядущих поколений против одностороннего эгоизма настоящего... оно оберегает население от вырождения и вымирания, обеспечивает нарастающему поколению необходимое образование и т.д.» [8, с. 21–22].

Таким образом, не употребляя термина «социальная функция государства», Н.М. Коркунов фактически раскрывал его содержание.

С середины XIX по начало XX века в России произошли значительные общественные трансформации, которые коснулись социальной, экономической, политической и духовной сфер жизни. Эти изменения повлияли на развитие социальной функции государства. Ученые в этот период начали проявлять интерес к социальным проблемам в условиях ускоренного развития буржуазных отношений в России.

Авторы до революции использовали различные термины, такие как: государственное благоустройство, государственная благотворительность, государственная попечительская деятельность и другие, чтобы описать социальную функцию государства.

Один из первых исследователей теоретических аспектов социальной деятельности государства в истории и теории государства и права России был А.И. Васильчиков. Он провел анализ французского социального законодательства, выявив различия между правом (*assistance legale*) и

частной благотворительностью (*charitéprivée*). Такой подход позволил ему осмыслить зарубежный опыт совместного осуществления социальной помощи, как со стороны государства, так и местного самоуправления, с целью приблизить российскую модель благотворительности к современной социальной функции государства. В ее компетенцию было введено управление производственным делом, медицинская помощь населению, поддержка не защищенных членов общества [9, с. 254].

Таким образом, его научная деятельность оказала влияние на формирование теоретической модели социального государства, главной целью которого является достижение справедливости, консенсуса в процессе достижения благополучия личности и благоденствия общества.

Результаты.

Постановка проблемы исследования важна, так как социальная функция государства представляет собой специальную разрабатываемую политико-правовую структуру, которая направлена на обеспечение равномерного распределения материальных благ и сокращение социальных различий, что способствует обеспечению социальной стабильности в обществе.

По мнению Ю.Н. Беляевой, изначально социальная функция государства ограничивалась обеспечением социальной защиты наиболее бедных и уязвимых слоев населения. Однако в настоящее время основными задачами государства в социальной сфере становятся повышение уровня жизни населения, обеспечение каждому гражданину достойного уровня жизни и снижение уровня социального неравенства. Эти цели обусловлены стремлением к созданию справедливого общества, где каждый человек имеет равные возможности для развития и самореализации. [10, с. 99–106]».

Выбор модели социального государства – это действительно сложный процесс, который требует учета множества факторов и особенностей конкретной страны.

В контексте современной России, определение модели социального государства представляет собой комплексный и компромиссный процесс, который учитывает разнообразные социально-экономические и политические аспекты.

Реформирование социальной сферы с использованием принципов либерализма или "новых правил" может столкнуться с определенными рисками и вызвать негативную реакцию в обществе. Общественные изменения, основанные исключительно на либеральных принципах, могут привести к сокращению социальных гарантий, увеличению социального неравенства и ухудшению условий жизни для уязвимых категорий населения.

В заключении следует отметить, что социальное государство, обеспечивая защиту интересов населения, посредством перераспределения национальных богатств обеспечивает социальное равенство. В настоящее время активно ведутся дискуссии по поводу указанной политики с целью достижения общественного консенсуса. Основной упор делается на том, что социальная модель государства не должна быть патерналистической в грубой форме, а должна основываться на ответственности каждого гражданина за свое собственное будущее и будущее следующих поколений.

При этом приоритетной становится идея воспитания личности и общества, которые заботятся о будущем благосостоянии общества в целом. Государство призвано предоставлять определенные гарантии и уровень социальной защиты, чтобы обеспечить максимально возможную социальную справедливость.

Такой подход подразумевает активное участие граждан в формировании своего будущего, а также осознанное принятие ответственности за обеспечение устойчивого социального развития. Важное значение при этом придается обеспечению равных возможностей для всех членов общества и содействию их личностному и профессиональному росту.

Основываясь на базовых принципах демократического социального государства, перестройка социальной сферы должна быть направлена на создание устойчивой, справедливой и эффективной системы, которая бы учитывала приоритеты прав человека и основных свобод, солидарности и ответственности граждан, общества и государства, а также принципы оптимальной поддержки и субсидиарности.

Рассмотрим каждый из указанных принципов более подробно: приоритет прав человека и свобод, гарантия основных прав и свобод каждого человека является неотъемлемой частью демократического социального государства.

Создание условий для свободного развития личности, защита прав собственности, права на образование, здоровье, труд и другие социальные права должны быть в центре внимания при перестройке социальной сферы.

Принцип солидарности предполагает взаимопомощь, поддержку и взаимное уважение между гражданами, обществом и государством. Солидарность способствует социальной стабильности, поддерживает уязвимых групп населения и укрепляет социальную справедливость.

Принцип субсидиарности означает, что решение социальных проблем должно приниматься на том уровне, где оно наилучшим образом может быть реализовано. При этом государство должно поддерживать и обеспечивать деятельность свободных ассоциаций граждан, которые могут взять на себя ответственность за решение социальных задач.

Внедрение вышеупомянутых принципов в перестройку социальной сферы позволит создать более гуманную, ответственную и эффективную систему социальной защиты, обеспечивая гармоничное сочетание индивидуальных прав и обязанностей граждан, справедливость и поддержку со стороны государства и общества в целом.

Кроме того, укрепление солидарности и принципа субсидиарности способствует формированию здорового и устойчивого общества, способного эффективно справляться с социальными вызовами и неравенством.

Заключение.

Основные принципы социальной справедливости и равенства, а также обеспечения социальных гарантий на основе исторических и социаль-

но-этических норм являются основой легитимации социальной функции государства и способствуют укреплению социальной солидарности и стабильности общества.

В результате исследования установлено, что:

– уровень социальной обеспеченности государства позволяет представить перспективное его развитие в последующей истории;

– рост благосостояния всех граждан страны связан с основными направлениями современной социально-экономической политики государства;

– основной задачей социальной функции государства является сохранение человеческого капитала и повышения уровня его потенциала и т.д.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Корнаухова К.М. Социальная функция Российской Федерации / К.М. Корнаухова // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 68.
2. Панкратов И.С. Правовой анализ функций государства / И.С. Панкратов, М.Д. Баровских // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 66–69.
3. Соловьёва В.В. Государство всеобщего благосостояния: философско-правовой аспект / В.В. Соловьёва // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 26. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-vseobshchego-blagosostoyaniya-filosofsko-pravovoy-aspekt>.
4. Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 7: Российский конституционализм : монография. М. : Проспект, 2021. С. 345.
5. См.: Платон. Государство. URL : <http://www.civisbook.ru/files/File/Platon.Gosudarstvo.pdf>
6. Аристотель. Сочинения : в 4-х т. М. : Мысль. Т. 4. С. 415.
7. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб. : РХГИ, 1999. С. 310.
8. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I: Введение и общая часть. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1893. С. 21–22.
9. См.: Васильчиков А.И. О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб. : Типография В.В. Прац, 1872. С. 254.
10. Беляева Ю.Н. О социальных функциях государства / Ю.Н. Беляева // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 99–106.

References:

1. Kornaukhova K.M. Social function of the Russian Federation / K.M. Kornaukhova // International Journal of Applied Sciences and Technologies «Integral». 2019. № 3. P. 68.
2. Pankratov I.S. Legal analysis of the functions of the state / I.S. Pankratov, M.D. Barovskikh // Legal science. 2023. № 5. P. 66–69.
3. Solovyova V.V. Welfare state: philosophical and legal aspect / V.V. Solovyova // Current problems of state and law. 2023. № 26. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-vseobshchego-blagosostoyaniya-filosofsko-pravovoy-aspekt>.
4. Kutafin O.E. Selected works : in 7 vol. Vol. 7: Russian constitutionalism: monograph. M. : Prospekt, 2021. P. 345.
5. See: Platon. State. URL : <http://www.civisbook.ru/files/File/Platon.Gosudarstvo.pdf>
6. Aristotle. Works : in 4 vol. Vol. 4. M. : Thought. P. 415.
7. Kistyakovsky B.A. Philosophy and sociology of law. SPb. : RKhGI, 1999. P. 310.

8. Korkunov N.M. Russian state law. Vol. I: Introduction and general part. SPb. : Printing house M.M. Stasyulevich, 1893. P. 21–22.
9. See: Vasilchikov A.I. On self-government: A comparative review of Russian and foreign zemstvo and public institutions. SPb. : Printing house V.V. Prats, 1872. P. 254.
10. Belyaeva Yu.N. On the social functions of the state / Yu.N. Belyaeva // Journal of Russian Law. 2016. № 1. P. 99–106.

Информация об авторах

Андреева Ольга Александровна

доктор философских наук,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Таганрогский институт управления и экономики
ol-andr1@yandex.ru

Макартычан Эдуард Алексеевич

аспирант кафедры теории
и истории государства и права,
Таганрогского института управления и экономики
edik200997@mail.ru

Olga A. Andreeva

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Taganrog Institute of Management and Economics
ol-andr1@yandex.ru

Eduard A. Mkrtychan

Postgraduate Student of the Department
of Theory and History of State and Law,
Taganrog Institute of Management and Economics
edik200997@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-30>
УДК 347.2

Attribution
cc by

ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бобрышев И.С.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Аннотация. Цель. В статье рассматриваются понятие и признаки финансовых активов (цифровых финансовых активов) предприятия как объекта гражданско-правового исследования. В процессе изучения были использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и частно-научный (гражданско-правовой) методы познания. В ходе подготовки публикации использованы нормативные правовые акты, регулирующие область применения рассматриваемых финансовых инструментов, а также соответствующие исследования в области гражданского и финансового права. В результате проведенного анализа сделаны выводы о необходимости совершенствования законодательства и формирования понятийно-терминологического аппарата в сфере финансовых активов. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в научной и практической деятельности в целях оптимизации гражданско-правового регулирования финансовых активов, в том числе цифровых финансовых активов.

Ключевые слова: финансовые активы, цифровые финансовые активы, объект гражданско-правового регулирования, международный стандарт финансовой отчетности, безопасность финансовых активов.

FINANCIAL ASSETS OF AN ENTERPRISE AS AN OBJECT OF CIVIL LAW RESEARCH

Igor S. Bobryshev

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Abstract. Goal. The article discusses the concept and features of financial assets (digital financial assets) of an enterprise as an object of civil law research. In the process of studying, general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and private scientific (civil law) methods of cognition were used. During the preparation of the publication, regulatory legal acts regulating the scope of application of the financial instruments in question, as well as relevant research in the field of civil and financial law, were used. As a result of the analysis, conclusions are drawn about the need to form a conceptual and terminological apparatus in the field of financial assets. Conclusions and conclusions: the materials of the publication can be used in scientific and practical activities in order to optimize the civil law regulation of financial assets, including digital financial assets.

Keywords: financial assets, digital financial assets, object of civil law regulation, international financial reporting standard, security of financial assets.

Введение. Обеспечение эффективного функционирования финансовых активов в немалой степени зависит от того, насколько совершенен процесс гражданско-правового регулирования данных финансовых инструментов, в особенности в условиях формирования и развития цифровой экономики. В связи с этим, возникла необходимость в исследовании понятия и признаков финансовых активов (цифровых финансовых активов) предприятия как объекта гражданско-правового регулирования.

Обсуждение.

Прежде чем перейти к рассмотрению понятия «финансовые активы», необходимо определить с тем, что собой представляют составные

части данного понятия, а также подвести теоретическую основу под их понимание как объекта гражданско-правового исследования.

Термин «*финансы*» характеризуется совокупностью экономических отношений, возникновение которых сопряжено с формированием централизованных и децентрализованных денежных фондов, а также происходит в процессе их распределения и использования [1].

Термин «*активы*» раскрывается в *ГОСТ Р 55.0.01-2014/ИСО 55000:2014*: «Актив – это идентифицируемый предмет, вещь или объект, который имеет потенциальную или действительную ценность для организации. Ценность может по-разному определяться различ-

ными организациями и их заинтересованными сторонами, и может быть материальной или не материальной, финансовой или не финансовой» [2].

Регламентирующие сферу бухгалтерского учета отечественные нормативные правовые акты и соответствующие государственные стандарты не дают понятия «финансовые активы»; при этом такой термин отражен в международном документе *МСФО (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление»* [3], введенном в российскую экономику *Приказом Министерства финансов РФ от 28.12.2015 г. № 217н* [4].

Так, под *финансовым активом* понимается актив, представляющий собой:

- 1) денежные средства;
- 2) долевой инструмент другой организации;
- 3) предусмотренное договором право:
 - получение денежных средств или иного финансового актива от другой организации;
 - обмен финансовыми активами или финансовыми обязательствами с другой организацией на условиях, потенциально выгодных для организации;
- 4) договор, расчеты по которому будут или могут быть осуществлены собственными долевыми инструментами организации и который является:
 - непроизводным инструментом, по которому организация обязана или может стать обязанной получить переменное количество своих собственных долевого инструментов;
 - производным инструментом, расчеты по которому будут или могут быть осуществлены иным способом, чем путем обмена фиксированной суммы денежных средств или другого финансового актива на фиксированное количество собственных долевого инструментов организации [3].

Как видим, понятие «финансовый актив» весьма объемно, что связано с объектами регулирования, при этом производным по отношению к данному ресурсу является нормативное понятие цифровых финансовых активов [5].

Основной массив финансовых активов образуют денежные средства (деньги, валюта) и дебиторская задолженность.

МСФО (IAS) 32 в пункте AG3 определяет денежные средства (деньги, валюту) как финансовые активы, выступающие и как средство обмена, и как основа к оценке и признанию всех операций в рамках финансовой отчетности. Соответственно, финансовым активом является банковский или иной финансовый депозит, выступающий в качестве основанного на договоре права вкладчика на получение денег, а равно – права на вы-

писку остатка счета в связи с необходимостью выполнения кредитором финансовых обязательств [3].

Что касается определения цифровой валюты, то под ней понимается «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» [5].

МСФО (IAS) 32 в пункте AG4 отмечает также финансовые активы, сопряженные с договорными правами и обязательствами, позволяющими в перспективе получать и выдавать денежные средства в связи:

- с обусловленной торговой операцией, дебиторской или кредиторской задолженностью;
- с предъявляемым к получению и к оплате, векселем;
- с возникающей по займам, дебиторской либо кредиторской задолженностью;
- с возникающей по облигациям, дебиторской либо кредиторской задолженностью.

МСФО (IAS) 32 в пункте AG5 раскрывает сущность иных, чем денежные средства ценных бумаг, являющихся как финансовым активом их держателей, так и финансовым обязательством их эмитента, а именно – подлежащих оплате государственных облигаций, связанных с обязанностью эмитентов передать держателям либо эти облигации, либо денежные средства при соответствующем волеизъявлении держателей [3].

Прежде чем перейти к различным научным трактовкам как определения как финансовых активов, так и цифровых финансовых активов, определим, каким образом оцениваются и учитываются финансовые активы и дебиторская задолженность.

Так, если оценка денежных средств достаточно проста, исходя из их привязки к номиналу, то в процессе бухгалтерского учета дебиторской задолженности упор делается на синтетические счета, как того требует Минфин РФ, а именно при расчетах: с поставщиками и подрядчиками, с покупателями и заказчиками, по налогам и сборам, с персоналом по оплате труда, с подотчет-

ными лицами, с учредителями, с разными дебиторами и кредиторами и пр. При этом данные о наличии дебиторской задолженности должны подтверждаться актами инвентаризации [6].

Что касается вопроса о понимании финансовых активов на современном этапе развития экономических и социальных отношений (что максимально актуализирует изучение в наибольшей степени цифровых активов) как объекта гражданско-правового исследования, следует отметить, что глобальная мировая экономика, в основе которой лежит оборот финансовых (и нефинансовых) активов, закономерно порождает и развивает инновационные гражданско-правовые форматы регулирования отношений, в том числе активно протекающим в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). При этом очевидно, что цифровая экономика, составной частью которой является экономическая активность в киберпространстве отдельных предприятий, имеет тесную взаимосвязь с реальным миром, где осуществляется товарно-денежный оборот в рамках традиционных и индустриальных типов экономических систем. Таким образом осуществляется комплексное взаимодействие государств, обществ и отдельных граждан в рамках гражданско-правовых отношений. Естественным образом все эти в целом позитивные процессы стали объектов для неправомерных посягательств, что актуализирует вопросы правовой защиты финансовых активов предприятий.

Возвращаясь к вопросу рассмотрения в научной литературе особенностей и трактовок финансовых активов как объекта гражданско-правового исследования и регулирования, отметим следующее.

Специфика финансовых активов заключается в том, что они, будучи в собственности экономических агентов, образуют финансовые ресурсы последних, включающие в себя комплекс денежных средств и ценных бумаг. Соответственно, под определение финансовых активов не подпадают материальные и нематериальные активы, производственные запасы, авансы и др., поскольку в данном случае у субъекта экономической деятельности не возникают основания к получению каких-либо финансовых активов в перспективе. Обоснованно возник термин «внутренняя справедливая стоимость», под которым понимается сумма поступающей чистой прибыли в результате оборота финансовых активов. Определение данной стоимости осуществляется в процессе инвестиционного проектирования, когда предприятие должно соотносить собственные траты на покупку и переработку рассматриваемых активов с перспективными доходами (чистыми денежными притоками) [7, с. 272–273].

По мнению М.Г. Марковой, финансовые активы как материальные ресурсы, представляют собой комплекс корпоративных денежных средств и ценных бумаг, возникающих в результате произ-

водимых на финансовых рынках сделок [8, с. 420–422].

По мнению Л.Г. Паштовой, в случаях, когда у эмитента либо заемщика возникает потребность в денежных средствах, это порождает финансовые обязательства, тогда как у кредитора либо инвестора, обладающими денежными средствами в избытке, появляются свободные финансовые активы [9].

Важно отметить также высокую ликвидность финансовых активов, позволяющих реализовать любые возникающие у их владельца обязательства. В целом же, достаточность и быстрая оборачиваемость финансовых активов дает предприятию возможность уверенно строить свою финансово-хозяйственную деятельность. При этом для негосударственных компаний в качестве важнейшей группы финансовых активов выступают именно денежные средства, а не иные финансовые инструменты [10].

Отмеченное выше позволяет определить следующие признаки объекта гражданско-правового регулирования финансовых активов предприятия:

1. Финансовый актив относится к такому виду материальных благ, как имущественные права, отмеченные в ст. 128 ГК РФ, выступающие как денежные требования, в т.ч. на эмиссионные ценные бумаги.
2. Финансовые активы характеризуются широкой оборотоспособностью (цифровые финансовые активы составляют исключение).
3. Оборот финансовых активов обеспечивается путем их эмиссии, учета и обращения.
4. Возникновение гражданско-правовых отношений, а также их изменение и прекращение относительно финансовых активов обуславливает комплексное взаимодействие таких субъектов финансового рынка, как:
 - осуществляющих выпуск рассматриваемых ресурсов эмитентов;
 - владельцев активов;
 - номинальных держателей активов;
 - Банка России как главного комплаенс-регулятора, в функциональные обязанности которого входит осуществление генерального финансово-правового и финансово-организационного контроля за оборотом рассматриваемых активов.

Что касается цифровых финансовых активов, то можно выделить ряд следующих существенных признаков цифровых финансовых активов как объекта гражданско-правовых прав:

1. Цифровой финансовый актив относится к такому виду материальных благ, как имуще-

ственные права, отмеченные в ст. 128 и 141 ГК РФ, выступающие как денежные требования, в т.ч. на эмиссионные ценные бумаги.

2. Цифровые финансовые активы характеризуются ограниченной оборотоспособностью.

3. Оборот финансовых активов обеспечивается путем их эмиссии, учета и обращения.

4. Возникновение гражданско-правовых отношений, а также их изменение и прекращение относительно цифровых финансовых активов обуславливает комплексное взаимодействие таких субъектов финансового рынка, как:

– осуществляющих выпуск рассматриваемых цифровых ресурсов эмитентов;

– пользователей и операторов информационной системы;

– владельцев цифровых финансовых активов; номинальных держателей цифровых финансовых активов;

– Банка России как главного комплаенс-регулятора, в функциональные обязанности которого входит осуществление генерального финансово-правового и финансово-организационного контроля за оборотом рассматриваемых активов;

– пользователями информационной системы, в рамках которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов [11, с. 169–172].

В своем диссертационном исследовании В.А. Садков отметил проблему внутренних противоречий, сопровождающих природу юридической конструкции «цифровые финансовые активы». Проистекает данная проблема из-за отсутствия единого подхода к осмыслению рассматриваемого термина в доктринах гражданского и предпринимательского права, что порождает понятийный дуализм. Исходя из этого, рассматриваемые цифровые ресурсы являются способом капитализации, выступают в качестве инвестиционно-привлекательного имущества, а также как средства, определяющего имущественную принадлежность.

Таким образом, ставится проблема к формированию единообразного научного понятия «циф-

ровые финансовые активы», позволяющего регулировать сферу оборота имущественных прав с позиции основ гражданского права [12, с. 3–4].

Результаты. Произведенный гражданско-правовой анализ позволил выявить особенности сферы финансовых активов. При этом существуют определенные разночтения, в том числе и в применяемой терминологии относительно финансовых активов и цифровых финансовых активов.

Отечественный законодатель в значительно большей мере раскрывает материальные и процессуальные аспекты цифрового финансового ресурса, тогда как осуществление гражданско-правового регулирования традиционного финансового ресурса происходит лишь путем обращения к международному стандарту финансовой отчетности (МСФО).

Данные проблемы необходимо решать, поскольку они могут повлечь проблемы в практической предпринимательской деятельности.

Заключение. Отмеченное выше позволяет предложить конкретные меры, нацеленные на выправление существующей негативной ситуации.

Во-первых, необходима разработка отечественной нормативной базы для преимущественного регулирования оборота финансовых активов в целом, а в рамках данной базы учитывать особенности регулирования цифровых финансовых активов - в частности.

Во-вторых, необходимо создание универсальной терминологии в области финансовых активов, что облегчит как финансово-правовое взаимодействие между субъектами, вовлеченными в бизнес-процессы, так и технологическое взаимодействие с компаниями, обеспечивающими безопасность оборота цифровых финансовых активов.

Отмеченное позволит унифицировать законодательство, сделать его понятным для субъектов предпринимательской деятельности, а также позволит оптимизировать процесс безопасного осуществления оборота финансовых активов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Финансы // Ульяновск-Франкфорт. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1977.

© Бобрышев И.С.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. ГОСТ Р 55.0.01-2014/ИСО 55000:2014, утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25 декабря 2014 г. № 2138-ст. URL : <https://unicoms.biz/upload/medialibrary/ebe/ebef343dc97c80ad862be22e22c71a.pdf> (дата обращения 21.03.2024).
3. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 г. № 217н). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193676/5fa342869277c60aa9811048f0851a0c01905831 (дата обращения 21.03.2024).
4. Приказ Минфина России от 28.12.2015 № 217н «О введении Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов Российской Федерации» (ред. от 11.07.2016). URL : https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=105067 (дата обращения 21.03.2024).
5. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/ (дата обращения 21.03.2024).
6. Приказ Министерства финансов РФ от 31.10.2000 г. № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29165 (дата обращения 21.03.2024).
7. Адаменко А.А. Финансовые активы: понятие и оценка / А.А. Адаменко, Т.Е. Хорольская, В.С. Горшков // Вестник Академии знаний. 2019. № 34(5). С. 272–273.
8. Маркова М.Г. Финансовые активы предприятия и их классификация. С. 420–422. URL : <https://vestnik-rosnou.ru/sites/default/files/420-422.pdf> (дата обращения 30.03.2024).
9. Паштова Л.Г. Финансовые инструменты и финансовые активы в России / Л.Г. Паштова // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2013. № 12.
10. Финансы предприятий : учеб. пособие / Под ред. Е.И. Бородина. М., 2012.
11. Беликов Е.Г. Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав / Е.Г. Беликов, А.В. Беликова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6(131). С. 169–172.
12. Садков В.А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. С. 3–4.

References:

1. Finance // Ulyanovsk-Frankfort. The Great Soviet Encyclopedia : in 30 vol. / Chief editor A.M. Prokhorov. M. : Soviet Encyclopedia, 1977.
2. GOST R 55.0.01-2014/ISO 55000:2014, approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated December 25, 2014 № 2138-art. URL : <https://unicoms.biz/upload/medialibrary/ebe/ebef343dc97c80ad862be22e22c71a.pdf> (date of application 03/21/2024).
3. International Financial Reporting Standard (IAS) 32 «Financial Instruments: Presentation» (put into effect on the territory of the Russian Federation by Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation № 217n dated 12/28/2015). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193676/5fa342869277c60aa9811048f0851a0c01905831 (date of application 03/21/2024).
4. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 12/28/2015 № 217n «On the Introduction of International Financial Reporting Standards and Clarifications of International Financial Reporting Standards into Force on the Territory of the Russian Federation and on the Invalidation of Certain Orders (Individual Provisions of Orders) Ministry of Finance of the Russian Federation» (ed. dated 07/11/2016). URL : https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=105067 (date of application 03/21/2024).
5. Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated July 31, 2020 № 259-FZ. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60 (date of application 03/21/2024).
6. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 10/31/2000 № 94n «On approval of the Plan accounting accounts of financial and economic activities of organizations and Instructions for its application». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29165 (date of application 03/21/2024).
7. Adamenko A.A. Financial assets: concept and evaluation / A.A. Adamenko, T.E. Khorolskaya, V.S. Gorshkov // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2019. № 34(5). P. 272–273.
8. Markova M.G. Financial assets of the enterprise and their classification. P. 420–422. URL : <https://vestnik-rosnou.ru/sites/default/files/420-422.pdf> (date of application 30.03.2024).
9. Pashtova L.G. Financial instruments and financial assets in Russia / L.G. Pashtova // Financial Bulletin: finance, taxes, insurance, accounting. 2013. № 12.
10. Finance of enterprises : textbook / Edited by E.I. Borodin. M., 2012.
11. Belikov E.G. Digital financial assets as an object of civil rights / E.G. Belikov, A.V. Belikova // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. № 6(131). P. 169–172.
12. Sadkov V.A. Digital financial assets as objects of civil rights and their turnover. Volgograd, 2022. P. 3–4.

Информация об авторе

Бобрышев Игорь Сергеевич
аспирант,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
bobryshevis@gmail.com

Igor S. Bobryshev
Postgraduate Student,
Moscow Financial
and Industrial University «Synergy»
bobryshevis@gmail.com

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-9>

УДК 342

Attribution

cc by

БОРЬБА С ХИЩЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В 1970-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Гребенщикова И.В.

Уральский юридический институт МВД России

Аннотация. Цель. В публикации излагаются результаты исследования деятельности органов внутренних дел по борьбе с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией в 1970-е годы (на примере Свердловской области). В ходе историко-правового исследования основополагающими выступили принципы историзма и объективности, а также определенный набор общенаучных методов исследования: анализ, синтез, сравнительно-правовой, дедукция, индукция, аналогия и др. В процессе проведения исследования использовались работы ученых, нормативные правовые акты, регулирующие деятельность ОВД, и архивные материалы Центра документации общественных организаций Свердловской области. По результатам исследования сделан вывод о том, что задачи, стоявшие перед ОВД Свердловской области по борьбе с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией в 1970-е годы, решались достаточно успешно посредством тесного взаимодействия с различными институтами самоуправления. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы для дальнейшего анализа деятельности органов внутренних дел с целью определения методов и приемов борьбы с преступностью и возможного их внедрения в работу ОВД на современном этапе.

Ключевые слова: социалистическая собственность, хищения, взяточничество, спекуляция, органы внутренних дел, БХСС, преступления.

THE FIGHT AGAINST THE THEFT OF SOCIALIST PROPERTY IN THE 1970S (USING THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION)

Irina V. Grebenschikova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The goal. The publication presents the results of a study of the activities of the internal affairs bodies in combating theft of socialist property, bribery and speculation in the 1970s (using the example of the Sverdlovsk region). In the course of historical and legal research, the fundamental principles of historicism and objectivity, as well as a certain set of general scientific research methods: analysis, synthesis, comparative law, deduction, induction, analogy, etc. In the course of the research, the works of scientists, normative legal acts regulating the activities of the Department of Internal Affairs, and archival materials of the Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk region were used. According to the results of the study, it was concluded that the tasks facing the Department of Internal Affairs of the Sverdlovsk region in combating theft of socialist property, bribery and speculation in the 1970s were solved quite successfully through close cooperation with various institutions of self-government. Conclusions and conclusions: the materials of the publication can be used for further analysis of the activities of internal affairs bodies in the Soviet period in order to determine methods and techniques for combating crime and their possible implementation into the work of the Department of Internal Affairs at the present stage.

Keywords: socialist property, embezzlement, bribery, speculation, internal affairs agencies, BHSS, crimes.

Введение.

Борьба с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией являлась одной из важнейших задач, возложенных на органы внутренних дел решениями коммунистической партии и правительства, Конституцией СССР, оставаясь злободневной на протяжении почти всего существования социалистического государства, вплоть до распада СССР. Особое

внимание государственных органов на этой проблеме было сосредоточено в 1970-е – начале 1980-х годов. Так, был издан ряд нормативных правовых актов, согласно которым ОВД требовалось активизировать свою деятельность в указанном направлении, используя новые методы и приемы борьбы с данным явлением.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 08 июня 1973 г. «Об основных

© Гребенщикова И.В.

обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» [1, с. 192], обеспечение охраны социалистической собственности являлось основной обязанностью милиции.

В последующие годы правовое регулирование этой деятельности получило свое дальнейшее развитие. Так, постановлением Совета Министров СССР от 20 февраля 1975 г. № 153 «О мерах по усилению охраны социалистической собственности и устранению причин и условий, порождающих хищения и бесхозяйственность» [2, с. 69] Министерству внутренних дел СССР совместно с другими министерствами было поручено подготовить план мероприятий по улучшению организации сторожевой и военизированной охраны, усилению ее ответственности за сохранность ценностей на охраняемых объектах и повышению материальной заинтересованности ее работников, а также принять меры к улучшению работы службы БХСС, следственного аппарата, вневедомственной охраны и других подразделений органов внутренних дел по охране социалистической собственности и по борьбе с хищениями государственного и общественного имущества, полностью искоренить факты нарушения законности в их деятельности [3, с. 138].

В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 26 февраля 1975 г. «О соблюдении законодательства по охране социалистической собственности» [4, с. 124], работники ОБХСС стали обращать серьезное внимание на возмещение материального ущерба, причиненного хищениями.

Документами, укрепившими правовое положение подразделений БХСС, четко определив их место и роль в системе органов внутренних дел, стали принятое в 1977 г. Положение об Управлении по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией МВД СССР и Примерное положение об Управлении (отделе БХСС) МВД союзных и автономных республик, УВД крайоблисполкомов [2, с. 70].

В постановлении ЦК КПСС от 02 августа 1979 г. «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» вновь с особой силой подчеркивалось требование об усилении работы с посягательствами на социалистическую собственность.

Вопросы, поднятые в обозначенных выше нормативных правовых актах, были актуальны и для Свердловской области, являющейся промышленным регионом Урала.

Обсуждение. Результаты.

Вторая половина 70-х гг. XX века ознаменовалась увеличением количества производственных объединений в промышленности, межколхозных предприятий, строительных трестов. В данный исторический период намного возрос объем роз-

ничного товарооборота. В сельском хозяйстве были созданы мощные аграрно-промышленные комплексы. При этом посягательства на социалистическую собственность, в целом, по народному хозяйству увеличивались как по числу проявлений, так и по масштабам причиненного ущерба.

В Свердловской области за период с 1975 по 1980 гг. количество крупных хищений увеличилось в 2,3 раза, а сумма материального ущерба от них – почти в 3 раза. В целом, количество выявленных по линии БХСС преступлений за пятилетие возросло на 6,3 %, в том числе хищений – на 21,3 %, спекуляции – на 98,1 %, фактов взяточничества – в 3,3 раза [5, л. 96].

За указанный период времени значительные изменения претерпела структура отдельных преступлений. Так, хищения стали совершаться в сельском хозяйстве, госторговле, потребкооперации, строительстве, в некоторых отраслях сферы обслуживания.

Ущерб, нанесенный хищениями сельскому хозяйству, с 203,5 тыс. руб. в 1975 г. увеличился в 4,4 раза, достигнув свыше 2 млн руб. Это – 1/3 от общего ущерба от хищений [5, л. 96–97].

Особую актуальность приобретало предупреждение краж скота в колхозах и совхозах. Хищение скота и птицы большей частью происходило за счет частичного укрытия от учета приплода молодняка, фиктивных списаний на падеж, а также частичного укрытия от учета собранного урожая и иных махинаций. В связи с этими и другими причинами, обусловленными нехозяйственным подходом к делу, уменьшалась выработка продукции предприятиями мясной промышленности.

Так, в первом полугодии 1981 г. населением области было недополучено более 5,5 тыс. т. мяса и более 3,5 т. колбасных изделий. Этим количеством мясных продуктов в расчете 1 кг на человека в течение недели можно было бы прокормить все население г. Свердловска [5, л. 97].

Руководители ряда колхозов, совхозов, межколхозных строительных организаций прибегали к услугам бригад «шабашников», которым насчитывалась большая зарплата, совершался и подлог документов. Так, в Артинском суде в июле 1979 г. рассматривалось уголовное дело по ст. 93 (1) УК РСФСР в отношении «шабашника» Е.К. Панфилова (фамилия и инициалы изменены), которым с прорабом совхоза «Сухановский» А.О. Петровым (фамилия и инициалы изменены) было похищено свыше 70 тыс. руб. за счет оформления подложных нарядов, завышения объемов работ и расценок [5, л. 97].

Огромный ущерб был нанесен государству хищениями в строительстве. Так, объем приписок в строительных организациях области только в 1980 г. составил 5 млн 910 тыс. руб., что на 61,8 % больше, чем в начале пятилетия. Факты хище-

ний в строительстве, зачастую, были тесно связаны с перерасходом заработной платы, который за пять лет увеличился в области на 24 % и составил более 9 млн руб. [5, л. 98].

На XXVI съезде КПСС особое внимание было уделено развитию продовольственной программы, улучшению торговли и совершенствованию сферы услуг.

В этой связи, деятельность органов внутренних дел по борьбе с хищениями приобретала особую актуальность и значимость, так как на предприятиях торговли и быта были распространены факты обмана, обсчета, хищений и продажи дефицитных товаров спекулянтами. На торговлю и сферу обслуживания приходилось каждое четвертое хищение и взяточничество, а также значительная часть фактов спекуляции.

Органы внутренних дел, службы БХСС уделяли особое внимание своевременному выявлению и пресечению опасных преступлений, сосредоточив на них усилия инспекторского состава.

К началу 1980-х годов большое распространение получили факты «сращивания» расхитителей, взяточников, спекулянтов с работниками торговли. Их действия создавали искусственный дефицит товаров и дополнительные трудности в снабжении, вызывали справедливые нарекания граждан.

За период с 1975 по 1980-е годы представителями БХСС области была проведена определенная работа по борьбе со спекуляцией. Так, в данный период времени по линии борьбы со спекуляцией в области было предотвращено 1084 преступления, возбуждено 1020 уголовных дел, изъято и списано имущества на сумму более 440 тыс. руб., привлечено к уголовной ответственности 2 493 человека [5, л. 99].

Большое внимание уделялось выявлению и разоблачению организованных групп спекулянтов и спекулянтов-гастролеров, занимающихся спекуляцией для собственного обогащения.

За 9 месяцев 1980 г. по этой категории было возбуждено дел на 55,3 % больше, чем за аналогичный период 1979 г. Так, УБХСС УВД области была разоблачена группа спекулянтов и валютчиков из 80 человек, имеющая устойчивые преступные связи в 14 городах страны [5, л. 99]. Члены преступной группы систематически занимались спекуляцией золотыми и серебряными украшениями, монетами, иконами, предметами религиозного культа, холодным оружием, порнографическими журналами, дефицитными товарами. У них было изъято денежных средств и ценностей на общую сумму более 20 тыс. руб. (около 2 млн руб. современных денежных средств).

Анализ уголовных дел по области показал, что в качестве предметов спекуляции промышленные товары составляли 90 %, а продовольственные –

10 %. Среди промышленных товаров главное место занимали одежда и обувь (джинсовые брюки, платья, женские сапоги, плащи и куртки из кожи, изделия из мохера), из продовольственных товаров – сельхозпродукты и вино-водочные изделия. В каждом втором случае предметы спекуляции скупались на предприятиях государственной торговли.

Отмечалась тенденция омоложения спекулянтов, которая проявлялась во все большем вовлечении в спекулятивную деятельность молодежи. Из числа задержанных за спекуляцию лица в возрасте до 30 лет составляли около 66 %, а среди привлеченных к уголовной ответственности – 67 %. За 9 месяцев 1981 года в г. Свердловске было возбуждено 26 уголовных дел в отношении спекулянтов из числа студентов высших учебных заведений [5, л. 100].

Основным местом сбыта предметов спекуляции был Швакишский вещевой рынок (77,9 %). За 9 месяцев 1981 г. на вещевом рынке было выявлено 157 фактов спекуляции, к уголовной ответственности привлечено 323 человека [5, л. 100].

Наряду с оперативно-разыскными средствами и методами пресечения правонарушений в сфере обслуживания населения активно использовалась общественность – посредством взаимодействия с различными общественными организациями.

Имелись факты, когда некоторые лица занимались спекуляцией прямо по месту работы, особенно те, кто имел большие перерывы в работе (суточная работа, командировки). Данные лица, учитывая дефицит некоторых товаров, скупали их в других городах, а затем продавали в своих же коллективах. Однако таких фактов было выявлено мало, поэтому участковыми инспекторами и работниками БХСС им почти не уделялось внимания, что, в свою очередь, способствовало процветанию так называемых «тихих спекулянтов».

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в борьбе с хищениями социалистической собственности, спекуляцией, взяточничеством и другими антиобщественными проявлениями, работу по дальнейшему предупреждению таких явлений необходимо было продолжать. В этой связи, была максимально активизирована деятельность оперативно-служебной работы в каждом звене, в каждой службе, в каждом органе внутренних дел. Повсеместно была расширена связь с народным контролем, улучшено взаимодействие с ревизионным аппаратом, добровольными народными дружинами и другими общественными органами. На регулярной основе проводились рейды по выявлению фактов бесхозяйственности, хищений, нерадивого отношения к сохранности продукции, горюче-смазочных материалов и техники. Факты преступлений предавались огласке посредством печати, радио и телевидения.

Заключение.

В качестве вывода обозначим, что период застоя стал переломным этапом в истории советской теневой экономики. Усиление борьбы за сохранность народного добра имело огромное социально-экономическое значение. Искоренение хищений, бесхозяйственности, расточительства, различных непроизводительных потерь, устранение возможности необоснованного получения

благ, незаконного перераспределения продуктов, товаров и других материальных ценностей позволили бы существенно улучшить снабжение населения и повысить их жизненный уровень. При осуществлении комплексной борьбы с расхитителями народного добра сотрудниками органов внутренних дел, прилагавшими все силы, опыт и знания, внесен определенный достойный вклад в защиту экономической безопасности советского государства в целом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. История внутренних дел : хрестоматия / Сост. С.Н. Михеева, Т.Ю. Фалькина, О.П. Виноградова. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2016. 242 с.
2. Тишков С.В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ) / С.В. Тишков, Р.Р. Алабердеев, Ю.В. Латов // Историко-экономические исследования. 2007. № 1. С. 51–80.
3. История следствия в России : монография / А.К. Аверченко [и др.]; Под общ. ред. Д.О. Серова. М. : Юрлитинформ, 2017. 278 с.
4. Иванов Д.В. Государственно-правовая региональная политика СССР в сфере противодействия преступности в 1962–1991 гг.: на примере Ленинграда и Ленинградской области : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2023. 292 с.
5. ЦДООСО.Ф. 5810. Оп. 3. Д. 109.

References:

1. The history of internal affairs : textbook / Compiled by S.N. Mikheeva, T.Y. Falkina, O.P. Vinogradova. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 242 p.
2. Tishkov S.V. The history of the struggle in the USSR against the theft of socialist property (to the 70th anniversary of the OBKhSS/DEB) / S.V. Tishkov, R.R. Alaberdeev, Yu.V. Latov // Historical and economic research. 2007. № 1. P. 51–80.
3. The history of the investigation in Russia : monograph / A.K. Averchenko [et al.]; Under the general editorship of D.O. Serov. M. : Yurlitinform, 2017. 278 p.
4. Ivanov D.V. State and legal regional policy of the USSR in the field of combating crime in 1962–1991: on the example of Leningrad and the Leningrad region : dis. ... cand. jurid. sciences'. SPb., 2023. 292 p.
5. Central Economic Commission for Europe. F. 5810. Op. 3. D. 109.

Информация об авторе

Гребенщикова Ирина Васильевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Уральский юридический институт МВД России,
г. Екатеринбург
grebenshikova_iv@mail.ru

Irina V. Grebenshchikova

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Ural Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg
grebenshikova_iv@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-10>

УДК 343.13

Attribution

cc by

ПЕРЕВОДЧИК И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Загорьян С.Г.¹, Мисник И.В.²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России,

²Восточно-Сибирский филиал

Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В представленной публикации рассмотрен институт переводчика в период его становления, развития в современных условиях. Рассмотрены место и роль переводчика в российском уголовном судопроизводстве, а также некоторые проблемные вопросы, связанные с деятельностью переводчика и пути их решения. Обозначены основные требования и компетенции предъявляемые к профессиональной деятельности переводчика. Исследованы некоторые проблемы сурдоперевода и перевода на шрифт Брайля. Обозначен вопрос возможного использования искусственного интеллекта в качестве переводчика.

Цель исследования – рассмотреть место и роль переводчика в современном Российском уголовном судопроизводстве, а также проблемные вопросы, связанные с данным институтом и наметить пути решения обозначенных проблем.

Методы и методология. В процессе подготовки к опубликованию указанной статьи использовались Федеральные Законы Российской Федерации и иные нормативные правовые акты. При исследовании проблематики института переводчиков использовался комплекс общенаучных и научно-научных методов. Использовались логическая и правовая методологии.

Результаты исследования. В подготовленной авторами статье подчеркнута актуальность и важность дальнейшего исследования института переводчиков. Отмечено, что, несмотря на достаточно длительный период действия изучаемого института, требуется дальнейшее его исследование с целью поиска путей решения имеющихся вопросов. Сформулированные по результатам исследования выводы и предложения могут найти применение, как в научной, так и в практической деятельности.

Ключевые слова: Уголовное судопроизводство, переводчик, компетенция, права и обязанности, процессуальные документы, коммуникация, проблемные вопросы, жестовый язык, искусственный интеллект.

TRANSLATOR AND HIS ROLE IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey G. Zagorian¹, Irina V. Misnik²

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

² East Siberian branch Russian State University of Justice

Abstract. The presented publication examines the institute of the translator in the period of its formation, development and at the present stage. The place and role of an interpreter in Russian criminal proceedings are considered, as well as some problematic issues related to the activities of an interpreter and ways to solve them. The main requirements and competencies for the professional activity of a translator are outlined. Some problems of sign language translation and Braille translation have been investigated. The question of the possible use of artificial intelligence as a translator is outlined. The purpose of the study is to consider the place and role of an interpreter in modern Russian criminal proceedings, as well as problematic issues related to this institution and to outline ways to solve these problems.

The results of the study. The article prepared by the authors emphasizes the relevance and importance of further research of the Institute of translators. It is noted that, despite the rather long period of operation of the institute under study, further research is required in order to find ways to solve the existing issues. The conclusions and suggestions formulated based on the results of the study can be applied both in scientific and practical activities.

Keywords: Criminal proceedings, translator, competence, rights and obligations, procedural documents, communication, problematic issues, sign language, artificial intelligence.

Введение. В российском уголовном процессе на законодательном уровне определен ряд субъектов – участников уголовного судопроизводства. Одним из таких субъектов является переводчик, который официально появился в российском уголовно-процессуальном законодательстве, начиная с XIX века. Функция переводчика предельно ясна: перевод разговорной и письменной речи участников уголовного судопроизводства, а также перевод процессуальных документов.

Для исследования института переводчика в российском уголовном судопроизводстве нам хотелось бы рассмотреть следующие вопросы:

- зарождения и развитие института переводчика в уголовном судопроизводстве;
- места и роли переводчика в уголовном судопроизводстве;
- проблемы с привлечением и участием переводчика в уголовном судопроизводстве и пути их решения.

Формирование института переводчика принято отсчитывать с периода правления Петра I, по указу которого в Академии наук был образован центр переводчиков «Российское собрание».

Первая профессиональная организация переводчиков в России формируется в 1735 году при Академии наук и в ее задачи входит рецензирование переводов, подготовка переводчиков и оценка их пригодности для государственной службы.

Необходимость в привлечении к судопроизводству переводчиков была обусловлена как формированием и развитием внешнеполитических связей, так и самой многонациональной структурой нашего государства. Уже с XV века на Руси привлекались толмачи (переводчики), как правило, иностранные специалисты.

Принятый на заре Советской власти уголовно-процессуальный закон РСФСР 1923 года, предусматривал участие переводчика уже конкретно в уголовном судопроизводстве, однако, инициативу приглашения переводчика закон относил только к компетенции суда.

Переводчик приглашался для обвиняемого, потерпевшего, свидетеля или эксперта, в случаях, если:

- указанные лица не владели языком уголовного судопроизводства;
- требовался перевод процессуальных документов.

В дальнейшем, на законодательном уровне привлечение переводчика в уголовном судопроизводстве было закреплено в Конституции СССР 1936 года и Законе СССР от 16.08.1938 года «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик». УПК РСФСР 1960 года предусмот-

рел уже для всех участников уголовного судопроизводства право пользования услугами переводчика в случаях не владения языком, на котором ведется уголовное судопроизводство.

Действующий уголовно-процессуальный закон также предусмотрел для всех участников уголовного судопроизводства право пользоваться услугами переводчика.

Согласно ст. 11 УК РФ, лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по действующему УК РФ. За обозначенными в законе исключениями, иностранные граждане и лица без гражданства подчиняются этой же норме, а это означает, что для эффективного взаимодействия с этим лицом других участников уголовного судопроизводства и соблюдения его законных прав, необходим посредник, то есть – переводчик, который сможет наладить коммуникацию по языковому барьеру. Закон предусматривает право пользоваться услугами переводчика не только для подозреваемых (обвиняемых), но и для всех остальных участников уголовного судопроизводства.

В случае приглашения переводчика для установления коммуникации между участниками уголовного судопроизводства, он автоматически становится специалистом (как лицо, обладающее специальными знаниями) и отдельным самостоятельным участником уголовного процесса – переводчиком, деятельность которого регулируется уголовно-процессуальным законом.

В настоящее время вопрос о необходимости использования услуг переводчика особенно актуален. С каждым годом в Российской Федерации растет число иностранных граждан, прибывающих для трудовой деятельности. Многие из них находятся в нашей стране на незаконных основаниях.

Незаконная миграция представляет собой национальную угрозу государству. Часть незаконных мигрантов, прямо или косвенно, связана с организованной преступностью [1, с. 73]. По данным МВД РФ, только за 2023 год иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 38900 преступлений. В отношении же указанных лиц было совершено 14100 преступлений. Выявлено из данной категории лиц, причастных к совершению преступлений, 30207 человек. Преимущественно, среди преступников отмечаются граждане Украины, Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана и Кыргызстана. И, как правило, при расследовании преступлений указанной категории необходимо привлечение переводчика.

Обсуждение. Согласно действующему УПК РФ, уголовное судопроизводство в нашей стране ведется на русском языке или на языке республик, входящих в состав Российской Федерации. В Верховном суде РФ, военных судах, кассационных и апелляционных судах общей юрисдик-

ции уголовное судопроизводство ведется только на русском языке (ст. 18 УПК РФ). В ч. 2 ст. 18 УПК РФ предусмотрено право для всех участников уголовного судопроизводства, в необходимых случаях, привлекать переводчика. Основанием привлечения переводчика является незнание или недостаточные знания языка, на котором ведется производство по уголовному делу, участником уголовного судопроизводства. Реализация данного права должна быть обеспечена соответствующим должностным лицом на безвозмездной основе.

Ч. 3 ст. 18 УПК РФ регламентирует, что в случаях обязательного вручения следственно-судебных документов участникам уголовного судопроизводства, требуется обязательный перевод этих документов на язык, которым владеют указанные лица. В этом случае, наличие переводчика, который приглашен в установленном законом порядке, придает соответствующим процессуальным документам, переведенным на другой язык, официальность, достоверность и возможность быть использованными в качестве вещественных доказательств на законных основаниях.

Переводчик – это один из участников коммуникационного акта общения, пытающийся передать дословно информацию на другом языке. Очень важно для переводчика передавать основную мысль коммуниканта и не высказывать свое мнение. При переводе это недопустимо [2, с. 54].

В уголовно-процессуальном законодательстве нет ограничений в отношении того, на какой стадии расследования уголовного дела может быть привлечен переводчик.

Решение о необходимости привлечения переводчика может быть принято следователем, дознавателем или судом (судьей). Суд оформляет свое решение определением, в остальных случаях выносится постановление. В соответствии с общими правилами производства следственных действий (ч. 5 ст. 164 УПК РФ), следователь должен разъяснить переводчику порядок производства следственного действия, его права и уголовную ответственность, предусмотренную за заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства (ст. 307 УК РФ). Если переводчик участвует в судебном заседании, то, согласно ст. 263 УПК РФ, его права и ответственность разъясняет председательствующий. При этом переводчик дает подписку о том, что права и ответственность ему были разъяснены. Подписка приобщается к протоколу судебного заседания.

Согласно ч. 3 ст. 59 УПК РФ, правом переводчика является:

– в случае необходимости уточнения перевода, задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства;

– делать замечания в отношении правильности занесения в протокол сделанного перевода;

– приносить жалобы на действия или бездействия должностных лиц ограничивающих его права.

Согласно ч. 4 ст. 59 УПК РФ, переводчик не имеет права:

– осуществлять неправильный перевод, который обусловлен его целенаправленными действиями по введению следствия в заблуждение;

– разглашать сведения по уголовному делу, полученные в результате участия в качестве переводчика (обязательным условием является письменное предупреждение о неразглашении полученных сведений);

– уклоняться от явки по вызовам соответствующих должностных лиц.

Принимая решение о привлечении конкретного переводчика, следователь (дознаватель), суд (судья) должны убедиться в надлежащей компетенции переводчика и его незаинтересованности в исходе данного уголовного дела. Это позволяет избежать в дальнейшем отвода и повторной процедуры поиска переводчика, а также исключить вариант заведомо неправильного перевода или разглашения данных следствия.

Решение об отводе переводчика на досудебной стадии принимается следователем или дознавателем, судом в случаях предусмотренных ст. 165 УПК РФ, В судебном следствии такое решение принимается судом или судьей. Ходатайство об отводе переводчика может быть заявлено как стороной обвинения, так и стороной защиты, либо экспертом, специалистом или свидетелем, если данные лица обнаружили признаки некомпетенции переводчика. Если ранее переводчик уже участвовал в уголовном деле в том же статусе, то данный факт не может являться основанием для отвода.

Решение о признании компетенции переводчика возложено на следователя (дознавателя) или суд (судью). Возникает вопрос: Каким образом и по каким критериям указанные лица должны определять компетентность переводчика? Понятие «компетентность переводчика» непосредственно в уголовно-процессуальном законодательстве не определено. Обязательной составляющей, подтверждающей компетентность переводчика, является наличие у него диплома о соответствующем образовании. Кроме этого, наличие письменных и устных рекомендаций и характеристик является необходимым, но не всегда достаточным условием.

Составляющими компетентности могут быть, способность:

– осуществлять перевод с учетом особенностей диалекта переводимой речи (зачастую, ли-

ца одной национальности, со знанием одного языка не могут понять друг друга из-за особенностей диалекта);

– осуществлять перевод быстро с сохранением смысловой нагрузки;

– понимать и переводить текст со специальной терминологией не только из юриспруденции, но, при необходимости, и из других областей, которые затронуты при расследовании уголовного дела. Например, медицинские, технические и иные термины.

Мастерство переводчика заключается в том, чтобы максимально приблизиться к содержанию исходного текста или речи, воссоздать исходное сообщение.

Необходимо отметить, что знание следователем (дознавателем), судьей языка требующего перевода не является основанием для отказа к привлечению переводчика. Участие в уголовном судопроизводстве переводчика реализует защиту прав, предусмотренных ст. 18 УПК РФ, в отношении лица, не владеющего или слабо владеющего языком, на котором ведется уголовное судопроизводство.

Участие переводчика в уголовном судопроизводстве реализуется и для людей с дефектами слуха (как правило, это лица с одновременными дефектами слуха и речи). Законодательство нашей страны (ч. 6 ст. 59 УПК РФ) предусматривает распространение правовых норм переводчика и на лицо, осуществляющее сурдоперевод в уголовном процессе. Для указанных участников уголовного судопроизводства используется жестовый язык. Требования, предъявляемые к сурдопереводчику, его права и обязанности предусмотрены теми же уголовно-процессуальными нормами, что и для обычного переводчика. Ч. 6 ст. 59 УПК РФ, как мы уже отмечали ранее, говорит о том, что все правила ст. 59 УПК РФ распространяются на сурдопереводчика. Однако не совсем разрешен вопрос относительно того, является ли лицо, приглашенное для ретрансляции речи таких участников уголовного судопроизводства переводчиком или специалистом. Возможно, этот вопрос является, скорее всего, не столько практическим сколько теоретическим. Ч. 2 ст. 18 УПК РФ предусматривает привлечение переводчика для лиц, слабо владеющих либо не владеющих языком, на котором ведется уголовное судопроизводство. На жестовом языке уголовное судопроизводство не ведется. Из этого следует, что сурдопереводчик является, скорее всего, специалистом, а не переводчиком. К тому же, жестовый язык не может быть одинаков для всех национальностей. При переводе на жестовый язык иностранного языка сурдопереводчик должен владеть навыками, как самого иностранного языка, так и иностранного жестового языка. Такая ситуация в практике вполне возможна. Дефекты слуха, речи и зрения не знают границ.

Внимания требует и вопрос о половой принадлежности переводчика при необходимости его участия в освидетельствовании (в случаях, требующих обнажения освидетельствуемого лица) или при личном обыске (ст. ст. 179, 184 УПК РФ). Оба данных следственных действия могут быть проведены только с участием переводчика того же пола. В ст. 184 УПК РФ говорится об участии специалиста того же пола и ничего не говорится о переводчике. При нарушении данного правила под сомнение ставятся не только этические нормы, но и правомерность проведения следственного действия.

Результаты. Несмотря на то, что институт переводчиков в российском уголовном судопроизводстве существует достаточно давно и применяется повсеместно, до настоящего времени осталось множество нерешенных проблем, как в научной, так и правоприменительной практике. В частности, УПК РФ не предусматривает участие переводчика для лиц, у которых одновременно нарушен и слух и зрение. Как в такой ситуации защитить права участников уголовного судопроизводства с одновременными дефектами слуха и зрения? Из-за проблем со зрением и слухом они не могут в полной мере защитить себя [3, с. 37]. Шрифт Брайля (чтение специального текста пальцами рук), используемый слепыми, не является с точки зрения лингвистики языком. УПК РФ не предусматривает перевода ни процессуальных документов, ни показаний допрошенных лиц на шрифт Брайля [4, с. 11]. Да и при использовании в уголовном судопроизводстве шрифта Брайля возникает вопрос: А в каком процессуальном качестве мы привлекаем лицо, владеющее навыками чтения шрифта Брайля? Будет ли привлекаемое лицо переводчиком или просто специалистом? С одной стороны, это, безусловно, переводчик, так как указанное лицо осуществляет перевод текста выполненного стандартным шрифтом на шрифт Брайля. Затем, после перевода, текст читает сам заинтересованный участник уголовного судопроизводства (если он владеет этими навыками). С другой стороны, если шрифт Брайля не являются языком, то о каком языковом переводе можно говорить? Более того лицо, осуществляющее перевод с обычного шрифта на шрифт Брайля, помимо навыков чтения должно обладать специальными техническими навыками отображения обычного текста (либо показаний) на шрифт Брайля. С этой позиции привлекаемое лицо является всего лишь специалистом, а не переводчиком.

Следующая проблема – это отсутствие штата переводчиков, обеспечивающих уголовное судопроизводство. Отсутствует даже простой списочный учет данной категории переводчиков.

Созданный Союз переводчиков России объединяет профессиональных переводчиков и профильные организации страны с целью распространения новых методик обучения и практических приемов работы, юридической поддержки и

повышения квалификации. Союз объединяет 50 региональных объединений, 800 действующих членов. Однако этот Союз не решает проблему участия переводчиков в уголовном судопроизводстве. Кроме Союза переводчиков России в каждом регионе имеются различные бюро и другие объединения переводчиков. Однако у этих объединений совсем иные цели и задачи, не связанные с уголовным судопроизводством.

На первый взгляд может казаться, что функция переводчика очень проста, определена и не имеет направлений развития в уголовном судопроизводстве. Однако это далеко не так. Юридические науки специфичны в плане терминологии, и ряд авторов говорит о необходимости формирования специальной организации, объединяющей переводчиков именно юридической направленности [5, с.80]. Ряд ученых-правоведов полагает, что должны быть введены такие участники уголовного судопроизводства, как «судебный переводчик» и в дополнение к нему – «следственный переводчик».

Судебный переводчик имеет право на существование при условии, что в уголовном процессе будет участвовать и следственный переводчик [6, с. 292]. По нашему мнению, действительно, наступило время отграничить переводчиков, участвующих в уголовном судопроизводстве от иных переводчиков, выделив их в самостоятельный институт – институт следственных переводчиков.

Уголовно-процессуальное законодательство подразделяет следствие на два этапа – предварительное и судебное. Исходя из этого, нецелесообразно делить категорию переводчик на два вида – судебный и следственный.

Необходимо на законодательном уровне разрешить этот вопрос следующим образом:

- внести изменения в уголовно-процессуальный закон, изменив статус «переводчик» на статус «следственный переводчик»;
- создать государственные бюро следственных переводчиков;
- сформировать единый государственный банк данных следственных переводчиков.

В финансовом плане создание бюро переводчиков и их содержание будет не особенно затратно. Оплата переводчикам, привлекаемым в уголовном судопроизводстве, и так осуществляется из государственного бюджета.

Еще одним из пробелов в российском законодательстве в отношении привлечения переводчика в уголовном процессе выступает вопрос о необходимости наличия согласия самого переводчика. Вопрос волеизъявления во многом определяется профессиональным статусом и долж-

ностными обязанностями переводчика. Так как на территории России, как мы уже отмечали ранее, не созданы государственные специальные организации, которые предоставляли бы услуги переводчиков для нужд уголовного судопроизводства, то формально все переводчики являются «свободными» и не обязаны предоставлять указанные услуги. Создание государственных бюро следственных переводчиков решило бы эту проблему.

Повсеместная цифровизация общества, которая постепенно внедряется и в уголовное судопроизводство, поставила вопрос о возможности замены переводчика искусственным интеллектом. В настоящее время это невозможно, потому что связано с тем, что одним из принципов функционирования даже интеллектуально развитых машин является принцип упрощения и формализации, что недопустимо при принятии решений в сфере уголовного судопроизводства, когда решается вопрос о причастности лица к преступлению и его виновности. Если одни тексты, выполненные автоматизированными системами перевода, выглядят связными и логичными, то в других случаях машинный перевод может дать неожиданный результат, который исследователи называют «галлюцинациями». Наиболее частой проблемой является неверный перевод слов и целых фраз, когда в предложении сохраняется логика, но смысл предложения полностью искажается. Многие переводчики пользуются автоматическим переводом, а затем редактируют тексты, предложенные искусственным интеллектом.

Заключение. Резюмируя сказанное, следует отметить, что исследуемая проблематика может быть изучена в рамках функционального подхода в силу необходимости актуализировать значимость прав участников уголовного судопроизводства на возможность осуществления коммуникации на родном языке [6, с. 292].

В правоприменительной практике привлечения переводчика, следователи (дознаватели), суд (судья) решают путем личного поиска переводчика через государственные органы и общественные организации. С появлением института физических самозанятых лиц, появились самозанятые переводчики. Эта категория переводчиков достаточно широко привлекается сейчас. Поиск их осуществляется, как правило, через национальные объединения (диаспоры). Однако это не решает в полном объеме существующей проблемы.

В заключение необходимо отметить, что развитие современного института судебных переводчиков движется в направлении формирования отдельной организации, объединяющей переводчиков, специализирующихся в юридической сфере. Право на переводчика – это право любого лица на справедливое правосудие.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бельчик А.М. Иммиграционный контроль – административно-правовая мера борьбы с незаконной миграцией / А.М. Бельчик, Н.В. Павлов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 73–75.
2. Милкова А.А. Роль синхронного переводчика в сфере международных отношений / А.А. Милкова // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. С. 52–56.
3. Чакиев М.А. Совершение преступления в отношении инвалида должно быть обстоятельством, влияющим на размер наказания / М.А. Чакиев // Российский следователь. 2024. № 3. С. 36–40.
4. Калиновский Б.К. Как защитить права слепого обвиняемого / Б.К. Калиновский // Уголовный процесс. 2022. № 3. С. 11.
5. Антонович Е.К. Правосубъектность переводчика в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации / Е.К. Антонович // Lex Russica. 2021. № 9(178). С. 77–87.
6. Шагбанова Х.С. Место и роль переводчика в уголовном процессе / Х.С. Шагбанова // Образование и право. 2021. № 6. С. 291–294.

References:

1. Belchik A.M. Immigration control – an administrative and legal measure to combat illegal migration / A.M. Belchik, N.V. Pavlov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. № 5. P. 73–75.
2. Milkova A.A. The role of a simultaneous interpreter in the field of international relations / A.A. Milkova // International Scientific Research Journal. 2020. P. 52–56.
3. Chakiev M.A. The commission of a crime against a disabled person should be a circumstance affecting the amount of punishment / M.A. Chakiev // Russian investigator. 2024. No. 3. pp. 36–40.
4. Kalinovsky B.K. How to protect the rights of a blind defendant / B.K. Kalinovsky // Criminal trial. 2022. № 3. P. 11.
5. Antonovich E.K. The legal personality of an interpreter in criminal proceedings in the context of digitalization / E.K. Antonovich // Lex Russica. 2021. № 9(178). P. 77–87.
6. Shagbanova H.S. The place and role of an interpreter in criminal proceedings / H.S. Shagbanova // Education and law. 2021. № 6. P. 291–294.

Информация об авторах

Загорьян Сергей Георгиевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Восточно-Сибирский институт МВД России
iramis@yandex.ru

Мисник Ирина Владиславовна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права и криминалистики,
Восточно-Сибирский филиал
Российского университета правосудия
ira@yandex.ru

Sergey G. Zagorian

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure,
East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
iramis@yandex.ru

Irina V. Misnik

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law and Criminology,
East Siberian branch
Russian State University of Justice
ira@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-41>
УДК 34

Attribution
cc by

СОЛИДАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Иванова Г.В.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Аннотация. Актуальность. Актуальность рассматриваемого вопроса определена наличием достаточно большого количества споров и судебных процессов, касающихся анализируемого вопроса. Методы. В процессе написания статьи были использованы общенаучные методы познания и научных исследований. Цель статьи – рассмотрение наиболее актуальных вопросов, возникающих в процессе возникновения солидарной ответственности супругов при банкротстве. Задачи: рассмотрение теоретических и практических аспектов рассматриваемого вопроса, а также разработка авторских выводов. Результаты. Автор в статье анализирует правовые проблемы солидарной ответственности супругов при банкротстве одного из них, в частности, вопросы характера заявленных кредиторами требований, процессуальные сложности при признании обязательства одного из супругов общим, противоречивость судебной практики по распределению бремени доказывания. Выводы. Автор делает вывод о назревшей необходимости введения в России института совместного банкротства.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, должник, банкрот, солидарная ответственность, ответственность супругов.

JOINT AND SEVERAL LIABILITY OF SPOUSES IN BANKRUPTCY

Galina V. Ivanova

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Abstract. Relevance. The relevance of the issue under consideration is determined by the presence of a sufficiently large number of disputes and lawsuits related to the analyzed issue. Methods. In the process of writing the article, general scientific methods of cognition and scientific research were used. Goals (Object). The purpose of the article is to consider the most relevant issues arising in the process of arising joint and several liability of spouses in bankruptcy. Tasks (Research objectives): consideration of theoretical and practical aspects of the issue under consideration, as well as the development of author's conclusions. Results (Findings). The author analyzes in the article the legal problems of joint liability of spouses in the bankruptcy of one of them, in particular, the issues of the nature of the claims claimed by creditors, the procedural difficulties in recognizing the obligation of one of the spouses as common, the inconsistency of judicial practice on the distribution of the burden of proof. Conclusions. The author concludes that it is urgently necessary to introduce the institution of joint bankruptcy in Russia.

Keywords: insolvency, bankruptcy, debtor, bankrupt, joint and several liability, responsibility of spouses.

Введение.

Семейный кодекс РФ (ст. 35 п. 2) и Гражданский кодекс РФ (ст. 253 п. 2) устанавливают в отношении обоих супругов презумпцию согласия, согласно которой предполагается, что, «если один из супругов совершил сделку, касающуюся общего имущества, то он действует с согласия второго супруга. Но в действующем законодательстве нет статьи, предусматривающей презумпцию согласия в случае имеющегося у одного из супругов долгового обязательства перед третьими лицами» [1]. Наоборот, ст. 45 (п. 1) российского Семейного кодекса говорит о том, что «обязательства одного из супругов могут быть исполнены только за его счет, обращены только на его собственность, что позволяет каждому из

членов семейной пары принимать на себя собственные обязательства. При этом существует положение, что если имущества заемщика недостаточно, то кредитор имеет право потребовать выделить на погашение долга ту часть имущества супруга-должника, которая предназначалась бы ему в случае раздела имущества супругов (например, при разводе).

Что касается третьих лиц, которые в качестве сторон не участвуют в деле, то, согласно Гражданскому кодексу РФ (ст. 308, п. 3), они освобождаются от обязанностей, которые создает обязательство супруга-должника. Если суд установит, что вся собственность, приобретенная одним из супругов по обязательствам, пошла на нужды семьи, то для погашения долга и в целях исполне-

© Иванова Г.В.

ния обязательства (как общего, так и одного из супругов), согласно Семейному кодексу (ст. 45, п. 2), взыскание обращается на общее имущество. Иными словами, когда один из супругов заключает договор займа или совершает иную сделку, накладывающую на него обязательства, то только в случаях, о которых сказано в вышеупомянутой статье Семейного кодекса, долгу присваивается статус совместного долга, и бремя доказывания лежит на стороне, предъявляющей требование относительно распределения долга» [2].

Результаты.

Согласно вышеуказанным положениям норм права и руководствуясь ст. 39 п. 3 Семейного кодекса РФ долговые обязательства носят либо общий характер, если взяты обоими супругами по общей инициативе для удовлетворения потребностей семьи, либо односторонний характер, если инициатором займа или сделки, также для удовлетворения потребностей семьи, выступает один из супругов.

В настоящее время, при отсутствии совместной собственности суды не принимают во внимание характер заявленного кредитором требования и считают его вообще не имеющим правового значения. Лишь изредка в отдельных судебных актах можно найти понимание того, что, для кредитора очень важно выявить характер долга супруга или супруги, поскольку это окажет влияние на механизм будущего обращения взыскания в отношении конкретного имущества на конкретное имущество» [3]. Так, в случае, если супруги имеют совместный долг, то, как сказано в ст. 45 (ч. 2, п. 2) Семейного кодекса РФ, то сумма, взысканная в счет погашения долга, может быть обращена и на общее имущество семьи, и на личное имущество супруга / супруги, если не хватает средств в первом случае.

Гражданский кодекс РФ (ст. 323) определяет общие обязательства должников. Согласно требованиям кредиторов, должники обязаны исполнять свои обязательства (и совместные, и личные). При этом речь идет не только о полной сумме долга, но и части этого долга. Не получив возмещения долга от одного из должников, кредиторы могут обратиться взыскание на другого должника, потребовав с недостающие денежные средства. Таким образом, должник скован обязательствами, пока не погасит весь долг до остатка.

Согласно ст. 45 п. 2 Семейного кодекса РФ, «каждый супруг несет солидарную ответственность и по общим обязательствам, и по индивидуальным обязательствам, если суд доказал, что собственность, приобретенная на заемные или кредитные деньги, пошла на нужды семьи. Если общих средств для погашения долга у супругов недостаточно, то тогда в дело вступают обязательства каждого из супругов и следует погашение долга личным имуществом» [2].

Казалось бы, что эта простая логика должна найти широкое применение в судебной практике.

© Иванова Г.В.

Однако на практике ходатайства о признании долга общим не получили широкого распространения, и этому весьма легко найти объяснение. Супругу, как правило, невыгодно обращаться с подобными ходатайствами, а для кредитора — это практически невыполнимая задача, поскольку не всегда может предоставить объективные доказательства характера долга.

Согласно пункту 2 статьи 45 Семейного кодекса РФ, «если полученные денежные средства используются для удовлетворения потребностей семьи, то долг, вытекающий из обязательств одного из супругов, становится общим долгом. Следует отметить, что в судебной практике существует весьма устойчивая презумпция в пользу общности имущества, нажитого в браке» [2].

В своем постановлении № 4-КГ14-20 от 23.09.2014 Верховный Суд РФ указал, что «в случае возникновения спора ни один из супругов не обязан предъявлять доказательства, что имущество было приобретено в браке» [4], т.к., по Конституции РФ (ст. 34, п. 1), вся собственность супругов, приобретенная в браке, является совместной. Сложнее доказать характер расходов супругом или супругой, на нужды семьи одним из супругов. Так, в ст. 45 (п. 2) Семейного кодекса сказано: если суд установил, что имущество было приобретено супругом преступным путем, то взыскание обращается на совместную собственность семьи.

В постановлении № 18-КГ14-103 от 16.09.2014 Верховного суда РФ сказано, что, по действующему семейному законодательству, полученные по договору займа денежные средства, используются на покрытие семейных нужд. А значит, требование доказательств является грубым нарушением статьи 56 Гражданского процессуального кодекса РФ [5]. Однако постановление Верховного суда № 5-КГ14-162 от 3.03.2015 года противоречит вышеуказанному постановлению. В нем указано, что «в случае подписания одним из супругов кредитного договора или иной сделки, предполагающей обязательство, долг признается общим только в соответствии с положениями ст. 45 (п. 2) Семейного кодекса РФ. При этом только сторона, претендующая на распределение долга, несет бремя доказывания» [6]. Поэтому кредитор, утверждающий совместный характер долга, должен доказать, что денежные средства пошли на потребности семьи. А такие доказательства могут предоставить только супруги или один из супругов.

Обсуждение.

В доктрине предлагаются разные способы разрешения проблем кредиторов, пытающихся доказать общее происхождение долговых обязательств. Так, Е.Ю. Олевинский настаивает на «перераспределении между участниками процесса бремени доказывания, возложив это бремя на того из супругов, который высказывает свое несогласие относительно обращения взыскания на общее имущество» [7]. Данное утвер-

ждение не бесспорно. Безусловно, в некоторых случаях это защитит права кредитора, но может привести и к грубейшим нарушениям прав добросовестного супруга. Непонятно, как добросовестный супруг, не знающий о долге своей «второй половины», в отношении которой открыто производство по делу о несостоятельности, может доказать, что долг не является совместным, если на самом деле этот долг является личным долгом и его использование осуществлялось без ведома другого супруга.

По мнению Р.С. Бевзенко, «теория наименьшего зла, должна работать и при распределении рисков в отношениях с участием супругов, поскольку супруг, выбравший себе в качестве спутника жизни лицо, которое впоследствии нарушило его доверие... должен нести риск такого поведения своего избранника» [8].

П.А. Ломакина считает, что если следовать приведенной выше логике, то не кажется несправедливым требовать от обоих супругов доказательства обязательств личного характера [9] По мнению автора, логика Р.С. Бевзенко вполне применима к оспариванию сделок, в которых один из супругов распоряжается общим имуществом без согласия другого, но не отвечает принципам разумности и добросовестности при применении в процедуре банкротства одного из супругов.

Заключение.

Таким образом, по мнению автора, корни возникшей проблемы кроются в недостаточной увязке положений Гражданского кодекса РФ и семейного законодательства.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) приведены

следующие примеры расходов на семейные нужды:

- на развитие совместного бизнеса;
- на приобретение недвижимости [10].

Кроме того, в судебной практике можно привести и другие примеры расходов на нужды семьи за счет кредитных средств:

- на приобретение автомобиля, в том числе в кредит;
- на приобретение недвижимого имущества, в том числе в кредит;
- на ремонт и реконструкция частного дома, приобретение мебели и необходимой техники, а также на текущие расходы и жизненно необходимые нужды семьи, включая оплату коммунальных услуг, приобретение продуктов питания, лекарств и сезонной одежды, в том числе в кредит;
- на лечение другого супруга, включая приобретение лекарств и оплату медицинских услуг [11].

И это – нормальная ситуация. У среднестатистических супругов все имущество общее, так как оно накопилось за период брака. Представляется, что процедура банкротства должна осуществляться исключительно в отношении их общего имущества (а не в отношении имущества каждого из них отдельно).

Полагаем, что оптимальным решением споров, практических сложностей и доктринальных проблем, могла бы стать процедура совместного банкротства супругов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (действующая редакция). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982
3. Апелляционное определение Омского областного суда от 02.07.2014 по делу № 33-4096/14.
4. Определение судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 23.09.2014 № 4-КГ14-20 // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 7.
5. Определение судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 16.09.2014 № 18-КГ14-103 // Банк судебных решений.
6. Определение судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 03.03.2015 № 5-КГ14-162 Банк судебных решений.

7. Олевинский Э.Ю. Правовое регулирование несостоятельности граждан – кратко о важном / Э.Ю. Олевинский // Закон. 2015. № 12.
8. Бевзенко Р.С. Сделка с супружеским имуществом без согласия другого супруга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 11. С. 134–135.
9. Ломакина П.А. Оспаривание алиментных соглашений в банкротстве. Новый взгляд ВС РФ / П.А. Ломакина // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 2.
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1(2016) – Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 апреля 2016 года.

References:

1. The civil code of the Russian Federation (current version). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. The Family Code of the Russian Federation dated 12/29/1995 № 223-FZ (as amended on 07/31/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 10/26/2023). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982
3. The appeal ruling of the Omsk Regional Court dated 07/02/2014 in case № 33-4096/14.
4. The ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Armed Forces of the Russian Federation dated 09/23/2014 № 4-KG14-20//Bulletin of the Armed Forces of the Russian Federation. 2015. № 7.
5. Definition of the judicial board for civil cases of the Armed Forces of the Russian Federation dated 09/16/2014 № 18-KG14-103 // Bank of judicial decisions.
6. Definition of the judicial board for civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.03.2015 № 5-KG14-162 Bank of judicial decisions.
7. Olevinsky E.Y. Legal regulation of insolvency of citizens – briefly about the important / E.Y. Olevinsky // Law. 2015. № 12.
8. Bevzenko R.S. A transaction with marital property without the consent of another spouse // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. № 11. P. 134–135.
9. Lomakina P.A. Challenging alimony agreements in bankruptcy. A new view of the Armed Forces of the Russian Federation / P.A. Lomakina // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. № 2.
10. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2016) – Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 13, 2016.

Информация об авторе

Иванова Галина Владимировна
аспирантка,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
9181534637@mail.ru

Galina V. Ivanova
Postgraduate Student,
Moscow Financial
and Industrial University «Synergy»
9181534637@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-32>
УДК 342.3

Attribution
cc by

ФОРМА ГОСУДАРСТВА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТРЕХЭЛЕМЕНТНЫЙ ПОДХОД

Кобелев С.В.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Аннотация. В статье рассматривается научная категория «форма государства». Ставится цель по усовершенствованию теоретического подхода к ее пониманию. Даются определения данного понятия и приводятся системы классификации. Выделяются достоинства и недостатки различных подходов в этом вопросе. Методология исследования: всеобщие философские методы научного исследования, общелогические и теоретические общенаучные методы научного исследования, метод эмпирического сравнения. Формулируется вывод о преимуществах подхода, рассматривающего форму государства как совокупность трех элементов в виде формы правления, государственного устройства и политического режима. Данные элементы широко раскрывают основные черты, признаки и стороны государства в его многообразии. Излагается авторский взгляд на усовершенствование теоретических подходов к пониманию формы государства с выделением отдельных компонентов: юридического и политического. Предлагается в качестве юридического компонента рассматривать формы правления и государственного устройства, а в качестве политического – государственный режим.

Ключевые слова: форма государства, форма правления, форма государственного устройства, государственный режим, политический режим, теория государства и права.

THE FORM OF THE STATE: A NEW LOOK AT THE THREE-ELEMENT APPROACH

Sergei V. Kobelev

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Abstract. The article considers the scientific category «the form of the state». The aim is to improve the theoretical approach to its understanding. Definitions of this concept are given and classification systems are given. The advantages and disadvantages of various approaches to this issue are highlighted. Research methodology: general philosophical methods of scientific research, general logical and theoretical general scientific methods of scientific research, the method of empirical comparison. A conclusion is formed about the advantages of an approach that considers the form of the state as a combination of three elements in the form of a form of government, a state structure and a political regime. These elements broadly reveal the main features, signs and sides of the state in its diversity. The author's view on the improvement of theoretical approaches to understanding the form of the state with the allocation of separate components: legal and political. It is proposed to consider the forms of government and the state structure as a legal component, and the state regime as a political one.

Keywords: the form of the state, the form of government, the form of government, the state regime, the political regime, the theory of state and law.

Введение.

Одной из основных научных категорий в теории государства и права является «форма государства». Согласно общеполитическому пониманию, форма – это внешнее выражение содержания.

В теории государства и права под формой государства понимается проявление сущности и содержания государства в виде его основных черт и признаков, характеризующих структуру, организацию и порядок формирования высших органов власти, их взаимоотношения друг с другом и населением, территориальную структуру и способ взаимоотношений центральной власти с от-

дельными составными частями государства, а также используемые методы и способы при осуществлении государственной власти [1, с. 79].

На современном этапе развития современных государств обостряется антагонизм различных типологий демократических государств и авторитарий с их моделями политических режимов, форм организации высших органов власти и территориального устройства.

Для возможности анализа и прогнозирования развития современных государств необходимо уяснить структуру формы государства и системы ее классификации.

Цель статьи заключается в усовершенствовании теоретического подхода к пониманию формы государства. Для этого рассматриваются различные научные представления о форме государства и системах ее классификации, раскрывается их суть, достоинства и недостатки, а также излагается авторский взгляд, направленный на усовершенствование теоретических подходов к пониманию формы государства.

Методология исследования: всеобщие философские методы научного исследования, общелогические и теоретические общенаучные методы научного исследования, метод эмпирического сравнения.

Результаты.

В современном научном сообществе встречается широко распространенное представление о форме государства, как о совокупности трех элементов: формы правления, формы государственного устройства и государственного (политического) режим [1, с. 79]. Такой подход к пониманию формы государства часто именуют как «трехэлементный». Классификация формы государства при таком подходе осуществляется по ее элементам, которые характеризуются следующим образом.

Форма правления – это способ организации структуры и взаимоотношений всех органов власти, а также их прямых и обратных связей с населением. Традиционно форму правления классифицируют на две главные группы: монархии и республики. Монархии разделяют на абсолютные, конституционные (парламентские) и дуалистические, а республики – на президентские, парламентские (парламентарные) и смешанные [1, с. 80].

Под государственным устройством понимается территориально-политическая организация государства, включая политико-правовой статус его составных частей и принципы взаимоотношений центральных и региональных государственных органов. В науке выделяют два основных типа государственного устройства: унитарное и федеративное (федеральное) [1, с. 86].

Под государственным (политическим) режимом понимается совокупность приемов, способов и методов, с помощью которых осуществляется государственная власть (так как в исследованиях встречаются различные термины для обозначения данного понятия, в данной статье термины «государственный режим» и «политический режим» будут использоваться как равнозначные). Самая распространенная классификация государственных режимов – деление на демократические и недемократические. В недемократических режимах выделяют типы авторитарных и тоталитарных режимов [2].

Вместе с тем, некоторые исследователи высказывают неудовлетворенность трехэлементным

подходом к пониманию формы государства и ее классификации.

Например, проф. В.Е. Чиркин, критикуя элементный подход, указывал на то, что данный подход рассматривает форму государства как простую совокупность элементов, а не как единое целое; то есть, систему со своими внутренними связями и связями со средой, в которой она существует.

Указывая на то, что классификация формы государства осуществляется по элементам, а не в целом для единой системы, автор предложил свою классификацию форм государства, выделяя монархическую, сегментарную и поликратическую формы. При этом монархическая форма характеризуется концентрацией власти в руках одного лидера либо узкой группы лиц, отсутствием разделения властей, авторитарными методами управления. Поликратической форме присущи существование нескольких центров власти, разделение властей, демократические методы управления. Сегментарная форма является переходной между двумя указанными выше [3].

Таким образом, автором предложено рассматривать форму государства не как трехэлементную составляющую, а как единую форму, отражающую ее содержательную часть, дающую понимание у кого в стране действительно находится государственная власть.

Обсуждение.

Однако такую точку зрения критикует Л.М. Морозова, согласно мнению которой, классификация форм государства на монархическую, сегментарную и поликратическую формы сосредоточена, главным образом, на типе политического режима [4, с.100]. Данное мнение нам представляется верным.

Приверженцы подхода, предложенного В.Е. Чиркиным при описании формы государства, уделяют преобладающее внимание ее политической стороне; при этом за рамками остаются вопросы организации, формирования и функционирования органов государственной власти и территориального устройства.

Таким образом, вся многогранность формы государства концентрируется на политическом режиме, с чем нельзя полностью согласиться.

Вместе с тем, вывод о взаимосвязи всех трех элементов, а в особенности таких двух, как формы правления и государственного (политического) режима, нам представляется верным. Некоторые модели формы правления действительно характерны только для определенных государственных (политических) режимов, например, абсолютная монархия не может иметь демократический режим и может использоваться только в недемократическом режиме.

При этом стоит отметить, что это не ведет к слиянию этих двух элементов (политического

режима и формы правления) в единое целое. В сущности, эти понятия служат для описания различных государственно-правовых явлений, одно раскрывает фактическое проявление (режим функционирования) государственной власти, другое – правовые модели организации власти.

Государственный режим показывает реальный характер существования и функционирования государственного аппарата и его взаимодействия с населением, что может в корне отличаться от заявленных правовых моделей формы правления и государственного устройства.

Государственный (политический) режим действительно является самым ярким внешним проявлением сущности и содержания государства, показывая в чьих руках реально находится государственная власть и в интересах кого она используется. В то время как формы правления и государственного устройства, показывающие организацию государственных органов, с помощью которых осуществляется эта власть, лишь отчасти проявляют сущность и содержание государства, не раскрывая их полностью.

Таким образом, формы правления и государственного устройства являются лишь правовыми моделями, которые могут использоваться при различных политических режимах в интересах отдельных социальных классов, элит или всего общества. При этом элементы формы государства могут комбинироваться в зависимости от различных факторов, влияющих на них. Например, и правовое, и полицейское государство допускают республиканскую и монархическую формы правления, унитарное и федеративное территориальное устройство [5, с. 30].

В данном контексте, стоит обратить внимание на суждение о форме государства, предложенное А.В. Малько и В.Ю. Панченко. Авторы рассматривают формы правления и государственного устройства как формальные характеристики формы государства, поскольку они закрепляются в конституциях и законах. Политический режим рассматривается ими как функциональный параметр, характеризующий реальную степень свободы граждан [6, с. 44].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Такие элементы, как форма правления и форма государственного устройства, показывают юридическую сторону внешнего выражения сущности и содержания государства, а государственный режим проявляет его политическую сторону.

В связи с этим, предлагается верным выделить у формы государства два самостоятельных компонента: юридический и политический.

В юридический компонент включить форму правления и форму государственного устройства, а в политический компонент – государственный (политический) режим. Это позволит сохранить понятный, логичный и удобный в практическом применении трехэлементный под-

ход к представлению о форме государства с конкретизацией его элементов по сферам их применения.

С помощью предложенного подхода можно удобно описывать форму любого государства, рассматривать отдельно юридический компонент, раскрывая в нем формы правления и государственного устройства, и отдельно рассматривать политический компонент, раскрывая в нем государственный (политический) режим.

При таком подходе существует практическая актуальность разделения формы правления, формы государственного устройства и политического режима как самостоятельных единиц. Они могут рассматриваться в отрыве друг от друга, так как применяются к описанию различных сторон внешнего выражения сущности и содержания государства.

Такой подход снимает противоречие между несоответствием заявленных конституционных моделей форм правления и государственного устройства с фактически сложившимся политическим режимом, проводит четкую границу между этими элементами по предмету их применения в науке и учебных целях, устраняет проблему смешивания формы правления и политического режима. Это позволяет рассматривать их как отдельные самостоятельные элементы, описывающие две разные стороны формы государства: юридическую и политическую.

Заключение.

С учетом изложенного, можно сделать вывод о том, что, признанный в научной среде трехэлементный подход к пониманию формы государства, позволяет дать четкую и детальную характеристику основным чертам, признакам, присутствующим государству, что делает его удобным, логичным и понятным.

В предложении проф. В.Е. Чиркина дать новую классификацию формам государства доминирует такая категория, как политический режим, при этом не уделяется должного внимания сторонам формы государства, которые описывают (раскрывают) устройство и организацию органов власти в центре и на местах.

Вместе с тем, так как именно государственный режим более ясно выражает сущность и содержание государства, нежели его формы правления и государственного устройства, предлагается государственный режим рассматривать в качестве отдельного политического компонента, который показывает фактически складывающиеся отношения между государством, обществом и политическими элитами.

Форму правления и государственного устройства предлагается отнести к юридическому компоненту формы государства, описывающему правовые модели по организации государственных органов, используемые (выбираемые) для организации и функционирования государственной (по-

литической) власти. Это поможет избежать путаницы между правовыми и политическим аспектами сущности и содержания государства.

Как нам представляется, изложенные суждения будут способствовать продолжению научной

дискуссии о структуре формы государства, системах ее классификации, а также о взаимосвязи форм правления и государственного устройства с государственным (политическим) режимом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2002. 776 с.
2. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М. : Интерпракс, 1995. 296 с.
3. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. М. : Издательский дом «Артикул», 1997. 352 с.
4. Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Эксмо, 2008. 480 с.
5. Дмитриев Ю.А. О понятии и структуре формы государства. Актуальные вопросы образования и науки / Ю.А. Дмитриев, В.О. Миронов. 2015. № 1–2(47–48). С. 29–35.
6. Малько А.В. Содержание государства: дискуссионные вопросы. Юридическая наука / А.В. Малько, В.Ю. Панченко. 2024. № 1. С. 42–46.

References:

1. Theory of State and law: A course of lectures / Edited by N.I. Matuzov and A.V. Malko. 2nd ed., reprint. And additional M. : Yurist, 2002. 776 p.
2. Tsygankov A.P. Ts 94 Modern political regimes: structure, typology, dynamics. M. : Interprax, 1995. 296 p.
3. Chirkin V.E. Fundamentals of comparative statecraft. M. : Publishing house «Article», 1997. 352 p.
4. Morozova L.A. Theory of state and law : textbook. 3rd edition, revised. and additional. M. : Eksmo, 2008. 480 p.
5. Dmitriev Yu.A. On the concept and structure of the form of the state. Current issues of education and science / Yu.A. Dmitriev, V.O. Mironov. 2015. № 1–2(47–48). P. 29–35.
6. Malko A.V. The content of the state: controversial issues. Legal science / A.V. Malko, V.Yu. Panchenko. 2024. № 1. P. 42–46.

Информация об авторе

Кобелев Сергей Васильевич

аспирант кафедры
фундаментальных юридических
и социально-гуманитарных дисциплин,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
sergej.kobelev@inbox.ru

Sergey V. Kobelev

Postgraduate Student
of the Department of Fundamental Legal
and Socio-Humanitarian Disciplines,
Moscow Financial
and Industrial University «Synergy»
sergej.kobelev@inbox.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-43>

УДК 343.98

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье авторами рассмотрены процессуальные и криминалистические особенности производства обыска и допроса по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотиков. Проанализирована деятельность следователя на подготовительном этапе по выбору места и времени производства исследуемых следственных действий, рассмотрены факторы, влияющие на тактику производства вышеуказанных следственных действий. Рассмотрены предмет допроса, подозреваемого (обвиняемого). По итогам предложены рекомендации организационного и тактического характера, направленные на повышение эффективности производства обыска и допроса по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, следственные действия, обыск, допрос, тактика производств отдельных следственных действий, методика расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

ON THE ISSUE OF THE PRODUCTION OF SEPARATE INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF DRUG TRAFFICKING

Denis N. Lozovsky, Natalia N. Lozovskaya

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. In the article, the author examines the procedural and criminalistic features of the search and interrogation in criminal cases in the field of drug trafficking. The activity of the investigator at the preparatory stage for choosing the place and time of production of the investigated investigative actions is analyzed, the factors influencing the tactics of production of the above investigative actions are considered. The subject of the interrogation of the suspect (accused) is considered. As a result, recommendations of an organizational and tactical nature are proposed, aimed at improving the efficiency of search and interrogation in criminal cases in the field of drug trafficking.

Keywords: drug trafficking, investigative actions, search, interrogation, tactics of individual investigative actions, methods of investigating crimes in the field of drug trafficking.

Введение. В современном постоянно изменяющемся и быстро развивающемся мире острой проблемой является борьба с наркопреступностью, которая выражается в каких-либо незаконных действиях с наркотическими веществами: употреблением, распространением, производством, сбытом и т.д. Подобные преступления имеют большую общественную опасность, поскольку разрушение психического здоровья человека путем употребления наркотиков можно поставить в один ряд с преступлениями насильственного характера [1].

Деятельность следователя по расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков обусловлена рядом факторов, среди которых следует выделить особенности производства следственных действий по делам исследуемой категории. В частности, в рамках данной статьи будут рассмотрены отдельные аспекты производства обыска и допроса.

Обсуждение. Обыск следует определять, как следственное действие, состоящее в при нудительном осмотре объектов, территорий и предметов, имеющих отношение к расследуемому событию преступления, а также лиц для обнаружения следов преступления.

Следственное действие в виде обыска, зачастую, проводится сразу же после возбуждения уголовного дела, так как велика вероятность уничтожения или утраты важных доказательств, которые могут находиться в определенных местах.

Правовой основой производства обыска выступает уголовно-процессуальное законодательство, в котором указано, что следователь должен вынести постановление о проведении данного следственного мероприятия. Особенностью правового основания проведения обыска в жилище является получение решения на суда о

согласии на данную процедуру, так как неприкосновенность жилища является конституционным правом и может быть ограничено только в специально оговоренных законом случаях. Итак, постановление следователя о проведении обыска должно содержать указания на место, где будет проводиться данное мероприятие и так же возможные объекты, которые могут быть найдены и изъяты.

Проведение обыска предоставляет субъектам расследования право применять необходимые меры для получения доступа в жилище или иное посещение; при этом допускается ломать двери, вскрывать замки, разбивать стекла, если иным способом попасть в объект не представляется возможным.

Обыск является одним из информативных следственных мероприятий, а также позволяет точно и оперативно получить необходимые, зачастую, прямые доказательства причастности лица к совершенному преступлению.

Основными объектами, которые могут быть найдены в указанных местах проведения обыска, являются наркотические средства или психотропные вещества, предметы, используемые для производства и изготовления наркотиков, химические вещества, с помощью которых изготавливаются наркотики; могут быть найдены целые лаборатории, компьютеры и иные технические устройства, документы, в которых велась бухгалтерия и прочее.

Согласно изученным приговорам суда, можно заключить, что обыск проводится в отношении следующих групп предметов:

- наркотические средства и вещества в различном их физическом состоянии;
- предметы и устройства, с помощью которых могла осуществляться переписка о связях между сбытчиком и покупателями, в том числе компьютеры, мобильные устройства, сим-карты и т.п.;
- документы, свидетельствующие о зачислении и переводе денежных средств за наркотические вещества, банковские карты, выписки по счетам там, договоры на открытие счетов.

Как и в осмотре, в целях наиболее полного и всеобъемлющего проведения обыска и получения результатов, необходимо привлекать специалиста. Он помогает не столько в поиске и обнаружении, сколько в изъятии предметов, которые в дальнейшем направляются на экспертное исследование.

В ходе обыска необходимо обеспечить правильное изъятие предметов, представляющих особое значение для расследования дела. Если по результатам обыска найдены наркотические средства, то их необходимо правильно упаковать, а именно: в случаях, если наркотические вещества

уже имеют упаковку, следует их переупаковать, если упаковка отсутствует, то следует упаковать так, чтобы объем наркотического вещества не изменился. Это необходимо в целях правильного определения размера вещества и квалификации преступления; при обнаружении технических устройств рекомендуется не выключать или включать устройство; если невозможно на месте осуществить исследование информации данного устройства, то необходимо его упаковать и обеспечить надлежащую транспортировку и др.

В случаях, когда представляется возможным на месте обыска провести поиск и обнаружить информацию, находящуюся в памяти устройства, специалист должен осуществить следующие действия.

Для начала, необходимо осмотреть периферийные устройства, если они имеются, то осуществить их исследование на предмет определения состояния, модели, марки, тем же действиям необходимо провести в отношении самого компьютера, телефона или планшета.

Затем, специалист переходит к исследованию цифровой информации: телефонной книги, истории браузера, сообщений, мессенджеров и других приложений [2].

Обыск помещения или жилища может осуществляться одновременно с личным обыском, когда это следственное мероприятие обусловлено его необходимостью именно в данный момент времени.

По результатам личного обыска также могут быть обнаружены следующие предметы: наркотические вещества, денежные средства, оружие, мобильный телефон или другие объекты, имеющие значение для расследования уголовного дела.

К проведению личного обыска следует относиться с особой осмотрительностью в виду того, что преступники идут на ухищрения и могут скрыть следы преступления, использовать потайные карманы, стереть память мобильного телефона или иным образом скрыть важные улики. Найденные предметы подлежат изъятию; к тому же изымаются частицы одежды, на которые могут быть обнаружены наркотические вещества и др.

В ходе обыска, где могут быть обнаружены наркотические вещества, следователь привлекает кинолога. Специально обученная собака осуществляет поиск наркотиков, которые могут находиться в труднодоступных или скрытых местах.

На завершающем этапе следователь переходит к закреплению полученной информации в протоколе обыска или личного обыска, прикрепляет фото и видеоматериалы. Если в результате обыска найдены технические устройства, то они подлежат опечатыванию и изымаются.

Таким образом, обыск является следственным действием, которое проводится после получения первичной информации о преступлении, зачастую, обыску предшествует осмотр места происшествия и предметов.

В связи с этим, в распоряжении следователя уже имеется информация об обстоятельствах преступления. Проведение обыска состоит не только в поиске и обнаружении искомых объектов, но и иных следов преступления. При этом так же необходимо привлекать специалиста, в случае обнаружения технических устройств.

Проведение такого следственного действия, как допрос позволяет получить большой объем информации о расследуемом событии, причем, чем более верно спланирован и проведен допрос, тем больше и качественнее сведений получит следователь в качестве показаний.

Осложнить допрос могут различные факторы и условия, в которых он проводится. Так, качество допроса ставится в зависимость от различных физических и психических характеристик допрашиваемого, например, его возраст, когда допрашивается несовершеннолетний. Допрос участников преступной группы так же представляет сложность для следователя, так как на таких субъектах в большинстве случаев оказывается давление, исходящее от других участников, вплоть до угроз расправы или причинения вреда здоровью и близким. Допрашиваемые, оказавшись перед страхом наказания, могут вести себя разнообразным способом, защищая себя посредством перекалывания вины на других участников или уменьшения степени своего участия в преступной деятельности. Примером может послужить ситуация, когда допрашиваемые дают признательные показания в отношении совершенных ими преступлений, которые обладают наименьшей тяжестью или отрицают свое участие в преступлении как исполнителя или организатора.

Допрос по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, имеет свои специфические особенности, обусловленные самим субъектом преступления, его характеристиками, а также способами совершения данного преступления.

Круг вопросов и обстоятельств, подлежащих выяснению на допросе различен в виду вида совершенного преступления, исходя из которого, следователь составляет план допроса.

В случаях допроса при совершении преступлений, связанных с незаконным изготовлением, приобретением, производством, перевозкой, пересылкой наркотических средств и психотропных веществ, примерный перечень вопросов выглядит следующим образом:

1. Кому принадлежит вещество, обнаруженное при задержании, цель приобретения, место и так далее?

2. Осознает ли допрашиваемый, что конкретно производит?

3. Сам либо в составе группы изготавливал данные средства (вещества)?

4. Как упаковывались наркотические средства либо психотропные вещества?

5. Как использовались полученные средства (вещества)?

6. Какой состав преступной группы, распределение ролей между ее участниками?

7. При каких обстоятельствах задержанный был вовлечен в преступную деятельность?

8. Где находятся отходы производимой наркопродукции? [3].

Сбыт наркотиков в настоящее время является одним из самых распространенных преступлений, причем его бесконтактный способ, представляет большие сложности при расследовании, так как в своем большинстве отсутствует сам сбытчик, однако, если удалось выявить преступника, то направленность допроса будет выражена в следующем:

1) задаются вопросы о месте и времени сбыта;

2) выясняется цена продажи наркотического средства;

3) устанавливается количество имеющихся наркотических средств или психотропных веществ, а также местонахождения остальной части товара, подлежащей сбыту.

При расследовании преступлений о незаконном хранении, перевозке либо пересылке наркотических средств или психотропных веществ, выясняются следующие обстоятельства:

1) осведомлен ли был допрашиваемый о том, что имел дело с наркотической продукцией;

2) обстоятельства, время, место и цель получения наркопродукции;

3) меры, предпринятые для маскировки наркопродукции;

4) кому и когда планировал передать данные средства (вещества);

5) как транспортировались наркотические средства (вещества), по каким адресам;

6) имеются ли третьи лица в преступной деятельности и степень их осведомленности;

7) документы, которые подтверждают пересылку наркопродукции.

В случае допроса лица, которое осуществляло незаконное приобретение

наркотического средства либо психотропного вещества, необходимо выяс нить:

- 1) кто являлся сбытчиком наркопродукции, их отношения с допра шиваемым лицом;
- 2) цель приобретения и цену средства (веще-ства), систематичность приобретения;
- 3) данные о наркосбытчике (внешнее описание, круг знакомых лиц, род занятия, места возмож-ного появления, клиентская база) [4].

Незаконный оборот наркотиков является особым видом преступной де ятельности, который носит групповой характер. Причем, устойчивость, коли-чественный состав и распространенность пре-ступного влияния настолько ве лики, что скла-дываются организованные преступные группы, преступные со общества не только на нацио-нальном уровне, но и международном. Поэтому допрос участников преступной группы обладает специфическими особенн остями. Основной уклон в допросе должен быть сделан на выясне-ние вопросов, раскрывающих групповой харак-тер преступности, подлежат выяснению све де-ния об участниках группы, их роль, степень уча-стия, местонахождение, име ющиеся связи груп-пы с другими структурами (государственными, правоохра нительными, судебными органами и их должностными лицами), порядок, спо собы распределения прибыли, а также состав данной прибыли.

На практике распространены случаи, когда кон-трабандой наркотиков за нимаются лица «всле-пую». Поясним, что данные участники перевозят и пере мешают «товар» по просьбе, не зная, что представляет из себя перемещаемый товар и что данная деятельность подпадает под призна-ки преступления. Такое лицо подлежит допросу на предмет установления связи с преступником, об стоятельств знакомства, степень общения, а также способы и сумма возна граждения за пе-ремещаемый товар.

Тактические приемы допроса помогают исклю-чить версию о причастности допрашиваемого к преступлению. В связи с вышесказанным следу-ет установить:

- 1) время, место, обстоятельства, роль допра-шиваемого в задержании;
- 2) участников задержания и их действия;
- 3) предметы, изъятые в ходе задержания, не предпринимались ли за держанным попытки из-бавиться от каких-либо вещей и предметов;
- 4) кем и где обнаружено наркотическое сред-ство (психотропное ве щество) (это обязательно для понятых), кем, где и когда они были пригла-шены в качестве понятых [5].

При допросе подозреваемых важным аспектом при подготовке к до просу является выявление сведений о наличии или отсутствии наркотиче-ской зависимости у допрашиваемого. Этот факт

позволит понять мотивы и цели со вершенного преступления, а также построить тактику допро-са. В случае нали чия у допрашиваемого нарко-тической зависимости, следователь должен с осторожностью по рейти к выбору психологиче-ских приемов допроса, а также избрать наиболее подходящий способ установления психологиче-ского контакта ввиду непред сказуемого поведе-ния зависимого. Такие лица неохотно идут на контакт, дают противоречивые показания, пута-ются в показаниях, не помнят детали преступ-ного события, имеют отрывочную информацию об иных участниках преступ ления.

Подготовка к допросу подозреваемого (обвиняе-мого) не должна быть са монадежной, следова-телю необходимо со всей серьезностью подойти к дан ному делу, так как оценка сложившейся ситуации позволит выработать наибо лее эф-фективную линию поведения на допросе.

Особое значение, в данном случае, имеет оцен-ка сложившейся следствен ной ситуации, кото-рая может выражаться в трех вариантах:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не осве-домлен обо всех обстоя тельствах дела, а моти-вы для противодействия отсутствуют;
- 2) осведомлен обо всех обстоятельствах уго-ловного дела, мотив от сутствует;
- 3) осведомлен обо всех обстоятельства дела, а также имеет мотив для противодействия [6].

Данные ситуации позволяют следователю спро-гнозировать возможное поведение допрашивае-мого и выработать комплекс тактических и пси-хологи ческих приемов допроса, подозреваемого (обвиняемого).

Результаты. При допросе подозреваемого, в отличие от обвиняемого, присутствует некоторая специфика, которую следует учитывать следова-телю при формировании тактики допроса.

Наиболее важными аспектами являются опре-деление личных качеств допрашиваемого, со-вершил ли он преступление впервые, является ли членом ОПГ, статус и занимаемая роль в ОПГ при совершении преступлений, связанных с не-законным оборотом наркотических средств. Дан-ные факторы влияют на формирование ситуаци-онной модели поведения, подозреваемого (об-виняемого) при допросе [7].

При отсутствии противодействия, установление психологического кон такта происходит менее сложно, зачастую, субъект сам идет на контакт и стре миться помочь следствию. Однако не стоит опрометчиво верить допрашивае мому, так как он может иметь скрытые мотивы и стремиться приуменьшить свою преступную роль.

В связи с этим, следует уделять особое внима-ние описа нию размеров наркотических средств, их характеру, а также продолжительности хра-

нения, а также постараться выявить те аспекты, которые косвенно могут говорить об отсутствующей информации.

Заключение. Таким образом, в каждом конкретном случае тактика допроса по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков должна строиться с учетом сложившейся следственной ситуации на момент проведения допроса, ин-

дивидуальных особенностей допрашиваемого, а также вида совершенного преступления, его роли в нем и в преступной группе.

Подготовка к проведению следственных действий представляется важным этапом и определяет всю тактическую линию поведения следователя, которое должно основываться на ситуативно методе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Сидорова Е.З. Об особенностях предмета наркопреступлений / Е.З. Сидорова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2(51). С. 84–88.
2. Скорб Я.В. Особенности проведения обыска при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / Я.В. Скорб // Эволюция Российского права. Екатеринбург, 2019. С. 93.
3. Ионова М.В. Особенности допроса лиц по делам о преступлениях наркотической направленности / М.В. Ионова // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник трудов участников XIII Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 мая 2016 года. Ростов-н/Д. : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 69–74.
4. Романов Р.А. Особенности проведения допроса по преступлениям связанным с незаконным оборотом наркотических средств / Р.А. Романов, Е.В. Горбачева // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2023. № 5(104). URL : <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/>
5. Гармаш В.А. Организация и тактика проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / В.А. Гармаш; Ответств. за выпуск А.Г. Коцаев // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год, Краснодар, 26 апреля 2019 года. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. С. 1125–1127.
6. Филиппов Н.А. К вопросу о тактике допроса подозреваемого (обвиняемого) по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Н.А. Филиппов // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12(29). С. 959–961.
7. Усачева Е.А. Некоторые тактические приемы, используемые при допросе лиц, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / Е.А. Усачева // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1(19). С. 71–77.

References:

1. Sidorova E.Z. On the specifics of the subject of drug crimes / E.Z. Sidorova // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2(51). P. 84–88.
2. Skorb Ya.V. Features of conducting a search in the investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues / Ya.V. Skorb // Evolution of Russian law. Yekaterinburg, 2019. P. 93.
3. Ionova M.V. Features of interrogation of persons in cases of drug crimes / M.V. Ionova // Criminalistics: topical issues of theory and practice: proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, May 12, 2016. Rostov-on/D. : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. P. 69–74.
4. Romanov R.A. Features of interrogation on crimes related to illicit drug trafficking / R.A. Romanov, E.V. Gorbacheva // Universum: economics and jurisprudence: Electron. Scientific journal 2023. № 5(104). URL : <https://7universum.com/ru/economy/archive/item>
5. Garmash V.A. Organization and tactics of interrogation of a suspect (accused) in the investigation of crimes related to drug trafficking / V.A. Garmash; Responsible for the release of A.G. Koshchaev // Scientific support of the agro-industrial complex: Collection of articles based on the materials of the 74th scientific and practical conference of students based on the results of research for 2018, Krasnodar, April 26, 2019. Krasnodar : Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, 2019. P. 1125–1127.

6. Filippov N.A. On the question of the tactics of interrogation of a suspect (accused) in cases of crimes related to drug trafficking / N.A. Filippov // Modern scientific research and development. 2018. № 12(29). P. 959–961.
7. Usacheva E.A. Some tactical techniques used in the interrogation of persons associated with illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances / E.A. Usacheva // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1(19). P. 71–77.

Информация об авторах

Лозовский Денис Николаевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

Лозовская Наталья Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
nnl_66@mail.ru

Denis N. Lozovsky

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

Natalia N. Lazovskaya

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
nnl_66@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-14>

УДК 342+347

Attribution

cc by

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Марухно В.М., Боженькина С.А.

Кубанский государственный медицинский университет

Аннотация. В данной статье рассматриваются правовые аспекты суррогатного материнства в РФ, а также предлагается пересмотр терминологии, используемой в законодательстве для этого явления. Проводится анализ эмоциональных и оценочных ассоциаций, связанных с термином «суррогатная мать», и предлагается заменить его на термин «договорная мать» для повышения нейтральности и точности описания сути процесса. В заключение, авторы обсуждают потенциальные последствия внесения изменений в терминологию и призывают к дальнейшему изучению данной проблематики с целью улучшения правового регулирования суррогатного материнства в России, в частности, предлагается избегать использования в нормативных актах, регулирующих процесс применения технологии суррогатного материнства, термина «суррогатная мать», а заменить его более на «договорная мать».

Ключевые слова: суррогатное материнство, правовое регулирование, этика, Российская Федерация, договорная мать, ответственность.

LEGAL ASPECTS OF SURROGACY

Vasilisa M. Marukhno, Svetlana A. Bozhenkina

Kuban State Medical University

Abstract. The scientific article examines the ethical and legal aspects of surrogacy in the RF, and also proposes a revision of the terminology used in legislation for this phenomenon. The author discusses the shortcomings of the current legal regulation of surrogacy, identifying problems in the area of responsibility of the parties, protecting the rights of children and surrogate mothers, as well as issues of medical ethics. An analysis of the emotional and evaluative associations associated with the term «surrogate mother» is carried out and it is proposed to replace it with the term «contractual mother» to increase the neutrality and accuracy of the description of the essence of the process. In conclusion, the author discusses the potential consequences of changes in terminology and calls for further study of this issue in order to improve the legal regulation of surrogacy in Russia. In particular, it is proposed to avoid the use of the term «surrogate mother» in regulations governing the process of using surrogacy technology, and replace it with more «contractual mother».

Keywords: Surrogacy, legal regulation, ethics, Russian Federation, contractual mother, responsibility.

Введение. В соответствии с Указом Президента РФ от 22 ноября 2023 г. «О проведении в Российской Федерации Года семьи», одним из основных приоритетных направлений государственной политики является популяризация семейных ценностей в целях создания всех необходимых условий для образования новых ячеек общества и повышения уровня рождаемости в РФ [1]. В то же время, в тех случаях, когда невозможно, в силу медицинских показаний, рождение ребенка (отметим негативную динамику рождаемости в РФ. Так, в 2023 г. естественная убыль населения составила 495,2 тысяч человек, в то время, как рождаемость составила 1,264 млн., что является наименьшим показателем с 1999 года), допустимо обращение к суррогатному материнству.

Более наглядно статистику рождаемости за 2000–2023 гг., а также прогнозируемые показатели, представленные Росстатом за 2024–2045 гг. представим на таблице 1.

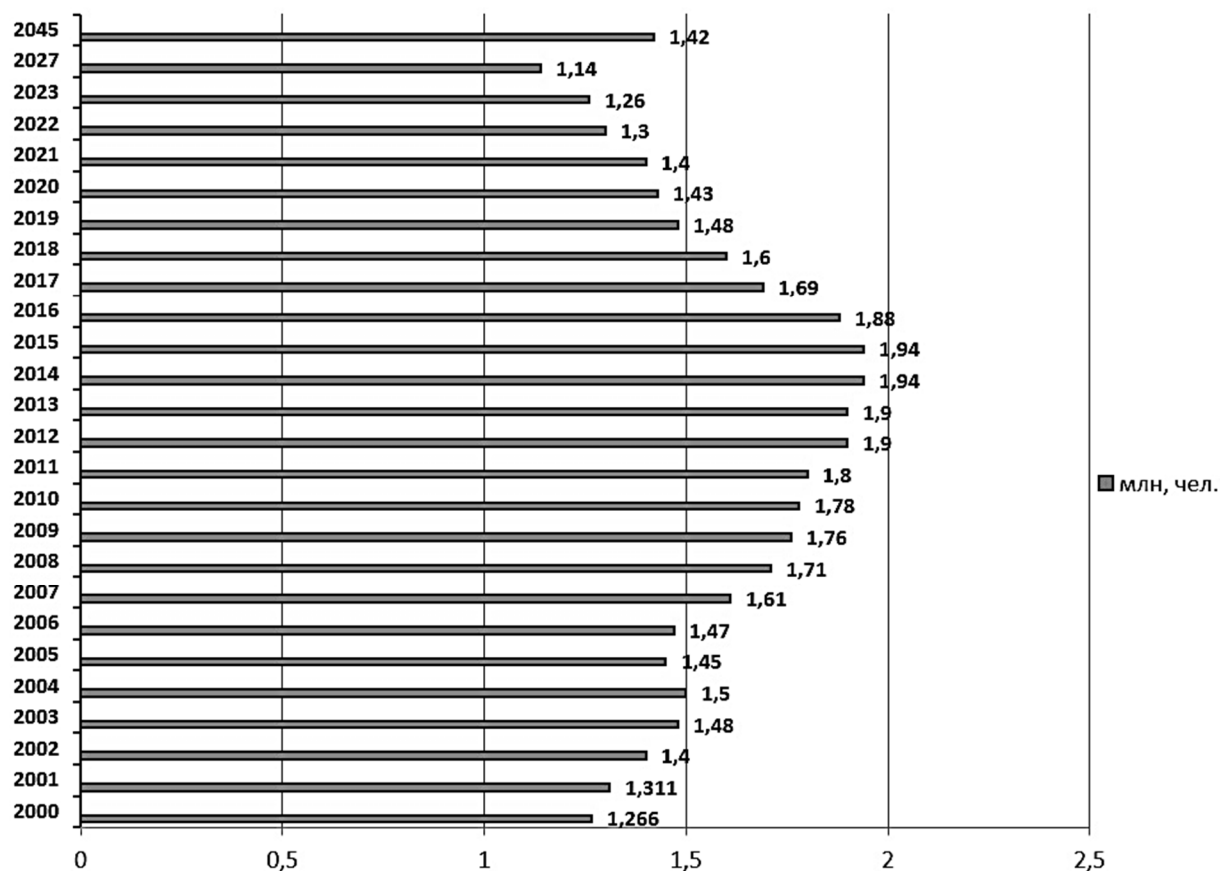
Кроме того, как было заявлено в докладе ВОЗ, более 17,5 % населения земли (т.е. каждый шестой человек) страдает бесплодием. Что же касается РФ, то количество бесплодных пар остается довольно высоким и составляет от 17 до 25 % по состоянию на 2023 г. [3].

Факторами, способствующими развитию данного состояния, являются загрязнение окружающей среды, стрессы, наличие вредных привычек, генетическая предрасположенность, низкий уровень осведомленности населения о принципах здорового образа жизни и пр. Эти факторы оказывают негативное воздействие на репродуктивную функцию не только отдельного человека, но и целых популяций, что ведет к снижению рождаемости в масштабах страны. Важно отметить, что данная проблема носит глобальный характер и затрагивает миллионы людей по всему миру.

© Марухно В.М., Боженькина С.А.

Таблица 1

Динамика рождаемости в России за 2000–2045 г. [2]

В 2023 г., хотя и наблюдается снижение количества обращений за экстракорпоральным оплодотворением (на 10,41% в сравнении с числом обращений за 2022 г.), но остается довольно высоким (более 86 тыс.). Следует отметить, что бесплодие представляет собой патологическое состояние мужской или женской репродуктивной

системы, характеризующееся отсутствием способности к зачатию в течение 12 месяцев [4]. Несмотря на негативную динамику рождаемости в РФ, наблюдается и снижение в 2023 г. (на 70 % в сравнении с 2022 г.) количество обращений к программам суррогатного материнства.

Таблица 2

Статистика за 2013–2023 г. беременностей в рамках суррогатного материнства

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Кол-во беременностей	379	561	721	676	822	1068	1191	1044	969	920	644

(Таблица сформулирована на основании отчетов Регистра центров ВРТ в России за 2013–2021 гг. и официальных статистических данных и обзоров).

Отметим, что данное снижение во многом было обусловлено установлением законодательного запрета на использование ооцитов (т.е. использование яйцеклеток донора) для создания эмбриона и возможность использования либо генетического материала одинокой женщины или же супружеской пары. Такие законодательные изменения были ориентированы на рождение детей в рамках брачно-семейных отношений, а также недопущении суррогатного материнства лицам, не имеющим гражданство РФ.

Полагаем, что в связи с проводимой РФ политикой по совершенствованию мер государственной поддержки семей, имеющих детей, будет наблюдаться и увеличение количества обращений к программам суррогатного материнства.

Таким образом, одной из актуальных проблем, требующих как правовой регламентации, так и государственного воздействия в отношении применения вспомогательных репродуктивных технологий. Безусловно, от результатов проводимой государственной политики, а также даль-

нейшего совершенствования действующего законодательства в области здравоохранения (в т.ч. – суррогатного материнства) возможно достижение основной цели заключения брака – рождения ребенка. Недаром одной из основных государственных задач в сфере обеспечения детской безопасности (см. Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358) значится совершенствование законодательства в сфере суррогатного материнства.

Суррогатное материнство представляет собой сложный медицинский и юридический процесс, вовлекающий множество сторон и вопросов, таких как права и обязанности суррогатных матерей, генетических родителей и ребенка, ответственность за неисполнение обязательств, защита интересов детей, медицинская этика и т.д.

Таким образом, изучение правовых аспектов суррогатного материнства остается актуальным и важным для обеспечения соответствующей защиты прав и интересов всех сторон, вовлеченных в этот процесс.

Данная статья преследует цель исследования актуальных проблем правового регулирования суррогатного материнства и формирование предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Объектом исследования является формирующиеся в рамках правовой регламентации отношения суррогатного материнства.

В качестве предмета исследования выступают регулирующие суррогатное материнство правовые нормы семейного, а также гражданского права.

В рамках настоящего исследования, автором использовались конкретно-социологический (посредством данного метода производился сбор и обработка статистических данных о суррогатном материнстве), системно-структурный (была определена правовая природа суррогатного материнства) и формализационный метод (сформулировано предложение о совершенствовании действующего законодательства в области суррогатного материнства).

Основная часть. Несмотря на большое количество работ, посвященных как медицинским [см., например: 5; 6], так и правовым [см., например: 7; 8] аспектам суррогатного материнства, неразрешенными или малоизученными в области гражданского, а также семейного права остаются вопросы гражданско-правовой природы суррогатного материнства и статуса субъектного состава (суррогатной матери, эмбриона и пр.), вопросы наследования, права и обязанности биологического родителя и пр.

В настоящее время продолжает оставаться нерешенной проблема, связанная с отсутствием установленного постоянного нормативно-

правового акта, который бы регулировал данную процедуру отдельно (в свою очередь, имеющаяся правовая база носит не только неполный, но порой и противоречивый характер).

Учитывая активное воздействие этой процедуры на организм человека и возможные этические вопросы, разработка и доработка всех соответствующих аспектов в настоящее время является значимым направлением деятельности законодателя в данной области.

Кроме того, отсутствует положение о суррогатном материнстве в положениях Приказа Минздрава РФ от 30.10.2012 г. № 556, что, на наш взгляд, является серьезным упущением, требующим переработки содержания данного приказа и его издания в новой редакции, поскольку положения ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (далее по тексту – Закон № 323-ФЗ) относят суррогатное материнство к вспомогательным репродуктивным технологиям. Следует отметить, что отсутствует упоминание о суррогатном материнстве и в положениях Приказа Минздрава Краснодарского края от 16.03.2018 г. № 1353. Аналогичное отсутствие содержится и в других приказах Министерств здравоохранения субъектов РФ.

Отсутствие единого нормативно-правового акта в России, а также общих положений, касающихся более детального исследования процесса суррогатного материнства, приводит к ограничениям в защите прав лиц, чьи интересы были нарушены.

Исходя из содержания положений п. 4 ст. 51 СК РФ, можно обозначить основные составляющие элементы института суррогатного материнства, к которым следует отнести суррогатную мать и эмбрион. Так, со стороны суррогатной матери происходит вынашивание ребенка (прим. в результате имплантации эмбриона, т.е. специальной медицинской процедуры, выражающейся в переносе в полость матки суррогатной матери яйцеклетки) в целях дальнейшей его передачи генетическим родителям.

Особое внимание следует уделить термину «суррогатная мать». Так, действенность правового регулирования находится в прямой зависимости от выбора и определения ключевых определений, в т.ч. – их концептуализацию и лексическое обозначение.

Хоть ст. 55 Закона № 323-ФЗ описывает процедуру суррогатного материнства, само определение не является совершенным и требует изложения в новой редакции.

На наш взгляд, суррогатное материнство – это законная связь между суррогатной матерью, вынашивающей ребенка и супругами-заказчиками, которая возникает в результате имплантации генетически чужого эмбриона в организм суррогатной матери для последующего вынашивания и рождения ребенка заказчиком. В данной дефи-

ниции не предусматривается возможность использования генетического материала самой суррогатной матери.

Таким образом, можно вывести свое определение понятия «суррогатное материнство». Суррогатное материнство – это процесс, в котором эмбрион имплантируется в организм женщины с целью его последующего вынашивания.

Выбранный законодателем термин «суррогатное материнство» является неудачным, поскольку он вызывает негативные эмоциональные и оценочные ассоциации. Согласно Толковому словарю Ушакова, слово «суррогатный» означает искусственный, подделанный, фальсифицированный, ненатуральный.

Считаем, что термин, выбранный законодателем для наименования изучаемого института, неудачен, поскольку «суррогатное материнство» может вызывать отрицательные ассоциации в обществе. Термин «суррогатный» ассоциируется с чем-то искусственным или поддельным, что не является удачным для описания института, в рамках которого женщина использует свои репродуктивные функции. Можно говорить о том, что исследуемый термин лишней раз отражает неестественность такого образа рождения ребенка.

Связь между ребенком и его матерью включает использование всех органов чувств, включая слух и запах, что способствует формированию прочной связи между матерью и ребенком.

Эмбрион, находящийся в материнской утробе, реагирует на голос матери. В связи с этим, использование термина «суррогатный» может быть не совсем корректным.

Кроме того, одной из актуальных проблем остается вопрос применения в отношении суррогатного материнства врачебной тайны. Так, положения ст. 13 Закона № 323-ФЗ устанавливают закрытый перечень оснований для предоставления сведений, составляющих врачебную тайну в случае отсутствия письменного согласия лица или его законного представителя. В то же время, в положениях названной статьи не содержится упоминания о суррогатном материнстве, что, на наш взгляд, является законодательным упущением. Так, информация о здоровье суррогатной матери (как до переноса донорского для нее эмбриона, так и в период беременности) имеет немаловажное значение для потенциальных родителей, в том числе – подтвержденная в медицинской организации.

Полагаем, что доведение информации о состоянии здоровья суррогатной матери потенциальным родителям должно производиться вне зависимости от наличия письменного согласия суррогатной матери и ее законного представителя в случае наличия заключенного договора о суррогатном материнстве.

Для обеспечения безопасности своему здоровью суррогатная мать должна располагать информацией о состоянии здоровья потенциальных родителей. Так, например, в соответствии с п. 72 Приказа Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 № 803 в случае инфицирования потенциального родителя гепатитом В и С или ВИЧ допускается после получения ее информационного добровольного согласия.

На наш взгляд, нуждается в дополнении положения Закона № 323-ФЗ о возможности разглашения врачебной тайны без согласия гражданина или его законного представителя о состоянии здоровья между супругами, а также суррогатной матери потенциальным родителям ребенка в случае наличия между ними заключенного договора о суррогатном материнстве.

Заключение. После тщательного анализа существующих определений «суррогатного материнства» мы приходим к выводу, что, в ряде случаев, они оказываются неудачными или недостаточно полными, не отражая в полной мере сущность суррогатного материнства и его правового статуса.

Во-первых, необходимо дополнить положение Приказа Минздрава РФ от 30.10.2012 г. № 556, а также соответствующих приказов Минздравов субъектов РФ, регламентирующих стандарты медицинской помощи при бесплодии с использованием репродуктивных вспомогательных технологий о суррогатном материнстве.

Во-вторых, предлагаем избегать использования в нормативных актах, регулирующих процесс применения технологии суррогатного материнства, термина «суррогатная мать», а заменить его более на «договорная мать» и внести соответствующие изменения в ст. 55 Закона № 323-ФЗ, вместе с изменением названного выше термина, изменить формулировку понятия на: «Договорное материнство – это процесс, в котором эмбрион имплантируется в организм женщины с целью его последующего вынашивания».

Рекомендуется также внести изменения в п. 4 ст. 51 ГК РФ с целью установления единообразия терминологии и предотвращения противоречий между различными законодательными актами, что поможет избежать правовых коллизий.

В третьих, нуждается в дополнении положения Закона № 323-ФЗ о возможности разглашения врачебной тайны без согласия гражданина или его законного представителя о состоянии здоровья между супругами, а также суррогатной матери потенциальным родителям ребенка, в случае наличия между ними заключенного договора о суррогатном материнстве.

На данный момент, институт суррогатного материнства по-прежнему нуждается в дальнейшем

изучении и развитии законодательных норм, которые будут направлены на регулирование всех вопросов, связанных с данным процессом. Полагаем, что для обеспечения правовой ясности и защиты интересов всех участников исследуемого процесса необходимо активное участие законодателя в дальнейшем изучении и разработке законодательных норм, которые будут адекватно

регулировать все аспекты суррогатного материнства.

Важно также учитывать этические аспекты данного явления и стремиться к созданию баланса между медицинскими, правовыми и социальными интересами, обеспечивая при этом безопасность и благополучие всех участников таких взаимоотношений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Фруслов Д.Г. О некоторых направлениях развития законодательства о государственной семейной политике / Д.Г. Фруслов, Н.А. Михальченко, Н.В. Куликова; Под общей ред. Г.И. Климантовой // Российская семья в повседневной жизни: горизонты благополучия : Материалы XXI Международного конгресса, Москва, 19 мая 2023 года. М. : Российский государственный социальный университет, 2023. С. 16–27.
2. Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года // Росстат. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения 01.04.2024).
3. Росстат зафиксировал в 2023 году антирекорд по числу родившихся в РФ с 1999 года // Коммерсант. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6523337> (дата обращения 01.04.2024).
4. Жебентяев А.А. Мужское бесплодие / А.А. Жебентяев // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2008. Т. 7. № 2. С. 76–83.
5. The nature of medical truth and cognitive personal activity / E.N. Pesotskaya, Yu.A. Makarova, A.V. Zor'kina, A.S. Usenko. 2023. Vol. 12. № 9-1. P. 16–25.
6. Usenko A.S. The legal aspect of bioethics as a multifaceted concept and its principles / A.S. Usenko // Эпомен: медицинские науки. 2022. № 4. P. 66–72.
7. Fruslov D.G. The legal nature of the human embryo storage contract when using assisted reproductive technologies / D.G. Fruslov // Эпомен: медицинские науки. 2022. № 4. P. 79–83.
8. Ivanova V.A. Legal regulation of surrogacy in the Russian Federation / V.A. Ivanova // Эпомен: медицинские науки. 2022. № 4. P. 94–99.

References:

1. Fruslov D.G. On some directions of development of legislation on state family policy / D.G. Fruslov, N.A. Mikhailchenkova, N.V. Kulikova; Under the general editorship of G.I. Klimantova // Russian family in everyday life: horizons of well-being: Materials of the XXI International Congress, Moscow, May 19, 2023. M. : Russian State Social University, 2023. P. 16–27.
2. Rosstat has published a demographic forecast until 2046 // Rosstat. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (date of application 04/01/2024).
3. Rosstat recorded in 2023 an anti-record for the number of births in the Russian Federation since 1999 / Kommersant. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6523337> (date of application 04/01/2024).
4. Zhebentyaev A.A. Male infertility / A.A. Zhebentyaev // Bulletin of Vitebsk State Medical University. 2008. Vol. 7. № 2. P. 76–83.
5. The nature of medical truth and cognitive personal activity / E.N. Pesotskaya, Yu.A. Makarova, A.V. Zor'kina, A.S. Usenko. 2023. Vol. 12. № 9-1. P. 16–25.
6. Usenko A.S. The legal aspect of bioethics as a multifaceted concept and its principles / A.S. Usenko // Epomen: medical sciences. 2022. № 4. P. 66–72.
7. Fruslov D.G. The legal nature of the human embryo storage contract when using assisted reproductive technologies / D.G. Fruslov // Epomen: medical sciences. 2022. № 4. P. 79–83.
8. Ivanova V.A. Legal regulation of surrogacy in the Russian Federation / V.A. Ivanova // Epomen: medical sciences. 2022. № 4. P. 94–99.

Информация об авторах

Марухно Василиса Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры философии,
психологии и педагогики,
Кубанский государственный
медицинский университет
vasilisa_amg@mail.ru

Боженкина Светлана Александровна

кандидат философских наук,
ассистент кафедры философии,
психологии и педагогики,
Кубанский государственный
медицинский университет
isida78@mail.ru

Vasilisa M. Marukhno

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Psychology and Pedagogy,
Kuban State Medical University
vasilisa_amg@mail.ru

Svetlana A. Bozhenkina

Candidate of Philosophy Sciences,
Assistant of the Department of Philosophy,
Psychology and Pedagogy,
Kuban State Medical University
isida78@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-15>
УДК 351.74

Attribution
cc by

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Митина Е.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации;
Бюджетное учреждение Орловской области
«Межрегиональное бюро технической инвентаризации»*

Аннотация. В настоящее время существует необходимость в оценке и улучшении взаимодействия правоохранительных структур и общественных организаций в России. Недостаточное нормативное регулирование и контроль за включением общественных объединений в реестры и их взаимодействие с правоохранительными органами могут подрывать эффективность и законность их действий.

Цель. Изучить проблемы и перспективы развития взаимодействия правоохранительных органов и общественных объединений в Российской Федерации.

Методы. Анализ, синтез, обобщение и систематизация научных источников по проблеме исследования.

Результаты. Рассмотрены случаи неправомерного включения организаций в региональные реестры и проблемы в сотрудничестве с правоохранительными структурами. Выявлены основные препятствия для эффективного взаимодействия, включая отсутствие четких законодательных обязательств и механизмов контроля. Предложены меры для улучшения правовой базы и процессуальной прозрачности.

Выводы. Подчеркнута необходимость в законодательном урегулировании взаимодействия правоохранительных органов и общественных объединений, включая создание общедоступной базы данных для мониторинга и оценки этого взаимодействия. Внесен ряд предложений по упрощению процедур сотрудничества правоохранительных органов.

Ключевые слова: общественные организации, правоохранительные органы, взаимодействие, реестры, законодательное регулирование.

THE ROLE AND IMPORTANCE OF THE ASSISTANCE OF CIVIL ASSOCIATIONS IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Elena S. Mitina

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation;
Budgetary Institution of the Orel region «Interregional Bureau of Technical Inventory»*

Abstract. Currently, there is a significant need to assess and improve the interaction of law enforcement agencies and public organizations in Russia. Insufficient regulatory regulation and control over the inclusion of public associations in registries and their interaction with law enforcement agencies can undermine the effectiveness and legality of their actions.

Purpose. To study the problems and prospects for the development of cooperation between law enforcement agencies and public associations in the Russian Federation.

Methods. Analysis, synthesis, generalization and systematization of scientific sources on the research problem.

Results. Cases of illegal inclusion of organizations in regional registries and problems in cooperation with law enforcement agencies are considered. The main obstacles to effective interaction have been identified, including the lack of clear legislative obligations and control mechanisms. Measures are proposed to improve the legal framework and procedural transparency.

Conclusions. The need for legislative regulation of interaction between law enforcement agencies and public associations, including the creation of a publicly accessible database for monitoring

and evaluating this interaction, is emphasized. A number of proposals have been identified and made to simplify the procedures for law enforcement cooperation.

Keywords: public organizations, law enforcement agencies, interaction, registers, legislative regulation.

Введение.

Привлечение организаций гражданского общества к реализации задач, возложенных на государственные структуры, представляет собой одно из ключевых направлений в развитии системы публичного управления в России в рамках формирования правового государства. Такое сотрудничество улучшает результативность работы государственных органов и способствует стабильному развитию гражданского общества в стране.

Однако существуют три основные препятствия, мешающие полноценному взаимодействию между гражданским обществом и государством: человеческий, юридический и инструментальный аспекты.

Человеческий аспект связан с недостаточным уровнем доверия населения к государственным институтам и отсутствием желания среди чиновников сотрудничать с негосударственными организациями.

Юридические барьеры включают в себя избыточный контроль за деятельностью гражданских объединений со стороны государственных органов и нехватку нормативной базы для регулирования некоторых аспектов такого взаимодействия.

Инструментальный аспект отражает отсутствие эффективных инструментов для оценки эффективности сотрудничества между государственными структурами и организациями гражданского общества.

Результаты.

Сотрудничество между правоохранительными органами и гражданскими организациями, направленное на охрану общественного порядка, выделяется как наиболее эффективное. В современных исследованиях также упоминаются другие формы взаимодействия, включая помощь полиции, разработку методик, общественный контроль и информирование о совместной работе. Однако стоит отметить, что не все из этих направлений напрямую способствуют поддержанию правопорядка, так как общественный контроль и информирование больше нацелены на повышение доверия и прозрачности действий полиции, нежели на непосредственное обеспечение порядка.

Наиболее эффективным направлением сотрудничества между правоохранительными органами и гражданскими организациями в России является участие последних в охране общественного порядка. Это соответствует цели многих официально зарегистрированных общественных объединений. Законодательное определение обще-

ственных объединений, установленное Федеральными законами № 7-ФЗ [1] и № 82-ФЗ [2], обозначает их как добровольные объединения граждан, созданные для удовлетворения общих интересов. В 2014 году было внесено уточнение с принятием Федерального закона № 44-ФЗ, который определяет общественные объединения правоохранительной направленности как специализированные группы без членства, созданные для участия в охране порядка [3].

В современном законодательстве Российской Федерации ключевым регулирующим актом, который устанавливает основания для взаимодействия полицейских органов с гражданами, является пункт 34 части первой статьи 13 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции» [4]. Этот законодательный пункт предоставляет полиции право на привлечение граждан к добровольному сотрудничеству, организацию конфиденциального взаимодействия с теми, кто выразил желание оказывать бескорыстную или вознаграждаемую помощь, а также на выплату вознаграждений за информацию, способствующую раскрытию преступлений или задержанию преступников. К тому же, правоохранительные органы могут стимулировать граждан за оказанную поддержку в выполнении их функций путем поощрений, а также привлекать к совещаниям экспертов из государственных и муниципальных организаций, при этом обеспечивая сохранение их заработка на основной работе.

Данный законодательный документ расширяет и детализирует принципы, описанные в 10-й статье соответствующего Федерального закона, акцентируя на важности взаимодействия и кооперации с населением как ключевом аспекте деятельности полицейских органов. В контрасте с первым законом в современной истории России «О милиции» [5], новая законодательная рамка не только подчеркивает социальную значимость такого взаимодействия, но также устанавливает специфические способы его реализации и предоставляет гражданам законные основания для участия в работе полиции и предоставления им необходимой поддержки в выполнении их функций.

Значимость данной проблематики становится еще более очевидной учитывая, что в России не существует отдельного федерального закона, который бы организовал участие населения в обеспечении общественной безопасности. К сожалению, несмотря на глубокие исторические корни России в этом аспекте, на данный момент вопрос утратил активность на уровне законодательства.

С 1991 года предпринимались неоднократные инициативы для возобновления и стимулирования гражданского вовлечения в эту область, од-

нако из-за многочисленных юридических несоответствий, законодательные усилия так и не привели к ожидаемым итогам [9].

Критики самой возможности принятия обозначенного закона часто утверждают, что по Конституции РФ выполнение задач, которые обычно относятся к компетенции государственных структур внутренних дел, не может быть переложено на граждан.

Тем не менее, следует отметить, что активная роль граждан в обеспечении общественного порядка не только является их законным правом, но и отражает их непосредственное вовлечение в управление государством, что косвенно поддерживается многими конституционными положениями.

В российском законодательстве нет явного запрета на сотрудничество населения с правоохранительными органами в деле поддержания правопорядка. Основная задача государственных органов заключается в обеспечении и укреплении правопорядка, защите прав и свобод человека, а также в поддержке реализации этих прав, в том числе в сфере общественной безопасности.

В настоящее время граждане с активной жизненной позицией могут способствовать поддержанию общественного порядка, используя различные формы сотрудничества с правоохранительными органами. Такое сотрудничество представляет собой добровольные действия со стороны населения, направленные на ассистирование деятельности полиции. Эти действия проистекают из активной гражданской позиции, желания исполнить свои обязанности перед обществом и способствовать соблюдению законности в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Подобные действия могут быть как одноразовыми, так и систематическими, осуществляться как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, быть открытыми или конфиденциальными. Однако ключевым является их сознательный и добровольный характер.

Это может означать:

- оповещение полиции о противоправных действиях и участниках асоциальных активностей;
- поддержку в сборе данных, которые могут быть полезными для выполнения полицейских функций;
- участие в судебных делах в качестве свидетелей или экспертов; предоставление полиции доступа к личным средствам связи и транспорту при необходимости;
- активное вовлечение в деятельность общественных организаций, которые способствуют поддержанию законности, среди прочего [0].

Взаимодействие с правоохранительными органами представляет собой организованную и законодательно урегулированную деятельность, в рамках которой граждане добровольно участвуют в реализации определенных полицейских задач и обязанностей. Этот процесс характеризуется более формальным и структурированным подходом к помощи, обеспечивая регулярное и системное сотрудничество.

Общественные объединения с правоохранительной направленностью играют ключевую роль в поддержке работы правоохранительных органов, их насчитывается более 45 тысяч. Среди них особенно выделяются добровольные казачьи войска, народные дружины, оперативные и полицейские отряды. В соответствии с ФЗ № 44, эти организации помогают в охране общественного порядка, участвуют в предотвращении правонарушений и способствуют правовому просвещению. Их взаимодействие с правоохранительными органами охватывает информирование о нарушениях, участие в охране массовых мероприятий и в работе различных координирующих органов [13].

Организации гражданского общества помогают правоохранительным органам в охране порядка на двух уровнях: квалифицированном и неквалифицированном. Неквалифицированное содействие не требует специальных знаний, достаточно соответствовать базовым требованиям объединения. Квалифицированное содействие предполагает прохождение обучения, включая физическую подготовку и оказание первой помощи, как это требуется для членов народных дружин.

В России существует несколько структур, занимающихся вопросами взаимодействия между правоохранительными органами и организациями гражданского общества. Основным органом, ответственным за это в МВД, – Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и СМИ, учрежденное на основании Приказа МВД России от 16.06.2011 № 683 [6]. Однако, несмотря на возможности для организации встреч с министром, в последние пять лет такие встречи не проводились, что может быть связано с недостатками в правовом регулировании этих процессов [11].

Важную роль в установлении взаимодействия играет Общественная палата РФ и общественные советы при различных правоохранительных органах на федеральном и региональном уровнях. Эти советы обладают консультативными и контрольными функциями и способствуют учету интересов гражданских объединений, а также повышению доверия к правоохранительным органам.

Проблема административного регулирования и практики применения права тесно связана с уровнем доверия к правоохранительным органам и их эффективным взаимодействием с гражданскими организациями. Следует сосредото-

точить усилия на защите общественных и государственных интересов, избегая при этом защиты частных интересов власти и бизнеса.

Одним из решений этой проблемы является создание условий для активного участия общественных объединений в деятельности по обеспечению правопорядка, как это предусмотрено в концепции общественной безопасности РФ. Это предполагает обязательное закрепление в законе обязанностей привлечения общественных объединений к охране порядка и предусмотренные механизмы их взаимодействия с правоохранительными органами.

Кроме того, необходимо обсудить и внести изменения в Федеральный закон, касающиеся участия граждан в охране порядка, чтобы разъяснить и упростить процедуры согласования действий народных дружин с органами публичной администрации, которые в настоящее время усложняют их деятельность и противоречат принципам современного государственного управления и взаимодействия с гражданскими организациями.

Сейчас актуальной проблемой является отсутствие возможностей для точной оценки участия общественных организаций в деятельности правоохранительных структур, включая поддержание порядка и оценку эффективности такого сотрудничества. Оптимальным решением этой проблемы кажется создание общедоступной базы данных, которая будет включать информацию о количестве зарегистрированных и активно действующих общественных объединений, а также регистр их взаимодействий с правоохранительными органами и разработку критериев для оценки эффективности такого взаимодействия.

Наше предложение не является первым в своем роде. Так, Ф.О. Федин и С.В. Чискидов в своем исследовании предлагают организовать систему для ведения реестров общественных объединений пожарной охраны и добровольных пожарных [12].

В процессе изучения действующего законодательства, касающегося вопросов сотрудничества между правоохранительными структурами и общественными объединениями, стало очевидно, что законодательное внимание преимущественно сосредоточено на отношениях полиции с ассоциациями, ориентированными на правоохранительную деятельность. По нашему мнению, такая юридическая ориентация отрицательно влияет на взаимодействие других правоохранительных органов с гражданскими объединениями, оставляя ряд важных аспектов взаимодействия вне зоны правового регулирования.

Прежде всего, стоит отметить, что не только специализированные правоохранительные общественные организации могут сотрудничать с органами правопорядка. Группы, работающие в иных сферах, также играют значительную роль в

этом процессе, предоставляя поддержку в различных формах, включая проведение превентивных воспитательных мероприятий для предотвращения правонарушений, что делает их активными участниками в диалоге с правоохранительными структурами.

Кроме того, полиция не является единственным правоохранительным учреждением, которое взаимодействует с организациями гражданского общества. Есть и другие структуры, которые также участвуют в этом процессе.

Итак, настоящее время характеризуется тем, что некоторые аспекты взаимоотношений между правоохранительными структурами и общественными организациями остаются вне рамок регулирования российскими законами. Это оказывает отрицательное воздействие на эффективность такого взаимодействия. Проблема часто заключается в отсутствии законодательно определенных обязательств для сотрудников правоохранительных органов, что приводит к их пассивности. Следовательно, установление законодательных обязанностей для правоохранительных органов и их работников в области сотрудничества с общественными объединениями крайне важно для улучшения их взаимодействия.

Это подтверждается положительными переменами, наступившими после того, как в 2014 году был утвержден приказ МВД России «О Порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности» [7]. Этот документ наложил на должностных лиц обязанность регистрировать общественные объединения с правоохранительной ориентацией, находящиеся на подведомственной им территории. До введения этого нормативного акта существовало пренебрежение со стороны сотрудников территориальных подразделений МВД по отношению к учету подобных организаций, зарегистрированных на обслуживаемой территории.

Примером успешной практики взаимодействия правоохранительных органов и общественных объединений в Российской Федерации служит опыт Главного управления Министерства внутренних дел по Волгоградской области. С 2015 года данное управление начало активно заниматься формированием и последующей публикацией на официальном веб-сайте подробных сведений о народных дружинах и других общественных объединениях, занимающихся деятельностью в сфере правопорядка на территории региона. Опубликованная информация включает в себя не только наименование организации и данные о ее руководителе, но и сведения о полицейском, ответственном за координацию взаимодействия с данным объединением [8].

Анализ проблематики, связанной с порядком включения в региональный реестр общественных объединений с правоохранительной ориен-

тацией, выявляет значимые вопросы правомерности таких действий. Существует ряд случаев, когда организации, потенциально не соответствующие установленным критериям, были включены в реестр, что вызывает озабоченность относительно соблюдения законодательных требований.

Согласно действующему административному законодательству Российской Федерации, процесс включения группы лиц, стремящихся внести вклад в деятельность правоохранительных органов по поддержанию общественного порядка, включает в себя несколько ключевых этапов.

В первую очередь, необходима регистрация в качестве общественной организации через Министерство юстиции РФ, что подразумевает официальное признание статуса организации.

Далее, следует процедура уведомления соответствующих территориальных органов МВД РФ и органов местного самоуправления или государственной власти в городах федерального значения о намерениях организации и ее деятельности. Завершающим шагом является внесение данных об организации в региональный реестр объединений с правоохранительной направленностью.

Эти процедуры предназначены для обеспечения того, чтобы все общественные объединения, включенные в реестр, соответствовали установленным законом требованиям и стандартам. Нарушения в этом процессе могут подрывать доверие к механизмам общественного контроля и правопорядка, а также ставить под сомнение законность действий таких организаций. Поэтому важно строго соблюдать все предписанные законодательством процедуры для поддержания прозрачности и законности в деятельности общественных объединений с правоохранительной направленностью.

В данной статье выявлено отсутствие унифицированного метода определения ключевых направлений взаимодействия между правоохранительными органами и гражданскими организациями, что затрудняет систематизацию и оптимизацию такого сотрудничества. Вопреки этому, общепризнана важность таких взаимодействий для поддержания общественного порядка.

Детальный анализ позволяет выделить две основные формы содействия: квалифицированное и неквалифицированное. Квалифицированное содействие предполагает участие общественных объединений, члены которых прошли специальное обучение или обладают необходимыми навыками для выполнения задач по поддержанию порядка. Неквалифицированное содействие, в свою очередь, включает в себя деятельность добровольцев или членов общественных объединений без специальной подготовки, но готовых оказать поддержку в критических ситуациях.

Также, важно отметить, что эффективность взаимодействия зависит не только от уровня квалификации участников, но и от четкости правовых рамок, регулирующих такое сотрудничество. Наличие законодательно закрепленных процедур и стандартов может значительно усилить вклад гражданских организаций в обеспечение общественной безопасности. В этом контексте, особую роль играет разработка методик оценки взаимодействия, которая позволила бы не только систематизировать существующие подходы, но и обеспечить обратную связь для дальнейшего улучшения процессов сотрудничества.

Кроме того, стоит учесть влияние социокультурных факторов на формирование моделей взаимодействия. Различные регионы и сообщества могут иметь уникальные традиции, которые влияют на восприятие роли общественных объединений в обеспечении порядка. Исследование этих аспектов может предоставить дополнительные данные для корректировки и адаптации моделей взаимодействия, с учетом специфики различных общественных и культурных контекстов.

Углубленный анализ взаимодействия между правоохранительными органами и гражданскими организациями, включая различные уровни квалификации участников и социокультурные аспекты, позволяет не только улучшить понимание текущего состояния дел, но и способствует разработке более эффективных механизмов сотрудничества.

Заключение.

Таким образом, действующее законодательство не охватывает все ключевые аспекты сотрудничества между правоохранительными структурами и гражданскими организациями в контексте поддержания и обеспечения общественного порядка.

Не установлены законодательные рамки для организации встреч между высокопоставленными представителями правоохранительных органов и представителями общественных объединений; также не определен порядок, по которому публичные административные органы должны согласовывать мероприятия по охране порядка, организуемые этими объединениями.

Большинство существующих правил сосредоточено исключительно на регулировании взаимодействия полиции с организациями, имеющими правоохранительную направленность, в результате чего связи между другими правоохранительными органами и гражданскими организациями остаются недостаточно регулируемые.

Также, возможности, которые предоставляют организации гражданского общества в поддержке общественной безопасности, не полностью используются правоохранительными структурами.

Для улучшения текущей ситуации можно предложить законодательное увеличение обязательств для сил правопорядка и их сотрудников в области сотрудничества с гражданскими объ-

единениями, особенно в части их вовлечения в деятельность по поддержанию общественного порядка.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О некоммерческих организациях» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения 23.05.2024).
2. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об общественных объединениях» // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения 23.05.2024).
3. Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об участии граждан в охране общественного порядка» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // Доступ: СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения 23.05.2024).
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения 23.05.2024).
5. Закон РФ от 18.04.1991 № 1026-1 (ред. от 27.07.2010) «О милиции» (утратил силу с 01.03.2011 в связи с принятием Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения 23.05.2024).
6. Приказ МВД России от 16.06.2011 № 683 (ред. от 28.12.2021) «Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения 23.05.2024).
7. Приказ МВД России от 21.07.2014 № 599 «О Порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности» (Зарегистрировано в Минюсте России 11.08.2014 № 33507 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения 23.05.2024).
8. Зеленцов А.Б. Административно-правовые аспекты взаимодействия правоохранительных органов и организаций гражданского общества / А.Б. Зеленцов, В.Э. Гацолати // Вестник СурГУ. 2020. № 3(29). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-aspekty-vzaimodeystviya-pravooxranitelnyh-organov-i-organizatsiy-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения 23.05.2024).
9. Киричёр Е.В. Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: понятие, цели, принципы, типы и формы / Е.В. Киричёр // Lex Russica. 2014. № 9. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-politsii-i-institutov-grazhdanskogo-obschestva-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-tseli-printsipy-tipy-i-formy> (дата обращения 23.05.2024).
10. Наумова А.В. Правовые основы деятельности народных дружин в обеспечении охраны общественного порядка / А.В. Наумова // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-deyatelnosti-narodnyh-druzhin-v-obespechenii-ohrany-obschestvennogo-poryadka> (дата обращения 23.05.2024).
11. Нижник Н.С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия / Н.С. Нижник // Полицейская деятельность. 2018. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politsiya-i-grazhdanskoe-obschestvo-poisk-vektora-vzaimodeystviya> (дата обращения 23.05.2024).
12. Федин Ф.О. Разработка информационной системы для ведения реестров общественных объединений пожарной охраны и добровольных пожарных / Ф.О. Федин, С.В. Чискидов // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2016. № 1(28). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-informatsionnoy-sistemy-dlya-vedeniya-reestrov-obschestvennyh-obedineniy-pozharnoy-ohrany-i-dobrovolnyh-pozharnyh> (дата обращения 23.05.2024).
13. Черенков А.Н. Общественные организации правоохранительной направленности в России (возникновение и развитие) / А.Н. Черенков // Административное и муниципальное право. 2020. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-organizatsii-pravooxranitelnoy-napravlenosti-v-rossii-vozniknovenie-i-razvitiye> (дата обращения 23.05.2024).

References:

1. Federal Law of 12.01.1996 № 7-FZ (as amended on 26.02.2024) «On Non-Profit Organizations» // Access from the SPS «ConsultantPlus Prof» system (date of the application 23.05.2024).

2. Federal Law of 19.05.1995 № 82-FZ (as amended on 25.12.2023) «On Public Associations» // Access from the SPS «ConsultantPlus Prof» system (date of the application 23.05.2024).
3. Federal Law of 02.04.2014 № 44-FZ (as amended on 14.07.2022) «On the participation of citizens in maintaining public order» (with amendments and additions, in force from 01.12.2022) // Access: SPS «Consultant Plus Pro» (date of the application 23.05.2024).
4. Federal Law of 07.02.2011 № 3-FZ (as amended on 04.08.2023) «On the Police» (as amended and supplemented, entering into force on 01.03.2024) // Access from the SPS «ConsultantPlus Prof» system (date of the application 23.05.2024).
5. Law of the Russian Federation of 18.04.1991 № 1026-1 (as amended on 27.07.2010) «On the Militia» (expired on 01.03.2011 due to the adoption of the Federal Law of 07.02.2011 № 3-FZ) // Access from the SPS «ConsultantPlus Prof» system (date of the application 23.05.2024).
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 16.06.2011 № 683 (as amended on 28.12.2021) «On the Approval of the Regulation on the Department for Interaction with Civil Society Institutions and Mass Media of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // Access from the SPS «ConsultantPlus Prof» system (date of the application 23.05.2024).
7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 21.07.2014 № 599 «On the Procedure for the Formation and Maintenance of the Regional Register of People's Brigades and Public Associations of Law Enforcement Orientation» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 11.08.2014 № 33507) // Access from the SPS «ConsultantPlus Prof» system (date of the application 23.05.2024).
8. Zelentsov A.B. Administrative and legal aspects of interaction between law enforcement agencies and civil society organizations / A.B. Zelentsov, V.E. Gatsolati // Bulletin of Surgut State University. 2020. № 3(29). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-aspekty-vzaimodeystviya-pravoohranitelnyh-organov-i-organizatsiy-grazhdanskogo-obschestva> (date of the application 23.05.2024).
9. Kirichyok E.V. Interaction of the police and civil society institutions in the Russian Federation: concept, goals, principles, types and forms / E.V. Kirichyok // Lex Russica. 2014. № 9. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-politsii-i-institutov-grazhdanskogo-obschestva-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-tseli-printipy-tipy-i-formy> (date of the application 23.05.2024).
10. Naumova A.V. Legal basis of the activities of people's brigades in ensuring public order protection / A.V. Naumova // Gaps in Russian legislation. 2016. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-deyatelnosti-narodnyh-druzhin-v-obespechenii-ohrany-obschestvennogo-poryadka> (date of the application 23.05.2024).
11. Nizhnik N.S. Police and civil society: searching for the vector of interaction / N.S. Nizhnik // Police activities. 2018. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politsiya-i-grazhdanskoe-obschestvo-poisk-vektora-vzaimodeystviya> (date of the application 23.05.2024).
12. Fedin F.O. Development of an information system for maintaining registers of public associations of fire protection and volunteer firefighters / F.O. Fedin, S.V. Chiskidov // Scientific and educational problems of civil defense. 2016. № 1(28). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-informatsionnoy-sistemy-dlya-vedeniya-reestrov-obschestvennyh-obedineniy-pozharnoy-ohrany-i-dobrovolnyh-pozharnykh> (date of the application 23.05.2024).
13. Cherenkov A.N. Public organizations of law enforcement orientation in Russia (emergence and development) / A.N. Cherenkov // Administrative and municipal law. 2020. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyye-organizatsii-pravoohranitelnoy-napravlenosti-v-rossii-vozniknovenie-i-razvitiye> (date of the application 23.05.2024).

Информация об авторе

Митина Елена Сергеевна

аспирантка,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при президенте Российской Федерации;
начальник отдела договорной и правовой работы,
Бюджетное учреждение Орловской области
«Межрегиональное бюро
технической инвентаризации»
hellen-81@inbox.ru

Elena S. Mitina

Postgraduate Student,
Russian Academy of National Economy
and Public Administration
under the President of the Russian Federation;
Head of the Department of Contractual and Legal Work,
Budgetary Institution of the Orel region
«Interregional Bureau of Technical Inventory»
hellen-81@inbox.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-44>
УДК 343.9

Attribution
cc by

ЗНАЧЕНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ ПСИХОЛОГИИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

Наседкин Ю.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются психологические детерминанты, которых необходимо придерживаться прокурору, поддерживающему государственное обвинение. С учетом законодательства, научной литературы и судебной практики было определено целевое назначение достижений юридической психологии, а также перечень тактико-психологических приемов, необходимых для качественного поддержания обвинительной позиции. Была рассмотрена категория ложных показаний, полученных при допросе в суде и характерные признаки проявления лжесвидетельствования на практике. В ходе исследования был использован метод сравнительного анализа, моделирования, классификация. В результате проведенного исследования были выявлены основные психологические качества и характеристики присущие прокурору, поддерживающему государственное обвинение в суде, а также обозначены основные приемы, используя которые прокурор имеет возможно в рамках основных принципов уголовного судопроизводства осуществлять свои функции.

Ключевые слова: уголовный процесс, государственное обвинение, стадия судебного следствия, психолого-тактические приемы.

THE IMPORTANCE OF THE ACHIEVEMENTS OF PSYCHOLOGY FOR THE PUBLIC PROSECUTOR IN THE JUDICIAL INVESTIGATION

Yuriy V. Nasedkin

Kuban State University

Abstract. In this article, the author examines the psychological determinants that must be adhered to by the prosecutor supporting the state prosecution. Taking into account the legislation, scientific literature and judicial practice, the purpose of the achievements of legal psychology was determined, as well as a list of tactical and psychological techniques necessary for the qualitative maintenance of the accusatory position. The category of false testimony obtained during interrogation in court and the characteristic signs of perjury in practice were considered. In the course of the study, the method of comparative analysis, modeling, and classification was used. As a result of the conducted research, the main psychological qualities and characteristics inherent in the prosecutor who supports the state prosecution in court were identified, and the main techniques using which the prosecutor is able to carry out his functions within the framework of the basic principles of criminal proceedings were identified.

Keywords: criminal trial, state prosecution, stage of judicial investigation, psychological and tactical techniques.

Введение.

Этап судебного следствия несет за собой главную цель для прокурора – представить и провести исследование доказательств в самом суде. Здесь прокурор, поддерживающий государственное обвинение, располагая знаниями криминалистики и психологии, должен смоделировать план по непосредственному подтверждению своей позиции по делу. То есть, государственный обвинитель моделирует все возможные действия, как свои, так и стороны защиты, чтобы успешно преодолеть существующее противодействие, по исходу которого суд вынесет приговор.

В ходе этого именно возможность «склонить суд на свою сторону» и дает представление о компетентности и эффективности деятельности прокурора или адвоката в производстве по уголовному делу.

Психологические качества государственного обвинителя играют важную роль в успешном осуществлении правосудия и обеспечении законности. Одним из ключевых аспектов является его эмоциональная устойчивость. Государственному обвинителю необходимо умение контролировать свои эмоции, оставаясь спокойным и объективным в сложных ситуациях с высокой степенью напряжения.

Другим важным качеством является эмпатия и понимание психологии преступников. Глубокое понимание мотивов и поведения преступников помогает государственному обвинителю эффективно вести дело и формулировать обвинения наиболее убедительным образом.

Также, важным психологическим качеством является аналитический склад ума. Государственный обвинитель должен обладать способностью критически мыслить, анализировать факты и деловые ситуации, а также принимать обоснованные решения на основе имеющихся данных.

Общительность и навыки коммуникации также играют важную роль для государственного обвинителя, поскольку он должен уметь эффективно взаимодействовать с различными сторонами - от следственных органов до суда и заинтересованных сторон.

В ходе данного исследования было выявлено несколько проблем, которые требуют детального рассмотрения с точки зрения психологического аспекта:

1. Необходимые личные психологические качества и навыки прокурора, поддерживающего государственное обвинение.

2. Психологические приемы, используемые государственным обвинителем во взаимодействии с участниками уголовного судопроизводства.

Изучение и понимание данных психологических проблем имеет важное значение для разработки программ поддержки и профилактики для сотрудников, занимающихся государственным обвинением, с целью сохранения их психологического благополучия и эффективности в работе.

Поэтому стоит разобраться в наборе психологических качеств и навыков, а также в структуре психологических средств и приемов, которыми, на наш взгляд, обязательно должен владеть государственный обвинитель.

Обсуждение.

Выполняя функцию поддержания обвинения в суде, прокурор нередко сталкивается с трудностью внутреннего восприятия своей ролевой сути данной деятельности. Это связано с двойственностью позиции прокурора в уголовном судопроизводстве.

С одной точки зрения, согласно норме закона (ч. 1 ст. 37 УПК РФ), прокурор осуществляет уголовное преследование в суде [1]. Поэтому государственный обвинитель должен приложить все усилия, чтобы подсудимый, чья вина устанавливается в ходе судебного производства, получил справедливое наказание.

Вторая же позиция указывает целевой характер его деятельности – обеспечение законности и обоснованности обвинения, а также его объек-

тивности и беспристрастности [2]. Это выражается в обязанности прокурора выступать как государственный обвинитель, но при этом и как субъект, оценивающий все собранные доказательства виновности подсудимого.

Если в процессе анализа доказательств прокурор приходит к выводу о том, что представленные улики не подтверждают обвинение, выдвинутое подсудимому, то в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, он заявляет об отказе от обвинения.

Данный факт может породить ролевой конфликт, в связи с чем, у прокурора может возникнуть психологическое напряжение, сопровождающееся желанием сменить свою изначально сформированную позицию на другую. В большинстве случаев, выраженных на практике, прокурор занимает обвинительную позицию. В науке данное явление характеризуется А.Д. Назаровым как обвинительный уклон, в ходе которого возникает риск появления ошибок в уголовном судопроизводстве [3].

Обвинительный уклон, по мнению Е.А. Петровой, можно охарактеризовать как социальную установку, которая проявляется в предрасположенности субъекта ещё на этапе судебного разбирательства воспринимать и оценивать любого подсудимого как лицо, безусловно совершившее вменяемое ему преступление. [4]. Данная психологическая особенность подразумевает собой последствие профессиональной деформации субъекта, в ходе работы, сопровождающейся постоянным стрессом, эмоциональными нагрузками негативного характера и связанной взаимодействием с преступностью, а именно – направленную на борьбу с ней.

В ходе выявленной проблемы необходимо основательно подходить к осознанию функции установления истины по делу. Прокурору психологически трудно идти против себя, поскольку ранее он лично утвердил обвинительное заключение, тем самым одобрив работу следствия и буквально поставив под ней свою подпись. Не менее, а то и более сложно противоречить воле начальника в ситуации, когда обвинительное заключение подписал вышестоящий прокурор (которого при отказе от обвинения необходимо аргументированно переубедить).

Государственный обвинитель должен стремиться к установлению истины и торжеству закона, а не руководствоваться ведомственными интересами. Эти причины, наряду с другими факторами, определяют широкую распространённость «обвинительного уклона» в деятельности прокуратуры, за что её, к сожалению, критикует общественность [5].

Переходя к психологическим приемам, необходимым для действенного выполнения своих функций, государственный обвинитель должен понимать, что его выступление создает первоначальную картину произошедшего виновного дея-

ния, которая и играет весомую роль в конечном вынесении приговора судьей, так как, согласно уголовно-процессуальному закону, первой исследование доказательств начинает сторона обвинения, поэтому прокурор, досконально изучивший обвинительную позицию следствия, проверивший ее на наличие недопустимых ошибок и согласившийся к ее поддержанию, должен иметь представление о различных психологических особенностях изложения материалов дела суду.

Опираясь на структуру судебного следствия, хотелось бы выделить некоторые приемы, которые, на наш взгляд, могут оказать неотъемлемое воздействие на участников уголовного судопроизводства по убеждению в истинности обвинительной позиции.

Процесс исследования доказательств должен быть сконструирован обвинителем планомерно и в логическом порядке от сильного к слабому. Тем самым, государственный обвинитель будет формировать у участников логическое внутреннее убеждение по факту рассматриваемого дела.

Для государственного обвинителя в судебном следствии важна психологическая готовность по распознанию и пресечению лжи в показаниях участников судебного производства.

Показания допрашиваемых лиц в суде – категория довольно «сомнительная» [6]. Закон дает возможность допрашиваемым отказаться от показаний, ранее данных на стадии предварительного следствия, либо изменить их, руша уже сконструированную структуру обвинительной позиции. Государственный обвинитель должен быть готов к данным обстоятельствам и, опираясь на знания психологии допроса, отсеять факты, способные удалить судебное следствие от истины по делу.

Прокурор должен осуществлять допрос на основе вопросительных предложений, простого и доступного содержания. При этом стоит понимать, что односложные ответы недопустимы, так как допрашиваемый должен показать открытость своей речи, ее эмоциональный окрас. Однако допрос не должен стать демагогией, в ходе которой будет осуществляться поток ненужной суду информации. Иначе возникает возможность появления лжи в показаниях. Поэтому конструкция допроса государственным обвинителем должна постепенно вести по ходу исследования явления не с одной стороны, а под разными углами. Постепенно расширять картину уже установленного факта.

Вот здесь может и возникнуть угроза появления лжи. Необходимо обратить внимание на реакции организма допрашиваемого. Если он говорит неправду, то возможны такие психологические реакции организма как мондраж, заикание, неуверенность в речи, бледнота, в ходе чего, прокурор может попытаться произвести картину описываемых событий с другой точки зрения, с

уточнением, детализацией и сопоставлением контрольных вопросов. Главное, чтобы оба пути допроса вели к одному доказательственному факту.

Если допрашиваемый лжет, то его речь будет запутанной, бледной по окрасу, скорее сухой, как выученные заранее фразы. Память человека устроена таким образом, что мы можем воспроизвести то, что происходило с нами наяву легче, порой детализировано, вне зависимости от прошедшего временного промежутка. А в случае выдуманной информации, факты перемешиваются, появляются несостыковки.

Неотъемлемым фактором при проведении допроса в суде выступает знание психологической характеристики допрашиваемого. Ведь, поведение человека может зависеть от личных качеств и характеристик. Ими являются темперамент, характер, процесс социализации, эмоциональные потрясения и переживания. Поэтому государственный обвинитель в ходе использования манипуляций с вопросами, должен иметь представление о реакциях допрашиваемого лица, обычно которые могут быть получены в ходе получения показаний на стадии предварительного следствия.

Результаты.

В ходе исследования и общего анализа можно обозначить примерный перечень психологических приемов, которыми государственный обвинитель может пользоваться в судебном следствии.

1. В ходе допроса (вне зависимости от его категории) можно выделить:

а) уточнение (прием подразумевает собой представление вопросов допрашиваемому, в ходе которого акцент делается на получение информации о частных моментах – времени, месте, последовательности действий и т.д.);

б) напоминание (цель приема в воспоминании допрашиваемым отдельных фактов, однако без использования наводящих вопросов);

в) сопоставление (ориентирован на устранение противоречия показаний другим доказательствам);

г) контроль (прием применяется при необходимости выявления побочных событий для проверки истинности показаний в целом);

д) наглядность (прием направлен на вызывание у допрашиваемого ассоциативного ряда воспоминаний при наглядном предъявлении доказательственных фактов).

Одним из основных психологических приёмов, используемых государственным обвинителем, является аргументация. Государственный обвинитель должен представить суду убедительные

доказательства виновности подсудимого. Для этого он должен тщательно изучить материалы дела, выявить слабые места в позиции защиты и подготовить контраргументы. Аргументация должна быть логичной, последовательной и основанной на фактах.

Государственный обвинитель также может использовать психологический анализ личности подсудимого. Это позволяет ему понять мотивы и цели подсудимого, а также предсказать его поведение в суде. Психологический анализ может помочь государственному обвинителю выбрать наиболее эффективную тактику ведения дела.

Важным психологическим приёмом, используемым государственным обвинителем, является «создание образа». Государственный обвинитель формирует свой образ в глазах участников процесса, который может повлиять на их отношение к нему и его позиции. Он может демонстрировать уверенность, профессионализм, объективность и справедливость, что создаёт впечатление надёжности и авторитетности. Создание образа должно быть основано на реальных качествах государственного обвинителя и соответствовать его профессиональным обязанностям.

Кроме того, государственный обвинитель может использовать такие психологические приёмы, как «установление контакта», «активное слушание», «использование невербальных сигналов» и другие. Эти приёмы позволяют государственному обвинителю установить доверительные отношения с участниками процесса, лучше понять их мотивы, эмоции и ожидания, а также создать атмосферу взаимопонимания и сотрудничества.

Ещё одним важным психологическим приёмом является «эмоциональное воздействие». Госу-

дарственный обвинитель может использовать эмоциональное воздействие для усиления своей аргументации и убеждения суда. Например, он может выразить свою озабоченность судьбой потерпевшего или подчеркнуть важность соблюдения закона для поддержания порядка в обществе. Эмоциональное воздействие должно быть умеренным и соответствовать этическим нормам.

Заключение.

В заключение следует прийти к выводу о том, что психологические приёмы играют важную роль в деятельности государственного обвинителя. Они позволяют ему эффективно представлять свою позицию в суде, убеждать участников процесса в своей правоте и добиваться справедливого решения. Однако использование психологических приёмов должно быть законным и этическим.

Для успешного выполнения своих функций государственный обвинитель должен использовать различные психологические приёмы, которые позволяют ему воздействовать на участников процесса и убеждать их в своей правоте.

Чтобы суд принял позицию обвинения, прокурор должен создать условия ему доверять. Нравственность, надёжность, открытость и объективность в действиях государственного обвинителя, на наш взгляд, позволяют суду (в частности присяжным заседателям) благосклонно отнестись к мнению стороны обвинения. Тактичное, уважительное и вежливое отношение к участникам судебного процесса даст возможность установить с ними психологический контакт. Ведь, стоит помнить, что прокурор является представителем государства, а не лицом, в чьих руках заключена власть.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481
2. Тугутов Б.А. Классификация полномочий прокурора в суде по уголовным делам / Б.А. Тугутов, Д.И. Прушинский // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3. С. 88.
3. Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве / А.Д. Назаров // Актуал. проблемы рос. права. 2015. № 9(58). С.149–154.
4. Петрова Е.А. Психологические детерминанты обвинительной установки и эффективность судопроизводства : дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
5. Медведева С.В. Обвинительный уклон в уголовном процессе: проблемы правоприменения / С.В. Мед-

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

- ведева, М.А. Ментюкова, А.М. Попов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № (3). С. 137–141.
6. Софронов Ю.В. Выявление лжи в судебном процессе / Ю.В. Софронов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 2(77). – С. 232–236.
 7. Малянова К.П. Тактика выявления ложных показаний при проведении допроса / К.П. Малянова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4(16). С. 60–66.
 8. Исаенко В.Н. Тактико-психологические аспекты представления прокурором доказательств в суде с участием присяжных заседателей / В.Н. Исаенко // КриминалистЪ. 2018. № 2(23). С. 18–22.
 9. Ильтуганова Е.Ю. Тактические основы предъявления доказательств государственным обвинителем на стадии судебного следствия / Е.Ю. Ильтуганова // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 9(85). С. 132–136.
 10. Карелина Н.Л. Исследование доказательств в судебном следствии с участием присяжных заседателей: тактико-психологический аспект / Н.Л. Карелина // Глаголь правосудия. 2019. № 2(20). С. 71–73.
 11. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник. 2-е изд., перераб. М. : Норма: ИНФРА-М, 2024.
 12. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология : учеб. для вузов / Г.Г. Шиханцов; Отв. ред. В.А. Томсинов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак. М. : Зерцало, 1998.

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12/18/2001 № 174-FZ (as amended on 05/29/2024) // SPS «ConsultantPlus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481
2. Tugutov B.A. Classification of the powers of a prosecutor in a criminal court / B.A. Tugutov, D.I. Prushinsky // Siberian Legal Bulletin. 2019. № 3. P. 88.
3. Nazarov A.D. Accusatory bias in the activities of subjects conducting criminal proceedings as a factor contributing to the appearance of errors in criminal proceedings / A.D. Nazarov // Actual. problems of the Russian law. 2015. № 9(58). P. 149–154.
4. Petrova E.A. Psychological determinants of the accusatory attitude and the effectiveness of judicial proceedings : dis. ... cand. Psychological sciences. M., 2003.
5. Medvedeva S.V. Accusatory bias in criminal proceedings: problems of law enforcement / S.V. Medvedeva, M.A. Mentuykova, A.M. Popov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № (3). P. 137–141.
6. Sofronov Yu.V. Revealing lies in court proceedings / Yu.V. Sofronov // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2019. № 2(77).
7. Malianova K.P. Tactics of detecting false testimony during interrogation / K.P. Malianova // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2020. № 4(16). P. 60–66.
8. Isaenko V.N. Tactical and psychological aspects of the prosecutor's presentation of evidence in court with the participation of jurors / V.N. Isaenko // Criminologist, 2018. № 2(23). P. 18–22.
9. Iltuganova E.Yu. The tactical basis for the presentation of evidence by the public prosecutor at the stage of judicial investigation / E.Yu. Iltuganova // Skif. Student science issues, 2023. № 9(85). P. 132–136.
10. Karelina N.L. The study of evidence in a judicial investigation with the participation of jurors: the tactical and psychological aspect / N.L. Karelina // Verb of justice. 2019. № 2(20). P. 71–73.
11. Enikeev M.I. Legal psychology. With the basics of general and social psychology : textbook. 2nd ed., reprint. M. : Norm: INFRA-M, 2024.
12. Shikhantsov G.G. Legal psychology : textbook for universities / G.G. Shikhantsov; Ed. by V.A. Tomsinov; Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Legal fact. M. : Zertsalo, 1998.

Информация об авторе

Наседкин Юрий Вячеславович
аспирант юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
nasedkin.yuriy.98@mail.ru

Yuriy V. Nasedkin
Postgraduate Student at the Faculty of Law
named after A.A. Khmyrova,
Kuban State University
nasedkin.yuriy.98@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-16>

УДК 347.6

Attribution

cc by

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Непомнящий П.А.

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и перспективы идентификации наследодателя цифровых прав. Цель: изучить текущее состояние проблем и предложить авторское мнение о перспективах их разрешения. Методы: анализ, синтез, обобщение и систематизация научных, а также нормативно-правовых источников. Результаты: существующие методы и способы идентификации позволяют в ряде случаев деанонимизировать и устанавливать принадлежность криптовалют конкретным лицам. Единые системы биометрических данных, авторизации и аутентификации позволяют легитимировать и упростить процедуру идентификации. Выводы: следует законодательно закрепить общие принципы идентификации пользователей информационных систем, а также более глубоко исследовать и внедрять новые методики идентификации наследодателей цифровых прав.

Ключевые слова: гражданское право, наследование цифровых прав, цифровые права, идентификация пользователя, информационные системы.

IDENTIFICATION OF THE TESTATOR OF DIGITAL RIGHTS

Pavel A. Nepomnyashchy

Saratov State Law Academy

Abstract. The article discusses the problems and prospects of identifying the testator of digital rights. Purpose: to study the current state of the problems and offer the author's opinion on the prospects for their resolution. Methods: analysis, synthesis, generalization and systematization of scientific and regulatory sources. Results: existing identification methods and methods allow in some cases to deanonymize and establish the ownership of cryptocurrencies to specific individuals. Unified systems of biometric data, authorization and authentication allow you to legitimize and simplify the identification procedure. Conclusions: it is necessary to legislate the general principles of identification of users of information systems, as well as to investigate and implement new methods of identification of testators of digital rights in more depth.

Keywords: civil law, inheritance of digital rights, digital rights, user identification, information systems.

Введение.

Не так давно цифровые права получили свое законодательное регулирование в Гражданском кодексе Российской Федерации [1]. Проблемы их наследования активно изучаются учеными-цивилистами и практиками, но единого мнения по поводу их разрешения в доктрине не выработано.

Одним из препятствий при осуществлении права наследования цифровых прав является проблема идентификации наследодателя [2, с. 360]; то есть, процедура посмертного установления принадлежности соответствующего цифрового объекта конкретному лицу.

В рамках исследования, автор рассматривает цифровые права шире, чем это установлено законом; и помимо цифровых финансовых активов, а также утилитарных цифровых прав на краудфандинговых платформах, причисляет к данному виду объектов гражданского права

учетные записи, аккаунты, доменные имена, криптовалюты, невзаимозаменяемые токены и иные имущественные права, которые возникают, осуществляются и прекращаются в автоматизированной информационной системе и имеют имущественную ценность.

В статье предпринята попытка определить эффективный механизм внесудебной и судебной идентификации владельца цифровых прав в контексте их наследования.

Обсуждение.

В некоторых странах существуют трансграничные системы и национальные стратегии идентификации в глобальной сети [3]. В России такой нормативно-правовой акт отсутствует, в связи с чем, вопросы цифровой идентификации разрешаются в индивидуальном порядке.

В ряде случаев, российское законодательство возлагает на операторов распространения ин-

формации в сети интернет обязанность по идентификации пользователей по абонентскому номеру оператора подвижной радиотелефонной связи [4], но, в контексте цифровых прав, данное правило практически не работает.

Несмотря на распространенное в науке мнение о необходимости формирования систем обязательной идентификации в сети Интернет [5], национальные правила идентификации могут оказаться неэффективными ввиду трансграничного характера деятельности большинства информационных систем, в которых возникают, осуществляются и прекращаются цифровые права.

При указании идентификаторов цифрового права в завещании, а также в случае сообщения наследодателем ключей доступа к информационной системе в закрытом завещании проблем в получении у нотариуса свидетельства о праве на наследство возникать не должно. Однако оператор информационной системы может не передать цифровое право во владение наследнику по ряду причин, среди которых:

- наличие запрета на наследование цифрового права в пользовательском соглашении;
- невозможность идентификации личности наследодателя как владельца цифрового права при указании им в регистрационной карточке недостоверных сведений о себе;
- отказ наследодателя от прохождения процедуры подтверждения личности после регистрации в информационной системе.

Представляется, что в таких случаях, а также в случае отказа нотариуса в выдаче свидетельства о праве на наследство, наследникам следует воспользоваться правом на судебную защиту нарушенных прав и законных интересов, допустимыми и относимыми доказательствами устанавливая принадлежность цифрового права наследодателю. При рассмотрении таких споров требуются специальные технические познания в сфере информационных технологий, целесообразно назначение судебной компьютерной экспертизы.

Следует отметить, что эксперт не вправе самостоятельно собирать доказательства. Сторонам спора, а иногда и третьим лицам при содействии суда, следует их предоставить в материалы дела в надлежащей форме до назначения судом экспертизы.

Некоторые проблемы цифровой идентификации в настоящее время разрешаются проще, если наследодатель использовал для регистрации и авторизации в информационных системах подход «одно лицо – одна идентичность», то есть единую систему идентификации [6, с. 91]. Примерами таких систем являются сервисы авторизации VK ID и Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечива-

ющей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Оператор подобного сервиса способен сообщить заинтересованному лицу не только информацию о регистрации и авторизациях пользователя этого сервиса, но и предоставить необходимые для идентификации сведения о соответствующем пользователе иных информационных систем с интегрированным единым сервисом авторизации.

Наибольшую сложность представляет идентификация наследодателя криптовалют и иных цифровых прав, существующих в информационных системах, сконструированных на основе технологии блокчейн в ее децентрализованной форме, так как у такой системы, во-первых, отсутствует оператор, и, во-вторых, пользователи регистрируются и осуществляют транзакции анонимно. Тем не менее, в науке выработан механизм идентификации владельцев криптокошельков с использованием сервисов-обозревателей блокчейна, например, blockchair.com, tokenview.com и blockchain.com, с применением эвристического метода, кластерного анализа и системы анализа графов [7, с. 104].

Важную роль в процессе идентификации наследодателя цифровых прав играет концепция цифрового следа. Деятельность пользователя социальных сетей и других цифровых прав оставляет уникальные информационные отпечатки в сети интернет, например, фотоизображения, видеоматериалы, адреса электронной почты, абонентские номера, идентификаторы различных учетных записей. Такие следы делятся на пассивные, то есть оставляемые в глобальной сети без ведома и согласия пользователя, и активные, которые владелец цифровых прав добровольно указал и распространил в интернете [8, с. 4]. Более того, соответствующие цифровые следы могут содержаться в компьютерах и иных устройствах наследодателя, а также на материальных носителях информации, содержащих ключи доступа к информационным системам (токены). Наличие и значение таких цифровых данных для идентификации наследодателя цифровых прав сложно установить лицу, не обладающему специальными познаниями в сфере информационных технологий. Соответственно, устройства, носители информации и ключи доступа следует предоставить для анализа специалисту или эксперту в соответствующей технической сфере.

До момента появления и распространения технологии подделки личности «deep fake» одним из самых достоверных способов идентификации пользователя считался анализ и сопоставление биометрической информации [9, с. 258].

В России на законодательном уровне установлены требования к идентификации и аутентификации физических лиц с использованием био-

метрических персональных данных, а также существует единая биометрическая система в форме государственной информационной системы [10]. Развитие данного сервиса, по мнению автора, в дальнейшем способно значительно упростить процесс идентификации наследодателя цифровых прав.

Также, идентификация наследодателя цифровых прав может быть произведена на основании письменного ответа оператора соответствующей информационной системы на запрос нотариуса или суда. Подробное указание в таком ответе на предоставленные пользователем при регистрации и последующих авторизациях сведения в своей совокупности позволяют сопоставить личность наследодателя с содержащейся в цифровой системе информацией.

Результаты.

По результатам исследования автор отмечает, что процесс идентификации наследодателя цифровых прав осложнен отсутствием современного правового регулирования и необходимостью применения специальных познаний в сфере информационных технологий. Регламентация данной процедуры на национальном уровне не принесет должного результата ввиду трансграничности большинства информационных систем. В сложных случаях идентификации целесообразно применять концепцию цифрового следа, складывая отдельные фрагменты цифровых отпечатков в единое целое. Развитие еди-

ных систем биометрических данных, авторизации и аутентификации, а также добросовестное поведение операторов информационных систем способствуют упрощению и легитимации процедуры идентификации наследодателя цифровых прав.

Заключение.

Исследование показало, что современная наука и техника позволяют идентифицировать даже владельцев криптовалют в анонимных децентрализованных информационных системах, спроектированных на основе технологии распределенного реестра (блокчейн).

Отсутствие законодательно установленных критериев оценки достаточности и качества сведений, позволяющих идентифицировать владельца цифровых объектов, указывает на преимущественно судебную форму осуществления права наследования цифровых прав.

Институт наследования цифровых прав нуждается в ускоренном развитии единой системы идентификации и аутентификации, а также выявлении учеными новых и совершенствовании существующих методик идентификации пользователей информационных систем.

Целесообразно на законодательном уровне закрепить общие принципы идентификации владельцев цифровых прав, не углубляясь в подробную регламентацию этого процесса.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Федеральный закон от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.03.2019 г. № 12. Ст. 1224.
2. Вавилин Е.В. Наследование цифровых прав в России / Е.В. Вавилин // Права человека и политика права в XXI В.: перспективы и вызовы: Сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27–28 мая 2022 года. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2022. С. 354–364.
3. Касенова М.Б. Идентификация лиц в Интернете и киберпространство социальных сетей / М.Б. Касенова // Юрист. 2014. № 6. С. 32–36.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.
5. Черных А.В. К вопросу о проблеме наследования, раздела и принудительной реализации цифровых прав / А.В. Черных // Наследственное право. 2023. № 3. С. 19–21.
6. Данилов Н.А. Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети интернет после его смерти: сравнительно-правовое исследование / Н.А. Данилов, В.В. Силкин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 1. С. 86–101.
7. Гаврилин Ю.В. Установление личности владельцев цифровой валюты: методологические основы / Ю.В. Гаврилин, И.С. Бедеров // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4(60). С. 101–108.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

8. Гладиллина И.П. Экономические аспекты защиты информации в рамках концепции «цифровой след» / И.П. Гладиллина, М.Ю. Погудаева, С.А. Сергеева // Финансовые рынки и банки. 2022. № 10. С. 3–7.
9. Кузнецова С.С. Биометрическая идентификация в Интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом / С.С. Кузнецова, А.Н. Мочалов, М.С. Саликов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 257–267.
10. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. № 1 (Ч. I). Ст. 19.

References:

1. Federal Law № 34-FZ of 18/03/2019 «On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03/25/2019. № 12. Article 1224.
2. Vavilin E.V. Inheritance of digital rights in Russia / E.V. Vavilin // Human rights and the politics of law in the XXI Century: prospects and challenges: A collection of scientific papers on the results of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation, Moscow, May 27–28, 2022. Saratov : Publishing house «Saratov source», 2022. P. 354–364.
3. Kasenova M.B. Identification of persons on the Internet and cyberspace of social networks / M.B. Kasenova. // Lawyer. 2014. № 6. P. 32–36.
4. Federal Law № 149-FZ of 07/27/2006 (ed. from 12.12.2023) «On information, information technologies and information protection» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07/31/2006. № 31 (Part 1). Art. 3448.
5. Chernykh A.V. On the issue of inheritance, division and enforcement of digital rights / A.V. Chernykh // Inheritance law. 2023. № 3. P. 19–21.
6. Danilov N.A. Legal regulation of access to information of an Internet user after his death: comparative legal research / N.A. Danilov, V.V. Silkin // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2021. № 1. P. 86–101.
7. Gavrilin Yu.V. Identification of owners of digital currency: methodological foundations / Yu.V. Gavrilin I.S., Bederov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4(60). P. 101–108.
8. Gladilina I.P. Economic aspects of information protection within the framework of the concept of «digital footprint» / I.P. Gladilina, M.Yu. Pogudaeva, S.A. Sergeeva // Financial markets and banks. 2022. № 10. P. 3–7.
9. Kuznetsova S.S. Biometric identification on the Internet: trends in legal regulation in Russia and abroad / S.S. Kuznetsova, A.N. Mochalov, M.S. Salikov // Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 476. P. 257–267.
10. Federal Law № 572-FZ of 12/29/2022 «On the Identification and (or) Authentication of Individuals using Biometric Personal Data, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 02.01.2023. № 1 (Part I). Art. 19.

Информация об авторе

Непомнящий Павел Андреевич
преподаватель кафедры гражданского права,
Саратовская государственная
юридическая академия
nep Pavel@mail.ru

Pavel A. Nepomnyashchy
Lecturer at the Department of Civil Law,
Saratov State Law Academy
nep Pavel@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-17>
УДК 342.6

Attribution
cc by

К ВОПРОСУ УТОЧНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Никулин Р.В.

Воронежский институт МВД России

Аннотация. Целью исследования является уточнение понятия «общественная безопасность» применительно к правоохранительной деятельности органов внутренних дел. В статье, общественная безопасность проанализирована с позиций социальной синергетики и уточнены уровни ее организации. Принимая общество как многоуровневую социальную систему с признаками синергетических свойств, можно прийти к выводу о том, что на каждом уровне ее организации существуют как общие угрозы безопасности сохранения стабильного и саморазвивающегося состояния социальной системы, так и действующие на более низких уровнях организации специфические угрозы. В этом контексте, общественная безопасность, является показателем устойчивости конкретной общественной формации, выражая ее социальную сущность. Или, иными словами, социальная сущность общественной безопасности отражает степень устойчивости конкретной общественной формации, как открытой диссипативной системы к угрозам ее целостности.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, общественная безопасность, национальная безопасность, обеспечение общественной безопасности, органы внутренних дел, угрозы общественной безопасности.

ON THE QUESTION OF CLARIFICATION OF THE CONCEPT OF PUBLIC SAFETY

Roman V. Nikulin

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The purpose of the study is to clarify the concept of public safety in relation to law enforcement activities of internal affairs bodies. In the article, public safety is analyzed from the standpoint of social synergetic and the levels of its organization are clarified. Taking society as a multi-level social system with signs of synergetic properties, we can come to the conclusion that at each level of its organization there are both general threats to the security of maintaining a stable and self-developing state of the social system, and specific threats operating at lower levels of the organization. In this context, public safety is an indicator of the stability of a particular social formation, expressing its social essence. Or, in other words, the social essence of public security reflects the degree of stability of a particular social formation, as an open dissipative system, to threats to its integrity.

Keywords: Law enforcement, public safety, national security, ensuring public safety, internal affairs bodies, threats to public safety.

Введение.

Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования деятельности правоохранительных органов в области обеспечения общественной безопасности в современных условиях. В частности, наличие юридико-лингвистической неопределённости понятийного аппарата в нормативных правовых актах, регулирующих рассматриваемый вид общественных отношений, не позволяет эффективно реализовывать организационно-правовой механизм по ее обеспечению.

Обсуждение.

По мнению А.М. Воронина: «Обеспечение общественной безопасности представляет одну из сложнейших теоретико-прикладных проблем,

которая по своей сущности носит глобальный характер и является в равной мере актуальной для отдельного человека, любого государства и мирового сообщества в целом» [1, с. 28].

«Сложность» применения этого, по сути, институционального понятия в практической правоохранительной деятельности осложняется еще и тем, что, несмотря на достаточное количество научно-прикладных исследований, до настоящего времени не существует общепринятого понятия «общественной безопасности» ни в научной среде, ни в среде правоприменителей.

По мнению автора, дуализм проблемы сложности определения рассматриваемого понятия связан, с одной стороны, с бытовой распространённостью смысловых составляющих термина, образованного такими базовыми общеупотребительными

© Никулин Р.В.

тельными понятиями как «общество» и «безопасность», а, с другой стороны, большим количеством научных исследований результатом которых стало уточнение рассматриваемых терминов в различной авторской смысловой интерпретации.

Автор, не претендуя на новаторское толкование понятийного аппарата в рассматриваемой области, считает необходимым уточнить его применительно к теме исследования. А именно – рассмотреть понятие «общественная безопасность» как объект правоохранительной деятельности, выделив существенные социальные и правовые свойства дефиниции, которые напрямую определяют организацию управленческого процесса в рамках компетенции органов внутренних дел. В связи с этим, предлагается проанализировать общественную безопасность с позиций социальной синергетики, выделив уровни ее организации.

Если представить «общественную безопасность» как систему более высокого порядка по отношению к элементам, ее образующим; то есть, к «обществу» и к «безопасности», то синергетический эффект нового качества системы «общественная безопасность» образуется нелинейным соединением качеств двух обозначенных подсистем.

Общество как сложная социальная система, в теории социологии, рассматривалась как современными российскими исследователями [2], так и учеными периода социализма [3], в том числе с позиции социальной синергетики [4].

Так Е.М. Николаева представляла социализацию как синергетический система-процесс, формирующий параметры порядка [5, с. 102].

А.К. Астафьев рассматривал общество как диссипативную систему, ориентированную на трансформизм (преобразование окружающей среды) [6, с. 11, с. 59].

В этой связи, важными свойствами общества, как синергетической системы, является ее открытость и диссипативность. В рассматриваемом контексте, под открытостью общества, как социальной синергетической системы, понимается наличие внешних источников, как необходимое условие существования неравновесных состояний, а под диссипативностью, по словам В. Фоменко: «факторы «естественного отбора», разрушающие все, что не отвечает тенденциям развития» [7].

Выделенные свойства синергетических социальных систем наиболее точно определяют, с одной стороны, процессы, несущие потенциальные угрозы целостности общества как системы, с другой стороны – способность общества к самоорганизации, то есть к нейтрализации процессов, угрожающих ее целостности.

Рост энтропии внутри сложных социальных систем, явление объективное, вызванное постоянным воздействием на открытую общественную систему факторов хаоса или, иначе говоря, раз-

личных угроз ее целостности. Причем, рост значимости любой угрозы до ее критических значений возможен до достижения точки бифуркации с последующей неопределенностью между разрушением системы или выходом ее на новый виток развития.

Понятие «безопасность» или его антонимическое значение – отсутствие опасности является одной из наиболее общих философских категорий, применяемых для описания состояния социальных систем, в том числе научными методами юриспруденции.

Редуцируя понятие «безопасность» (или опасности) на общественные системы, можно сделать вывод о том, что степень защищенности социальной системы от роста проявлений хаоса; то есть, различных угроз целостности общественной системы является признаком ее стабильности (гомеостаза) и показателем возможности дальнейшего саморазвития.

То есть, понятие «общественная безопасность», в самом широком смысле, при понимании под обществом – формы объединения людей, обладающих общими интересами, ценностями и целями, с позиции социальной синергетики можно сформулировать как состояние его защищенности от угроз, способствующих приближению его к точкам бифуркации.

Определяя общество как социальную систему, в целом, можно говорить о государстве, как о разновидности ее существования в частном случае.

А.В. Зырянов, рассматривая государство с позиции синергетической парадигмы, представлял его сложной, открытой, самоорганизующейся системой отношений – особой формой и механизмом организации по осуществлению власти общества с присущими данной организации, имеющими возможность универсального применения к процессам окружающего мира, законами и закономерностями становления, развития и функционирования [8, с. 8].

Государственные образования, в том числе Российская Федерация, также обладают признаками социальных систем, которым также присущи такие свойства синергетических систем, как открытость и диспозитивность.

Соответственно, общественная безопасность на уровне государства характеризует состояние его защищенности, как открытой диссипативной системы от угроз, способствующих приближению его к точкам неопределенности дальнейшего существования.

Ранее перечисленные потенциальные угрозы целостности социальных систем также могут быть реализованы по отношению к государственным и муниципальным образованиям; кроме того, помимо угрозы непосредственно обществу как социальной системе, потенциальными объектами реализации угроз безопасности целостности системы могут стать и другие существенные его признаки, такие как суверенность (включая территориальную целостность), пуб-

личная власть и население [9, с. 9]. На этом уровне организации общества появляются такие специфические угрозы его безопасности (как устойчивой системы), как: внешняя агрессия других государственных и трансгосударственных образований, социально-экономическая стагнация, несоблюдение общечеловеческих прав и свобод и т.д. При этом прохождение критических состояний государственной системы при критическом росте какой-либо угрозы его целостности способно привести к революционной смене государственного строя, или же к потере суверенитета, или же других признаков государства.

На более низком (чем государство) уровне организации общества могут находиться составные его части, обладающие в некоторых политических системах (например, в Российской Федерации) суверенными правами и набором признаков, дающих основания также считать их открытыми дисперсионными синергетическими социальными системами.

Применительно к Российской Федерации, такими, по мнению автора, являются субъекты Российской Федерации и муниципальные территориальные образования. Имея свой обособленный, законодательно закрепленный административно-правовой статус, данные образования также подвержены внешним угрозам безопасности их существования. При этом все вышеперечисленные угрозы для целостности общественных систем более высокого порядка характерны и актуальны для административно-территориальных образований федеральных субъектов и муниципалитетов. Например, Г.А. Аминов, проведя анализ пространственного распространения юрисдикции России, как федеративного государства, вводит понятие «налоговый федерализм», под которым он понимает систему принципов деятельности и разграничения компетенции между центральными, региональными и местными органами власти в сфере налоговых отношений [10, с. 20].

Результаты.

Таким образом, принимая общество как многоуровневую социальную систему с признаками синергетических свойств можно прийти к выводу, что на каждом уровне ее организации существуют как общие угрозы безопасности сохранения стабильного и саморазвивающегося состояния

социальной системы, так и действующие на более низких уровнях организации специфические угрозы.

В этом контексте, общественная безопасность является показателем устойчивости конкретной общественной формации, выражая ее социальную сущность. Или, иными словами, социальная сущность общественной безопасности отражает степень устойчивости конкретной общественной формации, как открытой диссипативной системы к угрозам ее целостности.

Анализируя, изложенные в Указе Президента [10] родовые признаки общественной безопасности, как составляющей национальной безопасности, с учетом специфичности объекта ее защиты, можно сформулировать понятие «общественная безопасность», как частного случая национальной безопасности в следующем виде (распространив ее на территориальные составляющие Российской Федерации): «Общественная безопасность» – это стояние защищенности общества, то есть степень его устойчивости и возможности саморазвития как открытой социальной системы, от угроз природного, социального и техногенного характера, при котором обеспечиваются гарантии реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, ее регионов и муниципальных территориальных образований.

Заключение.

Таким образом, нами уточнено понятие «общественная безопасность» применительно к теме исследования, что в дальнейшем позволит рассмотреть данное социальное явление в качестве объекта правоохранительной деятельности, выделив его существенные свойства дефиниции, которые напрямую определяют организацию управленческого процесса в рамках компетенции органов внутренних дел.

Кроме того, законодательное закрепление предложенного определения в федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» позволит снять юридико-лингвистическую неопределенность понятийного аппарата в отмеченном нормативном правовом акте.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Воронин А.М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения : автореф. дис. ... доктора юридических наук. М., 2005. С. 28.
2. См. например: Ляшева Ж.М. Общество как социальная система / Ж.М. Ляшева; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005; Владимиров А.А. Общество как социальная система: учебно-методическое пособие / А.А. Владимиров, А.В. Тиховодова. Н. Новгород : ВГАВТ, 2012; Лысков А.П. Социальная философия : учеб. пособие / А.П. Лысков; Российский гос. ун-т им. Иммануила Канта. Калининград : Изд-во Российского гос. ун-т им. Иммануила Канта, 2009; Бальчугов Б.А. Система законов самоорганизации человеческого общества как научный базис социального реинжиниринга : автореф. дис. ... доктора социологических наук. Рос. акад. естествен. наук. М., 2006.
3. См. например: Косолапов В.В. Основные закономерности и преимущества функционирования развитого социалистического общества как социальной системы и проблемы управления / В.В. Косолапов, В.Г. Шорин; Ин-т управления нар. хоз-вом. М. : ИУНХ, 1976; Ермолаева Л.П. Система социального управления как механизма реализации закономерностей социалистического общества : дис. ... кандидата философских наук. Рига, 1984. 186 с.
4. См. например: Ярославцева Е.И. Человек в перспективе сетевой парадигмы: опыт синергетического подхода / Е.И. Ярославцева; Российская акад. наук; Ин-т философии. М. : Динтер, 2007. 218 с.; Синергетическая парадигма: социальная синергетика / Г.А. Аванесова [и др.]; Отв. ред. В.В. Василькова; Российская акад. наук; Ин-т философии. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 688 с.
5. Николаева Е.М. Социализация личности: синергетический дискурс: опыт соц.-филос. исслед. / Е.М. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005 (Казань : Тип. Таглитат). 172 с. С. 102.
6. Астафьев А.К. Социальная синергетика : учеб. пособие / А.К. Астафьев, В.П. Бранский, К.М. Оганян; Под ред. К.М. Оганяна ; М-во образования и науки Рос. Федерации, С.-Петербург. гос. инженер.-экон. ун-т. СПб. : СПбГИЭУ, 2004 (ИзПК СПбГИЭУ). С. 11, 59.
7. Фоменко В. Синергетика и процессы развития социальных систем / В. Фоменко // Электронный научный семинар. URL : http://www.elektro№2000.com/fome№ko_0014.html
8. Зырянов А.В. Синергетический подход в научно-правовых исследованиях государства : автореф. дис. ... кандидата юридических наук. М., 2010. С. 8.
9. Бутурина Е.С. Население как признак государства : дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2002. С. 9.
10. Аминов Г.А. Налоги как признак государства : автореф. дис. ... кандидата юридических наук. М., 2012. С. 20.
11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021. № 27 (Часть II). Ст. 5351.

References:

1. Voronin A.M. Public security: administrative and information-legal problems of providing : abstract of the dis. ... doctor of law. M., 2005. P. 28.
2. See for example: Lyasheva Zh.M. Society as a social system / Zh.M. Lyasheva; Tambov State University. University named after G.R. Derzhavin. Tambov : TSU named after. G.R. Derzhavina, 2005; Vladimirov A.A. Society as a social system: educational manual / A.A. Vladimirov, A.V. Tikhovodova. N. Novgorod : VGAVT, 2012; Lyskov A.P. Social philosophy: textbook / A.P. Lyskov; Russian State University. University named after Immanuel Kant. Kaliningrad : Publishing house of the Russian state. University named after Immanuel Kant, 2009; Balchugov B.A. The system of laws of self-organization of human society as a scientific basis for social reengineering : abstract of dis. ... doctor of sociological sciences. Ros. acad. natural sci. M., 2006.
3. See for example: Kosolapov V.V. Basic patterns and advantages of the functioning of a developed socialist society as a social system and management problems / V.V. Kosolapov, V.G. Shorin; Institute of People's Management. Household. M. : IUNH, 1976; Ermolaeva L.P. The system of social management as a mechanism for implementing the laws of socialist society : dis. ... candidate of philosophical sciences. Riga, 1984. 186 p.
4. See for example: Yaroslavtseva E.I. Man in the perspective of the network paradigm: experience of a synergetic approach) / Elena Yaroslavtseva; Russian academician Sciences, Institute of Philosophy. M. : Dinter, 2007. 218 p.; Synergetic paradigm: social synergetics / G.A. Avanesova [et al.]; Executive editor V.V. Vasilkova ; Russian academician Sciences, Institute of Philosophy. M. : Progress-Tradition, 2009. 688 p.
5. Nikolaeva E.M. Socialization of personality: synergetic discourse: experience of social and philosophical. research. Kazan : Kazan publishing house. University, 2005 (Kazan : Type. Taglitmat). 172 p. P. 102.
6. Astafiev A.K. Social synergetics : tutorial / A.K. Astafiev, V.P. Bransky, K.M. Oganyan; Edited by K.M. Ohanyan; Ministry of Education and Science of Russia. Federation, St. Petersburg. state engineer-econ. univ. SPb. : SPbGIEU, 2004 (IzPK SPbGIEU). P. 11, 59.
7. Fomenko V. Synergetics and processes of development of social systems / V. Fomenko // Electronic scientific seminar. URL : http://www.elektro№2000.com/fome№ko_0014.html
8. Zyryanov A.V. Synergetic approach in scientific and legal research of the state : abstract of dis. ... candidate of legal sciences. M., 2010. P. 8.
9. Buturina E.S. Population as a sign of the state : dis. ... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2002. P. 9.

10. Aminov G.A. Taxes as a sign of the state: abstract of dis.. ... candidate of legal sciences. M., 2012. P. 20.
11. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 № 400 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/05/2021. № 27 (Part II). Art. 5351.

Информация об авторе

Никулин Роман Викторович
заместитель начальника
кафедры административной деятельности
органов внутренних дел,
Воронежский институт МВД России
nikromvik@yandex.ru

Roman V. Nikulin
Deputy Chief of the Department
of Administrative Activities
Internal Affairs Bodies,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
nikromvik@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-36>

УДК 343

Attribution

cc by

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

Норец М.В.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. Статья посвящена анализу уголовного законодательства стран ближнего зарубежья (Республика Беларусь, Грузия, Республика Азербайджан, Республика Казахстан), закрепляющего уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере недропользования. Актуальность данной работы обоснована необходимостью применения основ сравнительного правоведения при поиске путей реформирования современного отечественного уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере недропользования. В работе проанализированы особенности уголовно-правовой охраны отношений в сфере недропользования, характерные для стран ближнего зарубежья, выделены особенности конструирования зарубежными законодателями уголовно-правовых норм, устанавливающих запреты в области самовольной добычи полезных ископаемых, а также нарушений правил использования и охраны недр, проанализированы методики оценки причиненного преступлением ущерба. Рассмотрены особенности дифференциации деликтов в сфере недропользования, проанализированы основания и рациональность выделения законодательством квалифицированных составов преступлений в изучаемой сфере.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления в сфере недропользования, экологические преступления, уголовная ответственность, экологическая безопасность, уголовное законодательство зарубежных стран, ущерб, причиненный преступлением.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF NEAR ABROAD COUNTRIES IN THE FIELD OF PROTECTION OF SUBSOIL USE RELATIONS

Maria V. Norets

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. The article is devoted to the analysis of the criminal legislation of neighboring countries (the Republic of Belarus, Georgia, the Republic of Azerbaijan, the Republic of Kazakhstan), which establishes criminal liability for committing crimes in the field of subsoil use. The relevance of this work is justified by the need to apply the fundamentals of comparative law when searching for ways to reform modern domestic criminal legislation that protects relations in the field of subsoil use. The work analyzes the features of criminal law protection of relations in the field of subsoil use, characteristic of neighboring countries, highlights the features of the construction of criminal law norms by foreign legislators establishing prohibitions in the field of unauthorized mining of mineral resources, as well as violations of the rules for the use and protection of subsoil, and analyzes assessment methods damage caused by the crime. The features of differentiation of torts in the field of subsoil use are considered, the grounds and rationality of identifying qualified crimes in the area under study are analyzed by the legislator.

Keywords: criminal liability, crimes in the field of subsoil use, environmental crimes, criminal liability, environmental safety, criminal legislation of foreign countries, damage caused by a crime.

Введение. Развитие отношений «человека и природы», изначально имеющих эксплуатационный вектор, направленный на изъятие из природной среды всех необходимых для развития экономики ресурсов, с развитием научно-технических разработок был переосмыслен и к концу 20 века. В.П. Кашепов отмечает, что наибольшие изменения уголовное законода-

тельство о противодействии экологическим преступлениям претерпело в конце 20 – начале 21 века, переориентировав подход к оценке экологических правонарушений, ранее характеризовавшийся приоритетностью экономического интереса государства перед экологическим, рассматривающим природную среду в качестве «кладовой» сырьевых ресурсов [1]. Очевидной

стала необходимость реформирования сложившегося порядка антропогенного взаимодействия и взаимоотношений с природной средой, которая увенчалась состоявшейся в 1992 году Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД). В завершении конференции государствами-участниками была принята программа устойчивого экологического развития, заключенная в конвенции «Повестка дня на 21 век». В Главу 13 данного документа был включен подпункт «е» пункта 13.5, провозглашавший в качестве цели деятельности в области охраны и сохранения окружающей среды для всех стран – участников конференции «совершенствование координации региональных усилий по охране уязвимых горных экосистем посредством выявления надлежащих механизмов, включая региональные правовые и другие средства» [2].

Обсуждение. Дальнейшее развитие уголовного законодательства стран-участников форума, регулирующего экологические отношения, включающие в том числе и отношения в сфере недропользования, реформировалось и изменялось с учетом вектора «устойчивого развития», как указывает В.А. Коптюг с опорой на критерий, устанавливающий, что «никакая хозяйственная деятельность не может быть оправдана, если выгода от нее не превышает вызываемого ущерба, а ущерб окружающей среде должен быть на столь низком уровне, какой только может быть разумно достигнут с учетом экономических и социальных факторов» [3]. Программные заявления носили скорее идеологический характер и невозможность их полноценного внедрения очевидно отражается в уголовном законодательстве как большинства стран СНГ, так и стран более дальнего зарубежья.

Анализ уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере недропользования, действующего в странах СНГ иллюстрирует схожесть составов рассматриваемых преступлений, как в части построения уголовно-правового запрета, так и в части его расположения в структуре кодифицированного нормативно-правового акта, что свидетельствует об общности родового и видового объектов, охраняемых нормами уголовного закона в сфере недропользования. А.Л. Агабекян указывает, что в первую очередь такое «единообразие» обусловлено тем, что становление суверенного уголовного законодательства стран СНГ уходило в парадигмы, сформированные еще в советский период и в дальнейшем, по мере интеграции в международное пространство вело к деидеологизации и появлению различных подходов к урегулированию вопросов в области уголовной ответственности за экологические преступления [4].

Результаты. Так, Уголовный Кодекс Республики Беларусь (далее УК РБ) [5] охраняет отношения в сфере недропользования по средствам статьи 271, включающей единственный простой квалифицированный состав преступления. Бланкетная диспозиция, сформулированная законо-

дателем как «нарушение правил охраны недр», корреспондирует к Кодексу Республики Беларусь о недрах (далее Кодекс РБ о недрах) [6].

Состав сформулирован законодателем как материальный, обязательным признаком которого является причинение ущерба в размере, установленном пунктом 2 примечания к Главе 26 УК РБ в сумме «в двести пятьдесят и более раз превышающей размер базовой величины». В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь №944 от 27.12.2023 базовая величина установлена в размере 40 белорусских рублей [7], исходя из чего минимальной суммой причиненного вреда, формирующего состав уголовного преступления, является 10000 белорусских рублей.

Бланкетная фабула статьи 271 УК РБ корреспондирует к статьям 65 и 66 Кодекса РБ о недрах, устанавливающей требования в области рационального использования и охраны недр, а также рационального использования и охраны недр при застройке площадей залегания полезных ископаемых. Пункт 1.1 части 1 статьи 65 Кодекса РБ о недрах провозглашает недопущение самовольного пользования недрами. Таким образом, несмотря на достаточно общую формулировку фабулы статьи 271 УК РБ, бланкетная конструкция статьи предусматривает уголовную ответственность за преступные действия, которые могут выражаться в незаконной добыче содержащего недр, незаконной застройке полостей залегания содержащего недр, а также в умышленных или неосторожных действиях по нарушению правил охраны недр.

Важным дополнением, характеризующим экологическую сущность самовольной добычи недр, являются положения, установленные статьей 86 Кодекса РБ о недрах, провозглашающие требование о необходимости «приведения участков недр, нарушенных при самовольном пользовании недрами, в состояние, пригодное для их дальнейшего», по воле законодателя они осуществляются недропользователем, осуществлявшим незаконную добычу на основании решения суда или добровольно, до вынесения такого решения. Определяя меры уголовного наказания исходя из уровня общественной опасности деяния, УК РБ определяет преступления в сфере недропользования к категории «менее тяжких преступлений», которые в системе категоризации уголовного законодательства Республики Беларусь эквивалентны «преступлениям средней тяжести» в системе российского уголовного законодательства.

Уголовный кодекс Грузии (далее УК Грузии) [8] включает 2 статьи, предусматривающие ответственность за преступления в сфере недропользования: ст. 298 «нарушение правил использования или охраны недр» и ст. 299 «незаконное пользование недрами». Конструкция объективной стороны преступления, предусмотренная ст. 298 УК Грузии аналогична конструкции ч. 1

ст. 255 УК РФ, включает схожий перечень деяний. Уголовное законодательство Грузии предусматривает два дополнительных деяния – нарушение правил охраны и использования недр при реконструкции и ликвидации горнодобывающих предприятия, охватываемые в российском уголовном законодательстве термином «строительство», что скорее является особенностью юридической техники и не влияет на правоприменительную практику. Состав преступления также является материальным и предусматривает причинение значительного ущерба.

Ст. 299 УК Грузии включает в себя два материальных состава преступления, предусматривающих ответственность за «незаконное пользование недрами». Лаконичность построения факты состава преступления, проявляющегося в незаконном «пользовании», охватывающим такие деяния как разведка, добыча, геологическое изучение, дополняется обязательным условием причинения значительного ущерба. Криминообразующим признаком деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 299 УК Грузии, является неоднократность совершения противоправного деяния, установленного ч. 1 ст. 299 УК Грузии.

Все преступления в сфере недропользования, предусмотренные уголовным законодательством Грузии, отнесены к категории «менее тяжких преступлений», что свидетельствует о невысокой степени общественной опасности рассматриваемых деяний. Особый интерес представляет подход законодателя к определению субъектного состава преступлений в сфере недропользования. Глава 18 УК Грузии устанавливает основы ответственности юридических лиц за совершение уголовных правонарушений, в соответствии с положениями ст. 107.2 юридические лица подлежат привлечению к уголовной ответственности только случаях, прямо установленных статьями особенной части уголовного кодекса. В то же время, несмотря на специфику субъектов, совершающих преступления в сфере недропользования, которая зачастую выражается в том, что субъекты преступления являются лицами, осуществляющими управленческие функции в коммерческих организациях, основным видом деятельности которых является разведка и добыча полезных ископаемых, обладающих необходимой инфраструктурой для разработки месторождений, законодатель не счел необходимым расширять перечень субъектов преступлений, совершаемых в сфере недропользования.

Ч. 1 ст. 255 Уголовного кодекса Республики Азербайджан (далее – УК РА) [9] до степени смешения схожа с конструкцией состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК РФ. Однако положения ч. 2 ст. 255 УК РА вводят не встречавшиеся ранее в других юрисдикциях квалифицирующие признаки преступлений в сфере недропользования – если деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 255 повлекло по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие послед-

ствия. Дефиниция «иные тяжкие последствия» является неоднозначной и требует дополнительных пояснений. В рамках доктрины экологического права иными тяжкими последствиями могут признаваться ухудшение качества окружающей среды или состояния ее объектов, устранение которого требует длительного времени и больших финансовых и материальных затрат; уничтожение отдельных объектов; деградация земель и иные негативные изменения окружающей среды, препятствующие ее сохранению и правомерному использованию [10]. Введение рассмотренного квалифицирующего признака выглядит оправданным, учитывая сложное взаимодействие элементов экосферы, оказывающих друг на друга непрерывное влияние, причинение значительного или более интенсивного вреда в отношении одного из них: недр, почвы, атмосферного воздуха или водных объектов с наибольшей вероятностью повлечет негативные последствия в отношении остальных элементов экосистемы.

В уголовном законодательстве Республики Азербайджан отсутствуют специальные составы преступления, предусматривающие уголовную ответственность за самовольную добычу полезных ископаемых, данные деяния могут квалифицироваться в рамках составов преступлений, предусмотренных ст. 192.2 «незаконное предпринимательство» или ст. 177 «кража».

Особый интерес представляет уголовное законодательство в сфере недропользования Республики Казахстан. Статья 333 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее УК РК) [11] сконструирована законодателем как сложный альтернативный квалифицированный состав преступления. Объективная сторона преступления включает деяния по нарушению правил охраны и использования недр при проектировании и проведению операций по недропользованию, а также нарушение экологических требований на всех стадиях недропользования.

Охват объективной стороной состава преступления действий по нарушению экологических требований на всех стадиях процесса использования недр значительно расширяет круг общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране в рамках рассматриваемого состава преступления. М.М. Бринчук отмечает, что из всей совокупности экологических требований в правовом контексте должны учитываться те требования, которые касаются всей природы, как сложного интегрированного объекта использования и охраны. Ученый также указывает на тесную взаимосвязь между экологическими требованиями, источникам которых являются технические регламенты и законодательство в области охраны окружающей среды, и экологической экспертизой, направленной на предотвращение негативного антропогенного воздействия на окружающую среду, сущность которой является установление соответствия планируемой хозяйственной деятельности экологическим

стандартам [12]. Использование казахским законодателем формулировки «на всех стадиях недропользования» позволяет расширить круг охраняемых общественных отношений и выйти за пределы экологической экспертизы, проводимой в преддверии непосредственного начала работ по геологической разведке и разработке месторождения, распространив уголовный запрет на нарушение экологических требований на весь период осуществления недропользователем своей деятельности.

С точки зрения особенностей конструкции объективной стороны состав является материальным и включает три типа последствий, реализация как минимум одного из которых, является конструктивным признаком данного состава преступления – если деяние могло повлечь или повлекло причинение крупного ущерба или вред здоровью человека. Степень вреда, причиненного в результате преступления здоровью человека вреда законодателем не устанавливается, что не способствует единообразному применению уголовного закона.

Стремление современного законодательного регулирования к превенции нанесения крупного вреда экологическим системам, привело к включению в объективную сторону преступления альтернативного последствия совершенного деяния, имеющего вероятностный. Исходя из содержания уголовно-правовой нормы, квалификация деяния не имеет связи с тем, что преступление является неоконченным, а предусматривает, превалирующую вероятность наступления последствий в виде причинения крупного вреда, которые не наступили по обстоятельствам, не зависящим от лица этот вред причиняющего. Озадаченность вызывает оценочность и высокая степень субъективного усмотрения при определении вероятности наступления последствий, а также при квалификации преступления с применением признака данного признака, отсутствие единообразия при данной квалификации деяния в вопросе наличия действительно причиненного ущерба в значительном или меньшем размере, либо вообще его отсутствие и существование лишь определенной степени вероятности причинения крупного ущерба.

Вопрос оценки ущерба, причиненного преступлением в сфере недропользования, в силу бланкетного устройства нормы корреспондирует к ст. 79 Кодекса Республики Казахстан о недрах и недропользовании (далее Кодекс РК о недрах и недропользовании) [13]. Ч. 3 ст. 79 Кодекса РФ о недрах и недропользовании в качестве регулятора оценки причиненного преступлением экологического ущерба определяет Методику экономической оценки ущерба ресурсам недр [14]. Пункт 2 указанной Методики устанавливает, что экологический ущерб, причиненный преступлением компонентам природной среды включает в себя также возникшие экологические последствия, находящиеся в причинно-следственной связи с совершенным преступлением в сфере недропользования. Методика дифференцирует

подходы к оценке ущерба в зависимости от предмета – конкретного вида ресурса недр (полезных ископаемых), на который было направлено преступное деяние: твердые, общераспространенные, углеводороды. Оправданным выглядит также применение дополнительного параметра (п. 12 Методики) – значимости полезного ископаемого на территории области, где было совершено преступление, для оценки рыночной стоимости нерудных твердых полезных ископаемых, что позволяет более гибко оценить ущерб, причиненный преступлением, в зависимости от места совершения преступления и его фактической общественной опасности для отдельного региона.

Разъяснения в части размера ущерба, признаваемого крупным, дает п. 17 Постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О применении судами законодательства об ответственности за некоторые экологические уголовные правонарушения» [15] устанавливая крупным размером для цели части 1 рассматриваемой статьи «причинение такого экологического вреда, при котором стоимостное выражение затрат, необходимых для устранения экологического ущерба или восстановления потребительских свойств природных ресурсов, установлено в размере, превышающем одну тысячу месячных расчетных показателей», что в соответствии с Законом Республики Казахстан о республиканской бюджете на 2024–2026 год составляет 3692000 тенге (753681 рубль) [16]. Часть 2 рассматриваемой статьи содержит квалифицирующие признаки, свидетельствующие о нарастании общественной опасности преступного деяния, как в виде увеличения размера причиненного ущерба (особо крупный ущерб), так и в причинение более значительного вреда человеку – наступление смерти или массовое заболевание людей.

Статьей 334 УК РК предусмотрена ответственность за самовольное пользование недрами, а равно самовольную добычу полезных ископаемых, конструкция состава – материальная. Исходя из положений ч. 1 ст. 17 Кодекса РК о недрах и недропользовании термин «пользование» трактуется законодателем как использование недр в пределах горного отвода с целью осуществления предпринимательской деятельности, а «самовольная добыча полезных ископаемых» должна трактоваться в соответствии с прямым смыслом. Части 2 и 3 рассматриваемой статьи сложно квалифицированы и дифференцируют деяния в зависимости от размера причиненного ущерба (крупный и особо крупный), состава субъектов преступления (группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, преступной группой), факта неоднократности совершения однородного преступления (неоднократно), а также в зависимости от места совершения деяния, которое первично повышает общественную опасность совершаемого преступления (на особо охраняемых природных территориях).

Заключение. Подводя итог можно выделить черты, объединяющие юридическую технику и

подход к конструированию норм, применённые законодателями при конструировании уголовно-правовых норм, осуществляющих охрану отношений в сфере недропользования:

1. Включение законодателями в уголовные кодексы отдельных разделов, объединяющих уголовно-правовые нормы охраняющие экологическую безопасность и рациональное использование окружающей среды, четкое определение видовых и непосредственных объектов преступления в рамках доктрины об экологических преступлениях.

2. Отсутствие административной преюдиции, широко применяемой отечественным законода-

телем при уголовно-правового регулировании экологических отношений.

3. Вынесение составов преступлений о самовольной добыче полезных ископаемых за рамки, статьи уголовного кодекса, предусматривающего ответственность за нарушение правил охраны и использования недр.

4. Определение общественной опасности деликтов в сфере недропользования в рамках преступлений небольшой и средней тяжести, за исключением уголовного законодательства Республики Казахстан, в которых квалифицированные составы ч. 3 ст. 334 УК РК относятся к категории тяжких преступлений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кашепов В.П. Развитие законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления / В.П. Кашепов // Журнал российского права. 2012. № 6(186).
2. Повестка дня на 21 век. URL : <https://www.un.org/ru> (дата обращения 17.03.2024).
3. Коптюг В.А. Повестка дня на XXI век. Концепция устойчивого развития и социально-политические движения / В.А. Коптюг // Наука из первых рук. 2011. № 2(38).
4. Агабекян А.Л. Особенности развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства на постсоветском пространстве / А.Л. Агабекян // Уголовная юстиция. 2023. № 22.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь URL : <https://pravo.by>
6. Кодекс Республики Беларусь о недрах. URL : <https://pravo.by>
7. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 944 от 27.12.2023. URL : <https://miory.vitebsk-region.gov.by>
8. Уголовный кодекс Грузии. URL : <https://studylib.ru>
9. Уголовный кодекс Республики Азербайджан. URL : <https://online.zakon.kz>
10. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» от 18.10.2012 № 21. URL : <https://www.consultant.ru>
11. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL : <https://online.zakon.kz>
12. Бринчук М.М. Экологические требования – основа законов природы и общества / М.М. Бринчук // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 2(40).
13. Кодекс Республики Казахстан о недрах и недропользовании. URL : <https://online.zakon.kz> (дата обращения 05.05.2024).
14. Совместный приказ и.о. Министра индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан от 20 августа 2021 года № 457 и Министра энергетики Республики Казахстан от 23 августа 2021 года № 274. URL : <https://adilet.zan.kz> (дата обращения 05.05.2024)
15. Постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О применении судами законодательства об ответственности за некоторые экологические уголовные правонарушения» от 18.06.2004 № 1. URL : <https://adilet.zan.kz> (дата обращения 01.05.2024).
16. В соответствии с курсом тенге к рублю, установленному Банком России. URL : <https://cbr.ru> (дата обращения 23.05.2024).

References:

1. Kashepov V.P. Development of legislation on criminal liability for environmental crimes / V.P. Kashepov // Journal of Russian Law. 2012. № 6(186).
2. Agenda 21. URL : <https://www.un.org/ru> (date of the application 03/17/2024)
3. Koptuyug V.A. Agenda for the 21st century. The concept of sustainable development and socio-political movements // First-hand science. 2011. № 2(38).

4. Agabekyan A.L. Features of the development of criminal and penal legislation in the post-Soviet space / A.L. Agabekyan // Criminal justice. 2023. № 22.
5. Criminal Code of the Republic of Belarus. URL : <https://pravo.by>
6. Code of the Republic of Belarus on Subsoil. URL : <https://pravo.by>
7. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus № 944 of December 27, 2023. URL : <https://miory.vitebsk-region.gov.by>
8. Criminal Code of Georgia. URL : <https://studylib.ru>
9. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan. URL : <https://online.zakon.kz>
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and natural resource management» dated October 18, 2012 № 21. URL : <https://www.consultant.ru>
11. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. URL : <https://online.zakon.kz>
12. Brinchuk M.M. Environmental requirements are the basis of the laws of nature and society // Astrakhan Bulletin of Environmental Education. 2017. № 2(40).
13. Code of the Republic of Kazakhstan on subsoil and subsoil use. URL : <https://online.zakon.kz> (date of the application 05.05.2024).
14. Joint order acting. The Minister of Industry and Infrastructure Development of the Republic of Kazakhstan dated August 20, 2021 № 457 and the Minister of Energy of the Republic of Kazakhstan dated August 23, 2021 № 274. URL : <https://adilet.zan.kz>
15. Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan «On the application by courts of legislation on liability for certain environmental criminal offenses» dated 06/18/2004 № 1. URL : <https://adilet.zan.kz> (date of the application 05/01/2024).
16. In accordance with the tenge to ruble exchange rate established by the Bank of Russia. URL : <https://cbr.ru> (date of the application 05/23/2024).

Информация об авторе

Норец Мария Викторовна
аспирантка юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
noretsmary@gmail.com

Maria V. Norets
Postgraduate Student of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
noretsmary@gmail.com

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-18>
УДК 316.1

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ЛИЧНОСТИ В ПРЕДЕЛАХ КОНЦЕПЦИИ «ПРАЙВЕСИ»

Паншина С.В., Чимаров С.Ю.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Цель: в статье представлен анализ проблемного поля, сопряженного с фактором нарастания угроз и вызовов мира цифровых технологий, вызывающих: во-первых, искажение социальных ценностей в виде основополагающих прав и свобод человека и гражданина; во-вторых, нарушение режима сохранности приватной жизни каждой личности, тождественное процессу нарушения ее информационного суверенитета. В ходе исследования заявленной темы авторами выявлены отдельные положения концепции «прайвесис», впервые получившей общественную презентацию в работе, которую подготовили американские юристы С.Д. Уоррен и Л.Д. Брандейс. Обобщив отдельные выводы отечественных ученых и зарубежных специалистов по вопросам конфиденциальности частной жизни граждан, авторами обосновано созвучие понятий «прайвесис», «конфиденциальность» и «неприкосновенность частной жизни». Наряду с отмеченным, произведен акцент на роли информационного суверенитета личности для профессиональной среды, основными участниками которой являются сотрудники органов внутренних дел, по определению призванные демонстрировать незыблемость обеспечения цифрового суверенитета каждого человека, а также обеспечивать строгое соблюдение канонов цифровой бдительности, что соответствует формату цифровой социологии. Методы: выбор методологической основы исследования вызван целесообразностью диалектического подхода к восприятию социологического контекста цифрового суверенитета личности, в том числе и личности сотрудника органов внутренних дел. В ходе проведенного исследования задействованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, эвристический, аксиологический) методы познания, а также метод контент-анализа. Результаты исследования: в публикации обосновано социальное значение цифрового суверенитета личности, представлена общая характеристика отдельных выводов научной мысли и экспертного сообщества, ориентированных на сохранение в тайне частной жизни каждого гражданина, а также сформулировано авторское определение дефиниции «прайвесис». Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в процессе самообразования начальствующих лиц органов внутренних дел и для более углубленного изучения преподавательским составом и научными сотрудниками образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: социальная ценность, цифровой мир, «прайвесис», конфиденциальность, права человека, информационная безопасность, личность, органы внутренних дел.

THE SOCIAL ASPECT OF THE INFORMATION SOVEREIGNTY OF THE INDIVIDUAL WITHIN THE CONCEPT OF «PRIVACY»

Svetlana V. Panshina, Sergey Yu. Chimarov

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Purpose: the article presents an analysis of the problem field associated with the factor of increasing threats and challenges to the world of digital technologies, causing: firstly, the distortion of social values in the form of fundamental human and civil rights and freedoms; secondly, the violation of the privacy of each individual, identical to the process of violation of its information sovereignty. During the study of the stated topic, the authors identified certain provisions of the concept of «privacy», which for the first time received a public presentation in the work prepared by American lawyers S.D. Warren and L.D. Brandeis. Summarizing the individual conclusions of domestic scientists and foreign experts on the privacy of citizens, the authors substantiate the consonance of the concepts of «privacy», «confidentiality» and «privacy». Along with the above, emphasis is placed on the role of information sovereignty of the individual for the professional environment, the main participants of which are employees of the internal affairs bodies, by definition designed to demonstrate the inviolability of ensuring the digital sovereignty of each person, as well as to ensure strict observance of the

canons of digital vigilance, which corresponds to the format of digital sociology. Methods: the choice of the methodological basis of the study is caused by the expediency of a dialectical approach to the perception of the sociological context of the digital sovereignty of the individual, including the personality of an employee of the internal affairs bodies. The research involves general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, heuristic, axiological) methods of cognition, as well as the method of content analysis. Research results: the publication substantiates the social significance of the digital sovereignty of the individual, presents a general description of individual conclusions of scientific thought and the expert community focused on keeping the private life of each citizen secret, and also formulates the author's definition of the definition of «privacy». Conclusions and conclusions: the materials of the publication can be used in the process of self-education of the heads of the internal affairs bodies and for more in-depth study by the teaching staff and researchers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: social value, digital world, privacy, confidentiality, human rights, information security, personality, internal affairs agencies.

Введение. Фактор интенсивного проникновения массива технологических решений современного информационного общества практически во все сферы социума предопределяет необходимость нового восприятия деструктивного влияния инноваций цифрового порядка на обеспечение частной жизни граждан. При этом следует обратить внимание на безусловность социальной ценности всей системы защиты прав и свобод человека и гражданина, проходящей испытание массивным воздействием на нее информационных атак дигитального свойства и, как следствие, способствующим посягательству на информационный суверенитет личности. Отмеченное корреспондирует об очевидности преобладания социальной ценности неприкосновенности частной жизни, «в наибольшей степени разделяемой и поддерживаемой обществами, в которых государственная власть самоограничена осознанной защитой основных прав человека» [1].

Акцентируя внимание на социальном аспекте информационного суверенитета личности в пределах концепции конфиденциальности частной жизни (концепции «прайвеси»), важно учитывать суверенитет данных, включая данные о конкретной личности. Отмеченное касается использования данных на каждом уровне цепочки создания ценности данных, что сопряжено с оптимизацией соответствующей технической инфраструктуры, облегчающей заключение договорных соглашений об использовании данных, таких как разрешение (или запрет) обработки, сопоставления или анализа данных пользователями данных или разрешение (или запрет) доступа к данным третьим лицам [2, р. 2]. При необходимости суверенитет данных обеспечивается также в рамках цифровых инфраструктур третьих сторон (например, сетей, облаков или программных компонентов).

Таким образом, настоящая публикация призвана восполнить существующий пробел научного знания и, вместе с тем, обратить внимание на актуальность обеспечения информационного суверенитета личности в контексте концептуальных положений идеологии «прайвеси».

Обсуждение. Многочисленные научные исследования на тему сохранения в тайне частной

жизни каждого человека имеют устойчивое сопряжение с решением вопроса информационного суверенитета государства и атрибутивного свойства данной вариации суверенитета – суверенитета персональных прав каждого индивидуума.

По утверждению российского ученого С.В. Жигжитова, понятие «информационный суверенитет государства» включает в себя триаду элементов, сводимых к его способности:

- во-первых, обеспечивать контроль информационного пространства в пределах территории своей страны;
- во-вторых, отражать информационные атаки со стороны зарубежных государств;
- в-третьих, воздействовать на информационное пространство других государств [3].

В указанной конструкции особого внимания заслуживает вторая номинация, связанная с защитой государством личности своих граждан от любого деструктивного влияния со стороны внешних сил.

По нашему представлению, актуальность темы настоящего исследования обусловлена особенностями цифрового мира XXI века, порождающего новую «волну» угроз и вызовов для частной жизни любого человека и, в первую очередь, из числа пользователей сети Интернет.

Принятие 08 мая 2024 г. Указа Президента Российской Федерации № 309 закрепляет в качестве национальных целей развития российского государства на период до 2036 г. достижение технологического лидерства и цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. При этом «обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [4], несомненно, означает укрепление национальной парадигмы обеспечения в тайне частной жизни граждан от любого противоправного вторжения в область их личных прав и свобод.

Применительно к дефиниции «информационный суверенитет личности», следует отметить отсутствие единого подхода к содержанию указанного понятия.

В этой связи, заслуживает внимания точка зрения российского правоведа Н.И. Матузова, по мнению которого, информационный суверенитет личности означает «объективно обусловленную меру ее независимости от государства и общества, а также характер и формы ее взаимодействия с ними» [5].

В соответствии с зарубежной традицией, принятой как в юриспруденции, так и в других областях научного знания, сохранность в тайне частной жизни человека обозначается термином «прайвеси» (англ. «privacy» – «уединение; «интимность»; «приватность»; «конфиденциальность»). В широком смысле под «прайвеси» понимается «право на то, чтобы вас оставили в покое, или свобода от вмешательства или вторжений. Конфиденциальность информации – это право на определенный контроль над тем, как собирается и используется ваша личная информация» [6], – отмечают сотрудники «Международной ассоциации специалистов по конфиденциальности (англ. «The International Association of Privacy Professionals»).

Как следует из зарубежных источников, к проблеме обеспечения права личности на сохранение в тайне своей частной жизни (в буквальном понимании как «прайвеси») впервые обратились американские юристы С.Д. Уоррен (1852–1910) и Л.Д. Брандейс (1856–1941), сторонники права каждого человека на конфиденциальность/неприкосновенность частной жизни (англ. «The Right to Privacy»). Метафоричным образом привлекая внимание общественности к обозначенному вопросу, данные специалисты в области юриспруденции указали на угрозу частной жизни граждан мгновенных фотографий и газетных публикаций, которые вторгаются в священные пределы частной и домашней жизни. Более того, «многочисленные механические устройства угрожают сбыться предсказанию о том, что то, о чем шепчутся в чулане, будет провозглашено на крышах домов.... Каждый урожай неприличных сплетен, собранный таким образом, становится семенем для новых и, в прямой зависимости от их распространения, приводит к снижению социальных стандартов и морали» [7]. В своем обосновании концепции «прайвеси», указанные авторы апеллируют к суждению Ч.К. Коттенхема, британского юриста и лорд-канцлера (1836–1841; 1846–1850), сформулировавшего следующий постулат самой идеи «прайвеси»: «неприкосновенность частной жизни – это право, в которое вторглись» [7]. С учетом указанного, С.Д. Уоррен и Л.Д. Брандейс заявили об актуальности законодательного закрепления принципа, на который можно ссылаться для защиты частной жизни человека «от вторжения слишком предприимчивой прессы, фотографа или владельца любого другого современного устройства» [7].

Результаты. В концептуальном плане, понятие «прайвеси» восходит к праву каждого на обеспечение персонального контроля за своей частной жизнью.

Указанное основывается на признании следующих двух условий обеспечения «прайвеси»:

Во-первых, самостоятельности индивидуума в отношении:

- 1) распространения личной информации о себе;
- 2) ограничения внешнего доступа к данной информации;
- 3) определения способов и каналов доведения личной информации до внешней аудитории (кому-либо).

Во-вторых, запрет на вторжение государства или его уполномоченных лиц в область частной жизни каждого человека (за исключением случаев, предусмотренных национальным законодательством) [8, с. 119–120].

По нашему мнению, понятие «прайвеси» как социальная ценность тождественно понятиям «конфиденциальность» и «неприкосновенность частной жизни», сводимым к фундаментальному праву человека, означающему свободу ассоциаций, мысли и выражения, включая свободу от различных видов дискриминации, способствующей нарушению персональной жизни каждого индивидуума, в части его свободы от различных форм вмешательства и вторжения.

Защита информационного суверенитета личности, с учетом базовых положений концепции «прайвеси», должна рассматриваться в качестве основополагающей для представителей любого профессионального сообщества, включая личный состав органов внутренних дел (далее – ОВД).

Указанный тезис обусловлен, как минимум, двумя обстоятельствами:

– во-первых, самим смыслом правоохранительной миссии каждого сотрудника ОВД, по определению предназначенного для защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека (независимо от его гражданства);

– во-вторых, предназначением сотрудника ОВД к решению своих функциональных задач в режиме строго установленных законом ограничений и запретов, относительно вторжения в частную жизнь любого человека.

Наряду с отмеченным, социальное значение выверенного отношения служащими ОВД к подержанию ими самими канонов информационного суверенитета личности в «духе» концепции конфиденциальности, сводимой к неприкосновенности частной жизни (концепции «прайвеси»),

способствует поддержанию каждым анонимности своей личности, что вызвано особенностями прохождения службы личного состава ОВД.

Резюмируя изложенное, нам представляется необходимым указать на необходимое условие поддержания высокого уровня цифровой гигиены, определяемое в качестве «цифровой бдительности» и понимаемое как «морально-психологическое и профессиональное качество сотрудника ОВД, выражающееся в постоянном его внимании к контенту размещенной или размещаемой информации в сети «Интернет», которая способна нанести ущерб обществу, МВД России и персонально каждому сотруднику» [9, с. 109].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Частная жизнь любого человека как члена общества:

– во-первых, относится к разряду непреходящих ценностей социального порядка;

– во-вторых, воспринимается как область индивидуального поведения и действий каждой личности, формально отделенной от политической и гражданской жизни, но теоретически защищенной обеими сторонами;

– в-третьих, неотделима от концепции неприкосновенности частной жизни, означающей право человека жить своей жизнью без вмешательства или контроля со стороны других людей или правительства.

2. Право человека на неприкосновенность частной жизни соответствует концепции «прайвеси»,

что применительно к традиции российской парадигмы защиты прав и свобод человека и гражданина, корреспондирует понятию «конфиденциальность личной жизни каждого индивидуума» и, в общем смысле, соответствует идее цифрового суверенитета личности для случаев гарантированного обеспечения прав и свобод человека цифрового мира.

3. Конфиденциальность информации и тесно связанное с ней понятие «цифровой суверенитет» имеют решающее значение для более широкого права на неприкосновенность частной жизни. Указанное относится к способности человека определять для себя независимо, когда, как и с какой целью его личная информация обрабатывается другими. При этом защита частной жизни является ключом к обеспечению человеческого достоинства, безопасности и самоопределения, что позволяет каждому свободно развивать свою личность.

4. Гарантированное обеспечение защиты информационного суверенитета личности, в том числе «по линии» МВД России способствует незыблемости соблюдения неприкосновенности частной жизни в качестве уполномочивающего права, облегчающего пользованию другими правами человека, а именно:

- свободы выражения мнений;
- свободы мысли, совести и религии;
- свободы собраний и ассоциаций;
- права быть свободным от дискриминации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Неприкосновенность частной жизни как социальная ценность // Сайт «Энциклопедия Кругосвет». URL : <https://www.krugosvet.ru/enc/ekonomika-i-pravo/nekprikosnovennost-chastnoi-zhizni-praivesi> (дата обращения 08.05.2024).
2. IDS – A Standard for Data Sovereignty and an Indispensable Element of Data Ecosystems. Version 1.0. September 2019. P. 1–3. URL : <https://internationaldataspaces.org/wp-content/uploads/IDS-The-Standard-for-Data-Sovereignty-English.pdf> (date of the application 28.04.2024).
3. Жигжитов С.В. Государственный суверенитет – особенности теоретического и прикладного исследования. URL : <http://www.rosnations.ru/index.php?D=11> (дата обращения 29.04.2024).
4. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL : <https://rg.ru/documents/2024/05/07/prezident-ukaz309-site-dok.html> (дата обращения 08.05.2024).
5. Матузов Н.И. К вопросу о суверенитете личности / Н.И. Матузов // Известия вузов. Правоведение. 1994. № 4. С. 3–14.

6. What does privacy mean?. URL : <https://iapp.org/about/what-is-privacy> (дата обращения 10.05.2024).
7. Уоррен С.Д. Warren S.D., L.D. Brandeis. The Right to Privacy / С.Д. Уоррен и Л.Д. Брандейс // Harvard Law Review. 1890. № 5. Vol. IV. P. 193–220. URL : https://groups.csail.mit.edu/mac/classes/6.805/articles/privacy/Privacy_brand_warr2.html (дата обращения 02.05.2024).
8. Черняк Л.Ю. К вопросу о понятии информационного суверенитета: теоретический и сравнительно-правовой аспекты / Л.Ю. Черняк // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3(58). С. 117–122.
9. Чимаров С.Ю. Правовые основы цифровой бдительности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в условиях сетевой коммодификации / С.Ю. Чимаров, А.А. Алексеев // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3(48). С. 107–112.

References:

1. Privacy as a social value // Site «Encyclopedia Around the World». URL : <https://www.krugosvet.ru/enc/ekonomika-i-pravo/neprikosnovennost-chastnoi-zhizni-praivesi> (date of the application 05/08/2024).
2. IDS – A Standard for Data Sovereignty and an Indispensable Element of Data Ecosystems. Version 1.0. September 2019. P. 1–3. URL : <https://internationaldataspaces.org/wp-content/uploads/IDS-The-Standard-for-Data-Sovereignty-English.pdf> (date of the application 28.04.2024).
3. Zhigzhitov S.V. State sovereignty – features of theoretical and applied research. URL : <http://www.rosnacion.ru/index.php?D=11> (date of the application 04/29/2024).
4. Decree of the President of the Russian Federation dated May 07, 2024 № 309 «On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030 and for the future until 2036». URL : <https://rg.ru/documents/2024/05/07/prezident-ukaz309-site-dok.html> (date of the application 05/08/2024).
5. Matuzov N.I. On the issue of personal sovereignty / N.I. Matuzov // News of universities. Jurisprudence. 1994. № 4. P. 3–14.
6. What does privacy mean?. URL : <https://iapp.org/about/what-is-privacy> (date of the application 05/10/2024).
7. Warren S.D. Warren S.D., L.D. Brandeis. The Right to Privacy / S.D. Warren and L.D. Brandeis // Harvard Law Review. 1890. № 5. Vol. IV. R. 193–220. URL : https://groups.csail.mit.edu/mac/classes/6.805/articles/privacy/Privacy_brand_warr2.html (date of the application 05/02/2024).
8. Chernyak L.Yu. On the issue of the concept of information sovereignty: theoretical and comparative legal aspects / L.Yu. Chernyak // Siberian Legal Bulletin. 2012. № 3(58). P. 117–122.
9. Chimarov S.Yu. Legal foundations of digital vigilance of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation in the conditions of network commodification / S.Yu. Chimarov, A.A. Alekseev // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2020. № 3(48). P. 107–112.

Информация об авторах

Паншина Светлана Васильевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
управления персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
<https://orcid.org/0009-0006-9878-9346>
panshina.svetlana.2002@yandex.ru

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>
serg120756@gmail.com

Svetlana V. Panshina

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
<https://orcid.org/0009-0006-9878-9346>
panshina.svetlana.2002@yandex.ru

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>
serg120756@gmail.com

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-19>
УДК 338.48

Attribution
cc by

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Петров С.В.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Аннотация. В настоящей статье представлено исследование взаимосвязи государства, права и экономики. Автор рассуждает на тему того, как государство и право влияют на экономическую систему, рыночные отношения. Также, рассматривается важность правовой системы в обеспечении стабильности и развитии бизнеса, обеспечения правовой базы для экономической деятельности, регулировании бизнес-среды и защиты участников экономических отношений.

Цель – проанализировать взаимосвязь между правовой и экономической системами в государстве.

Метод или методология проведения работы: в статье использовались дедуктивные и индуктивные методы исследования, а также анализ, обобщение и синтез.

Результаты: на основе проведенного исследования сформулированы выводы о влиянии права на экономику, на основе анализа которых возможно в значительной степени повысить эффективность работы экономической системы.

Область применения результатов: полученные результаты могут служить основой для оптимизации работы экономической системы с целью повышения её эффективности, разработки нормативных актов наиболее подходящих под реальные существующие потребности рынка и его участников.

Ключевые слова: право, экономика, правовая система, рыночные отношения, экономическая система.

THE ROLE OF THE STATE AND LAW IN THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS

Sergey V. Petrov

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract. This article presents a study of the relationship between the state, law and economics. The author discusses how the state and law affect the economic system and market relations. The importance of the legal system in ensuring the stability and development of business, providing a legal framework for economic activity, regulating the business environment and protecting participants in economic relations is also considered.

The purpose is to analyze the relationship between the legal and economic systems in the state.

Method or methodology of the work: the article used deductive and inductive research methods, as well as analysis, generalization and synthesis.

Results: based on the conducted research, conclusions are formulated about the impact of law on the economy, based on the analysis of which it is possible to significantly improve the efficiency of the economic system.

Scope of the results: the results obtained can serve as a basis for optimizing the work of the economic system in order to increase its efficiency, develop regulations that are most suitable for the real existing needs of the market and its participants.

Keywords: law, economics, legal system, market relations, economic system.

Введение.

Взаимодействие правовых и экономических систем государств является актуальным вопросом для сравнительного правоведения. В условиях стремительных изменений, происходящих в ми-

ровой экономике, развития технологий и глобализации, государство и право играют критическую роль в обеспечении эффективного функционирования рынка, защите прав потребителей, стимулировании инноваций и развитии предпринимательства.

Анализ роли государства и права в современных экономических условиях имеет большое значение для понимания факторов, влияющих на развитие экономики и выработке рекомендаций для улучшения правовой базы и экономической политики.

Цель работы.

Выявить взаимосвязь между правовой и экономической системами государства, определить основные направления взаимодействия, степень их влияния друг на друга.

Материалы и методы исследования.

Теоретической и методологической базой исследования выступают результаты анализа и синтеза трудов отечественных исследователей в области теории государства и права, экономике, сравнительного правоведения. Информационной базой исследования служат выводы авторов по указанным темам и результаты их анализа. В исследовании применялись дидактический и индукционный методы, а также обобщение и синтез.

Обсуждение. Результаты.

Взаимодействие между правовой системой государства и экономикой государства является важным фактором обеспечения стабильности, защиты прав участников экономических отношений и устойчивого развития экономической системы. Формы взаимодействия и степень влияния этих двух систем друг на друга являются исключительно важными аспектами для стабильного развития государства в целом.

О.К. Баллыева обращает внимание на то, что только правовое регулирование в главной степени соответствует сущности экономических отношений и рыночному характеру, а исходя из этого является наиболее подходящим способом их укрепления. Особого внимания заслуживает вывод автора о том, что право не только влияет на экономику, но и является её частью [1].

Косвенно, данная тема была затронута в работе Н.Г. Маркаловой, которая проводила анализ взаимосвязи между государственным регулированием рыночных отношений и разграничения права на публичное и частное [3].

С.В. Игнатьева в своем исследовании делает акцент на том, что не все общественные отношения поддаются правовому регулированию, данное отсутствие правовой культуры и игнорирование существующих отношений является причиной разбалансированности экономических связей, приходит к выводу о исключительной важности права для здоровой экономической системы государства [2].

С.А. Маркова-Мурашова в своих работах затрагивает тему взаимосвязи и взаимовлиянии куль-

туры, экономики и права. Интересны выводы автора о том, что право и экономика являются как одновременными факторами возникновения друг друга, так и результатами этого взаимодействия [4; 5].

На основе анализа указанных работ, мы можем прийти к следующему выводу: государство и право играют ключевую роль в развитии экономических отношений, поскольку они создают правовую базу, на которой складывается экономическая система и бизнес-среда.

Государство регулирует экономическую деятельность, защищает собственность и обеспечивает безопасность инвестиций. Оно также играет важную роль в регулировании монополий и предотвращения злоупотребления правом на экономическом пространстве, обеспечивает инфраструктуру и условия для развития предпринимательства, а также стимулирует инновации и развитие ключевых отраслей экономики.

Право, в свою очередь, играет важную роль в защите участников экономических отношений, обеспечивает судебную защиту контрактов, регулирует корпоративные отношения и способствует разрешению торговых споров. Кроме того, право обеспечивает защиту интеллектуальной собственности, стимулирует инвестирование, создаёт условия для развития бизнеса.

Таким образом, государство и право являются необходимыми институтами для развития экономики, поскольку они создают условия для свободного и эффективного функционирования экономической системы, а также обеспечивают защиту участникам экономических отношений.

Заключение.

Проведённое исследование по теме роли государства и права в развитии экономических отношений позволяет нам сделать следующие выводы:

- правовая система является неотъемлемой частью возникновения и функционирования экономических отношений, и её качество напрямую влияет на развитие экономики в целом;
- все аспекты взаимодействия правовой системы с экономикой государства помогают создавать условия для устойчивого развития экономики, защиты прав и интересов участников рынка и обеспечении стабильности в экономических отношениях;
- в зависимости от существующих источников права, формы государственного устройства, методах государственного управления зависит качество законодательства, а, следовательно, и грамотное построение экономической системы, её дальнейшее развитие.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что полноценное развитие экономики невозможно без поддержки правовых институтов и наобо-

рот: экономика даёт необходимые ресурсы для функционирования правового обеспечения деятельности государственных структур.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Баллыева О.К. Значение правовой системы в экономике / О.К. Баллыева // Символ науки. 2023. № 11 (2-1). С. 44–45.
2. Маркалова Н.Г. Вопросы соотношения экономики и права в современных условиях / Н.Г. Маркалова // Финансы: теория и практика. 1997. № 2. С. 52–59.
3. Игнатьева С.В. Методологический анализ взаимодействия права, экономики, государства / С.В. Игнатьева // Образование и право. 2022. № 7. С. 72–79.
4. Маркова-Мурашова С.А. Взаимодействие правовых и экономических систем современности / С.А. Маркова-Мурашова // Известия ТулГУ. Серия: Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 17–24.
5. Маркова-Мурашова С.А. Культура, право, экономика : современный вектор взаимодействия / С.А. Маркова-Мурашова // Философия права. 2014. № 4(65). С. 71–75.

References:

1. Ballyeva O.K. The significance of the legal system in economics / O.K. Ballyeva // Symbol of science. 2023. № 11(2-1). P. 44–45.
2. Markalova N.G. Issues of the relationship between economics and law in modern conditions / N.G. Markalova // Finance: theory and practice. 1997. № 2. P. 52–59.
3. Ignatieva S.V. Methodological analysis of the interaction of law, economics, and the state / S.V. Ignatieva // Education and law. 2022. № 7. P. 72–79.
4. Markova-Murashova S.A. Interaction of legal and economic systems of modernity / S.A. Markova-Murashova // News of TulSU. Series: Economic and Legal Sciences. 2014. № 3-2. P. 17–24.
5. Markova-Murashova S.A. Culture, law, economics : a modern vector of interaction / S.A. Markova-Murashova // Philosophy of Law. 2014. № 4(65). P. 71–75.

Информация об авторе

Петров Сергей Валерьевич

кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой управления
и информационных технологий
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний России
ORCID 0000-0002-9207-4976
psv01@yandex.ru

Sergey V. Petrov

Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department
of Management and Information Technology,
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
ORCID 0000-0002-9207-4976
psv01@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-21>

УДК 342.531

Attribution

cc by

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОСТАВА ПАЛАТЫ ЛОРДОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Старова Е.А.

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Аннотация. Британский парламент является уникальнейшим законодательным органом в мире. Палата лордов выделяется среди других верхних палат парламентов порядком формирования своего состава и полномочиями, обусловленными особенностями Westminsterской системы правления. Однако на современном этапе конституционного развития Великобритании все острее ощущается необходимость реформирования верхней палаты парламента, с целью демократизации данного органа государственной власти. В статье рассматривается поэтапное реформирование порядка формирования Палаты лордов, а также современное положение дел. Особое внимание уделено проблеме формирования Палаты лордов, как одной из ключевых направлений дальнейших реформ. Изучая опыт правового регулирования формирования состава верхней палаты британского парламента, можно спрогнозировать возможные направления и масштабы дальнейших изменений.

Ключевые слова: парламента, Палата лордов, пожизненные пэры, судебные лорды, Палата общин.

LEGAL REGULATION OF THE FORMATION OF THE HOUSE OF LORDS IN THE UNITED KINGDOM

Elena A. Starova

St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Abstract. The British Parliament is the most unique legislative body in the world. The House of Lords stands out from other upper houses of parliament in the order of formation of its composition and powers due to the peculiarities of the Westminster system of government. However, at the present stage of the constitutional development of Great Britain, the need to reform the upper house of parliament in order to democratize this body of government is becoming more acute. The article discusses the gradual reform of the procedure for the formation of the House of Lords, as well as the current state of affairs. Special attention is paid to the problem of the formation of the House of Lords as one of the key areas for further reforms. By studying the experience of legal regulation of the formation of the composition of the upper house of the British Parliament, it is possible to predict possible directions and scales of further changes.

Keywords: Parliament, House of Lords, life peers, Judicial Lords, House of Commons.

Введение. Британский парламента является старейшим и уникальнейшим законодательным органом в мире, а Палату лордов считают древнейшим после монархии институтом центральной власти. Палата лордов Парламента Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии выделяется среди других верхних палат парламента консервативным порядком формирования своего состава и полномочиями. Однако на фоне демократизации институтов государственной власти на протяжении всего XX века и на современном этапе истории Великобритании все более остро встает вопрос о необходимости продолжения реформирования данного органа законодательной власти.

Анализ опыта и последствий предшествующих попыток изменения правового регулирования формирования состава Палаты лордов, а также

рассмотрение современного состояния законодательства помогут выявить возможные направления и масштабы дальнейшей модернизации законодательства.

Обсуждение. Изменения процесса формирования состава верхней палаты парламента Великобритании на протяжении всей истории ее существования является ярким отражением политических и конституционных процессов в английском обществе. Расстановка и противостояние политических сил, усиление позиций Палаты общин находят отражение законодательных актов, направленных на реформирование состава Палаты лордов.

С момента возникновения и вплоть до середины XIX века члены верхней палаты парламента делились на две категории.

Первую составляли духовные лорды (Lords Spiritual) – архиепископы, епископы, аббаты.

Вторая категория Палаты лордов формировалась из «светских лордов», то есть обладателей одного из старших по рангу дворянских титулов – герцог, маркиз, граф, виконт и барон, именуемых пэрами. Членство данных представителей английской аристократии считалось неотчуждаемым, от него невозможно было отказаться или уступить, он не мог быть отменен Короной и передавался по наследству. При этом число пэров могло меняться в связи с пожалованием монархом новых титулов.

Изменения в принципах формирования состава Палаты лордов произошли в период территориального расширения страны и присоединения сначала Шотландии, а затем и Ирландии в начале XVIII века. Представители аристократии данных территорий избирались в состав верхней палаты парламента, что нарушало многовековой принцип невыборного представительства в этой Палате.

После принятия в 1876 году Акта об апелляционной юрисдикции, Палата лордов пополнилась принципиально новыми членами – ординарными лордами по апелляциям, которые включались в состав палаты в результате назначения королевой, путем предоставления пожизненных титулов баронов. «Лорды-судьи» или «лорды права» должны были иметь высокую квалификацию в области юриспруденции, т.е. занимать высшие судебские должности не менее двух лет, либо как минимум иметь 15-летний стаж практикующих барристеров [1]. Благодаря этой норме, в Палате лордов появилась новая категория членов – пожизненные пэры, чьи места в Палате не могли передаваться по наследству.

В случае смерти лорда по апелляциям, монарх должен был назначить на освободившееся место нового профессионального юриста.

Апелляционный лорд уходил на пенсию в возрасте 70 лет, но срок его полномочий мог быть продлен правительством до 75 лет.

По достижении данного возраста лорд-судья не мог более участвовать в рассмотрении каких-либо дел в Палате лордов [1].

Количество апелляционных лордов было ограничено двенадцатью, но могло быть изменено законодательным актом.

В соответствии с Законом о конституционной реформе 2005 года, был создан Верховный суд Соединенного Королевства, который вступил в силу в 2009 году [2].

С этого времени обычные апелляционные лорды стали судьями Верховного суда, которым было запрещено заседать и голосовать в Палате лордов, пока они не уйдут в отставку с поста судей

[3]. При этом для всех пэров, вне зависимости от категории, устанавливались единые требования.

Пэры имели право участвовать в работе Палаты по достижении ими 21 года и получения специального приглашения короля (Writ of Summons from The Queen). Но законодательство вводило и ряд ограничений:

– во-первых, в Палате лордов не могут заседать иностранные граждане (Акт о престолонаследии 1701 г.);

– во-вторых, не допускаются в верхнюю палату пэры, признанные банкротами (Акт о дисквалификации на основании банкротства 1871 г.);

– в-третьих, не могут участвовать в работе Палаты лордов пэры, осужденные за измену до окончания срока заключения или получения королевского помилования (Акт о конфискации 1870 г.)

Председателем Палаты лордов с момента ее образования являлся невыборный лорд-высокий канцлер Великобритании и хранитель Большой государственной печати. Он назначался монархом по представлению премьер-министра. Также, он являлся членом Кабинета, осуществлявшим руководство судебными органами страны и советником правительства по юридическим и конституционным вопросам.

Таким образом, лорд-канцлер принимал участие в работе законодательной, исполнительной и судебной власти.

К началу XX века в Великобритании были сформированы предпосылки для проведения конституционно-правовой реформы. В конце XIX века на фоне укрепления позиций Палаты общин, как основного источника законодательной инициативы, наблюдается падение роли Палаты лордов. С появлением политических партий, меняется соотношение политических сил в стране. Преобладание консервативно настроенных пэров в Палате лордов тормозило работу Палаты общин, так как без их согласия ни одна законодательная инициатива не могла стать Актом парламента. То есть, верхняя палата парламента обладая правом абсолютного вето контролировала принятие большинства законодательных актов. Что не могло не вызывать недовольство населения страны.

Британский экономист и политический философ XIX века Уолтер Беджот в своем труде «Государственный строй Англии» смог выделить основные факторы, повлиявшие на ход реформирования верхней палаты парламента Великобритании на протяжении всего XX века и двух десятилетий XXI-го [4, с. 42].

Во-первых, это невыборный, наследственный фактор формирования состава верхней палаты парламента. На практике, проблема заключалась в том, что не все представители английской

аристократии обладали политическими талантами, а наиболее талантливые предпочитали их реализовывать в других сферах. Менее знатные лорды, предпочитали не участвовать в работе Палаты вообще. В начале XX в. специальная комиссия под руководством графа Онслоу выяснила, что, например, в течение сессии 1902 г. 286 наследственных пэров из 489; то есть 59 %, либо вообще не посещали Палату, либо были замечены в её стенах менее чем на 10 заседаниях. Это неучастие пэров в работе Палаты, вызывало недовольство граждан и стало губительным для ее репутации. [5, с. 83]

Во-вторых, Уолтер Беджгот отмечал, что Палата лордов представлена более или менее богатыми землевладельцами, что не может не повлиять на рассмотрение законопроектов с точки зрения классовой принадлежности и отклонение «чуждых» нововведений.

В-третьих, по его мнению наследственный характер передачи полномочий не гарантировал высокий уровень образования пэров.

Вышеперечисленные недостатки формирования состава и деятельности Палаты лордов определили вектор проводимых в XX веке реформ. Многие представители политической элиты Великобритании начала XX века считали принцип формирования Палаты лордов недемократичным, а сам орган – пережитком феодализма. Однако у данного органа имеется много защитников, в силу большого количества сторонников сохранения уникальных традиционных английских институтов власти.

Первые шаги реформирования Палаты лордов связаны с разразившимся в 1909–1911 году конституционным кризисом, который выявил различные позиции политических сил страны по вопросу определения роли верхней палаты парламента в системе государственного управления. Парламентский акт 1911 года сократил роль пэров в законодательном процессе, оставив только право отлагательного вето на три последовательные парламентские сессии. Также Акт 1911 года внес существенные изменения в полномочия обеих палат британского парламента. Палата общин получила право в обход Палаты лордов реализовывать значительные изменения конституционного устройства. Однако, процесс формирования Палаты лордов (замена наследственного членства народным избранием) не был затронут. Актом было отмечено что такая мера не может быть осуществлена немедленно. [6]

Принятие Парламентского акта 1911 года, а также Акта о парламенте 1949 года не завершило процесс реформирования Палаты лордов, так как не решила одну из главных проблем – превращение данной Палаты в избираемый орган власти. Дискуссия о реформе продолжалась на протяжении 20–50-х годов XX века, но реальные меры были предприняты только в конце 50-х годов.

© Старова Е.А.

В 1958 году Парламентом принимается инициированный кабинетом Макмиллана Акт о пожизненном пэрстве, который предоставлял монарху полномочия присуждать пожизненное пэрство любым гражданам Соединенного Королевства, – как мужчинам, так и женщинам. Это предоставляло женщинам право быть пэром Палаты лордов. В июле 1958 было объявлено о создании четырнадцати пожизненных пэров, четыре из которых были женщинами. Однако данные меры не были коренным изменением системы формирования палаты, а лишь маленьким шагом [7].

Следующим шагом было принятие Акта о пэрах 1963 года, которым: во-первых, наследственным пэрам предоставлялось право отказываться от своего титула, а, следовательно, и от членства в Палате лордов, а его наследникам – право вновь претендовать на титул и место в верхней палате по своему выбору; во-вторых, женщины – обладательницы наследственного пэрства теперь могли претендовать на членство в Палате лордов наравне с мужчинами. [8].

Акты 1958 и 1963 годов сыграли огромную роль в процессе реформирования верхней палаты, решив проблему низкой посещаемости Палаты ее членами введя минимальное жалование, в качестве компенсации издержек, которое позволяло тем членам Палаты, которые были вынуждены своим трудом зарабатывать на жизнь, теперь полностью посвящать себя работе в верхней палате.

Политический кризис 1968 года окончательно убедил представителей Лейбористской партии в необходимости дальнейшего преобразования верхней палаты парламента. В течение 1968–1970 гг. были инициированы 6 биллей по реформе Палаты лордов, а период с 1970 по 1998 годы – около 30 биллей. При этом выдвигаемые предложения серьезно различались: от лишения наследственных пэров права голоса в дебатах, до упразднения самой Палаты лордов. Однако все они не так и не были приняты.

Одержавшая на выборах 1997 года победу Лейбористская партия под предводительством Тони Блэра сразу принимает за реализацию коренных преобразований. Билль о реформе Палаты лордов, вошедший в силу как Акт о Палате лордов 1999 года, был внесен на обсуждение в парламент 19 января 1999 года. Он постановил: «Никто не может быть членом Палаты лордов на основании наследственного пэрства» [9].

Таким образом, все наследственные пэры, кроме 90 человек, из Палаты лордов исключались. Им предоставлялось право голосовать на выборах в Палату общин, а также место в Палате общин, будучи избранными в нее [9].

Однако, несмотря на половинчатый характер реформирования Палаты лордов Акт 1999 г. внес существенные изменения в ее функционирование. Во-первых, значительно (на 43 %) уменьшился количественный состав Палаты. Во-

вторых, Акт 1999 года изменил качественный состав Палаты лордов в пользу пожизненных пэров, которая на современном этапе является преимущественно палатой, назначаемой.

Однако и данный этап преобразований не поставил точку в процессе реформирования верхней палаты британского парламента.

Несмотря на все Акты, принимаемые на протяжении XX века с целью демократизации формирования состава верхней палаты Английского парламента, она так и не стала полностью избираемым органом. Реформа, предпринятая правительством Тони Блэра в 1999 году не привела к полному удалению наследственных пэров.

Результаты. Процессы, происходящие в обществе и государстве, изменение политических сил в стране находят отражение в принимаемых на протяжении всего XX века правовых актах, направленных на реформирование одного из старейших институтов власти в Великобритании. В них прослеживается влияние конституционного устройства страны, системы законодательства, экономических и политических процессов, во много консервативного менталитета ее граждан. Учитывая правовую систему государства, продолжают действовать Акты, принимаемые на протяжении всей истории существования Палаты лордов. Наиболее болезненным и нерешенным остается вопрос сохранения наследственного пэрства. В основном, наследственные пэры – это образованные и состоятельные граждане, но при этом не всегда подготовленные к ответственной работе в высшем законодательном органе страны, что приводит к снижению профессионализма в работе пэров.

Однако, несмотря на все проблемы, связанные с реформированием верхней палаты английского парламента, считать Палату лордов бесполезным органом государственной власти нельзя. Рассмотрение процесса реформирования Палаты лордов, основными вехами которого стали Парламентские акты 1911 г. и 1949 г., Акт о пожизненных пэрах 1958 г., Акт о пэрах 1963 г. и Акт о реформе Палаты лордов 1999 г., позволяет резюмировать, что основной тенденцией всех реформ верхней Палаты было стремление иницировавшей эти реформы исполнительной власти усилить свои позиции в Парламенте, в частности, и в масштабах всего конституционного устройства, в целом.

Заключение. Даже спустя столетие реформирование верхней палаты британского парламента остается также актуальным. Не все вопросы и проблемы получили разрешение на протяжении прошлого века и остаются открытыми и сегодня. В Великобритании вновь разворачиваются дебаты о судьбе Палаты лордов.

Проведенный анализ правового регулирования процесса формирования верхней палаты парламента Великобритании частичность, относительная постепенность, возникновение как реакция на специфические проблемы и события были характерными чертами всех реформ Палаты лордов. В этом можно увидеть специфику британского конституционного устройства – историчность, эволюционность, преемственность и гибкость. Дальнейшая демократизация Палаты лордов может привести к усилению, и как следствие усложнению отношений парламента и исполнительной власти.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Appellate Jurisdiction Act 1876. URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/39-40/59/enacted> (date of the application 15.04.2024).
2. Appellate Jurisdiction Act 1876. (repealed). URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/39-40/59/2002-10-15> (date of the application 17.04.2024).
3. Акт Великобритании о конституционной реформе (2005 года) URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2805> (дата обращения 17.04.2024).
4. Bagehot W. The English Constitution. 2nd edition. Batoche Books, 2000 [1873]. P. 42. URL : <http://socserv2.socsci.mcmaster.ca/econ/ugcm/3ll3/bagehot/constitution.pdf> (date of the application 01.04.2024).
5. Ковалев И.Г. Британские партии и Палата лордов в эдвардианскую эпоху. М., 2012.
6. Акт Великобритании о парламенте 1911 г. URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2793> (дата обращения 23.03.2024).
7. Акт Великобритании о пожизненных пэрах 1958 г. URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2797> (дата обращения 17.04.2024).

8. Акт Великобритании о пэрах 1963 года. URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2799> (дата обращения 17.04.2024).
9. Акт Великобритании о палате лордов 1999 г. URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2809> (дата обращения 27.04.2024).

References:

1. Appellate Jurisdiction Act 1876. URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/39-40/59/enacted> (date of the application 15.04.2024).
2. Appellate Jurisdiction Act 1876. (repealed). URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/39-40/59/2002-10-15> (date of the application 17.04.2024).
3. The UK Constitutional Reform Act (2005) URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2805> (date of the application 17.04.2024)
4. Bagehot W. The English Constitution. 2nd edition. Batoche Books, 2000 [1873]. P. 42. URL : <http://socserv2.socsci.mcmaster.ca/econ/ugcm/3ll3/bagehot/constitution.pdf> (date of the application 01.04.2024).
5. Kovalev I. G. British parties and the House of Lords in the Edwardian era. M., 2012.
6. The British Parliament Act 1911 URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2793> (date of the application 23.03.2024).
7. The British Life Peerage Act 1958 URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2797> (date of the application 17.04.2024).
8. The British Peerage Act of 1963. URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2799> (date of the application 17.04.2024).
9. The UK House of Lords Act 1999. URL : <https://worldconstitutions.ru/?p=2809> (date of the application 27.04.2024).

Информация об авторе

Старова Елена Александровна
кандидат исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
elena.starova.77@mail.ru

Elena A. Starova
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
St. Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering
elena.starova.77@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-35>
УДК 343.2/7

Attribution
cc by

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Финкель М.В.

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина

Аннотация. Цель. В статье произведен всесторонний уголовно-правовой анализ составов цифровых преступлений, посягающих на собственность субъектов предпринимательской деятельности. В процессе изучения были использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и частно-научные (уголовно-правовой, криминологический) методы познания. В ходе подготовки публикации использованы данные официальной статистики, а также отечественные исследования в области уголовного права и криминологии. В результате проведенного анализа сделаны выводы об отсутствии адекватного правоохранительного реагирования на массив организованной цифровой преступности. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в целях оптимизации правоохранительной практики, формирования и развития системы криминологической кибербезопасности сферы предпринимательской деятельности от цифровых посягательств.

Ключевые слова: уголовно-правовой анализ, цифровые преступления, цифровая организованная преступность, криминологическая кибербезопасность, сфера предпринимательской деятельности, криминализация бизнес-правоотношений, теневая экономика.

CRIMINAL LAW ANALYSIS OF DIGITAL CRIMES AGAINST PROPERTY IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Marina V. Finkel

Kosygin Russian State University

Abstract. Goal. The article presents the results of a criminal law analysis of digital crimes encroaching on the property of business entities, and a detailed analysis of the composition of such encroachments is carried out. In the process of studying, general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and private scientific (criminal law, criminological) methods of cognition were used. During the preparation of the publication, official statistics data were used, as well as domestic research in the field of criminal law and criminology. As a result of the analysis, conclusions are drawn about the lack of an adequate law enforcement response to the array of organized digital crime. Conclusions and conclusions: the materials of the publication can be used to optimize law enforcement practice, the formation and development of a system of criminological cybersecurity of the business sphere from digital encroachments.

Keywords: criminal law analysis, digital crimes, digital organized crime, criminological cybersecurity, business sphere, criminalization of business relations, shadow economy.

Введение. Обеспечение эффективного функционирования сферы предпринимательской деятельности требует проведения комплексных превентивных исследований, в том числе, направленных на всесторонний анализ данной сферы преступности, реализуемой в цифровом пространстве. Преступления, посягающие на чужую собственность, в том числе на имущество субъектов предпринимательской деятельности, составляют основной вал цифровых посягательств. Об этом свидетельствует статистика МВД РФ за 2023 г., согласно которой из 677 тыс. преступлений с использованием кибертехнологий краж совершено более 119 тыс., а мошенничеств – более 356 тыс. [1].

Обсуждение. Прежде всего, отметим явную неадекватность государственного правоохранительного реагирования на массив цифровой преступности, приведенный в статистике МВД РФ. Данный факт подтвердил в своем выступлении председатель судебного состава судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ Г.П. Иванов, который, касаясь вопроса о числе вынесенных обвинительных приговоров по цифровым преступникам, отметил: «Если в 2020 году их было всего 137, то в 2022 году – уже 424». При этом представитель ВС РФ отметил, что небольшое количество дел, связанных с преступностью в информационно-телекоммуникационных сетях, доходящих до суда, свя-

зано с трудностью выявления таких преступлений, а также получения следствием необходимых доказательств для направления дела в суд [2].

Уголовно-правовой разбор составов таких видов хищений, как кража, мошенничество, присвоение и растрата и вымогательство, совершаемых в отношении имущества субъектов предпринимательской деятельности, с использованием инновационно-технологических ресурсов, позволяет выявить следующую картину.

Кража, совершенная с банковского счета субъекта предпринимательской деятельности, а равно в отношении его электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Основной объект – права собственников финансовых активов, *дополнительные* – отношения, регулирующие предпринимательскую деятельность, прежде всего право компании на защиту и суверенный оборот собственных финансовых активов, а также правоотношения, отраженные в ст. ст. 272–273 УК РФ.

Предмет посягательства – корпоративные цифровые финансовые активы. Под криптовалютой здесь следует понимать «денежный суррогат, эмиссия и учет которого основаны на криптографических методах шифрования компьютерной информации» [3, С. 63].

Объективная сторона такого рода кражи выражается в действиях, отраженных в диспозициях ст. 158 и 272 УК РФ.

Обращение к ст. 272–273 УК РФ обуславливает необходимость в применении совокупности данных составов с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В качестве *средства совершения рассматриваемого преступления* выступают информационно-коммуникационные технологии, а способ заключается в дистанционном воздействии на объект посягательства.

Субъект преступления – лицо, достигшее 14 лет, в том числе обладающее достаточно высокой киберквалификацией, что позволяет говорить о наличии признаков специального субъекта.

Субъективная сторона характеризуется наличием умысла, корыстного мотива и цели завладения имуществом субъекта предпринимательской деятельности.

Мошенничество, то есть хищение имущества субъекта предпринимательской деятельности или приобретение права на его имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159–159 УК РФ).

Что касается специального относительно рассматриваемой нами сферы состава мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере пред-

принимательской деятельности, то, как представляется, он не применим в регулировании правоотношений, возникающих при преступных посягательствах на собственность субъектов предпринимательской деятельности с использованием ИТ-ресурсов.

Основной и дополнительные объекты, а также предмет посягательства в мошенничестве схожи с отмеченными выше признаками инновационной кражи. При этом отметим, что в мошенничествах речь идет не только о хищении чужого имущества, но и о приобретении права на чужое имущество.

Объективная сторона инновационного мошенничества выражается в действиях, отраженных в диспозициях ст. 272–273 УК РФ: мошенничество, то есть хищение цифровых финансовых активов субъекта предпринимательской деятельности или приобретение права на его цифровые финансовые активы путем обмана или злоупотребления доверием, далее по тексту диспозиций отмеченных «компьютерных» составов.

Особенность преступных действий относительно обязательного применения специфических способов мошенничества заключается в том, что представитель субъекта предпринимательской деятельности может быть введен в заблуждение неким финансово заманчивым предложением с прилагаемой ссылкой для перехода к интересной информации. Такого рода предложение может поступить представителю компании от мошенника, либо данный представитель может самостоятельно обнаружить в Сети мошенническую ловушку, замаскированную под интересную рекламу. Переход по ссылке активизирует фишинговую или троянскую программу, что предоставляет злоумышленникам доступ к цифровым активам компании или к кодам доступа к ним. Главным здесь является наличие обязательного отклика от потерпевшего или его представителя.

Обращение к ст. 272–273 УК обуславливает необходимость в применении совокупности данного состава со ст. 159 УК.

В качестве *средства совершения рассматриваемого преступления* выступают информационно-коммуникационные технологии, а способ заключается в дистанционном воздействии на объект посягательства.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16-ти лет, в том числе обладающее достаточно высокой киберквалификацией, что позволяет говорить о наличии признаков специального субъекта.

Мошенничество может быть совершено и лицом, не обладающим специальными знаниями, когда электронное устройство выступает в качестве средства связи с потерпевшим, который может быть введен в заблуждение сообщением по электронной почте или иному мессенджеру. При этом не образует совокупность составов мо-

шенничества с приведенными «компьютерными» нормами.

Субъективная сторона характеризуется наличием умысла, корыстного мотива и цели завладения имуществом субъекта предпринимательской деятельности.

Уголовно-правовой анализ специальных составов мошенничества схож с произведенным разбором основного состава данного преступления, поскольку в специальных составах применен весьма спорный так называемый «сферный» принцип. Заложенные законодателем в двух нормах – ст. 159 и 159 УК – элементы технологической инновационности, содержат в себе достаточно много недостатков. Относительно первой нормы возникает вопрос о тавтологичности ее состава с составом ст. 187 УК РФ в части использования заведомо подложных средств платежа для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, вторая же норма не является мошенничеством по причине отсутствия в нем указания на применение преступником обмана или злоупотребления доверием [4, с. 85–88; 5, с. 88–89; 6, с. 224–225].

Присвоение или растрата, то есть хищение имущества субъекта предпринимательской деятельности, вверенного виновному (ст. 160 УК РФ).

Основной и дополнительные объекты, а также предмет посягательства в данной норме схожи с отмеченными выше признаками инновационной кражи.

Объективная сторона преступления. Совокупность данной нормы с «компьютерными» составами может возникнуть в том случае, когда сотрудник, наделенный финансово-хозяйственными полномочиями, используя свое служебное положение, самостоятельно либо с помощью соучастника совершить «взлом» корпоративной системы.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16-ти лет, в том числе обладающее достаточно высокой киберквалификацией, что позволяет говорить о наличии признаков специального субъекта.

Данное преступное посягательство может быть совершено и лицом, не обладающим специальными знаниями, когда электронное устройство выступает в качестве средства связи с потерпевшим, который может быть введен в заблуждение сообщением по электронной почте или иному мессенджеру. При этом не образуется совокупность ст. 160 УК РФ со ст. ст. 272–273 УК РФ.

Субъективная сторона характеризуется наличием умысла, корыстного мотива и цели завладения имуществом субъекта предпринимательской деятельности.

Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких (ст. 163 УК РФ).

Объекты и предмет преступления аналогичны тем, что характерны для совершения кражи.

Объективная сторона. Инновационное вымогательство сопряжено со «взломом» корпоративной системы, после чего злоумышленник требует у руководства компании или индивидуального предпринимателя передачи денег под угрозой распространения конфиденциальных сведений.

В качестве средства совершения рассматриваемого преступления выступают информационно-коммуникационные технологии, а способ заключается в дистанционном воздействии на объект посягательства. Помимо этого, следует особо отметить наличие специально созданных вредоносных программ – «вымогателей» («шантажистов») (англ. ransomware – контаминация слов ransom – выкуп и software – программное обеспечение), блокирующих доступ к компьютерной системе или предотвращающих считывание данных в этой системе посредством криптографических методов, а затем требующих выкупа для восстановления статус-кво.

Также, вымогательство денежных средств субъекта предпринимательской деятельности в совокупности со ст. 138 УК РФ может быть осуществлено, когда злоумышленник незаконно приобретает и использует специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации, с помощью которых собирает данные о личной жизни руководителя/сотрудника компании или же в отношении индивидуального предпринимателя/его сотрудников, после чего требует у юридического или физического лица передачи денег под угрозой распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам субъекта предпринимательской деятельности.

Отметим, что по данной норме, уголовная ответственность наступает с 14-ти лет.

Что касается составов иных преступлений против собственности предпринимателей, то отметим следующее.

Причинение имущественного ущерба субъекту предпринимательской деятельности путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере (ст. 165 УК РФ).

Основной и дополнительные объекты, а также предмет посягательства в данной норме схожи с отмеченными выше признаками инновационной кражи.

Объективная сторона преступления. Такого рода посягательство в совокупности с «компьютерными» преступлениями может быть сопряжено, к примеру, с подключением к интернет-трафику компании, пользуясь которым бесплатно, преступник, тем самым, причиняет субъекту предпринимательской деятельности ущерб на сумму, превышающую 250000 руб.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом, а субъектом преступления является лицо, достигшее возраста 16-ти лет.

Умышленное уничтожение или повреждение имущества субъекта предпринимательской деятельности (ст. 167 УК РФ).

Помимо отмеченных выше *основных и дополнительных объектов*, а также *предмета посягательства*, потенциально, в качестве *дополнительного объекта* могут выступить сферы интересов личности, его жизни и здоровья.

С *объективной стороны* рассматриваемое преступление характеризуется двумя альтернативными действиями в виде уничтожения или повреждения чужого имущества. Учитывая охват цифровой экономики технологическими новациями, очевидна возможность причинения материального ущерба субъекту предпринимательства не только традиционно существующими способами взрыва или поджога, но и посредством действий, содержащихся в ст. 272–273 УК РФ. Квалификация в данном случае последует по совокупности ст. 167 со ст. 272–273 УК РФ.

Учитывая факт подключения современных компаний к системам жизнеобеспечения через компьютерные сети, следует ожидать, что уничтожение сетевых коммуникаций способно привести к полной остановке или дезорганизации работы предприятия, выразиться в смерти человека, а также в иных тяжких последствиях (ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом, а субъектом преступления является лицо, достигшее возраста 16 лет, по ч. 2 ст. 167 УК РФ – 14 лет.

Результаты. Произведенный уголовно-правовой анализ, демонстрирует криминальные потенциалы как цифровых средств, так и лиц, обладающих навыками во «взломе» компьютерных систем и получении доступа к чужой компьютерной информации. При этом организованной цифровой преступной деятельности государство, по сути, противопоставляет лишь деятельность небольшого числа высококлассных сотрудников Управления МВД РФ по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Соответственно, адекватной реакцией на массив цифровых посягательств не происходит.

Заключение. Отмеченное выше позволяет предложить ряд конкретных мер, нацеленных на выправление существующей негативной ситуации.

Во-первых, необходимы меры правового, организационного и образовательного характера, нацеленные на информационно-технологическую подготовку и переподготовку действующих и будущих сотрудников правоохранительных органов, прежде всего тех, в чьи функциональные обязанности входит предупреждение экономической преступности.

Во-вторых, необходимо учесть пример положительного взаимодействия Федеральной службы безопасности РФ с Лабораторией Касперского в рамках государственно-частного партнерства, нацеленного на обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры, включающей в себя ряд значимых для государства объектов.

На наш взгляд, весь комплекс цифровой экономики, включающий в себя деятельность и ресурсы субъектов предпринимательской деятельности, также должен быть охвачен государственной системой криминологической кибербезопасности от инновационных посягательств.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. URL : <https://мвд.рф/reports/item/47055751> (дата обращения 28.05.2024).

© Финкель М.В.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Судья ВС сообщил о росте числа осужденных в РФ за киберпреступления. URL : <https://www.bfm.ru/news/527035> (дата обращения 08.06.2024).
3. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 63.
4. Джафарли В.Ф. Критический уголовно-правовой анализ статьи 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации «Мошенничество в сфере компьютерной информации» / В.Ф. Джафарли // Евразийская адвокатура. 2017. № 5(30). С. 85–88.
5. Джафарли В.Ф. Критический уголовно-правовой анализ статьи 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей» / В.Ф. Джафарли // Евразийская адвокатура. 2018. № 3(34). С. 88–89.
6. Джафарли В.Ф. Критический уголовно-правовой анализ статьи 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» / В.Ф. Джафарли // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8(123). С. 224–225.

References:

1. A brief description of the state of crime in the Russian Federation in january-december 2023. URL : <https://мвд.рф/reports/item/47055751> (date of the application 05/28/2024).
2. The judge of the Supreme Court reported an increase in the number of people convicted of cybercrime in the Russian Federation. URL : <https://www.bfm.ru/news/527035> (date of the application 06/08/2024).
3. Prostoserdov M.A. Economic crimes committed in cyberspace and measures to counteract them : dis. ... candidate of legal sciences. M., 2016. P. 63.
4. Dzhafarli V.F. Critical criminal law analysis of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation «Fraud in the field of computer information» // Eurasian Advocacy. 2017. № 5(30). P. 85–88.
5. Dzhafarli V.F. Critical criminal law analysis of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal turnover of means of payment» // Eurasian Advocacy. 2018. № 3(34). P. 88–89.
6. Dzhafarli V.F. Critical criminal law analysis of Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation «Fraud using electronic means of payment» / V.F. Dzhafarli // Eurasian Legal journal. 2018. № 8(123). P. 224–225.

Информация об авторе

Финкель Марина Вячеславовна
преподаватель
кафедры уголовного права и адвокатуры,
Российский государственный
университет имени А.Н. Косыгина
m.finkel@lawyerspro.ru

Marina V. Finkel
Lecturer of the Department
of Criminal Law and Advocacy,
Kosygin Russian State University
m.finkel@lawyerspro.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-25>
УДК 343.97

Attribution
cc by

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Хасанов Р.Д.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Актуальность. Вопросы противодействия террористической угрозе являются предметом детального анализа в научной литературе на национальном и международном уровнях как одно из важнейших направлений правоохранительной деятельности практически любого современного государства. Необходимость такого изучения обусловлена складывающейся в мировом сообществе ситуацией, свидетельствующей о существенном обострении противоречий экономического, геополитического, идеологического характера, зачастую вызывающих вооруженные конфликты между различными государствами, межгосударственными блоками и объединениями. Указанные тенденции, в свою очередь, обеспечивают развитие радикалистских течений, образующих угрозы системного характера для поступательного развития и стабильности существования мирового сообщества. Этим продиктована необходимость системного подхода к реализации мер по противодействию террористической угрозе.

Цель: изучение проблем функционирования системы предупреждения террористических проявлений в Республике Таджикистан на национальном уровне.

Методы: методологическую основу исследования составляют общенаучные методы, в частности, методы анализа и синтеза, а также частнонаучные методы исследования, среди которых: социологические, статистические, формально-юридические, сравнительно-правовые.

Результаты: изучение проблем функционирования системы предупреждения преступлений террористического характера направлено на повышение эффективности противодействия террористической угрозе на национальном и международном уровне.

Выводы: обозначенные в статье проблемы выявления и нейтрализации причинного комплекса терроризма будут способствовать совершенствованию деятельности субъектов предупреждения террористической преступности как наиболее эффективного способа снижения интенсивности террористической угрозы национальной безопасности государства.

Ключевые слова: преступность, состояние преступности, криминогенные факторы преступности, предупреждение преступности, система предупреждения преступлений, терроризм, террористическая угроза, субъекты предупреждения терроризма.

DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF COUNTERING TERRORIST MANIFESTATIONS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: HISTORY AND MODERNITY

Rakhimdjon D. Khasanov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Relevance. The issues of countering the terrorist threat are the subject of detailed analysis in the scientific literature at the national and international levels as one of the most important areas of law enforcement activity in almost any modern state. The need for such a study is due to the current situation in the world community, which indicates a significant aggravation of contradictions of an economic, geopolitical, and ideological nature, often causing armed conflicts between various states, interstate blocs and associations. These trends, in turn, ensure the development of radicalist movements that pose systemic threats to the progressive development and stability of the existence of the world community. This dictates the need for a systematic approach to the implementation of measures to counter the terrorist threat.

Purpose: to study the problems of the functioning of the system of prevention of terrorist manifestations in the Republic of Tajikistan at the national level.

Methods: the methodological basis of the research consists of general scientific methods, in particular methods of analysis and synthesis, as well as private scientific research methods, including: sociological, statistical, formal legal, comparative legal.

Conclusions: the problems of identifying and neutralizing the causal complex of terrorism outlined in the article will contribute to improving the activities of subjects of preventing terrorist crime as the most effective way to reduce the intensity of the terrorist threat to the national security of the state.

Keywords: crime; state of crime, criminogenic factors of crime, crime prevention, crime prevention system, terrorism, terrorist threat, subjects of terrorism prevention.

Введение. Терроризм в настоящее время представляет собой системный транснациональный феномен, стремительно реагирующий на происходящие в обществе явления и процессы, существенно опережая при этом предпринимаемые мировым сообществом меры по нейтрализации порождаемых им угроз.

Рассматриваемый вид криминального поведения воспринимается рядом ученых как элемент социально-экономической, политической и духовной глобальной системы[9], что, на наш взгляд, наиболее полно отражает саму сущность террористических проявлений.

Трансформация известных миру террористических сообществ, несмотря на присутствующую в зависимости от региональных параметров существования и развития специфику, обладает, по нашему мнению, универсальными объективными признаками, такими, например, как широкое распространение радикалистских идей в цифровом пространстве.

Особая важность рассмотрения проблем системного подхода к борьбе с терроризмом проявляется в развитии интернациональных террористических и экстремистских коалиций, старающихся воздействовать на политическую жизнь не только отдельно взятых государств, но и в региональных и даже в мировых масштабах.

С криминологической точки зрения, система противодействия террористической угрозе представляет собой часть общей системы предупреждения преступности, так как ориентирована на выявление и нейтрализацию факторов воспроизводства одного из видов криминальных проявлений. Опираясь на фундаментальные положения криминологической науки, рассмотрим специфические черты основных элементов обозначенной выше системы с целью установления наиболее значимых современных проблем ее функционирования в сфере противодействия террористическим преступлениям. Традиционно, к упомянутым выше элементам относят объект предупредительного воздействия; его предмет; субъекты предупредительной деятельности; методы выявления и нейтрализации факторов воспроизводства изучаемого вида криминального поведения; нормативное, организационно-управленческое и материально-техническое обеспечение. Каждый из перечисленных элементов включает в себя широкий круг вопросов, относящихся к различным сферам социальной жизни и деятельности. Тесная их взаимосвязь и взаимозависимость позволяет сделать вывод о высокой значимости любой составляющей и является, по нашему убеждению, одним из прин-

ципов, обеспечивающих эффективное снижение террористической опасности.

Становление и развитие системы предупреждения преступности террористического характера и экстремистской направленности в Республике Таджикистан также является одной из важнейших задач обеспечения национальной безопасности. Не случайно, высшие органы государственной власти и управления воспринимают терроризм не иначе как «первостепенную угрозу» безопасности государства [15]. Подобная оценка угроз безопасности продиктована историей становления независимого Таджикистана, пережившего гражданскую войну и огромные людские и экономические потери (самые существенные на территории всего постсоветского пространства), преодолевшего раскол идеологического, конфессионального и регионального характера [13].

В настоящее время криминогенная обстановка в государстве стабилизирована, а анализ официальных статистических данных о состоянии преступности террористического характера на территории Республики Таджикистан позволяет сделать вывод об отсутствии негативных тенденций в динамике регистрируемости преступлений изучаемого вида. Абсолютное количество зарегистрированных преступлений, связанных с террористическими актами, колеблется в пределах от 116 до 345 единиц за последние шесть лет. Удельный вес террористической преступности, в частности, составляет 1,53 % в 2022 году и 0,74 % (практически вдвое меньше) – в 2023 году.

Вместе с тем, ситуация в сфере противодействия террористической угрозе остается достаточно сложной; во многом на нее оказывают воздействие явления и процессы, происходящие в непосредственной близости от государственных границ Таджикистана в государствах, характеризующихся устойчивым влиянием политических течений радикалистского толка (например – Афганистан).

Данное обстоятельство требует постоянного совершенствования деятельности субъектов предупреждения террористических преступлений и поиска перспективных путей воздействия на это крайне опасное для национальной безопасности явление.

Результаты. Одним из наиболее распространенных в правовых науках подходов к определению объекта предупреждения преступности (преступлений), с точки зрения социального управления, как нам представляется, выступает система общественных отношений, являющихся

средой для возникновения и развития правонарушений, в том числе – преступлений, на которые осуществляется воздействие со стороны субъекта предупредительной деятельности.

Принимая данное определение за основу с учетом всех его дискуссионных аспектов, считаем необходимым отметить, что в криминологической науке имеются существенные различия во взглядах относительно содержания обсуждаемого элемента.

К объекту профилактического воздействия причисляют также:

- лиц, совершающих правонарушения;
- социальные группы криминогенного характера;
- негативные социальные процессы, факторы преступности, отдельные географические и административно-территориальные объекты и т.п. [14]

Несмотря на то обстоятельство, что объект превентивного воздействия точно законодательно не закреплен ни в российском законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ни в аналогичном нормативном источнике Таджикистана – Постановлении Правительства «О Государственной программе противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 годы» [4], считаем однообразное понимание указанной дефиниции исключительно важным для построения системы предупредительной деятельности, так как включение в объект разноуровневых категорий может повлечь за собой ошибочные решения в формировании методик профилактической работы по различным направлениям реализации предупредительных мер. Так, если даже рассматривать личность правонарушителя как совокупность общественных отношений, ее основу составляют социально-демографические и морально-психологические параметры, определяющие конкретного индивида и требующие обособленного подхода к воздействию на него. Поэтому считаем обоснованным отнесение перечисленных выше категорий, не являющихся общественными отношениями, к предмету системы профилактики преступлений.

Важным элементом рассматриваемой системы выступает нормативная база, регламентирующая основания, порядок и условия применения тех или иных профилактических мер в конкретной ситуации.

В современном мире террористическая угроза ставит под удар не только основные права и свободы личности, но и широкий круг общественных отношений, обеспечивающих целостность государства, неприкосновенность его границ, иных суверенных интересов. Поэтому иерархию нормативных правовых актов в интересующем нас аспекте открывает Конституция

Республики Таджикистан, где устанавливается запрет на деятельность по разделению единства государства и любая пропаганда этой деятельности (ч. 2 ст. 7 Конституции). Кроме того, Основным законом Республики Таджикистан запрещены «создание и деятельность общественных объединений и политических партий, пропагандирующих расовую, национальную, социальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя и организации вооруженных групп» (ч. 4 ст. 8 Конституции) [1].

Таким образом, в Таджикистане на самом высоком уровне определено отношение общества к подобным действиям.

Закон Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» устанавливает основные принципы борьбы с рассматриваемым явлением, а также правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, методов ликвидации последствий акта терроризма в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты суверенитета, территориальной целостности и безопасности.

Подтверждая принципиальные основы борьбы с террористической угрозой, закрепленные в Конституции Республики Таджикистан, данный закон, в свою очередь, выступает основой для формирования иных нормативных источников, регулирующих вопросы правового воздействия на проявления радикализма в стране. Всего их насчитывается более 35. В частности, к таковым относится Стратегия противодействия терроризму и экстремизму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы. В ней определены наиболее важные проблемы, вызывающие воспроизводство радикальных проявлений и пути их решения, при этом акцент делается на приоритет соблюдения прав и свобод человека и верховенство закона при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом [5].

Транснациональный характер рассматриваемых угроз и схожесть проблем, с которыми сталкиваются сопредельные с Республикой Таджикистан страны, актуализируют процесс развития международного законодательства, позволяющего консолидировать силы и средства отдельных государств для решения общей проблемы.

В первую очередь, правовой регламентации подлежат основы антитеррористического сотрудничества Таджикистана в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС. Ярким примером служит Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 года, в которой особо отмечено, что к современным вызовам и угрозам безопасности ОДКБ относятся международный терроризм и экстремизм [6]. В данной Стратегии определены приоритетные направления деятельности международной организации.

В контексте рассматриваемой нами проблемы, к ним следует отнести:

– развитие системы антитеррористических формирований, являющихся составной частью самого объединения; координация действий участников организации в борьбе с проявлениями радикализма;

– организация информационного обеспечения совместных действий антитеррористических структур, в первую очередь – создание механизмов обменного и систематизированного информационного сотрудничества;

– разработка и осуществление специальных мер противодействия финансированию террористической деятельности и профилактики указанного вида преступной деятельности.

Следует отметить, что систематизация предупредительной работы выделяется как приоритетная мера повышения результативности функционирования ОДКБ.

В соответствии с Шанхайской конвенцией, государства-члены ШОС договорились о сотрудничестве по вопросам предупреждения, выявления и пресечения деяний, указанных в п. 1 ст. 1 (терроризм, сепаратизм и экстремизм) [8] как инструменте совместного обеспечения и поддержания мира, безопасности и стабильности в регионе.

По нашему мнению, рассматриваемая деятельность исключительно важна для продвижения к созданию нового демократического, справедливого и рационального международного политического и экономического порядка. Следует отметить, что круг мероприятий, предпринимаемых в соответствии с этой частью договоренности, достаточно широк: от конструктивного обмена информацией по вопросам обеспечения контртеррористической работы до проведения совместных учений по линии правоохранительных органов и вооружённых сил государств-членов.

Проявления радикализма, выражающиеся в совершении экстремистских и террористических действий, выделяются в качестве одной из основных угроз в законе «О безопасности» Республики Таджикистан, где даются основные дефиниции, позволяющие эффективно применять меры обеспечения национальной безопасности в сложной криминогенной ситуации. Уголовный кодекс Таджикистана содержит ряд норм, предусматривающих ответственность за террористическую деятельность. Помимо этого, особо отмечается, что к данной категории преступлений могут быть отнесены и другие виды преступлений, если они совершены в террористических целях.

В целом, необходимо отметить, что нормативная база противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан разработана и функционирует в необходимом объеме. Между тем, остаются слабо урегулированными или упущены из виду многие аспекты обеспечения антитеррористической безопасности в различных отраслях

общественной жизни. К ним следует отнести социально-экономические, культурно-воспитательные, идеологические, морально-нравственные аспекты, требующие пристального внимания со стороны центральной власти.

Особое место в системе противодействия террористической угрозе занимают субъекты рассматриваемой деятельности. В своей совокупности, они также должны составлять некую подсистему взаимодействующих между собой элементов, каждый из которых функционирует исходя из своих полномочий и обеспечивает достижение общей цели – выявления и нейтрализации причин и условий воспроизводства радикализма в стране.

Считаем необходимым отметить дифференцированный подход законодателя к уточненному определению экстремистской и террористической деятельности в законе «О безопасности», упомянутом ранее. Ни в коей мере не оспаривая логику структурного построения данного источника, основанную на разделении специфических признаков экстремистских проявлений и актов терроризма, обратимся непосредственно к субъектам противодействия им.

В Законе четко определен круг субъектов, которые непосредственно осуществляют борьбу с терроризмом в рамках своих полномочий, обеспечивая антитеррористическую безопасность в пределах компетенции, определяемой Конституцией Республики Таджикистан, данным Законом, другими законами и нормативными правовыми актами Республики Таджикистан[2].

В эту систему законодательно включены:

- Государственный комитет национальной безопасности Республики Таджикистан;
- Министерство внутренних дел;
- Министерство обороны Республики Таджикистан;
- Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией;
- Национальная гвардия;
- Комитет по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне при Правительстве Республики Таджикистан.

Наряду с ними, изучаемый источник определяет круг субъектов, осуществляющих борьбу с экстремизмом. Помимо Государственного комитета национальной безопасности Республики Таджикистан и Министерства внутренних дел отнесены Министерство иностранных дел, Министерство юстиции и Таможенная служба при правительстве Республики Таджикистан. В качестве участников упоминаются Суды Республики Таджикистан, органы государственной власти и управления, местные исполнительные органы государ-

ственной власти и органы местного самоуправления. Общее руководство деятельностью по борьбе с экстремизмом осуществляет Правительство Республики Таджикистан.

Критически оценивая рассмотренный подход государства к определению субъектов борьбы с радикализмом, считаем необходимым высказать свою точку зрения относительно подобной законодательной конструкции.

Безусловно, терроризм и экстремизм представляют собой однородные явления социальной реальности, рассматриваемые как формы радикализма в способах достижения определенных целей. Большинство ученых и практиков, занимающихся данной проблемой, приходят к выводу о том, что эти категории рассматриваются как часть и целое: терроризм представляет собой крайнюю форму проявления экстремизма. Экстремизм рассматривается как деятельность, направленная против основ конституционного строя, общественной безопасности, а также против личности, связанная с применением насилия и возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни; терроризм – устрашение как способ оказания воздействия на общество с целью изменения политической, идеологической и иной ситуации [10].

На основании изложенного, представляется в возможным сделать вывод о том, что, помимо прямо указанных в законе Республики Таджикистан субъектов рассматриваемых видов деятельности, в их систему необходимо включить значительное число иных организаций, учреждений, ведомств, располагающих возможностями выявления либо нейтрализации тех или иных факторов экстремистской и террористической преступности.

По нашему убеждению, даже, если рассматриваемые функции напрямую не входят в сферу их компетенции, они могут рассматриваться как участники предупреждения указанных преступлений, оказывающие содействие в достижении поставленных обществом и государством целей. В частности, в Республике Таджикистан созданы и успешно функционируют специальные просветительские группы, составляемые из представителей органов власти и местного самоуправления, деятелей науки, образования, искусства, спорта. Указанные группы проводят встречи с населением, рассказывая об угрозах радикализации общественной жизни и о последствиях терроризма и экстремизма для общества и государства. Активно сотрудничая со средствами массовой информации, они прилагают усилия для создания антитеррористической информационной среды с целью формирования неприятных форм и методов действия экстремистских и террористических группировок и движений [11]. Еще одним примером может служить функционирование учреждений таджикской системы религиозного образования, где активно возрождается традиционная духовная культура, нацио-

нальные ценности и традиции в противовес радикальному исламу.

Таких примеров, характеризующих деятельность участников антитеррористической деятельности, в Республике Таджикистан достаточно много; все они требуют законодательного закрепления и нормативного регулирования проводимых профилактических мероприятий, так как, рассматриваемая сфера общественных отношений, исключительно важна для обеспечения государственной безопасности и затрагивает наиболее значимые права и интересы населения страны.

Республика Таджикистан широко использует разнообразный инструментарий противодействия экстремистским проявлениям на территории государства, применение которых также подробно регламентируется антитеррористическим законодательством, разделяющим их по следующим направлениям:

- выявление террористических угроз и, непосредственно, самой террористической деятельности;
- ее предупреждение, пресечение, расследование и судопроизводство по делам о преступлениях террористического характера.

Особое место занимают мероприятия по проведению контртеррористических операций, исключительно актуальных для Таджикистана и в настоящее время - в связи с постоянно существующей угрозой криминального воздействия с территории стран, граничащих с республикой, которые проводят представители радикальной оппозиции и иностранных террористических государств и сообществ.

В силу специфики указанных мероприятий, законодательно урегулированы основания, организация и порядок их проведения. Особое внимание уделяется возмещению вреда, причиняемого в процессе силового воздействия на криминальные структуры, а также социальной реабилитации лиц, которым был причинен тот или иной вред.

Современные тенденции развития террористических угроз указывают на необходимость укрепления международного сотрудничества в рассматриваемой сфере, что обусловлено общностью интересов государств-участников международных объединений и содержанием имеющихся угроз. Залогом успешного взаимодействия, в этом случае, выступает приведение национальных нормативных источников в соответствие с основополагающими принципами противодействия радикализму.

Заключение. Подводя итог изложенному, отметим, что в Республике Таджикистан к настоящему моменту, в целом, выработана и успешно функционирует единая система законодательно-нормативных актов в области обеспечения безопасности, противодействия и борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Наиболее важным компонентом в общей системе национальной безопасности является взаимодействие всех структур государственной власти и местных органов управления с обществом и гражданами по выработке эффективных путей поддержания мира и стабильности в Республике Таджикистан, путей и форм проведения профилактических мер по противодействию радикализма, экстремизма и терроризма.

Одним из основных принципов борьбы с международным терроризмом выступает комплексность принимаемых мер: укрепление и приведение в соответствие с требованиями времени правовой базы антитеррористической деятельности, приоритет превентивных мер по устранению причин и условий терроризма, всемерная защита и соблюдение основополагающих ценностей общества, обязательность учета государственных задач по устранению локальных вызовов, способствующих росту экстремизма, в любой законотворческой инициативе.

Вместе с тем, необходимо признать наличие существенных недоработок в отдельных нормативных правовых актах, касающихся различных сфер жизнедеятельности общества, не устраненных до настоящего времени просчетов в законодательных конструкциях и даже противоречий между ними, существенно затрудняющих результативную предупредительную работу.

Сохраняется неблагоприятная ситуация, когда действующие нормативные правовые акты, предоставляющие определенные полномочия структурам государственной и местной власти и правоохранительным формированиям, не могут полностью обеспечить достижение целей предупреждения террористической угрозы. Причиной тому является отсутствие успешных попыток нейтрализации факторов, провоцирующих отдельных граждан, обособленные социальные группы, политические партии, к следованию призывам радикальных религиозных, террористических организаций к антигосударственной деятельности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 года. (с изменениями и дополнениями в результате референдума от 22.06.2003 г.) Законодательство стран СНГ // https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2213
2. О безопасности. Закон Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. №721 (в редакции Закона Республики Таджикистан от 03.08.2018 № 1540). URL : https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=46031
3. О противодействии терроризму. Закон Республики Таджикистан от 23.12.2021 г. № 1808. Законодательство стран СНГ. URL : https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=137455
4. О Государственной программе противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 годы. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 года № 265. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38299996&pos=4
5. О Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы. Указ Президента Республики Таджикистан от 01 июня 2021 года. № 187. URL : http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=139590
6. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года. Утверждена решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14 октября 2016 года. URL : <https://odkb-csto.org>
7. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. URL : <https://base.garant.ru/71428030>
8. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) URL : <https://base.garant.ru/2561763>
9. Каримов Ш.К. Терроризм и особенности его проявления в современных условиях республики Таджикистан: автореф. дисс. кандидата политических наук: 23.00.02 / Каримов Шоди Курбоналиевич [Место защиты: Тадж. нац. ун-т]. Душанбе, 2015. С. 3.
10. Кокорев В.Г. Соотношение понятий «терроризм» и «экстремизм» / В.Г. Кокорев // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1(047). С. 47–53.
11. Майтдинова Г.М. Реализация стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 года: права человека и верховенство закона / Г.М. Майтдинова // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 6. С. 573–582.
12. Основы обеспечения национальной безопасности, противодействия терроризму и экстремизму в законодательстве Республики Таджикистан в современных условиях. URL : <https://www.hgu.tj/news/post>

© Хасанов Р.Д.

13. Попов Д. Таджикистан перед лицом угрозы международного терроризма // Россия и мусульманский мир. 2017. № 3(297). С. 54.
14. Предупреждение и профилактика преступлений. URL : https://online-edu.ranepa.ru/pluginfile.php/31969/mod_resource/content/26/2020-02_CRM_07-03_text.pdf
15. Рахмон Э. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан / Э. Рахмон // Президент Таджикистана: офиц. интернет-сайт. 2016. 20 января. URL : <http://www.president.tj/ru/node/10587>
16. Рахмонов А. Основы обеспечения национальной безопасности, противодействия терроризму и экстремизму в законодательстве Республики Таджикистан в современных условиях / А. Рахмонов, С. Пардаев. URL : <https://www.hgu.tj/news/post>

References:

1. Constitution of the Republic of Tajikistan on November 06, 1994. (with amendments and additions as a result of the referendum of June 22, 2003) Legislation of the CIS countries. URL : https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2213
2. About defenselessness. Law of the Republic of Tajikistan dated June 28, 2011 № 721 (as amended by the Law of the Republic of Tajikistan dated 08/03/2018 № 1540). URL : https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46031
3. On countering terrorism. Law of the Republic of Tajikistan dated December 23, 2021 № 1808. Legislation of the CIS countries. URL : https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=137455
4. On the State Program for Combating Crime in the Republic of Tajikistan for 2021–2030. Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated June 30, 2021 № 265. URL : https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38299996 &pos=4
5. On the Strategy for Countering Extremism and Terrorism in the Republic of Tajikistan for 2021-2025. Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated June 01, 2021, № 187. URL : http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=139590
6. Collective Security Strategy of the Collective Security Treaty Organization for the period until 2025. Approved by a decision of the CSTO Collective Security Council dated October 14, 2016. URL : <https://odkb-csto.org>
7. On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation. Federal Law № 182-FZ of June 23, 2016. URL : <https://base.garant.ru/71428030>
8. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (Shanghai, June 15, 2001). URL : <https://base.garant.ru/2561763>
9. Karimov Sh.K. Terrorism and the peculiarities of its manifestation in the modern society of the Republic of Tajikistan: abstract. Dissertation Candidate of Political Sciences: 23.00.02 / Karimov Shodi Kurbonalievich; [Place of defense: Taj. national un-t]. Dushanbe, 2015. P. 3.
10. Kokorev V.G. Correlation of the concepts of «terrorism» and «extremism» / V.G. Kokorev // Socio-economic phenomena and processes. 2013. № 1(047). P. 47–53.
11. Maitdinova G.M. Implementation of the strategy for countering extremism and terrorism in the Republic of Tajikistan for 2021–2025: human rights and the rule of law / G.M. Maitdinova // Post-Soviet studies. 2022. Vol. 5. № 6. P. 573–582.
12. Fundamentals of ensuring national security, countering terrorism and extremism in the legislation of the Republic of Tajikistan in modern conditions. URL : <https://www.hgu.tj/news/post>
13. Попов Д. Tajikistan in the face of growing international terrorism // Russia and the Muslim World. 2017. № 3 (297). P. 54.
14. Crime prevention and prevention. URL : https://online-edu.ranepa.ru/pluginfile.php/31969/mod_resource/content/26/2020-02_CRM_07-03_text.pdf
15. Rahmon E. Ambassador of the President of the Republic of Tajikistan to the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan // The President of Tajikistan: ofic. website. 2016. January 20th. URL : <http://www.president.tj/ru/node/10587>
16. Rakhmanov A. Fundamentals of ensuring national security, countering terrorism and extremism in the legislation of the Republic of Tajikistan in modern conditions / A. Rakhmanov, S. Paradaev. URL : <https://www.hgu.tj/news/post>

Информация об авторе

Хасанов Рахимджон Давлатович
адъюнкт очной формы обучения
кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
rahimjan.hasanov@bk.ru

Rakhimjon D. Khasanov
Full-time Adjunct Student
of Department of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
rahimjan.hasanov@bk.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-27>

УДК 34

Attribution

cc by

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ГРАНИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ В ОТНОШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЗМА

Чимаров С.Ю.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Цель: публикация посвящена исследованию сущностных аспектов патриотической идеи, получившей свое развитие в формате нормативно-правового закрепления в соответствующих актах права и свидетельствующей о постоянстве внимания государства к формированию правового сознания граждан, от приверженности которых патриотической позиции в отношении России зависит благополучие нашей страны и устойчивость динамики ее дальнейшего развития. Акцентируя внимание на ряде правовых норм в отношении детализации понятия российского патриотизма и направлений его эволюции, автор заключает о важности правового воспитания наших соотечественников в духе патриотической заботы о своей Родине.

Методы: методологическая база исследования основывается на диалектическом подходе к пониманию актуальности правовой регламентации патриотического начала, определяющего квинтэссенцию личностных качеств каждого гражданина Российской Федерации. В процессе исследования задействованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, эвристический, аксиологический) методы познания, а также метод контент-анализа. Результаты исследования: в публикации нашел отражение обобщенный анализ наиболее значимых аспектов национального абриса патриотизма: в контексте их нормативно-правовой регламентации, а также представлены некоторые «маркеры» патриотического воспитания населения нашей страны, имеющие многовековую историю и апробированные длительным опытом российского государства на пути укрепления своего национального суверенитета. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в процессе самообразования начальствующих лиц органов внутренних дел и для более углубленного изучения преподавательским составом и научными сотрудниками образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: право, государство, государственный суверенитет, законодательство, патриотизм, правовое сознание, органы внутренних дел.

STATE-LEGAL ASPECTS OF THE DOMESTIC SCIENTIFIC THOUGHT ON THE PROBLEM OF PATRIOTISM

Sergey Yu. Chimarov

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Purpose: the publication is devoted to the study of the essential aspects of the patriotic idea, which was developed in the format of normative legal consolidation in the relevant acts of law and testifies to the constant attention of the state to the formation of legal consciousness of citizens, on whose commitment to the patriotic position towards Russia depends the well-being of our country and the stability of the dynamics of its further development. Focusing on a number of legal norms regarding the details of the concept of Russian patriotism and the directions of its evolution, the author concludes on the importance of legal education of our compatriots in the spirit of patriotic care for their Homeland.

Methods: the methodological basis of the research is based on a dialectical approach to understanding the relevance of the legal regulation of the patriotic principle, which determines the quintessence of personal qualities of every citizen of the Russian Federation. The research process involves general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, heuristic, axiological) methods of cognition, as well as the method of content analysis. Research results: the publication reflects a generalized analysis of the most significant aspects of the national outline of patriotism: in the context of their regulatory and legal regulation, and also presents some «markers» of patriotic education of the population of our country, which have a centuries-old history and have been tested by the long experience of the Russian state in strengthening its national sovereignty. Conclu-

sions and conclusions: the materials of the publication can be used in the process of self-education of the heads of the internal affairs bodies and for more in-depth study by the teaching staff and researchers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: law, state, state sovereignty, legislation, patriotism, legal consciousness, internal affairs bodies.

Введение.

Современная тенденция к обострению противостояния между Россией и недружественными странами «коллективного Запада», пребывающими под эгидой США, предопределяет необходимость переосмысления темы патриотизма, правовая регламентация которой находит закрепление в ряде законодательных решений и подзаконных актов, относящихся к уровню стратегического планирования.

В этой связи, представляется актуальным и оправданным проведение анализа государственно-правовых аспектов отечественной научной мысли относительно идеи патриотизма, воплощенной в соответствующих нормативных правовых установлениях первой четверти XXI века.

По указанной причине, настоящая публикация призвана восполнить определенную лауну научных представлений в указанной предметной области, одновременно уточняя при этом наиболее значимые моменты из области заявленной темы проведенного исследования.

Обсуждение.

Тема патриотизма гражданина России имеет непреходящее значение, а ее общественная презентация осуществлялась во все времена и востребована как никогда для реалий переживаемого современного периода развития нашей страны.

При этом следует указать на актуальность отмеченной темы для России, укрепляющей «линию» поведения в направлении обеспечения своего государственного суверенитета.

Указанное обстоятельство позволяет по-новому оценить фактор расстановки необходимых акцентов в отношении формирования новых скреп правового сознания каждого гражданина нашей страны, который по определению должен быть патриотом своей Родины.

Данному тезису корреспондирует вывод, сводимый к тому, что «формирование гражданина-патриота закономерным образом сочетается с фактором системного подхода к организации воспитательной работы на идеях уважительного отношения каждой отдельной личности к истории своей страны, традициям укрепления ее экономической мощи и защиты от любых посягательств на достойное существование в современном многополярном мире, содержащем обилие угроз и вызовов [1, с. 15].

Апеллируя к важности нравственно-выверенного вектора воспитания в контексте патриотизма, к

примеру личного состава правоохранительной институции, Е.А. Матвиенко справедливо констатирует остроту задачи патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел: «Сам характер их деятельности таков, что без (формируемого в значительной степени патриотизмом) прочного духовного стержня личности выполнение стоящих перед ними задач практически невозможно» [2, с. 8].

При анализе особенностей государственно-правового подхода к проблеме нормативного закрепления патриотических начал в нашей стране на современном этапе, следует заметить, что с начала 2000-х гг. вопрос патриотического воспитания населения Российской Федерации начинается:

— во-первых, более интенсивно оформляться в качестве нравственного ориентира для наших граждан;

— во-вторых, претерпевать (с правовой точки зрения) более четкое понимание слагаемых отечественного патриотизма.

В частности, принятая 21 мая 2003 г. правительственная «Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации», под патриотизмом понимает «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите» [3].

Общее направление движения многонационального народа России по пути ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями и в духе приверженности патриотизму, определено в преамбуле Конституции Российской Федерации [4] и выражено такими нравственными постулатами, как: почитание памяти предков, служащей основой традиций, выражающихся в передаче нашему поколению любви и уважения к Отечеству, веры в добро и справедливость.

Непосредственно вопросу патриотического воспитания российских граждан посвящены положения ст. 67.1 Конституции страны, закрепляющей основополагающий смысл патриотического начала: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ч. 2).

При этом конкретизация конституционных основ российского патриотизма представлена следующими нормативными установлениями отме-

ченной статьи Основного закона нашей страны (ч. 3–4):

- во-первых, почитание памяти защитников Отечества;
- во-вторых, защита исторической правды;
- в-третьих, запрет на принижение подвига народа при защите Отечества;
- в-четвертых, забота государства о всестороннем духовном, нравственном, интеллектуальном и физическом развитии детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности.

В Указе Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 [5] патриотизм возведен на уровень традиционной ценности, а любое отрицание идеалов патриотизма и служения Отечеству свидетельствует о разрушающем воздействии на личность каждого гражданина чуждой для российского общества идеологии.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309 [6], принцип патриотизма, наряду с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, имеет существенное значение при стратегическом целеполагании, связанном с решением задач обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, укрепления ее государственного, культурно-

ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан. При этом в кругу национальных целей развития России до отмеченных исторических вех, произведен акцент на воспитании патриотичной личности, с одновременным возрастанием к 2030 г. доли молодых людей (не менее чем до 75 %), участвующих в различных проектах и программах, направленных в том числе на патриотическое воспитание.

Заключение. Подводя итог отмеченному, следует заметить следующее:

1. Тема патриотизма граждан Российской Федерации относится к разряду вечных для нашей страны ценностей нравственного звучания, а приверженность каждого нашего соотечественника духу преданности своей Родине и постоянной готовности к ее защите выступает основополагающим условием государственного суверенитета России и ее могущества.

2. Возведение сущностных положений российского патриотизма на уровень их нормативно-правового регулирования, придает большую устойчивость отечественной парадигме соотношения морали и права, стержнем которой является стремление к заботе о благе своего Отечества каждого патриотически настроенного гражданина.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бородавко Л.Т. Социальный аспект патриотического воспитания российского гражданина в воззрениях Н.Н. Стрехова / Л.Т. Бородавко, С.Ю. Чимаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 13–15.
2. Матвиенко Е.А. Патриотизм как основа взаимоотношений государства и личности в современной России / Е.А. Матвиенко // Научный портал МВД России. 2019. № 2. С. 7–13.
3. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей). Протокол № 2(12)-П4 от 21 мая 2003 г.). URL : <https://www.xn--80ajfgdrew3ad2l.xn--p1ai/doc/Kontseptsiya-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf> (дата обращения 07.05.2024).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 11.05.2024).
6. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 08.05.2024).

References:

1. Borodavko L.T. The social aspect of the patriotic education of a Russian citizen in the views of N.N. Strakhova / L.T. Borodavko, S.Yu. Chimarov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 8. P. 13–15.
2. Matvienko E.A. Patriotism as the basis of the relationship between the state and the individual in modern Russia / E.A. Matvienko // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. P. 7–13.
3. The concept of patriotic education of citizens of the Russian Federation (approved at a meeting of the Government Commission on Social Issues of military personnel, citizens discharged from military service, and members of their families). Protocol № 2(12)-P4 dated May 21, 2003). URL : <https://www.xn--80ajfgdpew3ad2l.xn--p1ai/doc/Kontseptsiya-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf> (date of the application 05/07/2024).
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020) // SPS «ConsultantPlus».
5. Decree of the President of the Russian Federation of November 09, 2022 № 809 «On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of the application 05/11/2024).
6. Decree of the President of the Russian Federation dated May 07, 2024 № 309 «On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030 and for the future until 2036». URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (date of the application 05/08/2024).

Информация об авторе

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>
serg120756@gmail.com

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>
serg120756@gmail.com

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-40>
УДК 331.5

Attribution
cc by

ЗАНЯТОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Степанов К.В.³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

³Южный федеральный университет

Аннотация. Об актуальности темы исследования свидетельствуют такие факторы, как нехватка работников по разным причинам: демографические, которые приводят к снижению численности работоспособного населения, мобилизация в связи с проведением специальной военной операции, релокация – выезд в другие страны некоторых работников из-за возможной их мобилизации, переход работников в оборонную промышленность, уменьшение количества приезжающих трудовых мигрантов. Целью статьи является анализ ситуации в сфере занятости на российском рынке труда, объектом исследования – занятые российские граждане, методами исследования – статистический метод, сравнение, анализ и синтез, дедукция и индукция.

Результаты. В процессе исследования достаточно широко использованы официальные статистические данные о занятости российского населения. Показана динамика уровня занятости, общей численности занятого населения, занятых работников по видам экономической деятельности, создаваемых и ликвидированных рабочих мест, потребности организаций в рабочих местах для замещения вакантных рабочих мест, количества занятых работников по группам занятий на основной работе, работников, занятых неполное рабочее время, самозанятых. Особое внимание уделяется рассмотрению трудоустройства выпускников образовательных организаций, соответствия работы трудоустроенных выпускников полученной специальности, квалификации, значения целевого обучения в образовательных организациях для трудоустройства выпускников.

Основной вывод заключается в том, что для обеспечения потребности экономики и социальной сферы в занятых работниках необходимо повышать производительность труда, внедрять современную технику и технологии, искусственный интеллект, повышать работникам заработную плату.

В обзоре литературы можно отметить, что опубликовано много работ, в которых дан анализ актуальных проблем рынка труда, рабочей силы, занятости в России. Среди них следует отметить публикации по проблемам трудовых ресурсов, общероссийского и региональных рынков труда, занятости на федеральном и региональном уровнях, регулирования рынка труда, государственной политики занятости населения, подготовки кадров для рынка труда, влияния миграции на рынок труда, правовое регулирование рынка труда, занятости, доходов занятого населения, самозанятости.

Ключевые слова: вид экономической деятельности, выпускник, группа занятий, занятость, неполное рабочее время, работник, рабочее место, самозанятый, трудоустройство, федеральный закон, целевое обучение.

EMPLOYED POPULATION IN THE RUSSIAN LABOR MARKET

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov², Konstantin V. Stefanov³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

²South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

³Southern Federal University

Abstract. The relevance of the research topic is evidenced by such factors as a shortage of workers for various reasons: demographic, which lead to a decrease in the working-age population, mobilization in connection with a special military operation, relocation – the departure of some workers to other countries due to their possible mobilization, the transfer of workers to the defense industry, a decrease in the number of incoming labor migrants. The purpose of the article is to analyze the situation in the field of employment in the Russian labor market, the object of research is employed Rus-

sian citizens, the research methods are the statistical method, comparison, analysis and synthesis, deduction and induction.

Outcomes. In the course of the study, official statistical data on the employment of the Russian population were widely used. The dynamics of the level of employment, the total number of employed population, employed workers by types of economic activity, created and eliminated jobs, the need of organizations for employees to fill vacant jobs, the number of employed employees by groups of occupations at the main job, part-time workers, self-employed are shown. Particular attention is paid to the consideration of the employment of graduates of educational organizations, the correspondence of the work of employed graduates to the received specialty, qualifications, the importance of targeted training in educational organizations for the employment of graduates.

The main conclusion is that in order to meet the needs of the economy and the social sphere in employed workers, it is necessary to increase labor productivity, introduce modern equipment and technologies, artificial intelligence, and increase wages for employees.

In the literature review, it can be noted that many works have been published, in which an analysis of topical problems of the labor market, labor force, and employment in Russia is given. Among them, it is worth noting publications on the problems of labor resources, all-Russian and regional labor markets, employment at the federal and regional levels, labor market regulation, state employment policy, training of personnel for the labor market, the impact of migration on the labor market, legal regulation of the labor market, employment, incomes of the employed population, and self-employment.

Keywords: type of economic activity, graduate, group of occupations, employment, part-time work, employee, workplace, self-employed, employment, federal law, targeted training.

Введение. Занятость определяется как трудовая и иная, не противоречащая законодательству, деятельность граждан, осуществляемая ими в целях производства товаров, выполнения работ, оказания услуг, направленная на получение дохода [1]. Занятыми являются граждане:

– работающие по трудовому договору, проходящие государственную службу соответствующего вида, муниципальную службу или имеющие иную оплачиваемую работу, службу. Исключение составляют граждане, участвующие в оплачиваемых общественных работах, для которых указанные работы не являются подходящей работой, работающие члены избирательных комиссий, комиссий референдума с правом решающего голоса не на постоянной, штатной основе;

– зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты и иные люди, чья профессиональная деятельность подлежит государственной регистрации, лицензированию;

– занятые ведением личного подсобного хозяйства, осуществлением традиционной хозяйственной деятельности, занимающиеся промыслами, в том числе народными художественными промыслами, традиционными промыслами коренных малочисленных народов Российской Федерации, и реализующие произведенную продукцию по договорам;

– выполняющие работы по договорам гражданско-правового характера, предметами которых являются выполнение работ и оказание услуг, в том числе договорам авторского заказа;

– избранные, назначенные или утвержденные на оплачиваемую должность;

– проходящие военную службу по призыву, альтернативную гражданскую службу, пребывающие в добровольческих формированиях;

– временно отсутствующие на рабочем месте в связи с временной нетрудоспособностью, отпуском, прохождением профессионального обучения, получением профессионального образования, дополнительного профессионального образования, приостановкой производства, вызванной забастовкой, призывом на военные сборы, привлечением к мероприятиям, связанным с подготовкой к военной службе, альтернативной гражданской службе, исполнением других государственных и общественных обязанностей, иными уважительными причинами;

– являющиеся участниками, членами корпоративных коммерческих организаций;

– являющиеся членами крестьянского (фермерского) хозяйства.

Результаты. Обсуждение. Рассмотрим динамику занятого населения в возрасте 15 лет и старше с января 2017 по январь 2024 года. Численность занятых увеличилась с 71 млн 838 тыс. до 73 млн 232 тыс. [2]. Незначительно изменился уровень занятости – 59,1 % и 60,6 %. Потенциальная рабочая сила с 2010 до 2023 года уменьшилась с 1 млн 730,7 тыс. до 835,1 тыс.

По видам экономической деятельности с 2017 по 2022 год увеличилась среднегодовая численность занятых в добыче полезных ископаемых; строительстве; транспортировке и хранении; деятельности гостиниц и предприятий общественного питания. Уменьшилась количество занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве; обрабатывающих производствах; обеспечении электрической

энергией, газом и паром; кондиционировании воздуха; оптовой и розничной торговле; ремонте автотранспортных средств и мотоциклов; финансовой и страховой деятельности; деятельности по операциям с недвижимым имуществом; профессиональной, научной и технической деятельности; образовании. На том же уровне сохранилась численность занятых в водоснабжении; водоотведении, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений; деятельности в области здравоохранения и социальных услуг; в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

В 2023 году приняты на работу 10 млн 822,3 тыс. работников (32,1 % к списочной численности), выбыли 10 млн 938,5 тыс. (32,5 %). Были заняты 37 млн 690 тыс. мужчин и 35 млн 946 тыс. женщин. По группам занятий на основной работе насчитывалось 3 млн 556 тыс. руководителей, 19 млн 895 тыс. специалистов высшего уровня квалификации, 10 млн 300 тыс. специалистов среднего уровня квалификации, 2 млн 534 тыс. служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием, 12 млн 015 тыс. работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности, 1 млн 449 тыс. квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства, 9 млн 142 тыс. квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий, 9 млн 231 тыс. операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей, 5 млн 514 тыс. неквалифицированных рабочих. Следует обратить особое внимание на наличие большого количества неквалифицированных рабочих.

Занятость зависит от создаваемых и ликвидируемых рабочих мест. С 2017 по 2021 год уменьшилось количество созданных рабочих мест с 2 млн 179,6 тыс. до 2 млн 045 тыс., с 6,6 % до 6,1 % к числу замещенных рабочих мест, ликвидированных рабочих мест с 2 млн 214,5 тыс. до 2 млн 032,1 тыс., с 6,7 % до 6 %. Потребность организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест увеличилась с 2008 до 2022 года с 898,9 тыс. до 1 млн 511,7 тыс., с 2,8 % к общему числу рабочих мест до 5,4 %. В 2022 году количество кандидатов на одну должность – 5, в 2023-м – 4,5, в апреле 2024 – 3,6 [3]. Самый большой конкурс на вакансии существовал в сфере искусства, развлечения, массмедиа (21,1), самый маленький – в розничной торговле (1,7). Востребованными являются работники в строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, сельском хозяйстве, добывающей и авиационной промышленности, IT-компаниях, на транспорте, в торговле, финансовых организациях. В строительстве и жилищно-коммунальном хозяйстве наиболее востребованными работниками являются слесарь аварийно-восстановительных работ, водитель, дворник, слесарь по эксплуатации и ремонту газового оборудования, электромонтер по ремонту элект-

троборудования, инженер, электрогазосварщик, слесарь-сантехник, тракторист, слесарь-ремонтник.

Структура занятых по уровню образования в 2022 году следующая: высшее – 34,8 %, среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена – 25,8 %, по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих – 19,7 %, среднее общее – 15,7 %, основное общее – 3,9 %, не имели основного общего образования – 0,2 %. [4]. Доля рабочей силы в возрасте 22 лет и старше, имеющей среднее профессиональное и высшее образование, в общей численности рабочей силы соответствующего возраста, увеличилась с 2019 года с 79,2 % до 81,2 % в 2023 году [2].

Весьма актуальной проблемой является трудоустройство выпускников образовательных организаций. 3 млн 252,3 тыс. человек окончили образовательные организации, в том числе 1 млн 741,2 тыс. с высшим образованием, 1 млн 089,7 тыс. профессиональным образованием по программе подготовки специалистов среднего звена, 421,4 тыс. по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих. Трудоустроены 917,2 тыс. выпускников 2022 года (77,6 % в общей численности выпускников), в том числе 498,8 тыс. (79 %) с высшим образованием, 302 тыс. (75,1 %) средним профессиональным образованием по программе подготовки специалистов среднего звена, 116,3 тыс. (78,6 %) по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих. Доля трудоустроенных выпускников мужчин составила 80,3 %, женщин – 74,8 %, в городе – 79,4 %, сельской местности – 72,4 %.

В городе доля больше трудоустроенных выпускников по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих (81,8 %), сельской местности – с высшим образованием (75 %). Работа трудоустроенных выпускников с высшим образованием соответствует полученной специальности, квалификации – 76 %, не соответствует – 24 %. Значительное несоответствие у выпускников специальности по политическим наукам и регионоведению (60 %). У трудоустроенных выпускников со средним профессиональным образованием по программе подготовки специалистов среднего звена работа соответствует (62 %) и не соответствует (38 %), по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих – 58 % и 42 %. Больше процент несоответствия по программе подготовки специалистов среднего звена был по технике и технологии строительства (53 %), машиностроению (54 %), техносферной безопасности и природообустройству (53 %), прикладной геологии, горному делу, нефтегазовому делу и геодезии (54 %), технике и технологии кораблестроения, водному транспорту (54 %), сельскому, лесному и рыбному хозяйству (53 %), юриспруденции (53 %), по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих – машиностроению (51 %), прикладной геологии, горному делу, нефтегазовому делу и геодезии (51 %), технике и

технологии кораблестроения и водному транспорту (54 %), технологии легкой промышленности (52 %), сельскому, лесному и рыбному хозяйству (61 %), социологии и социальной работе (55 %). Среди выпускников с высшим образованием занятых было 1 млн 660,1 тыс., средним профессиональным образованием – 1 млн 407,4 тыс.

Стали придавать большое значение целевому обучению в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования. Так, например, в 2023 году по целевому набору принято 48,7 тыс. человек по инженерным, медицинским и педагогическим специальностям [5]. Произошли значительные изменения по приему абитуриентов на целевое обучение. Целевое обучение означает получение образования в соответствии с договором, который предусматривает трудоустройство после получения диплома в соответствии с полученной квалификацией. Абитуриент заключает договор с федеральным, региональным государственным органом, органом местного самоуправления, юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем. Заказчики целевого обучения размещают предложения о заключении договоров на портале «Работа в России», который интегрирован в суперсервис «Поступление в вуз онлайн». Абитуриент в суперсервисе может получить информацию об организации, которая готова заключить договор, найти и выбрать будущего работодателя, в электронном виде заключить договор. Организация имеет возможность выбрать наиболее подготовленных абитуриентов. Договор будет заключаться после зачисления в образовательную организацию. В договоре могут быть указаны такие условия, как трудоустройство, прохождение практики у заказчика целевого обучения, студента во время обучения будет сопровождать наставник – представитель будущего работодателя, требования к успеваемости.

С 2000 до 2022 года изменилась численность работников организаций по формам собственности: государственная, муниципальная – 23 млн 961 тыс. и 16 млн 465 тыс. (46,8 % и 38,4%), частная – 17 млн 523 тыс. и 21 млн 934 тыс. (34,2 % и 51,1 %), собственность общественных и религиозных организаций, объединений – 422 тыс. и 126 тыс. (0,8 % и 0,3 %), смешанная российская – 7 млн 706 тыс. и 1 млн 686 тыс. (15 % и 3,9 %), иностранная, совместная российская и иностранная – 1 млн 626 тыс. и 2 млн 373 тыс. (3,2 % и 5,5 %) [4].

В 2022 году в трудовой деятельности по производству товаров для собственного использования участвовали 21 млн 679 тыс. (уровень участия – 18 %), неоплачиваемой работе при прохождении профессионально-технической подготовки, стажировки – 100 тыс. (0,1 %), трудовой деятельности волонтеров – 1 млн 938 тыс. (1,6 %). Положительной тенденцией является увеличение количества самозанятых. С 2020 по 2024 год количество самозанятых увеличилось с 0,5 млн

до 9,5 млн [6]. Большинство самозанятых занимается торговлей и ремонтом, продажей продукции собственного производства, предоставлением образовательных услуг. В Москве более 1,5 млн человек зарегистрированы самозанятыми, 17 % жителей страны. Работают парикмахерами, стилистами, фитнес-тренерами, дизайнерами, копирайтерами, флористами, нянями, сиделками, репетиторами.

В соответствии с властными полномочиями, 924 тыс. имели статус работодателя, 3 млн 573 тыс. – самозанятых работников, не использующих наемный труд, 274 тыс. – зависимые подрядчики, 66 млн 989 тыс. – наемные работники, 214 тыс. – помогающие на семейном предприятии. В соответствии с типом экономического риска, было 4 млн 870 тыс. работников, занятых с целью получения прибыли, в том числе независимые работники на семейных предприятиях, ориентированных на рынок (4 млн 382 тыс.), зависимые подрядчики (274 тыс.), помогающие на семейном предприятии (214 тыс.). 67 млн 104 тыс. работали за заработную плату, из них 115 тыс. – владельцы-управляющие компаниями, 66 млн 989 тыс. – наемные работники. [4].

Работники продолжают трудиться неполное рабочее время. В 2022 году 46,4 тыс. (0,1 % от сплочной численности) работали неполное рабочее время по инициативе работодателя, 1 млн 025,4 тыс. (3,1 %) по соглашению между работником и работодателем, 277,3 тыс. (0,8 %) находились в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника, 2 млн 937,2 тыс. (8,8 %) имели отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника. 36,1 % от общей численности работников организаций заняты на работах с вредными и опасными условиями труда. 20 тыс. пострадали при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более, со смертельным исходом, 999 человек – со смертельным исходом. У 3 530 работников впервые установлены профессиональные заболевания, отравления.

Обратились в органы службы занятости по вопросам трудоустройства 3 млн 221,4 тыс. человек, трудоустроены 1 млн 943,4 тыс., 60,3% от числа обратившихся. Соответственно численность незанятых трудовой деятельностью составила 2 млн 534,7 тыс.; 1 млн 290,9 тыс.; 50,9%, из них, ищущие первую работу, ранее не приступившие к трудовой деятельности – 513,3 тыс.; 252,3 тыс.; 49,2 %, пенсионеры – 150,5 тыс.; 80,5 тыс.; 53,5 %. Обратились за содействием в поиске подходящей работы 102676 инвалидов, из них 54482 нашли работу, доходное занятие.

Важной проблемой является теневая занятость – трудовая деятельность без оформления трудовых отношений. По разным оценкам, в теневой занятости принимают участие 10–14 млн человек, 15–20 % от общей численности занятых [7]. С доходов от теневой занятости не платят налоги на физических лиц, взносы в социальные

фонды. В регионах создаются межведомственные комиссии по противодействию нелегальной занятости. Основными их задачами являются:

- координация и обеспечение взаимодействия исполнительных органов государственной власти и контрольно-надзорных органов в целях реализации полномочий межведомственной комиссии;
- осуществление мониторинга и анализ результатов работы межведомственной комиссии и рабочих групп межведомственной комиссии в муниципальных образованиях региона;

– осуществление мониторинга результатов работы по противодействию нелегальной занятости [8].

Заключение. В стране существует дефицит работников. Происходит старение рабочей силы. Средний возраст занятых – 42 года. Предполагается, что наиболее продуктивных работников в возрасте 30–39 лет в ближайшие семь лет станет меньше на 7,2 млн человек. Молодых работников в возрасте 20–29 лет станет больше на 1 млн человек. [9]. Их предстоит обучить и трудоустроить.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
2. Официальная статистика. Трудовые ресурсы, занятость и безработица. URL : rosstat.gov.ru
3. Голова И. Каждый на счету // Российская газета. 2024. 24 апреля.
4. Российский статистический ежегодник. 2023. URL : rosstat.gov.ru
5. Агранович М. Меняются правила приема на целевое обучение // Российская газета. 2024. 02 мая.
6. Голова И. В центре внимания // Российская газета. 2024. 21 февраля.
7. Гусенко М. Внимание – на тень // Российская газета. 2024. 06 мая.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.05.2024 № 571 «Об утверждении Положения о создании и деятельности межведомственных комиссий субъектов Российской Федерации по противодействию нелегальной занятости». URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405040015?index=1>
9. Жандарова И. Ветераны труда // Российская газета. 2024. 24 апреля.

References:

1. Federal Law of December 12, 2023 № 565-FZ «On Employment of the Population in the Russian Federation. URL : garant.ru
2. Official statistics. Labour Force, Employment and Unemployment. URL : rosstat.gov.ru
3. Golova I. Everyone on the Account // Rossiyskaya Gazeta. 2024. April 24.
4. Russian Statistical Yearbook. 2023. URL : rosstat.gov.ru
5. Agranovich M. Changes the rules of admission to target learning. 2024. 02 maya.
6. Golova I.V In the center of attention. 2024. February 21.
7. Gusenko M. Attention to the Shadow. 2024. May 06.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 03.05.2024 № 571 «On Approval of the Regulations on the Creation and Activities of Interdepartmental Commissions of the Subjects of the Russian Federation to Counteract Illegal Employment». URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405040015?index=1>
9. Zhandarova I. Veterans of Labor // Rossiyskaya Gazeta. 2024. April 24.

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>
anaverin1947@mail.ru

Alexander N. Averin
Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
ORCID <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич
доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Степанов Константин Владимирович
кандидат юридических наук,
доцент,
Южный федеральный университет
ORCID 0009-0004-2534-8916
stepanov@roka-sovetnik.com

Alexander V. Ponedelkov
Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Konstantin V. Stepanov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Southern Federal University
ORCID 0009-0004-2534-8916
stepanov@roka-sovetnik.com

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-4>

УДК 657.6

Attribution

cc by

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НА СОСТАВЛЕНИЕ БУХГАЛТЕРСКОЙ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Бабалыкова И.А., Медведева В.В., Ахиджак А.К.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. В статье проанализированы сущность влияния законодательных изменений в организации бухгалтерского финансового учета, рассмотрены причины введения актуальных изменений: в введении, проанализированы изменения в бухгалтерской финансовой отчетности, в том числе в части: отражения дебиторской и кредиторской задолженности, начислении и предоставлении отчетности по налогу на доходы физических лиц, интегрированию национальных стандартов бухучета и МСФО; нововведений, обусловленных введением единого налогового счета и единого налогового платежа; изучения особенности отражения в учетной политике информации о видах деятельности, необходимости уведомления уполномоченных органов об изменении видов деятельности или дополнении видов деятельности и др.; проанализированы объекты бухгалтерского учета, рассмотрены задачи финансового учета в целях рационального использования бюджетных средств и финансовой дисциплины.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, НДФЛ, МСФО, ЕСН, ЕНП.

THE IMPACT OF CHANGES IN LEGISLATION ON THE PREPARATION OF ACCOUNTING FINANCIAL STATEMENTS

Irina A. Babalykova, Valeria V. Medvedeva, Alina K. Akhidzhak

Kuban State Agrarian University named After I.T. Trubilin

Abstract. The article analyzes the essence of the impact of legislative changes in the organization of financial accounting, considers the reasons for the introduction of relevant changes: introduction, analyzes changes in accounting financial statements, including in terms of: reflecting accounts receivable and accounts payable, accrual and provision of personal income tax reporting, integration of national accounting standards and IFRS; innovations caused by introduction of the ENS and EPP; the peculiarities of reflecting information on types of activities in accounting policy, the need to notify authorized bodies of changes in types of activities or additions to types of activities, etc. are studied; accounting objects are analyzed, financial accounting tasks are considered for the rational use of budgetary funds and financial discipline.

Keywords: accounting, personal income tax, IFRS, UST, EPP.

Введение.

Современная глобальная экономика требует новых форматов организации деятельности предприятия в связи с тем, что в целях повышения конкурентности на рынке необходимы инструменты диверсификации бизнеса для расширения производства и реализации новых продуктов на рынке.

В связи с этим, необходимо повышать информативность бухгалтерской финансовой отчетности для потенциальных инвесторов.

Другим аспектом является интенсивность цифровизации экономики, которая предполагает приведение бухгалтерской финансовой отчетности к цифровым форматам.

Изменения в законодательстве направлены, прежде всего, на то, чтобы отражать современные требования к формату бухгалтерской финансовой отчетности, повышать уровень защищенности экономической системы и экономиче-

ской безопасности [6]. Этим определяется актуальность исследования.

Актуальность исследования обусловлена также важностью научного анализа вопросов финансовой деятельности современных предприятий в целях обеспечения неукоснительного соблюдения законного расходования финансовых средств в сфере уплаты налогов в полном объеме, невозможности применения схем ухода от налогов. При этом необходимые организационно-штатные мероприятия должны быть максимально быстро отражаться в финансовом учете и проводиться на высоком уровне эффективности и соблюдения трудовых прав сотрудников. Этим также определяется актуальность проблемы, вынесенной в тему исследования.

Обсуждение.

Глобальная экономика основана на цифровом взаимодействии всех субъектов экономической системы, осуществления финансовых расчетов по принятым обязательствам, уплаты налогов и

© Бабалыкова И.А., Медведева В.В., Ахиджак А.К.

страховых взносов посредством безналичных электронных платежей, предоставления отчетности в цифровом виде, взаимоотношения между организацией и контролирующими органами, в т.ч. налоговыми, посредством личных кабинетов на цифровых порталах, что диктует новые формы финансового бухгалтерского учета и повышает требования к его унификации [5].

Повышение влияния санкций сказывается на финансовой деятельности организаций, требует более рационального отношения к организации учета и движения финансовых средств, соблюдения налогового календаря.

Влияние санкций на финансовую деятельность организаций представлено на рисунке 1 [6].

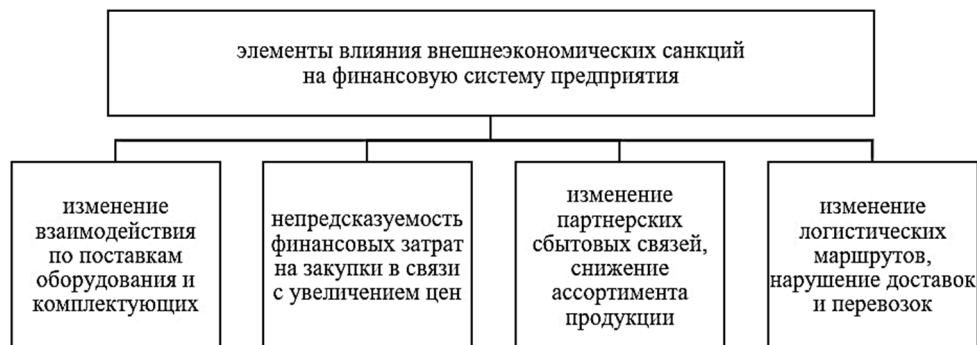

Рисунок 1 – Элементы влияния внешнеэкономических санкций на финансовую систему предприятия

Как следует из рисунка 1, каждый элемент оказывает влияние на финансовую систему предприятия и актуализирует необходимость изучения эффективного управления финансами и отражения этого процесса в финансовом бухгалтерском учете. Эффективное ведение финансового учета является необходимым условием в рамках деятельности предприятий в условиях повышенной конкурентности и снижения финансовой устойчивости [7].

Финансовый бухгалтерский учет является процессом, который регулирует организацию и контроль использования финансовых ресурсов, позволяющих более эффективно выстроить на предприятии процессы взаимодействия управленческой и экономической деятельности и обеспечивающий постоянный мониторинг финансовых показателей деятельности организации. Бухгалтерский учет дает возможность выявить потери, текущее состояние, эффективность расходования, снижение затрат, проанализировать своевременность выплаты налогов,

страховых взносов, расчетов по обязательствам [1].

Бухгалтерская отчетность – это система данных о показателях, которые показывают состояние имущественного и финансового положения предприятия (организации) в целях мониторинга результатов финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта. Бухгалтерская отчетность выступает в формате обобщения проведения бухгалтерского учета.

Обновление законодательства в данной сфере касаются форматов приведения бухгалтерской отчетности к международным форматам, изменения предоставления годовой отчетности организаций в целях повышения качества документации и осуществления более качественного контроля со стороны государства.

Так, изменения в оформлении отчетности касаются следующих изменений (рис. 2) [2].

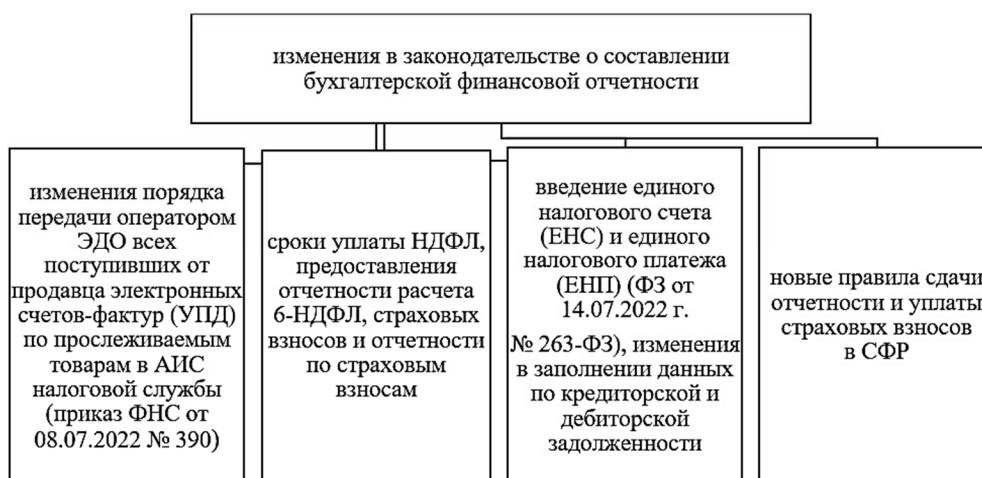

Рисунок 2 – Изменения в законодательстве о составлении бухгалтерской финансовой отчетности

Изменения в налоговой политике обусловлены введением мер налоговой поддержки в связи с тем, что предприятия действуют в современной экономической ситуации, обусловленной воздействием внешнеэкономических санкций, изменений международных взаимосвязей, ограничения деятельности предприятий на территории других государств, изменения логистических маршрутов и поставок комплектующих и запчастей. Также, продолжается цифровизация налоговой системы, направленная на повышение качества и скорости предоставляемой информа-

ции. Осуществлен переход на ЕНС в рамках ЕНП. Изменения, которые в связи с этим претерпела бухгалтерская отчетность, касается строк 1230 «Дебиторская задолженность» и 1520 «Кредиторская задолженность». В строке 1230 задолженность, не погашенная на отчетную дату, не включает в настоящее время налоги, если они уплачены на дату перечисления ЕНП. В 1520 строке обязанность по уплате налогов считается исполненной с даты перечисления ЕНП.

Таким образом, заполнение строк 1130 и 1520 отражают следующие нововведения (рис. 3).

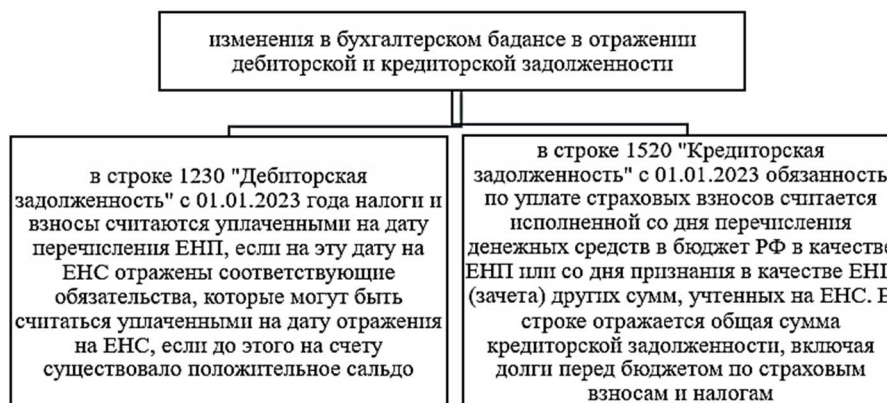

Рисунок 3 – Изменения в бухгалтерском балансе в отражении дебиторской и кредиторской задолженности

Введение ЕНС является важным фактором в отражении налоговой базы по налогу на прибыль: прежде всего, необходимо отражать в отчетах все начисленные и уплаченные налоги и сборы в том налоговом периоде, за который уплачен налог. ЕНС дает возможность считать уплаченным налог на прибыль в случае, если на дату срока уплаты на ЕНС – положительное сальдо.

Нововведения коснулись изменений ведения учета видов деятельности в бухгалтерской отчетности. Данные требования относятся к ряду документов, определяющих ведение учета фактов финансовой жизни предприятий. Первоначально это относится к основному документу, определяющему регулирование финансовой деятельности предприятий, – учетной политике.

Учетная политика является основным локальным документом, который устанавливает нормативное регулирование ведения финансового и налогового учета в конкретной организации. Ведение видов деятельности должно описываться в учетной политике и отражается в балансе организации. Необходимо информировать в установленном порядке уполномоченные органы об открытии новых видов деятельности.

Изменения были введены в сроки уплаты НДФЛ и предоставления отчетности по НДФЛ с 01.01.2023. Сроками уплаты НДФЛ является период с 23 числа предыдущего месяца по 22 число текущего месяца, уплата НДФЛ производится не позднее 28 числа текущего месяца (при особых сроках уплаты для декабря и января).

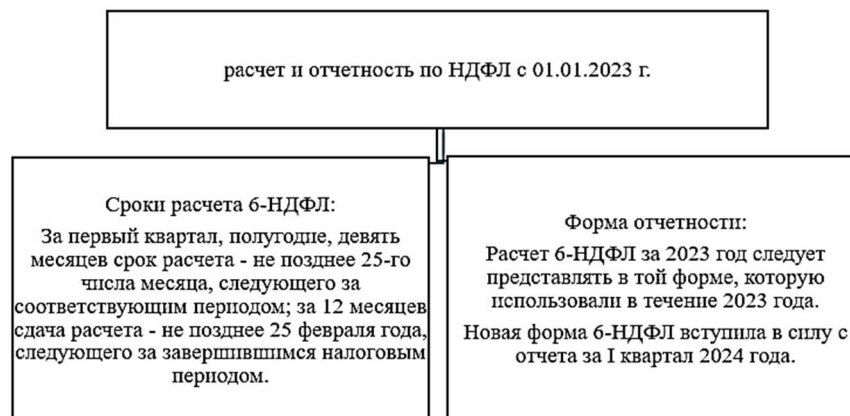

Рисунок 4 – Расчет и отчетность по НДФЛ с 01.01.2023 г.

Результаты.

Важным трендом является введение норм международных стандартов по интегрированной отчетности в национальную бухгалтерскую отчетность. Это необходимо в связи с тем, что в настоящее время необходимо использовать различные инструменты диверсификации бизнеса, что повышает уровень требований к открытости деятельности предприятий и возможности получения информации о них в открытых источниках.

Именно интегрированные формы отчетности содержат максимум информации о не только о финансовой деятельности организации, но и аналитику по нефинансовой информации, что создает условия для использования данных отчетов для получения информации о состоянии предприятия для потенциальных инвесторов и создает возможности для организации работы по внутреннему стратегическому планированию. Форматы интегрирования бухгалтерской и нефинансовой отчетности представлены на рисунке 5 [9].

Рисунок 5 – Структура интегрированной отчетности

В бухгалтерской отчетности нарастающим итогом отражены результаты хозяйственной деятельности за отчетный период.

активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте» (ПБУ 3/2006) и др. [3].

В соответствии с национальной концепцией бухучета, национальные стандарты постепенно соединяются с МСФО, что модернизировало ряд форм бухучета национальной системы: «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008). «Исправление ошибок в бухгалтерском учете и отчетности» (ПБУ 22/2010), «Изменения оценочных значений» (ПБУ 21/2008), «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций» (ПБУ 18/02), «Учет

Национальные системы бухгалтерской отчетности (РПГУ) и МСФО имеют между собой концептуальные различия: РПГУ является в основном источником информации для мониторинга проверяющих государственных органов и статистики, прежде всего, для налоговых служб (рис. 6).

Рисунок 6 – Целевая аудитория финансовой бухгалтерской отчетности в МСФО и РПГУ

При этом РПГУ четко ориентирует подготовку бухгалтерской отчетности к окончанию финансового (календарного) года, особое внимание уделяется – регламентации использования юридических норм, сроков отчетности, соблюдения технических процедур, признает доходы и расходы по кассовому методу. Это определяется различными целевыми аудиториями, на которые направлены РПГУ и МСФО: первый – на органы государственного управления и статистики, второй – потенциальные инвесторы [4].

Следующим трендом внедрения изменений является цифровизация предоставления бухгалтерской отчетности. В части организации бухгалтерского учета, была организована автоматизация оформления налоговых вычетов (отказ от деклараций 3-НДФЛ), что позволило провести реформу перехода на ЕНС и способствовать снижению количества уведомлений об ошибках по итогам 2023 года (диаграмма 1) [8].

Снижение количества уведомлений об ошибках в результате внедрения цифровых технологий (на основе данных реформы ЕНС), 2022 - 2023 г.г.

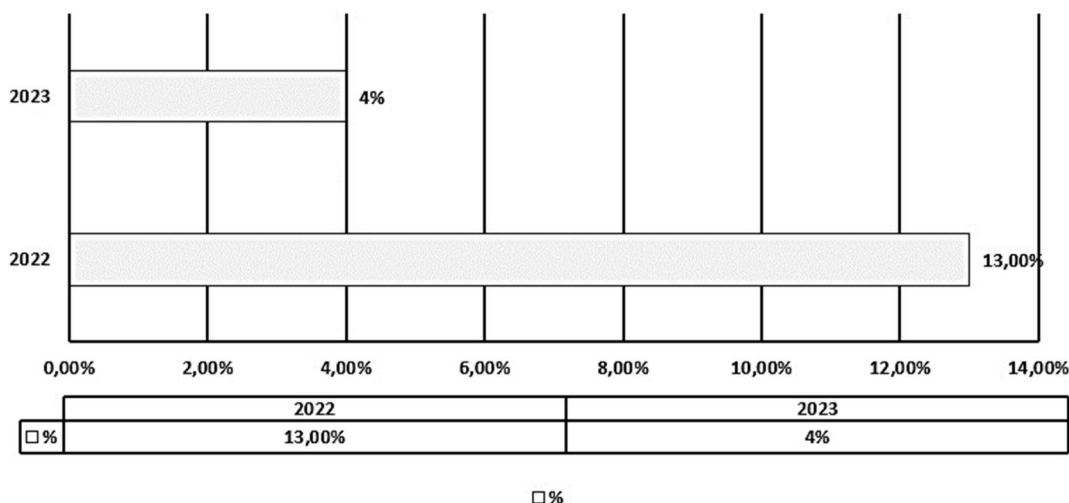

Диаграмма 1 – Снижение количества уведомлений об ошибках в результате внедрения цифровых технологий (на основе данных реформы ЕНС), 2022–2023 гг.

Посредством цифровых технологий стало возможным проводить налоговые проверки посредством мониторинга личных кабинетов налогоплательщиков и данных финансово-хозяйственной деятельности.

С другой стороны, переход на цифровые технологии предоставления данных способствует открытости финансовой деятельности и снижает возможности ухода от налогов.

Заключение.

Таким образом, учет изменений законодательства в сфере бухгалтерской финансовой отчетности направлен на формирование высокого уровня финансовой дисциплины, обеспечивающей целевое назначение денежных средств и

использования имущества, направленной на обязательное исполнение на всех уровнях учреждения и системы в целом.

Правильная организация бухгалтерского учета создает возможности для точного отражения всех фактов хозяйственной и финансовой жизни учреждения, своевременной подготовки и предоставления отчетности, выплаты налогов, содержания, командировочных расходов, осуществления контроля за правильностью расходования и оформления финансовых документов.

Полнота уплаты налогов, точность в начислении и выплате заработных плат позволяет избежать нарушений и штрафов, способствует соблюдению трудовых прав сотрудников, исполнению норм налоговой дисциплины.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СПС Консультант (дата обращения 29.05.2024).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации // СПС Консультант (дата обращения 29.05.2024).
3. О введении документов Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов Министерства финансов Российской Федерации: приказ Минфина РФ от 28.12.2015 № 217н // СПС Консультант (дата обращения 29.05.2024).
4. Приказ Минфина РФ от 25 ноября 2011 г. № 160н «О введении в действие Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности на территории Российской Федерации». URL : <https://www.afga.ru/?p=1732> (дата обращения 29.05.2024).
5. Гаранина М.П. Управление затратами и ценообразование : учеб. пособие / М.П. Гаранина, О.А. Бабордина. Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2018. 154 с.
6. Моденов А.К. Особенности экономической безопасности в цифровой экономике / А.К. Моденов, М.П. Власов // Петербургский экономический журнал. 2020. № 2. С. 121–134.
7. Мокроносов А.Г. Конкуренция и конкурентоспособность : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2014. 194 с.
8. Налоговый контроль в цифрах и фактах. URL : <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh> (дата обращения 29.05.2024)
9. Смагина М.Н. История возникновения, развитие и внедрение международных стандартов финансовой отчетности в Российской Федерации : монография. Минобрнауки России, ТГТУ. Тамбов, 2020.

References:

1. The Budget Code of the Russian Federation // SPS Consultant (date of application 05/29/2024).
2. The Tax Code of the Russian Federation // SPS Consultant (date of application 05/29/2024).
3. On the introduction of documents of International Financial Reporting Standards into force on the territory of the Russian Federation and on the invalidation of certain orders of the Ministry of Finance of the Russian Federation: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 12/28/2015 № 217n // SPS Consultant (date of application 05/29/2024).
4. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation № 160n dated November 25, 2011 «On the Introduction of International Financial Reporting Standards and Clarifications of International Financial Reporting Standards in the territory of the Russian Federation». URL : <https://www.afga.ru/?p=1732> (date of application 05/29/2024).
5. Garanina M.P. Cost management and pricing: studies. stipend / M.P. Garanina, O.A. Babordina. Samara : Samara State Technical University, 2018. 154 p.
6. Modenov A.K. Features of economic security in the digital economy / A.K. Modenov, M.P. Vlasov // St. Petersburg economic journal. 2020. № 2. P. 121–134.
7. Mokronosov A.G. Competition and competitiveness : textbook. Yekaterinburg : Ural University Publishing House, 2014. 194 p.
8. Tax control in figures and facts. URL : <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh> (date of application 05/29/2024).
9. Smagina M.N. The history of the emergence, development and implementation of international financial reporting standards in the Russian Federation : monograph. Ministry of Education and Science of Russia, TSTU. Tambov, 2020.

Информация об авторах

Бабалькова Ирина Александровна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры теории бухгалтерского учета,
учетно-финансовый факультет,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Медведева Валерия Валерьевна

студентка,
кафедра экономического анализа,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
medvedevav347@gmail.com

Ахиджак Алина Казбековна

студентка,
кафедра экономического анализа,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
a.k.akhidzhak@icloud.com

Irina A. Babalykova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Department of Accounting Theory,
Faculty of Accounting and Finance,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin

Valeria V. Medvedeva

Student,
Department of Economic Analysis,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
medvedevav347@gmail.com

Alina K. Akhidzhak

Student,
Department of Economic Analysis,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
a.k.akhidzhak@icloud.com

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-5>

УДК 334

Attribution

cc by

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ СЕКТОРОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Блинкова С.А.¹, Разумовская Е.М.², Веляева К.С.³

^{1,3}Самарский государственный университет путей сообщения

²Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В Российской Федерации процесс технологического развития находится в состоянии двойственности, обусловленной как рисками технологического отставания экономики страны, так и перспективами, связанными с инновационным ростом. Вызовы, с которыми столкнулась российская экономика – это достижение технологического суверенитета, за счет собственных разработок критических и сквозных технологий.

В статье рассмотрены и исследованы стадии инновационного развития секторов в России, Германии, США и Китае, начиная с 40-х годов XX века. В связи с формированием инновационного рынка и по итогам проведенного анализа определены доминирующие барьеры в развитии инновационного рынка. Предметом исследования является рассмотрение инновационных процессов в изучении экономической науки. Объектом исследования является развитие инновационных секторов. Выводы: в настоящее время российский рынок инноваций находится на стадии формирования новой институциональной среды. К особенностям его формирования правомерно отнести наличие идей и предложений в сочетании с вероятностным характером и слабо прогнозируемым спросом, а также недостаточно развитые коммуникации между субъектами рынка: научно-исследовательскими центрами, генерирующими идеи и предприятиями, осуществляющими апробацию инновационных продуктов и внедрение их в массовое производство.

Ключевые слова: стадии инновационного развития, инновационные секторы, инновационная система, ресурсный потенциал, сектора науки, инновационный рынок, технологический суверенитет, кадровый «голод».

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE SECTORS IN RUSSIA AND ABROAD

Svetlana A. Blinkova¹, Elena M. Razumovskaya², Karina S. Velyaeva³

^{1,3}Samara State Transport University

²Kazan Federal University

Abstract. In the Russian Federation, the process of technological development is in a state of duality due to both the risks of technological backwardness of the country's economy and the prospects associated with innovative growth. The challenges faced by the Russian economy is to achieve technological sovereignty through its own development of critical and cross-cutting technologies.

The article considers and investigates the stages of innovative development of sectors in Russia, Germany, the USA and China, starting from the 40s of the XX century. In connection with the formation of the innovation market and based on the results of the analysis, the dominant barriers in the development of the innovation market and technological sovereignty of the countries are identified. The subject of the study is the consideration of innovation processes in the study of economic science. The object of the study is the development of innovative sectors. Conclusions: At present, the Russian innovation market is at the stage of formation of a new institutional environment. The features of its formation rightfully include the presence of ideas and proposals in combination with a probabilistic nature and poorly predicted demand, as well as underdeveloped communications between market entities: research centers that generate ideas and enterprises that test innovative products and introduce them into mass production.

Keywords: innovation development stages, innovation sectors, innovation system, resource potential, science sectors, innovation market, technological sovereignty, personnel «hunger».

Введение.

В настоящее время начался новый этап развития России, охарактеризованный активным стремлением укрепить свою позицию в мировой экономике, благодаря инновационным исследованиям в различных секторах.

В советское время ключевой задачей было развитие научно-производственных кластеров, а именно – индустриализация. Рассмотрением инновационного прогресса, который являлся важным фактором роста производительных сил и усовершенствование показателей общественного производства, занимались В.И. Ленин, К. Маркс и

© Блинкова С.А., Разумовская Е.М., Веляева К.С.

Ф. Энгельс. Как пример, «Набросок плана научно-технических работ», написанный В.И. Лениным в 1918 г., где академии наук назначалась задача о создании ряда комиссии и специалистов для оперативного составления плана реформирования промышленности, экономики в России и определение ресурсного потенциала.

Обсуждение. Результаты.

1. Анализ эволюции инновационных секторов в России.

В Союзе Советских Социалистических Республик (далее – СССР) для анализа и планирования технико-экономического, технического, научно-технического и технико-технологического уровней производства использовались показатели:

- удельный вес продукции высшей категории качества в общем объеме производства товарной продукции;
- объем продукции, производимой для экспорта;
- соотношение степени механизации к автоматизации производства;
- число комплексно-механизированных и автоматизированных предприятий, цехов и участков;
- понижение цены продукции в планируемом периоде, посредством реализации мероприятий по усилению технического уровня производства;
- сбережение ключевых видов материальных и топливно-энергетических ресурсов на основе внедрения новой техники и передовой технологии.

В 40-е года прошлого столетия главной задачей СССР была разработка военной техники, с целью ее реализации были направлены все средства и трудовые резервы. В послевоенное время началось сосредоточение на ресурсы науки и производства в отдельных направлениях: атомная, космическая и железнодорожные отрасли.

В 1960-х – 1980-х годах приоритетное значение отдается следующим направлениям в науке:

- в области фундаментальных научных исследований заложены корни инициатив, приводящих к значительным достижениям и инновациям в различных направлениях. Эти исследования обеспечивают повышение эффективности в новых сферах. Однако, несмотря на эти прогрессивные результаты, остается актуальной проблема недостаточной ориентации на техническое применение результатов;
- вузовская наука, в составе высшей школы имеется больше 1000 проблемных и отраслевых научно-исследовательских лабораторий и конструкторско-технологических бюро, перспективами развития является повышение роли вузов-

ской науки в государстве, увеличение ее вклада в решение актуальных задач научно-технического прогресса, укрепление связи вуза с производством.

– отраслевая наука. Государство несет огромные затраты на содержание отраслевых научных и технических организаций. Между тем связь этих учреждений с практикой и теоретической наукой недостаточна, слабо выполняется роль между фундаментальной наукой и производством. Требуется работа по непосредственному соединению в отраслях народного хозяйства научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро с производственными предприятиями. Исходя из этого, важным значением является развитие научно-производственных объединений (НПО). Первые НПО были созданы в СССР в 1968–1989 гг. Анализ, проведенный в 1980 г., показал, что в самостоятельных научных организациях удельный вес работ в общем количестве составил 6,1 %, а в НПО 17,3 %, авторских свидетельств в расчете на 100 работающих соответственно 1,4 и 3,1.

– заводской сектор науки. Каждое производственное объединение и предприятие имеет в структуре лаборатории, конструкторские, технологические и экспериментальные подразделения, необходимо укреплять научные базы предприятия. Заводской сектор науки работает по циклу «наука-техника-производство-применение».

Всего, численность рабочих и служащих в народном хозяйстве в 1940 г. составляла 33926 человек; из них, рабочих в науке и научном обслуживании – 362 человека, что составляет 1,06 % от общего числа. В 1960 г. 60032 и 1763 (2,93 %) человека соответственно, а в 1980 г. служащих в народном хозяйстве 112498 человек, из них в науке и научном обслуживании – 4379 (3,89 %).

По результатам этих данных можно сделать вывод о том, что, начиная с 1940 г., науке уделялось все большее внимание и увеличивалось количество рабочих мест по данному направлению (рис. 1).

Во времена Советского Союза, на фоне значительных научных достижений, особое значение для экономического развития приобрели инновации в сфере технологий обработки и передачи информации.

Процессы становления современных подходов к анализу информации, разработка специализированных пакетов прикладных программ для обработки языковых массивов и укоренения оптических технологий для записи, что ни маловажно, активное взаимодействие волоконно-оптических систем для более результативной передачи информации, ставшей основной базой, способствующей научно-техническому развитию. Инновации не обеспечили своевременную «компьютеризацию» в стране, что сегодня отражается на уровне развития цифровых технологий.

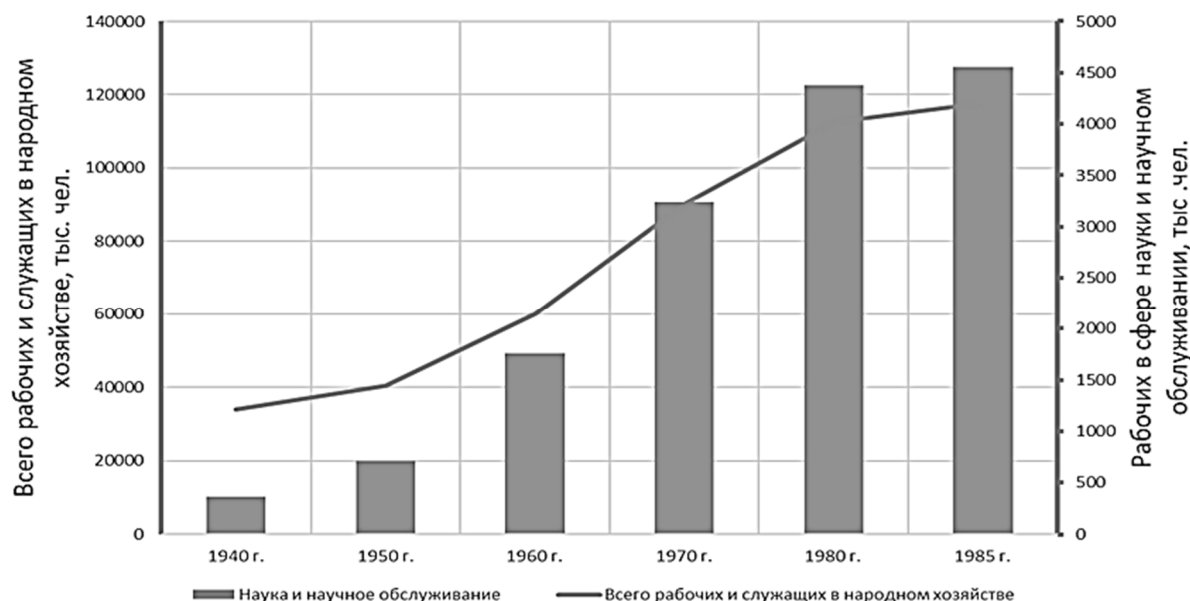

Рисунок 1 – Соотношение рабочих в сфере науки к общему количеству рабочих и служащих в народном хозяйстве

В период 1950–2005 гг. наблюдается дефицит финансирования научной деятельности; так, размер ВВП в млрд. долларов представляет в

1990 г. 1506 млрд долларов, а в 2000 г. – уже 259 млрд долларов, начало 2020-х гг. – 1122 млрд долларов (рис. 2).

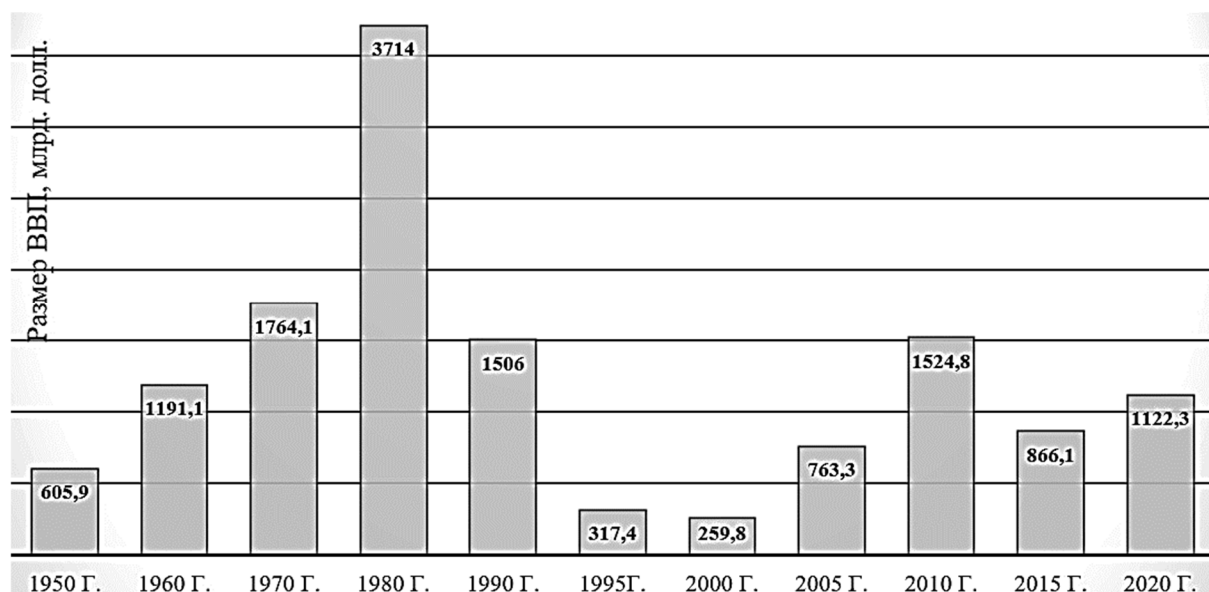

Рисунок 2 – Размер ВВП в период с 1950–2020 гг., млрд долл.

На рисунке 3 представлен анализ изменения финансирования научно-инновационной деятельности в период с 1950–2020 гг., в котором наглядно показаны изменения ВВП на душу населения в млрд долл.

С 1990 по 2005 гг. акцент бизнеса делается на сырьевые отрасли, так как они становятся экономически эффективными. Основным направлением развития становится импортозамещение. Также, происходит массовое закрытие научных институтов, что в свою очередь влечет за собой

рост безработицы среди ученых и оттоком молодых кадров. В начале 2000-х годов кадры в научно-исследовательской деятельности значительно сократились на 840 тыс. человек; по сравнению с советским периодом, число ученых сократилось в три раза и составило порядка 450 тыс. человек.

Начало 2010-х годов можно отметить повышением в 2,2 раза внутренних затрат на научно-инновационные исследования и их разработку. В 2010 г. финансирование было 523,4 млрд руб.,

© Блинкова С.А., Разумовская Е.М., Веляева К.С.

2020 г. – 1134,8 млрд руб. Процесс деиндустриализации, происходивший в 1990-е годы, оказал значительное влияние на ухудшение структуры национальной экономики России и замедление

развития в научно-технической сфере. Эти изменения привели к тому, что Россия испытывает трудности в поддержании экономического паритета с ведущими мировыми державами.

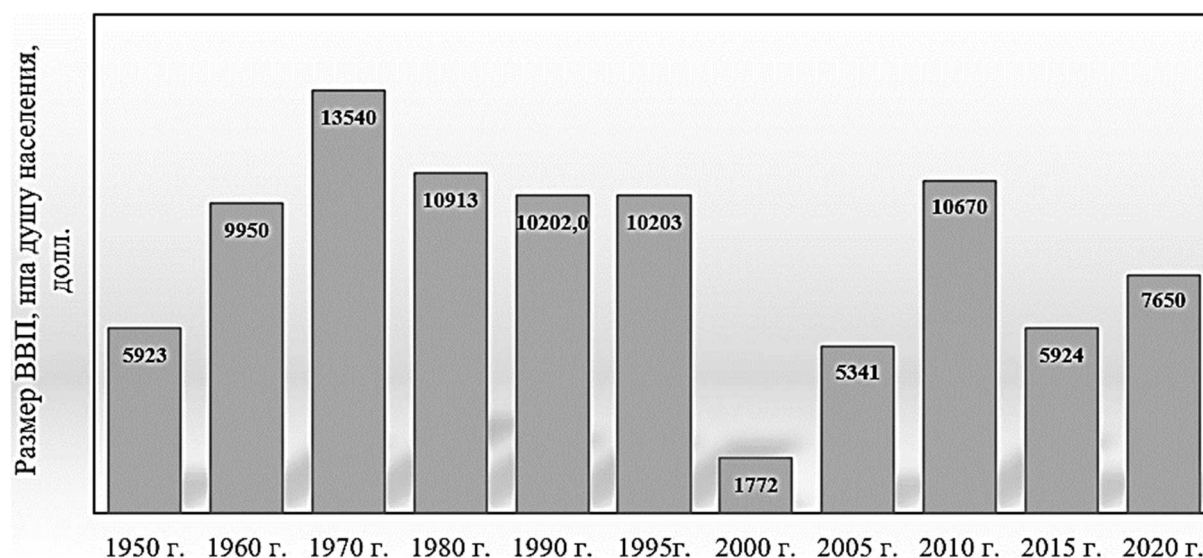

Рисунок 3 – Изменение размера ВВП на душу населения в млрд долл.

Для формирования технологического суверенитета страны необходимо сочетание двух циклов: инновационно-технологического и кадрового. Необходимо запустить процесс модернизации таких технологических отраслей, как электроника, авиастроение, станкостроение, двигателестроение, все виды беспилотных летательных аппаратов, биотехнологии, машиностроение. Наиболее значимыми являются секторы сельского хозяйства, медицины, энергетики, строительства, связи и транспорта.

В тенденции деглобализации и технологического суверенитета страны на первый план выступает закрытие внешнего доступа к новейшим разработкам, создание собственных рынков в целях минимизации внешнего давления.

В современной экономической парадигме на передний план выходит стремление к усилению кооперативных связей между регионами и формирование инновационных экономических кластеров. Это сопровождается увеличением уровня предоставления услуг в сфере производственных товаров.

Человеческий капитал становится важнейшим компонентом при развитии науки и технологий. Главным инструментом генерации человеческого капитала является образование, которое должно включать сочетание фундаментального и прикладного обучения, а также участие в образовательном процессе действующих научных работников.

Начинается формирование инновационного рынка.

По итогам проведенного анализа, сформированы следующие доминирующие барьеры в развитии инновационного рынка и технологического суверенитета страны:

1. Износ материально-технической базы. Снижение производительности и эффективности использования оборудования, за счет его старения и износа, что влечет за собой процесс затруднения внедрения инноваций. Непригодность к адаптации новых технологий. Износ материально-технической базы создаёт препятствия для развития инновационного рынка, поскольку затрудняет внедрение инноваций.
2. Остаточное финансирование науки. Выявлено противоречие между потребностью в технологическом прорыве и институтом остаточного финансирования науки как источника инноваций. Риски на этапе фундаментальных и прикладных исследований составляют до 80 %, но без исследований невозможно создать инновации технологического уровня готовности, которые будут востребованы у бизнеса.
3. Отсутствие развитого рынка инноваций. Так как доминирующие инвестиции являются государственными, то малый и средний бизнес не могут позволить себе участие в научно-инновационной деятельности [1]. Необходим рынок инноваций как система, включающая в себя ресурсы (инфраструктуру, человеческие ресурсы и природу) и взаимосвязи (внутреннее и внешнее взаимодействие).
4. Проблемы, связанные с недостатком инновационной активности и низким уровнем доверия населения к возможностям улучшения своего материального положения, могут серьезно за-

тормозить эти процессы. Исследования показывают, что инноваторы, сталкивающиеся с недостатком поддержки со стороны государственных институтов и общественных систем, зачастую, страдают из-за утраты мотивации. Это, в свою очередь, создает серьезные препятствия для прогресса в разработке и адаптации новаторских решений и технологий, что негативно сказывается на экономическом росте.

5. Кадровый «голод». В августе 2023 года 60 % российских предприятий заявили о кадровом дефиците; особенно остро проблема стоит в инженерно-технических и естественно-научных специальностях. Динамика высшего образования составляет выпуск в 2000 году по специальности 90 %, бакалавриату – 10 %, а в выпуске 2020 года: бакалавриат – 67 %, магистратура – 20 %, специалитет – 13 %, что, по мнению автора, существенно сказалось на фундаментальности образования.

2. Развитие зарубежных инновационных секторов.

Развитие инновационных секторов за рубежом в XX в. стремительно развивалось; так, например, в Германии период с 1950 по 1980-е годы, известного как «немецкое экономическое чудо», характеризовался приростом промышленной продукции в Германии.

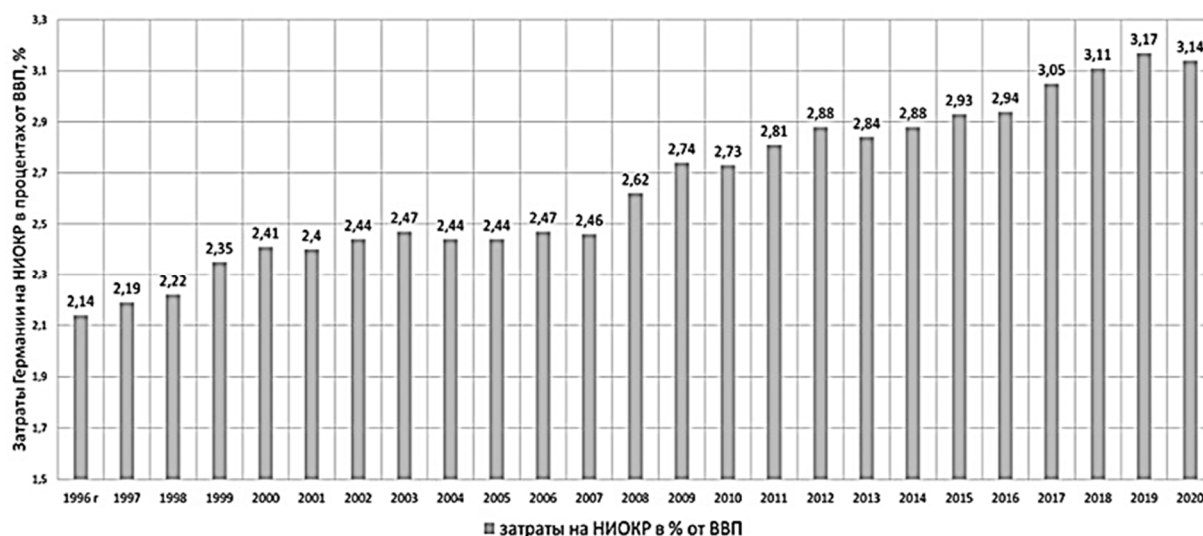

Рисунок 4 – Расходы на научные исследования и разработки Германии от ВВП, %

В 1970-ых годах началось активное развитие и продвижение отраслей, требующих серьезные научные разработки. В Германии экономика возлагает большие надежды на развитие малого и среднего бизнеса. Их доля в ВВП в 1980 году составляла 50 %; также, в 1970-е происходил перенос малорентабельных и экологически вредных предприятий за рубеж.

С середины 1980-х годов началась политика дерегулирования. Произошла приватизация части государственных компаний, упор перешел на частные капиталовложения.

К факторам, способствующим быстрому развитию, можно отнести:

- финансирование в начальный период восстановления по «плану маршала», включает в себя и снабжение промышленными комплексами устройств;
- содействие государством предпринимательским отношениям;
- внедрение в отрасли народного хозяйства прогрессивных технологий, в рамках научно-технической деятельности;
- затраты на вооруженные силы включали в себя минимальную долю субсидирования оккупационных сил;
- источник рабочей силы в виде беженцев.

1960-е годы характеризуются большими затратами на исследование наукоемких отраслей, что создало колебания экономического роста. Динамичным развитием отличились автомобильная, химическая, электронная, авиационная и атомная отрасли. Также, государством в Германии были усилены меры и предпринят ряд мероприятий для изменения и определения фундаментальных экономических процессов – контроль за ценами.

На протяжении всего времени происходит постоянный рост финансирования НИОКР Германии. В 1996 году объем финансирования составлял 2,14 % от ВВП, активный рост продолжался до 2003 года, где объем финансирования составил 2,41 %. Следующий пик финансирования наблюдался в 2008 году – 2,62 %, на 2020 год объем финансирования составляет 3,14 % от ВВП страны (рис. 1).

На данный момент, Германия занимает третье место на рынке высокотехнологичных товаров.

© Блинкова С.А., Разумовская Е.М., Веляева К.С.

Экономика Германии строится на мощном научном потенциале и продаже продукции, изготов-

ление которой требует высокотехнологичного оборудования.

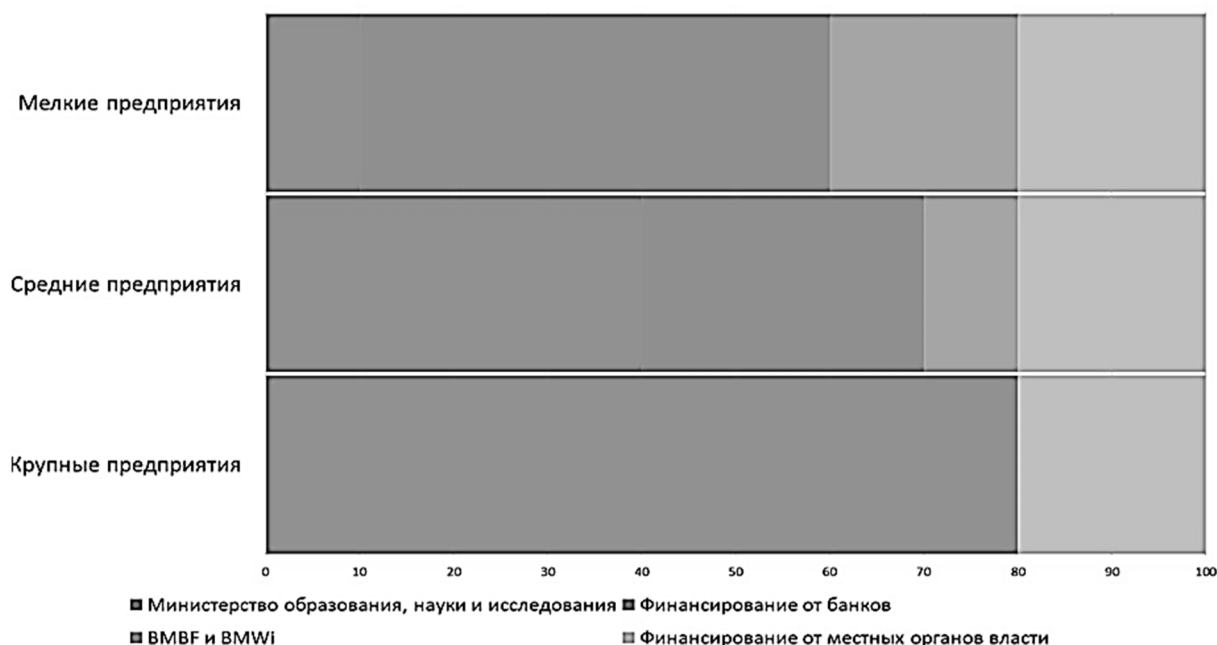

Рисунок 5 – Доля финансирования инновационного развития предприятий Германии различными структурами

В Германии существуют 4 основных источника финансирования НИОКР (рис. 5). Основным источником финансирования, который поддерживает разработки большинства крупных предприятий, а также и перспективные разработки мелких компаний, является Министерство образования, науки и исследования.

В торгах нечасто принимают участие средние предприятия и мелкие компании, чтобы получить финансовую поддержку они обращаются в государственные банки для заключения низкопроцентного договора.

Расходы проектов Министерства образования, науки, исследований и технологии (далее – BMBF) и Министерства экономики и технологии (далее – BMWi) находятся под управлением неправительственной организации – «Projekträger».

Финансирование от местных органов власти для инновационного развития, под конкретный проект соблюдается всегда.

Еще одним примером интенсивного развития НИОКР являются США. Своим развитием, которое началось в середине 1950-х годов, они стремительно опередили страны запада на 10–15 лет. Среднегодовые темпы вложений в 1953–1967 гг. составляли 9,1 % от ВВП, в 1967–1975 гг. – 6,2 %, в 1975–1982 гг. – 4,4 % и в 1982–1991 гг. – 7,3 %.

Конгломерат расходов на исследования состоял из следующих аспектов: на фундаментальные исследования расходовалось 13 % бюджета, на

прикладные разработки – 23 % бюджета, а на освоение и внедрение НИОКР – 64 % бюджета.

Финансирование НИОКР основывалось на 3 внутренних секторах экономики: частном секторе (74 %), государственных научных учреждениях (13 %) и системе высшего образования (13 %). Все связи между данными секторами науки и промышленности реализуются посредством программно-целевой организации исследований, базированной на коммерческих или некоммерческих контрактах.

Анализируя информацию 1988–1989 гг., можно сказать, что количество научных и научно-педагогических работников в США составляло 2,73 млн человек, в СССР – 1,53 млн человек. Финансирование науки в США составило 1250 млрд долларов, СССР – 35 млрд рублей (выше в 3,6 раза).

Большое количество исследований относились к военной промышленности. США участвовала во многих военных конфликтах, и с каждым конфликтом финансирование отраслей повышалось.

В 1950–1960-е годы происходило образование Кремниевой долины, у истоков которой стоял Фредрик Терман; будучи профессором и академическим администратором, он успешно занимал должности декана инженерной школы с 1944 по 1958 годы и проректора с 1955 по 1965 годы в Стэнфордском университете. Целью являлось создание условий для привлечения талантов.

Основным приоритетом исследований было создание систем радиослежения и радиоподавления, но подъем получила, не казавшаяся перспективной, полупроводниковая продукция. СССР в это время не сделал ставку на продолжение разработки компьютеров.

Создание индустриального парка сильно способствовало созданию и внедрению инноваций. На территории парка появилась возможность создания общих лабораторий для университетов и крупных организаций, таких как NASA и IBM.

Одной из самой яркой и действенной политикой Фредрика Термана в реализации инновационной экосистемы является активное участие во всех возможных военных советах для приобретения полезных связей с последующим контактом со всеми заказчиками в рамках военно-

промышленного комплекса для реализации в стенах Стэнфорда, востребованных военными, образцов устройств. Если же предполагаемые заказчики были довольны прототипом, он добивался создания и налаживания производства студентами или научными сотрудниками, продвигал сотрудников университета на занятие места в совете директоров новых фирм для более глубокого изучения и анализа индустрии с последующим приобретением бизнес-компетенции, выделяя места для офисов и производств в индустриальном парке, расположенных шаговой доступности друг от друга.

Данная политика гарантировала слаженность работы с военными заказчиками, а внешнее стимулирование для перспективы развития привлекало в нее ещё больше высококвалифицированных и грамотных специалистов отрасли.

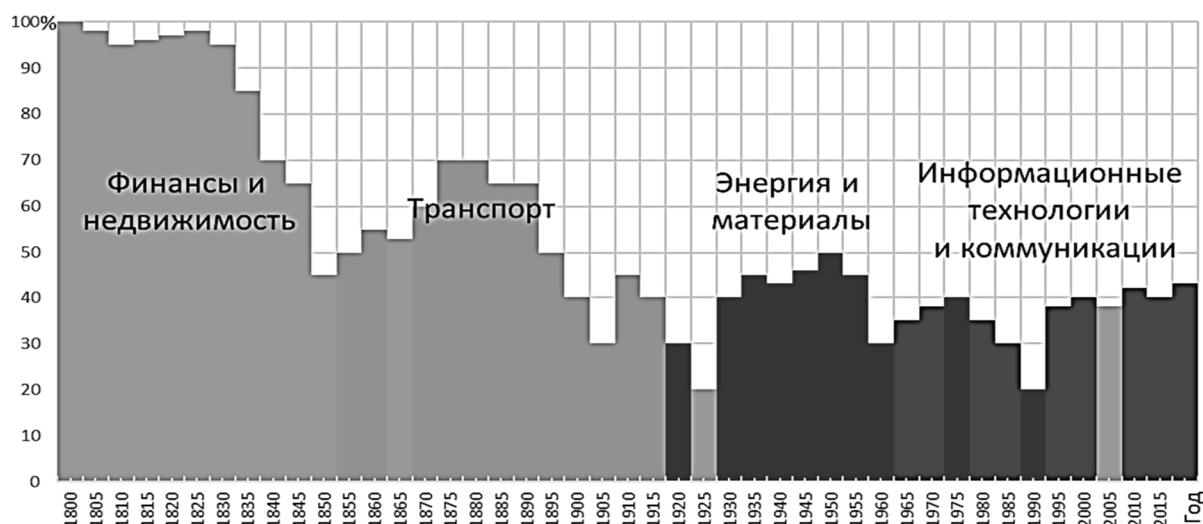

Рисунок 6 – Доля крупнейших секторов экономики США

До 1850 года крупнейшим сектором экономики США являлся сектор «финансы и недвижимость»; прибыль в страну приходила от фондовых рынков и процентов от выдаваемых кредитов.

С 1850 года начинается развитие транспортных технологий, соответственно, начинается финансирование средств в НИОКР.

С 1910 года место крупнейшего сектора занимает «Энергия и материалы», а с 1970 года происходит активное развитие информационных технологий (рис. 6).

Таким образом произошла диверсификация фондовых рынков, что позволило укрепить экономику страны. В настоящее время даже при провале одного из основных секторов, общая экономика страны не понесёт критического ущерба (рис. 7).

Благодаря динамичному росту экономики Китая и Индии, Азия в настоящее время является регионом номер один по расходам на научно-

исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее НИОКР). Наибольшее количество корпоративных НИОКР в настоящее время проводится в Азии (35%), чем в Северной Америке (33%) и Европе (28%).

Огромный рост в Китае и Индии вывел Азию на первое место. С 2007 года импорт НИОКР в Китай вырос на 79%, благодаря чему, Китай стал вторым по величине местом назначения для внутристрановых НИОКР. Импорт Индии также увеличился на 116%, что сделало ее третьим по величине направлением импорта НИОКР.

В 1980 году объем ВВП Китая составлял 305 млрд долларов и имел низкий темп роста до 1990 года, в тот период объем ВВП составлял 398 млрд долларов. До 2000 года объем ВВП увеличился в 3 раза и стал равен 1214,9 млрд долларов. С 2000 года началось активное увеличение объемов ВВП, и к 2010 году он уже составлял 6066,3 млрд долларов. Китай продолжает увеличивать объем внутреннего валового продукта и на 2020 год он составляет 18100 млрд долларов.

© Блинкова С.А., Разумовская Е.М., Веляева К.С.

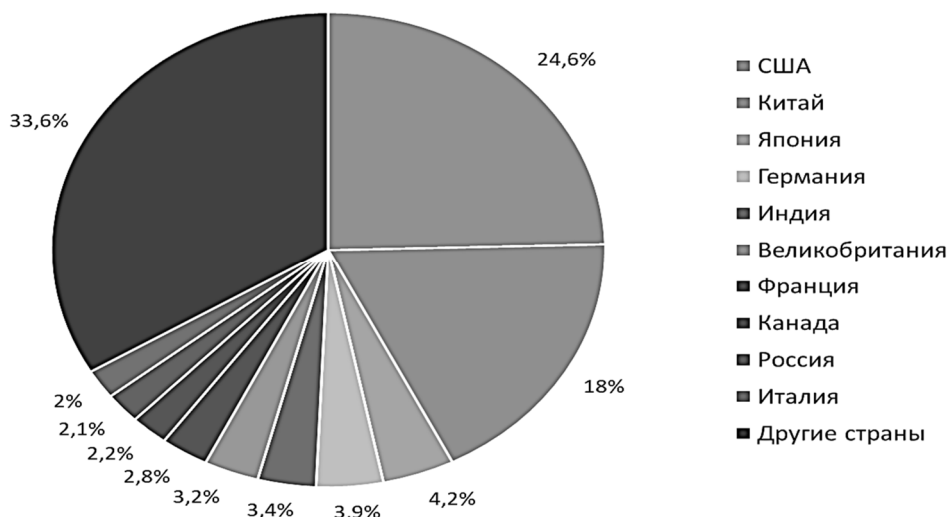

Рисунок 7 – Доля стран в мировом ВВП, %

Научная политика Китая направлена на глобальное лидерство (рис. 8). В связи с этим, научные разработки ведутся во всех стратегически важных отраслевых направлениях: информационные технологии, транспорт, энергетика, окружающая среда и экология. На 13-ую (период

2016–2020 гг.) и 14-ую (период 2021–2025 гг.) пятилетки в области транспорта запланировано создание и комплексное проектирование транспортных систем (рис. 9), что позволит увеличить эффективность транспорта, качество обслуживания и безопасность пассажиров.

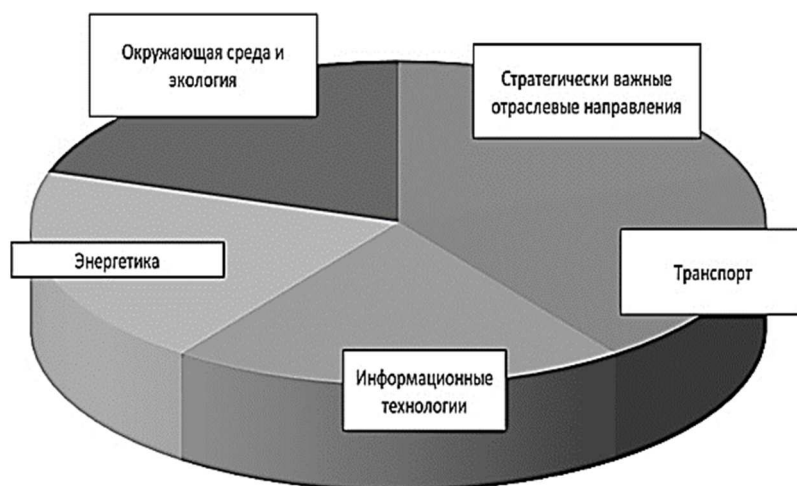
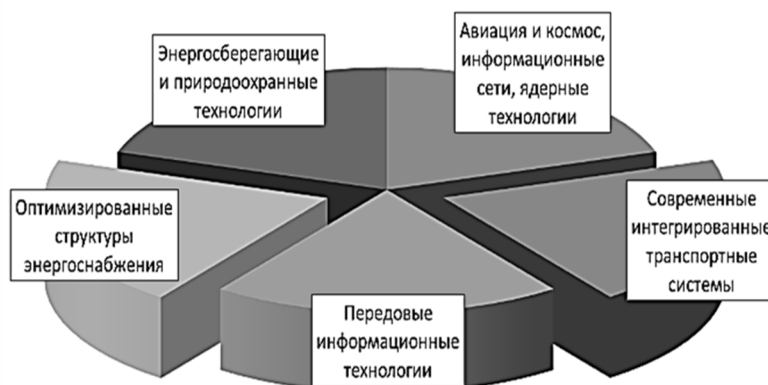

Рисунок 8 – Курс Китая на глобальное лидерство

а)

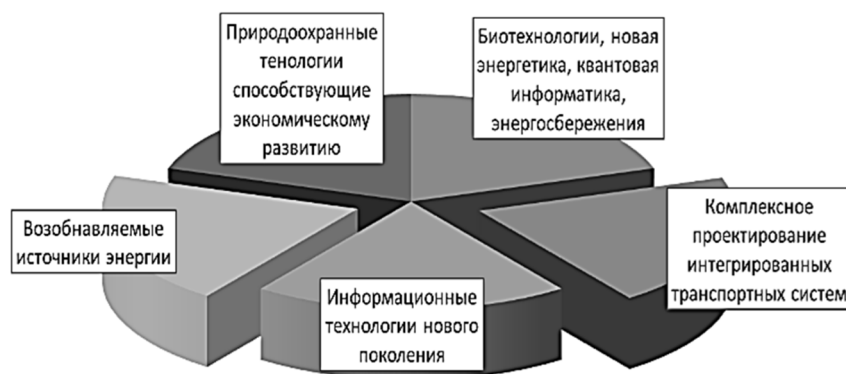

Рисунок 9 – Направления развития в области транспорта в период 2016–2020 гг. (а) и в период 2021–2025 гг. (б)

В области энергетики планируется оптимизировать структуру энергоснабжения, для этого строятся высоковольтные линии мощностью до 1100 кВ. В дальнейшем, увеличение доли возобновляемых источников энергии в совокупном объеме энергии достигнет 20 %. Использование возобновляемых источников энергии способствует более рациональному распределению топливных ресурсов, что положительно сказывается на экономике страны; при этом уменьшается количество вредных выбросов в окружающую среду.

Заключение.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время российский рынок инноваций находится на стадии формирования новой институциональной среды. К особенностям его формирования правомерно отнести наличие идей и предложений в сочетании с вероятностным характером и слабо прогнозируемым спросом, а также недостаточно развитые коммуникации между субъектами рынка: научно-исследовательскими центрами, генерирующими идеи и предприятиями, осуществляющими апробацию инновационных продуктов и внедрение их в массовое производство.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гаранин М.А. Методология комплементарной трансформации университета в научно-образовательный центр инновационного развития. 2022. С. 505.
2. Жигайло В.В. Перспективные инновационные контуры экономики РФ / В.В. Жигайло // Казанская наука. 2011. № 2. С. 84–86.
3. Фраймович Д.Ю. Методологические основы диагностики инновационного развития региональных социально-экономических систем : дис. ... на соискание ученой степени доктора экономических наук. 2016. С. 364.
4. Солопов А.А. Основные факторы инновационного развития экономических систем / А.А. Солопов // Инновационная деятельность. 2016. № 3(38). С. 35–42.
5. Анализ состояния и перспектив развития инновационного сектора экономики России : монография / И.Э. Агацева [и др.]. М., 2006. 143 с.
6. Филин С.А. Роль кооперативного сектора в обеспечении инновационного развития и экономической безопасности России / С.А. Филин, Л.А. Чайковская // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. № 3(336). С. 119–136.
7. Разумовская Е.М. Роль государства в формировании социальной ответственности как ключевого элемента нового типа российской культуры / Е.М. Разумовская, В.В. Цаликова // Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов: сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2023. С. 590–594.
8. Сулейманова Н.Р. Региональные факторы реализации проектов по цифровой трансформации / Н.Р. Сулейманова, О.В. Демьянова // Индустриальная экономика. 2022. Т. 8. № 3. С. 712–717.

© Блинкова С.А., Разумовская Е.М., Веляева К.С.

9. Морозов М.А. Совершенствование методов оперативно-производственного планирования группового производства: специальность 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики» : дис. ... на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Морозов Михаил Анатольевич. Л., 1984. 176 с.
10. Жуковская И.В. Теоретико-методологическое обоснование регулирования экономических зон в условиях инновационной экономики / И.В. Жуковская, Р.Р. Хусаенов // Микроэкономика. 2017. № 2. С. 16–20.
11. Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. № 1315-р. С. 56.

References:

1. Garanin M.A. Methodology of complementary transformation of the university into a scientific and educational center for innovative development. 2022. P. 505.
2. Zhigailo V.V. Promising innovative contours of the economy of the Russian Federation / V.V. Zhigailo // Kazan Science. 2011. № 2. P. 84–86.
3. Fraimovich D.Y. Methodological foundations of diagnostics of innovative development of regional socio-economic systems : dis. ... for the degree of doctor of economics. 2016. P. 364.
4. Solopov A.A. The main factors of innovative development of economic systems / A.A. Solopov // Innovative activity. 2016. № 3(38). P. 35–42.
5. Analysis of the state and prospects of development of the innovative sector of the Russian economy : monograph / I.E. Agkatseva [et al.]. M., 2006. 143 p.
6. Filin S.A. The role of the cooperative sector in ensuring innovative development and economic security of Russia / S.A. Filin, L.A. Tchaikovsky // National interests: priorities and security. 2016. Vol. 12. № 3(336). P. 119–136.
7. Razumovskaya E.M. The role of the state in the formation of social responsibility as a key element of a new type of Russian culture / E.M. Razumovskaya, V.V. Tsalikova // Education, upbringing and law in the context of global challenges: Collection of materials of the International scientific and practical conference. 2023. p. 590–594.
8. Suleymanova, N.R. Regional factors in the implementation of digital transformation projects / N.R. Suleymanova, O.V. Demyanova // Industrial economy. 2022. Vol. 8. № 3. P. 712–717.
9. Morozov M.A. Improvement of methods of operational and production planning of group production: specialty 08.00.13 «Mathematical and instrumental methods of economics» : dis. ... for degree of candidate of economic Sciences / Morozov Mikhail Anatolyevich. L., 1984. 176 p.
10. Zhukovskaya I.V. Theoretical and methodological substantiation of regulation of economic zones in the conditions of innovative economy / I.V. Zhukovskaya, R.R. Khusaenov // Microeconomics. 2017. № 2. P. 16–20.
11. The concept of technological development for the period up to 2030. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/20/2023 № 1315-R. P. 56.

Информация об авторах

Блинкова Светлана Александровна
кандидат технических наук,
доцент,
декан электротехнического факультета,
Самарский государственный университет
путей сообщения
blinkova@samgups.ru

Разумовская Елена Михайловна
доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры
менеджмента в социальной сфере
Института управления, экономики и финансов,
Казанский федеральный университет
razumovskaya61@mail.ru

Веляева Карина Сергеевна
аспирантка по специальности
«Региональная и отраслевая экономика»,
Самарский государственный университет
путей сообщения
velyaeva.k@mail.ru

Svetlana A. Blinkova
Candidate of Technical Sciences,
Assistant Professor,
Dean of the Faculty of Electrical Engineering,
Samara State Transport University
blinkova@samgups.ru

Elena M. Razumovskaya
Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department
of Management in the Social Sphere
of the Institute of Management, Economics and Finance,
Kazan Federal University
razumovskaya61@mail.ru

Karina S. Velyaeva
Postgraduate Student in Specialty
«Regional and Sectoral Economics»,
Samara State Transport University
velyaeva.k@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-7>
УДК 332.14

Attribution
cc by

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Бондаренко Н.А.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. В данном исследовании проведен анализ различных аспектов инновационной безопасности, рассмотрены альтернативные подходы к пониманию данной категории, изучены основные подходы к формированию системы индикаторов инновационной безопасности региона. Предложенная система индикаторов, была положена в основу интегральной оценки инновационной безопасности Хабаровского края, что, с одной стороны, позволило выявить риски и угрозы инновационно деятельности в регионе, с другой стороны оценить результаты деятельности региональных органов управления. Цель: проведение интегральной оценки инновационной безопасности региона, выявление угроз, оказывающих значимое воздействие на устойчивое развитие инновационной системы региона и препятствующих его полноценному и поступательному развитию. Методы: анализ, синтез, систематизация, обобщение научных источников по объекту и предмету исследования. Результаты: на основании индексного метода оценки инновационного потенциала региональной инновационной системы составлена система индикаторов, сгруппированная по четырем проекциям, произведена оценка состояние инновационной безопасности региона. Выводы: на основе проведенной интегральной оценки и анализа инновационной деятельности Хабаровского края выявлены угрозы инновационной безопасности Хабаровского края, препятствующие его полноценному и поступательному развитию.

Ключевые слова: инновационная безопасность, критерии и пороговые значения инновационной безопасности региона, система индикаторов, проекции, уровень безопасности.

INTEGRAL ASSESSMENT INNOVATIVE SECURITY OF THE REGION

Natalia A. Bondarenko

Pacific National University

Abstract. This study analyzes various aspects of innovation security, considers alternative approaches to understanding this category, and studies the main approaches to the formation of a system of indicators of innovation security in the region. The proposed system of indicators was used as the basis for an integral assessment of the innovation security of the Khabarovsk Territory, which, on the one hand, made it possible to identify risks and threats to innovation activity in the region, and on the other hand, to evaluate the results of the activities of regional government bodies. Goal: conducting an integral assessment of the region's innovation security, identifying threats that have a significant impact on the sustainable development of the region's innovation system and hindering its full and progressive development. Methods: analysis, synthesis, systematization, generalization of scientific sources on the object and subject of research. Results: based on the index method for assessing the innovative potential of the regional innovation system, a system of indicators was compiled, grouped into four projections, and the state of innovation security in the region was assessed. Conclusions: based on the conducted integral assessment and analysis of the innovative activity of the Khabarovsk Territory, threats to the innovative security of the Khabarovsk Territory were identified that impede its full and progressive development.

Keywords: innovation security, criteria and threshold values of innovation security in the region, system of indicators, projections, level of security.

Введение.

В современном мире обеспечение инновационной безопасности региона приобретает все более важное значение в контексте быстрого развития технологий и цифровизации.

Эффективная защита инноваций и интеллектуальной собственности становится приоритетом для региональных экономик, поскольку их конкурентоспособность и устойчивое развитие неразрывно связаны с инновациями.

Инновации позволяют нам создавать новые продукты, услуги и технологии, которые улучшают нашу жизнь и делают ее более комфортной и эффективной.

Инновационная безопасность региона играет ключевую роль в обеспечении устойчивого и безопасного развития экономики, социальной сферы и технологических инноваций. Она включает в себя широкий спектр мероприятий, направленных на защиту интеллектуальной собственности, предотвращение экономического

© Бондаренко Н.Л.

шпионажа, обеспечение информационной безопасности, управление рисками и другие аспекты, связанные с инновационной деятельностью. Однако, вместе с преимуществами, существуют вызовы и угрозы, связанные с инновационной безопасностью.

Развитие инновационной безопасности региона способствует созданию благоприятной среды для инновационной деятельности, привлечению инвестиций, развитию технологических кластеров и повышению конкурентоспособности региона на мировом рынке.

В данном контексте, важно учитывать специфику каждого региона, его инновационный потенциал, особенности экономической структуры и социокультурные особенности.

Обсуждение.

Инновационная безопасность – это категория, которая охватывает меры и практики по защите инновационных проектов, технологий, интеллектуальной собственности и других ценных ресурсов от угроз, связанных с конфиденциальностью, целостностью и доступностью. Эта категория включает в себя такие аспекты, как защита конфиденциальной информации, управление интеллектуальной собственностью, физическая безопасность, кибербезопасность, управление рисками, соблюдение нормативов и стандартов, а также обучение персонала.

Существует несколько альтернативных подходов к пониманию категории «инновационная безопасность», которые могут быть рассмотрены с различных точек зрения [10]:

1. Технический подход. Этот подход фокусируется на технических аспектах защиты инноваций, таких как кибербезопасность, защита интеллектуальной собственности, технологическая безопасность и другие аспекты, связанные с техническими инновациями [13].
2. Экономический подход. Этот подход ориентирован на анализ экономических аспектов инновационной безопасности, таких как защита инвестиций в инновации, управление рисками, финансовая устойчивость инновационных проектов и другие экономические аспекты.
3. Правовой подход. Этот подход акцентирует внимание на правовых и законодательных аспектах инновационной безопасности, таких как защита интеллектуальной собственности, патентное право, конфиденциальность информации и другие правовые аспекты.
4. Социальный и гуманитарный подход. Этот подход уделяет внимание социальным и гуманитарным аспектам инновационной безопасности, таким как этические вопросы в области инноваций, влияние инноваций на общество, проблемы принятия новых технологий обществом и другие социальные аспекты [8].

Эти различные подходы предлагают разнообразные ракурсы для понимания и анализа кате-

гории «инновационная безопасность» и могут быть комбинированы для комплексного изучения этой проблемы.

Таким образом, инновационная безопасность региона требует комплексного подхода, который объединяет различные области знаний и дисциплин, такие как экономика, технологии, политика, право, кибербезопасность и другие. Только взаимодействие между ними позволит создать эффективную систему инновационной безопасности.

Инновационная безопасность региона должна рассматриваться как часть общей системы безопасности, которая включает в себя как физические, так и информационные аспекты. Это также означает учет взаимосвязей между различными компонентами системы и управление ими как единой целостной системой.

Эффективное управление инновационной безопасностью региона требует разработки стратегий, политик, процедур и практик, которые позволяют выявлять, анализировать и управлять рисками, связанными с инновациями. Это также включает в себя участие всех заинтересованных сторон и создание системы мониторинга и контроля.

Инновационная безопасность региона не ограничивается только национальными границами. Она также связана с международными отношениями, торговлей, технологическими трансферами и другими аспектами. Поэтому глобальный подход к инновационной безопасности региона включает в себя учет международных стандартов, сотрудничество с другими странами и организациями, а также участие в международных программах и инициативах.

Оценка инновационной безопасности регионов может проводиться с использованием различных методик, которые включают в себя как количественные, так и качественные подходы.

В данной статье представлены результаты оценки инновационной безопасности на территории Хабаровского края индексным методом, согласно которому, наивысшая степень безопасности достигается при условии, что весь комплекс показателей (индикаторов) находится в пределах допустимых границ, определенных пороговыми значениями, а пороговое значение одного показателя достигается не в ущерб другим.

Результаты.

На основании индексного метода оценки инновационного потенциала региональной инновационной системы, составлена система индикаторов, сгруппированная по четырем проекциям, позволяющая оценить состояние инновационной безопасности региона [8].

Первая проекция – «Социально-экономические условия для инновационной деятельности», предполагает оценку наличия в регионе благоприятных условий для инновационного развития.

Вторая проекция – «Научно-технический потенциал» позволит оценить научно-исследовательскую деятельность в регионе.

Третья, ключевая проекция – «Инновационная деятельность» отражает непосредственно процесс создания и распространения инноваций.

Четвертая проекция – «Эффективность инновационной деятельности», отражает эффективность вложений в инновации.

По каждой проекции был определен набор частных показателей, которые были приведены к единой единице измерения путем нормирования.

Затем, полученное значение интегрального показателя сравнивалось с нормативным.

В таблице 1 представлены критерии оценки инновационной безопасности.

Таблица 1

Критерии оценки инновационной безопасности региона [12]

Значение коэффициента	Название уровня инновационной безопасности (УИБ)	Характеристика
$1,2 < K_{ИБ}$	Уровень абсолютной безопасности (АБ)	Большая часть индикаторов инновационной безопасности региона превышают пороговые значения
$1,0 < K_{ИБ} \leq 1,2$	Уровень относительной безопасности (ОБ)	Большинство показателей незначительно отличаются от пороговых значений
$0,8 < K_{ИБ} \leq 1,0$	Уровень повышенной опасности (ПО)	Значительная часть показателей ниже пороговых значений почти наполовину
$K_{ИБ} \leq 0,8$	Уровень катастрофической опасности (КО)	Большинство показателей инновационной безопасности ниже пороговых значений в 2 раза и более

В таблице 2 представлен анализ системы индикаторов для оценки инновационной безопасности Хабаровского края.

Таблица 2

Система индикаторов для оценки инновационной безопасности Хабаровского края [3; 7]

Название индикатора	Период					Пороговое значение
	2017	2018	2019	2020	2021	
1	2	3	4	5	6	7
Индикаторы, характеризующие социально-экономические условия для инновационной деятельности						
Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб. в том числе	524,5	574,8	610,7	654,9	759,3	$\geq 715,2$
Частный интегральный показатель	0,733	0,804	0,854	0,916	1,062	
Степень износа основных фондов, %	40,30	43,30	32,50	34,70	36,80	≤ 40
Частный интегральный показатель	0,993	0,924	1,231	1,153	1,087	
Инвестиции в основной капитал, % от ВРП	17,36	18,87	22,13	28,26	25,94	≥ 25
Частный интегральный показатель	0,694	0,755	0,885	1,130	1,038	
Число студентов учреждений среднего профессионального образования и высшего образования на 10000 населения	448	552	538	539	594	≥ 600
Частный интегральный показатель	0,747	0,920	0,897	0,898	0,990	
Доля собственных средств в доходах консолидированного бюджета, %	78,7	70,8	69,6	60,6	63,2	≥ 75
Частный интегральный показатель	1,049	0,944	0,928	0,808	0,843	
Индикаторы, характеризующие научно-технический потенциал в Хабаровском крае						
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, % к валовому региональному продукту	0,58	0,31	0,27	0,24	0,25	$\geq 2,2$
Частный интегральный показатель	0,264	0,141	0,123	0,109	0,114	
Коэффициент изобретательской активности, ед.	0,89	0,79	0,70	0,97	1,11	$\geq 1,63$
Частный интегральный показатель	0,545	0,483	0,429	0,594	0,681	
Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике	16	18	18	16	17	≥ 48
Частный интегральный показатель	0,331	0,369	0,365	0,340	0,344	
Число разработанных передовых производственных технологий, ед. на 10000 населения	13	24	24	13	17	≥ 40
Частный интегральный показатель	0,325	0,600	0,600	0,325	0,425	
Индикаторы, характеризующие инновационную деятельность в Хабаровском крае						
Инновационная активность организаций, %	15,9	13,3	8,1	5,9	7,2	≥ 25
Частный интегральный показатель	0,636	0,532	0,324	0,236	0,288	
Интенсивность затрат на технологические инновации, %	2,88	3,51	5,00	7,67	4,75	≥ 2
Частный интегральный показатель	1,44	1,75	2,5	3,83	2,37	
1	2	3	4	5	6	7
Доля малых предприятий, осуществляющих технологические инновации, %	2,3	4,8	5,0	9,5	10,3	≥ 10
Частный интегральный показатель	0,23	0,48	0,50	0,95	1,03	

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Доля новых видов продукции в общем объеме промышленной продукции, %	25	23,9	17,3	27,01	18,07	≥ 10
Частный интегральный показатель	2,5	2,39	1,73	2,7	1,8	
Индикаторы, характеризующие эффективность инновационной деятельности Хабаровского края						
Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной реализованной продукции, %	23,78	21,31	10,95	18,17	12,65	≥ 20
Частный интегральный показатель	1,190	1,065	0,547	0,908	0,633	
Число использованных передовых производственных технологий, ед. на 10000 населения	2602	2799	3006	2175	2134	≥ 3000
Частный интегральный показатель	0,867	0,933	1,002	0,725	0,711	
Коэффициент эффективности инвестиций в технологические инновации	0,92	0,97	0,97	0,98	0,97	≥ 0,6
Частный интегральный показатель	1,534	1,616	1,609	1,635	1,624	

На основании ранее представленных данных, рассчитаем интегральный показатель для каждой группы индикаторов и сделаем общий вывод об инновационной безопасности Хабаровского края.

Таблица 3

Интегральная оценка инновационной безопасности Хабаровского края в 2017–2021 гг.

Группа индикаторов	2017	2018	2019	2020	2021
Социально-экономические условия для инновационной деятельности	0,843	0,869	0,959	0,981	1,004
УБ	ПО	ПО	ПО	ПО	ОБ
Научно-технический потенциал	0,366	0,398	0,379	0,342	0,391
УБ	КО	КО	КО	КО	КО
Инновационная деятельность	1,202	1,289	1,264	1,931	1,375
УБ	АБ	АБ	АБ	АБ	АБ
Эффективность инновационной деятельности	1,197	1,205	1,053	1,089	0,989
УБ	ОБ	АБ	ОБ	ОБ	ПО
Интегральный показатель	0,902	0,940	0,914	1,086	0,940
Уиб	ПО	ПО	ПО	ОБ	ПО

Примечание: УБ – уровень безопасности; Уиб – уровень инновационной безопасности; ПО – уровень повышенной опасности; ОБ – уровень относительной безопасности; КО – уровень катастрофической опасности; АБ – уровень абсолютной безопасности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в проекции «Социально-экономические условия для инновационной деятельности» в 2017–2020 годах наблюдался уровень повышенной опасности инновационной безопасности, в 2021 году уровень оценивался как относительная безопасность. «Научно-технический потенциал» на всем исследуемом периоде оценивался как уровень катастрофической опасности.

екции «Эффективность инновационной деятельности», то в 2018 году её уровень оценивался как абсолютная безопасность, в 2017, 2019, 2020 годах – относительная безопасность, но в 2021 году уровень снизился до повышенной опасности.

На рисунке 1 показана динамика уровня инновационной безопасности Хабаровского края в 2017–2021 годах.

В проекции «Инновационная деятельность» на протяжении всего периода наблюдался уровень абсолютной безопасности. Если коснуться про-

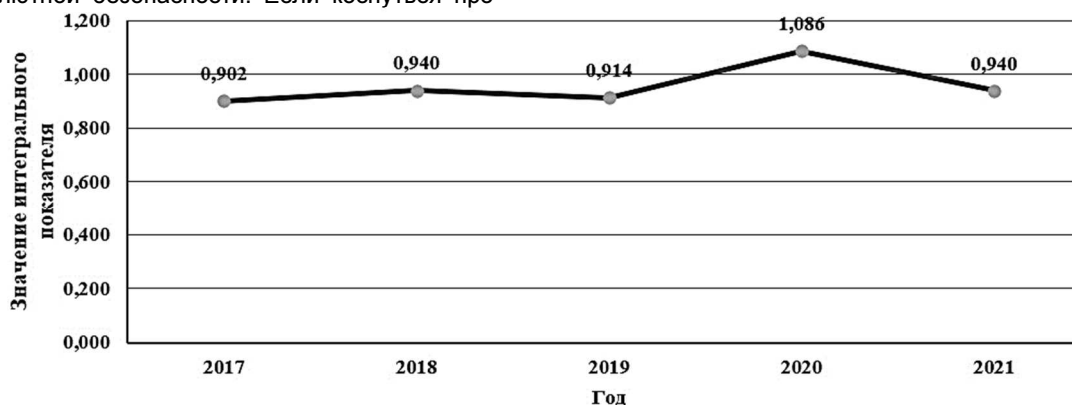

Рисунок 1 – Интегральная оценки инновационной безопасности Хабаровского края в 2017–2021 гг.

Заключение. Проведенный анализ инновационной деятельности и оценка инновационной безопасности Хабаровского края позволяет оценить состояние инновационной среды края и служит основой для выявления и оценки угроз.

Сравнив интегральные показатели по каждой проекции (рис. 2) можно заметить, что наиболее отстает группа индикаторов, связанная с научно-техническим потенциалом:

Рисунок 2 – Интегральная оценка по каждой проекции

Внутренние затраты на научные исследования и разработки, коэффициент изобретательской активности, численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки и число разработанных передовых производственных технологий находились значительно ниже порогового значения, что негативно сказалось на интегральном показателе как проекции «научно-технический потенциал», так и инновационной безопасности Хабаровского края.

Наиболее всего в Хабаровском крае развиты показатели, которые связаны с инновационной деятельностью.

Таким образом, проведенная интегральная оценка и анализ инновационной деятельности Хабаровского края позволили выявить ряд угроз инновационной безопасности края, которые препятствуют его полноценному и поступательному развитию.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бортник И.М. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России / И.М. Бортник // Инновации. 2012 № 9(167).
2. Голова И.М. Формирование инновационной составляющей экономической безопасности региона / И.М. Голова, А.Ф. Суховой // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. Стат. сб. / Росстат. М., 2023.
4. Земскова Е.С. Инновационная безопасность как подсистема экономической безопасности / Е.С. Земскова // Контентус. 2019. № 3.
5. Климентьева А.Ю. Ресурсное обеспечение инновационного развития регионов России и оценка его эффективности / А.Ю. Климентьева // Инновационное развитие экономики. 2018. Т. 2(44).

6. Кораблева А.А. Индикаторы экономической безопасности региона / А.А. Кораблева, В.В. Карпов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 3(23).
7. Митяков С.Н. Инновационное развитие регионов России: методика рейтингования / С.Н. Митяков // Инновации. 2017. № 9(227).
8. Михайлова А.А. Оценка инновационной безопасности регионов России / А.А. Михайлова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 4(349).
10. Сакович В.А. Инновационная безопасность: основные понятия, сущность / В.А. Сакович // Наука и техника. 2016. № 2.
11. Суховой А.Ф. Проблемы обеспечения инновационной безопасности в Российской Федерации / Суховой // А.Ф. Экономика региона. 2014.
12. Сяпова М.С. Система индикаторов экономической безопасности региона / М.С. Сяпова, Н.А. Бондаренко // Вестник ТОГУ. 2019. № 4(55).
13. Научно-технологическая безопасность регионов России: методические подходы и результаты диагностирования / А.И. Татаркин, Д.С. Львов, А.А. Куклин [и др.]. Екатеринбург : УПИ, 2000.

References:

1. Bortnik I.M. System for assessing and monitoring the innovative development of Russian regions / I.M. Bortnik // Innovations. 2012. № 9(167).
2. Golova I.M. Formation of the innovative component of the economic security of the region / I.M. Golova, A.F. Sukhovey // Economics of the region. 2017. Vol. 13. Iss. 4.
3. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023. Stat. Sat. / Rosstat. M., 2023.
4. Zemskova E.S. Innovative security as a subsystem of economic security / E.S. Zemskova // Contentus. 2019. № 3.
5. Klimentyeva A.Yu. Resource support for innovative development of Russian regions and assessment of its effectiveness / A.Yu. Klimentyeva // Innovative development of the economy. 2018. Vol. 2(44).
6. Korableva A.A. Indicators of economic security of the region / A.A. Korableva, V.V. Karpov // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2017. № 3(23).
7. Mityakov S.N. Innovative development of Russian regions: rating methodology / S.N. Mityakov // Innovations. 2017. № 9(227).
8. Mikhailova A.A. Assessment of innovation security of Russian regions / A.A. Mikhailova // National interests: priorities and security. 2017. Vol. 13. № 4(349).
10. Sakovich V.A. Innovative security: basic concepts, essence / V.A. Sakovich // Science and technology. 2016. № 2.
11. Sukhovey A.F. Problems of ensuring innovation security in the Russian Federation // Regional Economics, 2014.
12. Syupova M.S. System of indicators of economic security of the region / M.S. Syupova, N.A. Bondarenko // Bulletin of Tomsk State University. 2019. № 4(55).
13. Scientific and technological safety of Russian regions: methodological approaches and diagnostic results / A.I. Tatarkin, D.S. Lvov, A.A. Kuklin [et al.]. Ekaterinburg : UPI, 2000.

Информация об авторе

Бондаренко Наталья Алексеевна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент Высшей экономической школы
Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет
bonna5@mail.ru

Natalia A. Bondarenko
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
at the Higher School of Economics
Institute of Economics and Management,
Pacific National University
bonna5@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-39>
УДК 33

Attribution
cc by

РОССИЙСКО-АРАБСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Гаирли Амаль

Финансовый университет при правительстве РФ

Аннотация. Актуальность: Российско-арабское сотрудничество в настоящее время имеет стратегическое значение для обеих сторон, особенно в контексте изменяющейся геополитической ситуации. Цели: Целью данного исследования является анализ экономических и политических аспектов сотрудничества между Россией и странами Ближнего Востока, определение потенциала партнерства и выявление перспектив для развития отношений. Задачи: 1) изучить влияние экономических и политических факторов на российско-арабское сотрудничество; 2) проанализировать торговый обмен и инвестиционные потоки между Россией и ОАЭ; 3) рассмотреть стратегические и экономические выгоды от партнерства для обеих сторон. Методы: В исследовании используются аналитические методы, сравнительный анализ данных, а также статистические данные и экспертные оценки. Результаты: Анализ показал устойчивый рост торгового обмена и инвестиций между Россией и ОАЭ, указывая на потенциал для дальнейшего укрепления отношений.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, ОАЭ, стратегическое партнерство, торговля, инвестиции, энергетика, борьба с терроризмом, рост торгового обмена.

THE RUSSIAN-ARAB ECONOMIC RELATIONS: STRATEGIC ASPECTS AND ECONOMIC PROSPECTS

Gairli Amal

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. Relevance: Russian-Arab cooperation is currently of strategic importance for both sides, especially in the context of the changing geopolitical situation. Aims: The aim of this study is to analyze the economic and political aspects of cooperation between Russia and Middle Eastern countries, to determine the potential of the partnership and to identify prospects for the development of relations. Objectives: 1) to study the impact of economic and political factors on Russian-Arab cooperation; 2) to analyze trade exchange and investment flows between Russia and the UAE; 3) to examine the strategic and economic benefits of the partnership for both sides. Methods: The study uses analytical methods, comparative data analysis, as well as statistical data and expert assessments. Results: The analysis showed a steady increase in trade exchange and investment between Russia and the UAE, indicating the potential for further strengthening the relationship.

Keywords: Russia, Middle East, UAE, strategic partnership, trade, investment, energy, fight against terrorism, growth of trade exchange.

Введение.

Важность международных вопросов, особенно в напряженном регионе Ближнего Востока, а также проверка силы иностранных держав на предмет их большего влияния в регионе, привели к появлению нескольких исследований в этой области. Поскольку ближневосточный регион всегда был полон конфликтов, любая держава может вторгнуться в него. Поэтому любой стране трудно завоевать доверие стран региона [1].

Приоритетом Российской Федерации является построение сбалансированных и стабильных отношений со всеми правительствами и игроками в ближневосточном регионе.

Результаты.

Ближний Восток важен для любой растущей экономики. Благодаря своим значительным долларовым запасам, полученным от нефти, страны этого региона могут наслаждаться роскошью и передовыми товарами мира, так как большинство арабских стран удовлетворяют свои потребности из-за границы. Более того, эти страны входят в число крупнейших покупателей оружия в мире. Эти страны также недавно выразили желание воспользоваться преимуществами атомной промышленности, особенно в области производства электроэнергии, и у России есть подходящие возможности в вышеупомянутых областях.

© Гаирли Амаль

Тот факт, что российский торговый баланс на Ближнем Востоке складывается в пользу России [3], делает регион привлекательным рынком для российских товаров – военной техники, техники, нефти и газа, нефтехимии, металлургии и сельскохозяйственной продукции. В этом смысле торговля с регионом полезна для реализации правительственной стратегии диверсификации экономики.

Одной из основных причин сотрудничества России со странами региона является компенсация негативного воздействия западных санкций против России.

Таким образом, страны Ближнего Востока приобрели значение как экспортеры сельскохозяйственной продукции, чья продукция может помочь заменить европейскую продукцию под антироссийскими санкциями [2].

У России есть экономические и торговые интересы в энергетическом секторе Ближнего Востока. Эти интересы включает атомную энергетику, а также нефть и газ. Российские государственные компании, такие как «Газпром» и «Росатом» (Государственная экономическая энергетическая корпорация), преследуют значительные энергетические интересы на ключевых потребительских рынках, месторождениях нефти и газа, а также у клиентов инфраструктуры атомной энергетики в таких странах, как Иран, Ирак, Турция, Курдистан и Восточное Средиземноморье [7].

В последние годы Росатом постепенно расширял свою деятельность на Ближнем Востоке, строя реакторы в Иране, Египте, Иордании и Турции. Он также открыл региональный офис в Дубае в надежде на дальнейшие связи с ОАЭ и Саудовской Аравией для увеличения своего потенциала ядерной энергетики.

Колебания на мировых энергетических рынках и растущая зависимость России от доходов от нефти в результате снижения экономической мощи из-за западных санкций усилили давление на Россию с целью выхода на энергетические рынки Ближнего Востока.

Ближневосточный рынок вооружений не нов для России. Советский Союз экспортировал оружие в Алжир, Египет, Сирию, Ирак, Иран, Ливию, Судан и Йемен. Но распад Советского Союза сократил экспорт вооружений из России.

По крайней мере, с 1999 г. Россия является одним из крупнейших экспортеров оружия в мире. В последние годы регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) стал вторым по важности рынком российского оружия после Азии. С 2000 по 2016 г. [5] на регион Ближнего Востока и Северной Африки приходилось около одной пятой российского экспорта вооружений. Например, в 2009 г. Москва продала региону оружия на сумму около 9 миллиардов долларов; в 2016 г. [5] этот показатель достиг \$21,4 млрд. Традиционные клиенты продемонстрировали небольшое

снижение, но Россия попыталась сохранить свои доходы от этих стран.

Обсуждение.

Развитие сотрудничества в сфере обороны и энергетики между Россией и ОАЭ.

На протяжении более двух десятилетий ОАЭ, и Россия поддерживают военные отношения на высоком уровне, о чем свидетельствует подписание обеими сторонами нескольких соглашений о военном сотрудничестве, касающихся техники, вооружения и обмена информацией по борьбе с терроризмом. Россия также демонстрирует готовность поделиться с эмиратской стороной передовыми технологиями в области вооружения для локализации производства на землях Абу-Даби [6]. Обе страны также участвуют во многих совместных военных учениях.

Помимо сотрудничества в сфере обороны, Россия и ОАЭ сотрудничают в сфере энергетики и мирной атомной энергетики. ОАЭ закупает «ядерное топливо» у России; две страны также сотрудничают в любых дополнительных областях исследований посредством обмена информацией и опытом между «Московским энергетическим институтом» и «Университетом науки и технологий Халифы». Инвестиции также концентрируются во взаимоотношения между двумя странами в нефтегазовой сфере и прочные связи в рамках ОПЕК. Стоит отметить, что визит президента ОАЭ в Россию состоялся через неделю после того, как ОПЕК+ согласилась сократить добычу нефти на два миллиона баррелей в сутки для поддержки цен, несмотря на призывы Соединённых Штатов Америки закачать на рынки больше нефти для поддержки мировой экономики.

Со своей стороны, Россия охарактеризовала решение ОПЕК+ как «взвешенное, продуманное и спланированное действие для стран, занимающих ответственную позицию в рамках альянса ОПЕК+» [13].

Соответственно, сотрудничество в области энергетики между Россией и ОАЭ является одним из многих направлений, в которых наблюдается растущее развитие между двумя странами [9]. Хотя ОАЭ часто называют сильнейшим партнером Соединенных Штатов Америки в области безопасности в регионе Персидского залива, их отношения с Россией значительно укрепились за последние годы, что было наглядно продемонстрировано в июне 2018 года, когда Россия заключила соглашение о стратегическом партнерстве с ОАЭ – это первое соглашение такого рода между Россией и государством-членом в Совете сотрудничества стран Персидского залива.

Участие России в ближневосточном регионе считается позитивным событием с точки зрения Эмиратов, поскольку Эмираты пытаются решить проблемы региональной безопасности, которые угрожают их интересам. Помимо сотрудничества

в энергетическом и оборонном секторах, позиции России и ОАЭ по региональным кризисам за последние несколько лет существенно сблизились.

Обе страны также придерживаются схожей риторики о необходимости противостояния экстремистам в Сирии и Ливии. В апреле 2018 г. [16] министр иностранных дел ОАЭ охарактеризовал ситуацию в Сирии как конфликт между Аль-Саддом и экстремистами, что также соответствует российской точке зрения. В январе 2019 г. Россия и ОАЭ официально объявили о планах сотрудничества в сфере Сирии. области борьбы с терроризмом в Сирии. Аналогичным образом, в Ливии российская и ОАЭ стороны оказали поддержку Ливийской национальной армии в противостоянии угрозам, исходящим от группировок.

Растущее торгово-экономическое сотрудничество между Россией и ОАЭ.

Торговые отношения между Россией и ОАЭ продемонстрировали значительный рост. По данным базы данных ООН по международной торговле (COMTRADE), объем торгового обмена между двумя сторонами увеличился вдвое и в 2021 году достигнет 5,16 миллиарда долларов США, что сделало ОАЭ крупнейшим торговым партнером России среди стран Персидского залива, где ОАЭ вступают во владение около 55 % общего объема торговли России, приходится на страны региона [11].

Импорт ОАЭ из России в 2021 году [17] составил 3,71 миллиарда долларов США, наиболее значительными из которых являются: жемчуг, драгоценные камни, металлы и монеты на сумму 2,17 миллиарда долларов США, железо и сталь на сумму 393,19 миллиона долларов США, фармацевтическая продукция на сумму 188,45 миллиона долларов США, никель стоимостью 177,34 миллиона долларов США и самолеты, а также – космические аппараты стоимостью 171,14 миллиона долларов США. Напротив, экспорт ОАЭ в Россию в 2021 году составил 1,45 миллиарда долларов США, из которых экспорт электрического и электронного оборудования составил около 732,32 миллиона долларов США, что составляет более 50 % от общего объема экспорта в Россию.

Кроме того, ОАЭ являются местом отдыха большого количества российских туристов; здесь

действуют более 4000 российских компаний, а ОАЭ инвестируют в более чем 60 проектов в России. В целом, общий объем иностранных инвестиций, которыми обмениваются две страны, составляет, примерно, до 1,8 миллиарда американских долларов; ОАЭ – крупнейший арабский инвестор в России и крупнейший полу-чатель инвестиций.

Стоит отметить, что в ОАЭ привлекательная бизнес-среда и климат для инвестиций [14]. Дубай является одним из мировых финансовых центров, а в Эмиратах есть десятки свободных зон с гибкими правилами, которые делают его особенно привлекательным местом для иностранных инвесторов и иностранных компаний. Поскольку налога на прибыль нет, а налог на добавленную стоимость был введен только в 2018 году, возможно, именно поэтому на долю ОАЭ приходится 90 % общего объема инвестиций России в арабские страны.

Напротив, вирусные инвестиции ОАЭ составляют более 80 % от общего объема арабских инвестиций, большая часть которых сосредоточена в газовом, нефтяном секторах, секторах недвижимости, инфраструктуры и логистики в России, а также в секторе производства продуктов питания в России. Кроме того, обе страны занимаются добычей природных ресурсов и являются развивающимися торговыми центрами.

Заключение.

В заключение, учитывая движения ОАЭ и неустанные шаги по максимизации своего положения и роли - в контексте трансформации глобальной системы в многополярную систему путем укрепления своих отношений с не западными глобальными державами, участия в международных усилиях по борьбе с терроризмом и получение выгоды от новых возможностей для торговли и инвестиций, общих интересов в расширении сотрудничества между двумя странами, мы пришли к выводу о том, что они могут предложить друг другу продолжить контакты в геополитической, экономической, энергетической, деловой и туристической областях. В контексте выше изложенного, следует отметить растущее между ними стратегическое партнерство, вероятно, продолжится в ближайшие годы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Николай К. Экспорт вооружений пополняет инструменты влияния России на Ближнем Востоке. Chatham House: Королевский институт международных отношений, 20 июля 2016 г. URL : <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/arms-exports>

2. Николай К. Мотивы и методы российской политики на Ближнем Востоке. Chatham House: Королевский институт международных отношений, 21 февраля 2018 г. URL : <https://www.chathamhouse.org/2018/02/russian-policy-across-middle-east>
3. Геополитика и нефтяная индустрия: взаимоотношения России и ОАЭ в контексте ОПЕК+ – Книга Глобальные Тенденции. 2018.
4. Двусторонние отношения России и ОАЭ: анализ политических и экономических аспектов // Сборник статей. 2017.
5. Современные тенденции в сотрудничестве России и ОАЭ // Научный журнал Международная Политика. 2022.
6. ОПЕК+ и глобальная энергетическая безопасность // Доклады конференции по энергетике. 2023.
7. Визит президента ОАЭ в Россию: последствия и перспективы // Интервью с экспертом. 2024.
8. Энергетическая дипломатия в современном мире : учеб. пособие. 2021.
9. Современные тенденции военного сотрудничества между Россией и ОАЭ // Аналитический обзор Центра стратегических исследований. 2019.
10. Россия и ОАЭ: сотрудничество в сфере обороны и энергетики // Аналитический обзор. 2020.
11. Военное сотрудничество России и ОАЭ: история и перспективы // Журнал Международные Отношения. 2019.
12. Энергетическое сотрудничество между Россией и ОАЭ: вызовы и возможности // Конференция по энергетике, 2021.
13. Товарооборот между РФ и ОАЭ в 2022 году вырос до \$9 млрд. URL : <https://tass.ru/ekonomika/17094049>
14. Борщевская А. Может ли Трамп разрушить российско-иранский альянс? The Tower, 2017. URL : <http://www.thetower.org/article/can-trump-break-up-the-russian-iranian-alliance>
15. Халабников А. Что Россия ищет на Ближнем Востоке? Tabnak News, 19 июня 2016 г. URL : <http://www.tabnak.ir/fa/news/599152>
16. Кожанов Н. Россия и ОПЕК: сохранятся ли отношения? TRENDS, 26 октября 2017. Доступ 25 декабря 2017 г. URL : <http://trendsinstitution.org/russia-and-opewill-the-relation-last>

References:

1. Nikolay K. Arms exports add to Russia's instruments of influence in the Middle East. Chatham House: Royal Institute of International Affairs, July 20, 2016. URL : <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/arms-exports>
2. Nikolay K. Motives and methods of Russian policy in the Middle East. Chatham House: Royal Institute of International Affairs, February 21, 2018. URL : <https://www.chathamhouse.org/2018/02/russian-policy-across-middle-east>
3. Geopolitics and the oil industry: Russia-UAE relations in the context of OPEC+ – Book Global Trends, 2018.
4. Bilateral relations between Russia and the UAE: analysis of political and economic aspects // Collection of articles. 2017.
5. Modern trends in cooperation between Russia and the UAE // Scientific journal International Politics. 2022.
6. OPEC+ and global energy security // Reports of the conference on energy. 2023.
7. Visit of the UAE President to Russia: consequences and prospects // Interview with an expert. 2024.
8. Energy diplomacy in the modern world : tutorial. 2021.
9. Modern trends in military cooperation between Russia and the UAE // Analytical review of the Center for Strategic Studies. 2019.
10. Russia and the UAE: cooperation in the field of defense and energy // Analytical review. 2020.
11. Military cooperation between Russia and the UAE: history and prospects // International Relations Journal. 2019.
12. Energy cooperation between Russia and the UAE: challenges and opportunities // Energy Conference. 2021.
13. Trade turnover between the Russian Federation and the UAE in 2022 increased to \$ 9 billion. URL : <https://tass.ru/ekonomika/17094049>
14. Borshchevskaya A. Can Trump destroy the Russian-Iranian alliance? The Tower, February, 2017. URL : <http://www.thetower.org/article/can-trump-break-up-the-russian-iranian-alliance>
15. Khalabnikov A. What is Russia looking for in the Middle East? Tabnak News, June 19, 2016. URL : <http://www.tabnak.ir/fa/news/599152>
16. Kozhanov N. Russia and OPEC: Will the Relationship Last? TRENDS, October 26, 2017. Accessed December 25, 2017. URL : <http://trendsinstitution.org/russia-and-opewill-the-relation-last>

Информация об авторе

Гаирли Амаль
аспирантка 2 курса,
Финансовый университет при правительстве РФ,
Москва
Ghairle1@gmail.com

Gairli Amal
2nd year Graduate Student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow
Ghairle1@gmail.com

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-42>
УДК 332

Attribution
cc by

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Гэ Вэньцзнь¹, Клименко Т.М.²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

²Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии,
Чеченский государственный университет им. А. Кадырова

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты инновационного процесса в современном государственном управлении и проблемы, связанные с актуальностью внедрения инновационных методов для развития и совершенствования государственного управления. Цель статьи – выявить причины, способствующие инновационной политике государства и определить основные тенденции актуализации инновационных процессов в государственном управлении РФ. В статье используются следующие научные методы: общенаучный метод, конструктивный метод, функциональный метод. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что инновационная политика связана с фундаментальными и прикладными исследованиями в области новых изобретений или экспериментально-технических работ. Инновационная политика может быть реализована и в сфере государственного управления. Автор статьи делает вывод о том, что использование инноваций в системе федерального, регионального и муниципального управления позволяет снизить бюрократическую нагрузку на население, оперативно решать насущные вопросы, волнующие граждан страны, и расширить сферу взаимодействия между управленческими структурами государства и обществом.

Ключевые слова: государственное управление, инновации, инновационная политика, цифровизация, электронное правительство.

INNOVATION POLICY IN PUBLIC ADMINISTRATION

Ge Wenjing¹, Tazhan M. Klimenko²

¹Moscow State University named after M.V. Lomonosov,

²Chechen State University named after A. Kadyrov

Abstract. This article considers theoretical and practical aspects of the innovation process in modern public administration and the problems associated with the relevance of the implementation of innovative methods for the development and improvement of public administration. The purpose of the article is to identify the reasons contributing to the innovative policy of the state and to determine the main trends of actualization of innovation processes in public administration of the Russian Federation. The article uses the following scientific methods: general scientific method, constructive method, functional method. The results of the study allow us to conclude that innovation policy is associated with fundamental and applied research in the field of new inventions or experimental-technical work. Innovation policy can also be realized in the sphere of public administration. The author of the article concludes that the use of innovations in the system of federal, regional and municipal governance allows to reduce the bureaucratic burden on the population, to promptly solve urgent issues of concern to the citizens of the country, and to expand the scope of interaction between the management structures of the state and society.

Keywords: public administration, innovation, innovation policy, digitalization, e-government.

Введение.

Одной из современных тенденций в системе государственного управления является все более активное внедрение инноваций в практику работы органов власти.

Под инновацией, чаще всего, понимается «создание, распространение и применение нового средства (новшества), удовлетворяющего потребности человека и общества и вызывающего

вместе с тем социальные и другие изменения. При этом сущность инновации составляет деятельность по поиску и получению новых результатов, способов их создания, устранению рутинных, неэффективных условий труда, управленческих структур, форм жизнедеятельности» [2, с. 115].

Если рассматривать инновации в контексте государственного управления, то инновационную политику, проводимую государством, можно раз-

делить на две группы с условными названиями: «инновации в государственном управлении» и «государственное управление инновациями».

Применительно к первой группе, инновационная деятельность рассматривается как внедрение в государственное управление управленческих инноваций и предлагаются возможные пути реализации инновационного типа государственного управления.

Второй группе присущ традиционный (технологический) подход к инновационной деятельности. При этом наряду с функцией «государственное управление инновационной деятельностью» часто исследуется также, и функция «государственное регулирование инновационной деятельности».

По предположению исследователей, это связано с тем, что государственное управление и государственное регулирование взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга.

Государственное управление является более масштабным явлением и направлено на реализацию функций государства, упорядочение отношений в отдельных сферах, отраслях деятельности общества.

Государственное регулирование не предусматривает прямого вмешательства, а направлено на создание условий для осуществления отдельных видов деятельности (внешнеэкономической, предпринимательской, хозяйственной, банковской, научно-технической и т.д.) [6, с. 70].

Таким образом, можно утверждать, что при рассмотрении явлений и процессов, имеющих место в инновационной деятельности, следует принимать во внимание два возможных измерения: ментальный (управленческая инновация), когда инновацией является внедренное управленческое решение, и материальный, когда инновацией является продукт или процесс.

Результаты.

В 1998 году в России была принята «Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы», где впервые были обозначены такие понятия, как «инновация», «инновационная деятельность», «инновационная политика» и определены принципы и механизмы инновационной деятельности. Инновационная политика в данной концепции определялась как «совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, научно-технические и иные ресурсы, необходимые для осуществления инновационной деятельности» [2, с. 116].

С этого времени, термин «инновационная политика» стал фигурировать во многих документах и законодательных актах Российской Федерации, вопросы инновационной деятельности стали обсуждаться в средствах массовой информации,

на различного рода конференциях и «круглых столах».

А.П. Бердашкевич называет инновационную политику составляющей государственной политики и видом деятельности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, связанным с прямым и косвенным выполнением базисных установок государства, касающихся инновационной деятельности. Государственная инновационная политика – это определение органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, с учетом соответствующих приоритетов, целей инновационной стратегии и механизмов поддержки наиболее важных программ и проектов, которые реализуются с помощью взаимосвязанных экономических, нормативно-правовых и других средств государственного регулирования [3].

В начале XXI века была принята программа «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года», в которой уже была конкретизирована роль органов государственной власти в процессе инновационного развития России. В этой программе отмечалась необходимость внедрения инноваций в систему государственного управления – таких как предоставление государственных услуг в электронной форме и создание электронного правительства [2, с. 116].

С этого времени и началось широкое внедрение инновационных технологий в деятельность федеральных, региональных и муниципальных органов государственного управления.

Обсуждение.

Процесс внедрения инноваций в систему государственного управления носил поэтапный характер.

На первом этапе были созданы официальные сайты государственных органов Правительства РФ – федеральных министерств и ведомств.

На втором этапе население России начало получать государственные и муниципальные услуги, но эти услуги пока еще были выборочными.

Третий этап ознаменовался разработкой и введением в эксплуатацию электронного портала государственных услуг, ставшего новой формой взаимодействия между гражданами и государственной властью [1, с. 60].

Именно на последнем, третьем, этапе развития инновационной политики начался переход к цифровой модели государственного управления, или электронному правительству, которое представляет собой организацию цифрового взаимодействия между органами власти и их подразделениями, гражданами, общественными организациями и бизнесом на основе информационных технологий, интернета и мобильных технологий.

Создание электронного, или цифрового, правительства трансформировало традиционные отношения между народом и властью.

Сегодня цифровое правительство не является только системой предоставления государственных услуг, как это было на заре введения инноваций в государственное управление. Цифровизация стала важной частью деятельности всех государственных учреждений, что способствовало повышению эффективности и прозрачности их работы, поскольку они стали напрямую и оперативно взаимодействовать с населением страны.

Благодаря цифровому правительству, в России появились новые механизмы государственного управления, направленные «на потребности граждан, на практику предоставления государственных услуг (таких, как например, «одно окно»), на «гибкость» государственных учреждений, способных решать проблемы в режиме реального времени и быстро реагировать на запросы граждан» [1, с. 60]. Более того, цифровое правительство помогло сократить расходы на государственный аппарат (уменьшилось количество штатных единиц системы управления), уменьшить избыточные и дублирующие функции организаций за счет унификации и стандартизации их работы.

Широкое внедрение электронных услуг, опирающихся на технологии, связанные с использованием искусственного интеллекта, способствует трансформации государственного аппарата на организационном и финансово-бюджетном уровнях и создает систему потребления государственных услуг в цепочке «гражданин – государство», где существует постоянная обратная связь и появляются новые формы и методы организации государственного управления [5].

С.Г. Камолов считает, что благодаря новой модели государственного управления, носящей цифровой характер, «появляется возможность принимать некоторые решения не только быстрее, но и в режиме реального времени... Многие процессы (государственные закупки, отчетность, проекты решений) становятся транспарентными для граждан» [4, с. 451].

Несмотря на то, что цифровизация государственного управления имеет некоторое количество «минусов» (так, гражданин, пытаясь решить свой «наболевший» вопрос на порталах или сайтах цифровых услуг, не всегда может «досу-

чататься» в тот или иной орган власти, да и киберугрозы никто не отменял), все же, по мысли С.Г. Камолова, «плюсов» больше. Прежде всего, цифровые инновации «помогают устранить проблему отсутствия преемственности в управлении. Специфика государственных задач такова, что зачастую, чиновник принимает решения, связанные с выполнением многолетних, долгосрочных задач развития страны. Взять, к примеру, создание самолетов нового поколения. Решение задачи такого масштаба может потребовать десять и более лет. Очевидно, что за такой период сменится не одна команда управленцев, а задача должна выполняться ритмично, в соответствии с определенным графиком. Цифровые базы данных и знаний существенно облегчат передачу накопленного опыта между поколениями управленцев» [4, с. 459].

Заключение.

В завершение исследования мы пришли к выводу о том, что именно государственное управление инновационного типа нацелено на качественную составляющую в осуществлении взаимодействия с гражданами, на их систематическое «общение» с целью достижения договоренности по тому или иному государственно-политическому, экономическому, социальному и т.п. вопросу.

В последние годы в СМИ на «цифровых» площадках Интернета разгорелись дискуссии по вопросам как «цифрового тоталитаризма», так и «цифровой демократии». Участники форумов и конференций обсуждали качество «цифрового» государственного управления. В результате широкой дискуссии был сделан вывод о том, что цифровизация привела к глубоким изменениям в российском обществе, поскольку стала механизмом, обеспечивающим гуманизацию и демократизацию отношений между властью и обществом [7, с. 589].

Введение инновационных методов в государственное управление способствует консолидации общества. Со временем, когда, при усовершенствовании цифровых технологий, произойдет еще больший прогресс в государственной инновационной политике, Россия станет одной из передовых стран с хорошо организованной службой административных органов и с эффективной системой государственного управления, взаимодействующей со всеми структурами гражданского общества.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Белобородько А.М. Развитие технологий государственного управления в современной России / А.М. Белобородько // МЭИ.RU. Сборник статей Всероссийской научной конференции. М. : Московский экономический институт, 2019. С. 56–66.
2. Белова Л.Н. Инновационная политика в системе государственного управления Российской Федерации / Л.Н. Белова, О.В. Малахова, Н.В. Проказина // Вестник государственного и муниципального управления. 2016. № 3(22). С. 114–123.
3. Бердашкевич А.П. Анализ нормативно-правового содержания понятий «инновационная деятельность» и «государственная инновационная политика» / А.П. Бердашкевич // Инновации. 1999. № 7–8. С. 53–55.
4. Камолов С.Г. Государственное управление в цифровую эпоху / С.Г. Камолов Под общ. ред. А.В. Мальгина // «25 лет внешней политике России»: Сб. материалов. М. : МГИМО-Университет, 2017. Т. 2. С. 449–460.
5. Косоруков А.А. Цифровая модель правительства: теория и практика современного государственного управления / А.А. Косоруков // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2017. Т. 20. № 3.
6. Хименко О.А. Развитие инновационной деятельности и государственное управление: методологические аспекты / О.А. Хименко // Бизнес-информ. 2020. № 1. С. 69–77.
7. Vasilenko L.A. Public Policy in Digital Society / L.A. Vasilenko // Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference. KnE Social Sciences, 2020. P. 85–93.

References:

1. Beloborodko A.M. Development of public administration technologies in modern Russia / A.M. Beloborodko // MPEI.RU: Collection of articles of the All-Russian scientific conference. M. : Moscow Economic Institute, 2019. P. 56–66.
2. Belova L.N. Innovation policy in the system of public administration of the Russian Federation / L.N. Belova, O.V. Malakhova, N.V. Prokazina // Bulletin of state and municipal management. 2016. № 3(22). P. 114–123.
3. Berdashkevich A.P. Analysis of the normative-legal content of the terms «innovation activity» and «state innovation policy» // Innovations. 1999. № 7–8. P. 53–55.
4. Kamolov S.G. State management in the digital era / S.G. Kamolov; Edited by A.V. Malgin // «25 years of Russia's foreign policy»: Collection of materials. M. : MGIMO-University, 2017. Vol. 2. P. 449–460.
5. Kosorukov A.A. Digital Model of Government: Theory and Practice of Modern Public Administration / A.A. Kosorukov // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2017. Vol. 20. № 3.
6. Khimenko O.A. Development of innovation activity and state management: methodological aspects / O.A. Khimenko // Business Inform. 2020. № 1. P. 69–77.
7. Vasilenko L.A. Public Policy in Digital Society / L.A. Vasilenko // Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference. KnE Social Sciences, 2020. P. 85–93.

Информация об авторах

Гэ Вэньцзнь

студент бакалавриата 4 курса
факультета государственного управления,
менеджмента,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
3480627737@qq.com

Клименко Таужан Микаэловна

доктор юридических наук,
доцент,
кафедра уголовного права и процесса
Юридического института
Северо-Кавказской государственной академии;
кафедра уголовного права и процесса
Чеченского государственного университета
им. А. Кадырова
milena.555@mail.ru

Ge Wenjing

4th year Undergraduate Student
Faculty of Public Administration, management,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
3480627737@qq.com

Tauzhan M. Klimenko

Doctor of Law,
Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure
of the Law Institute
of the North Caucasus State Academy;
Department of Criminal Law and Procedure
Chechen State University named after A. Kadyrov
milena.555@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-11>
УДК 332.158

Attribution
cc by

ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО БРЕНДА В ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА

Казибеков И.М.

Дагестанский государственный аграрный университет

Аннотация. Автором раскрываются перспективы развития внутреннего туризма в Республике Дагестан. Автор считает, что для дальнейшего развития внутреннего туризма в регионе имеются все предпосылки, такие, как природно-климатические, архитектурно-исторические, бальнеологические, гастрономические. На сегодняшний день наиболее освоенным туристским направлением является Северный Дагестан, а Южный Дагестан остался недооцененным, хотя имеет множество достопримечательностей, самобытную культуру и традиции, населяющих этот регион народов.

Одним из необходимых факторов, повышающих конкурентоспособность региона, является создание туристического бренда для привлечения туристов и инвесторов. В статье рассматриваются различные варианты формирования локальных брендов, которые, по мнению автора, могли бы положительно отразиться на развитии организационно-экономического механизма туризма в регионе.

Самым перспективным туристическим брендом на сегодняшний день является древнейший город Дербент, история которого насчитывает более 2000 лет. Автор считает, что брендом могут стать и другие достопримечательности республики, и даже производимый в Дагестане природный продукт, обладающий полезными свойствами, урбеч.

Ключевые слова: внутренний туризм, бренд, гостеприимство, туристический маршрут, инфраструктура, отдых.

THE IMPORTANCE OF A MODERN BRAND IN THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF DOMESTIC TOURISM DEVELOPMENT

Islam M. Kazibekov

Dagestan State Agrarian University

Abstract. The author reveals the prospects for the development of domestic tourism in the Republic of Dagestan. The author believes that for the further development of domestic tourism in the region there are all prerequisites, such as natural-climatic, architectural-historical, balneological, gastronomic. Today, the most developed tourist destination is Northern Dagestan, and Southern Dagestan has remained underestimated, although it has many attractions, original culture and traditions of the peoples inhabiting this region.

One of the necessary factors that increases the competitiveness of the region is the creation of a tourism brand to attract tourists and investors. The article discusses various options for the formation of local brands, which, in the author's opinion, could have a positive impact on the working of the organizational and economic mechanism of region's tourism.

The most promising tourism brand today is the ancient city of Derbent, whose history goes back more than 2000 years. The author believes that other attractions of the republic and even a natural product produced in Dagestan that has beneficial properties, urbech, can become a brand.

Keywords: domestic tourism, brand, hospitality, tourist route, infrastructure, recreation.

Введение. В последние годы Дагестан стал местом притяжения туристов со всех уголков России. Отдыхающих привлекают приятный, мягкий климат, историко-культурные и природные достопримечательности, водо- и грязелечение, морское побережье, горы, почти 300 солнечных дней в году, возможность загорать на пляжах, кататься на катерах, заниматься серфингом, рафтингом по горным рекам.

Не маловажным плюсом выступают доступные цены в гостиницах, отелях, базах отдыха, в ресторанах и многочисленных кафе, т.е. соотношение «цена – качество», что стало ключевым моментом в выборе направления отдыха при сокращении реальных доходов населения.

Туризм является такой сферой деятельности, которая непосредственно влияет на социальную,

культурную, образовательную, экономическую и экологическую составляющие региона.

Динамика развития туристской отрасли способствует совершенствованию дорожной и туристической инфраструктуры (строительство и реконструкция гостиниц, отелей, баз отдыха, торговых и развлекательных центров, ресторанов и кафе), стимулирует развитие служб сервиса, связи. Туризм меняет психологию местных жителей в связи с превращением их из простых производителей традиционной продукции в персонал по обслуживанию туристов.

На совещании, посвященном вопросам развития туризма, Президент России В.В. Путин отметил растущий спрос на этот вид отдыха и указал на его положительное влияние, на смежные отрасли и экономики целых регионов [8].

Туристический потенциал Республики Дагестан отмечают как ученые, так и туристы; в этой связи его активно продвигают на отечественных и международных площадках. В 2023 году региональное министерство по туризму приняло активное участие в выставке «Отдых-2023», в совместном российско-белорусском туристическом конгрессе в Минске, в выставке в Баку, на Международном туристическом форуме «Новый этап сотрудничества государств-участников СНГ в сфере туризма» (г. Душанбе, Республика Таджикистан) и т.д.

Также, в 2023 году на территории республики были проведены такие крупные мероприятия, как туристический форум «Открытый Дагестан», Всероссийский фестиваль народных художественных промыслов «Хранители традиций», ночной полумарафон «Огни Дербента», «ATLETICA ЗАБЕГ 2023», выставочный матч между сборными Футбольной национальной лиги и Медийной футбольной лиги, трейловый забег Dagestan Wild Trail и др. [1].

Природно-климатические условия и богатое культурное наследие проживающих в Дагестане народов, сохранивших свою самобытность в культуре и традициях, где традиционное гостеприимство сочетается с вкусной и оригинальной кухней, вызывают большой интерес у туристов.

Наиболее популярными направлениями являются локации Северного Дагестана: аулы Гуниб, Чох, Цада, Сулакский каньон и песчаный бархан Сары-Кум. Здесь развита дорожная инфраструктура и инфраструктура гостеприимства, созданы благоприятные условия для отдыха и развлечения гостей.

Недавно вблизи от Сулакского каньона открыли для посещения туристов пещеры «Нохъо» (в переводе с аварского языка «пещера») – это три пещеры, расположенные на противоположных берегах реки Сулак, соединенные подвесным мостом на высоте 60 метров над рекой. По обе стороны моста предприниматели построили

смотровые площадки и кафе, вписав их в природный ландшафт каньона.

Таким образом, в северной части республики с открытием новых туристских маршрутов появляется возможность формирования масштабного туристского кластера. Рост турпотока в эту часть республики позволит значительно улучшить облик данной территории, повысит занятость и уровень жизни местного населения.

Обсуждение. Для дальнейшего развития внутреннего туризма, в целом, для привлечения большего количества туристов и потенциальных инвесторов, нужен эффективно действующий бренд.

Все страны мира используют свои возможности и преимущества в этом вопросе, привлекая туристов эффективно действующими брендами. Так, Китай Великой Китайской стеной, в ОАЭ – самым высоким зданием в мире - Бурдж Халифа, Швейцария – часами, сыроварнями и знаменитым швейцарским шоколадом, в Италия и Франция – виноградными плантациями, вином, историческими и культурными памятниками, Саудовская Аравия – местами поклонения – Мекка и Медина.

Туристические бренды упрощают задачу позиционирования и продвижения города, региона или страны на туристическом рынке [5].

«Брендинг территории – это процесс по созданию и управлению брендом, который включает в себя формирование, продвижение, развитие и репозиционирование бренда. В основе брендинга региона лежит использование технологий создания его отличительного образа и формирование к нему отношения конкретной целевой аудитории» [9].

«Хороший бренд – единственное, что может обеспечить доходы выше средних в течение длительного времени» [3].

«Туристический бренд – известный объект или комплекс объектов природного, культурно-исторического наследия, а также маршрут, который охватывает посещение данных объектов, уникальные события, ремесла, услуги, занятия, привлекающие к себе большой приток туристов. Туристические бренды – это те выдающиеся достопримечательности, которые показывают гостям территории в первую очередь, без ознакомления с которыми знакомство с данной местностью обычно считается неполным» [2].

Туристический бренд – это не обязательно предлагаемая турфирмой продукция, брендом может стать определенная локация, местность или целый регион.

Проведенные нами ранее исследования, позволяют сделать вывод о том, что «бренд» — это знак, который позволяет сформировать имидж локации, включает в себя определенный логотип, с которым ассоциируется тот или иной продукт, делающий его привлекательным в глазах у

потенциальных покупателей, в данном случае у туристов [4].

Самым перспективным направлением привлечения туристов может стать Южный Дагестан. Главной точкой притяжения туристов является находящийся здесь древнейший город Дербент.

Дербент сегодня – основной бренд Дагестана – это музей под открытым небом, каждая улочка которого свидетельствуют об исторических событиях более 2000-летней давности, и имеет все необходимые качества для притяжения миллионов туристов и позиционирования себя как выдающийся туристический центр.

В Дербенте сохранились старинные мечети, церкви, синагоги и медресе, средневековый хамам (бани) и уникальные подземные водохранилища.

В 2022 году Дербент и дербентскую крепость «Нарын-Кала» посетили более полумиллиона туристов, что в три раза больше численности жителей самого города. Рядом с городом, на берегу Каспийского моря планируется образование особой экономической зоны (ОЭЗ) туристско-рекреационного типа «Каспийский прибрежный кластер». В целях развития ОЭЗ, созданной вдоль побережья Каспийского моря Минэкономразвития России, Правительством Республики Дагестан и АО «КАВКАЗ.РФ» определены параметры и этапность комплексной долгосрочной работы по ключевым направлениям:

1 этап – создание всесезонного туристско-рекреационного комплекса «Каспийский прибрежный кластер» (ВТРК «КПК») и всероссийского детского центра «Дагестан» (ВДЦ «Дагестан»);

2 этап – создание города-курорта «Каякент».

Для реализации первого этапа в качестве приоритетной территории определен участок в Дербентском районе. В рамках проводимой работы Минэкономразвития России и АО «КАВКАЗ.РФ» разработана концепция развития территории. В непосредственной близости к ВТРК «КПК» в соответствии с разработанной концепцией планируется строительство ВДЦ «Дагестан».

Между Минэкономразвития России и Правительством Республики Дагестан подписано дополнительное соглашение от 25 октября 2023 года № СН/Д-37 об определении границ ОЭЗ в Дербентском районе Республики Дагестан.

Минэкономразвития России издал приказ (от 13 ноября 2023 г. № 788) о передаче республике отдельных полномочий по управлению особой экономической зоной и в ближайшее время планируется подписание дополнительного соглашения о передаче отдельных полномочий [1]. Данный фактор создает благоприятные возможности по формированию туристских маршрутов по историческим местам, архитектурным, культурным и конфессиональным памятникам, которые расположены в Дербенте и его окрестностях.

В 2019 году утверждена пятилетняя государственная программа развития Дербента с финансированием в 23 млрд руб. Эти средства позволят создать развитую инфраструктуру отдыха и развлечений и тем самым значительно повысить привлекательность Дербента для туристов.

Результаты. Формирование и развитие системы внутреннего туризма имеет целый ряд закономерностей функционирования, одной из них выступает эффективно действующий бренд (табл. 1).

Таблица 1

Закономерности функционирования и развития внутреннего туризма

Закономерность	Характеристика
Бренд территории выражается в отношении к туристу и туриста к территории	Бренд может не иметь материального воплощения или образа. Формирование бренда в сфере туризма, особенно внутреннего, осуществляется по каналам, характерным для слухов. Бренд территории является синтезированным туристом образом, включающим личные чувства, стереотипы, представления и знания
Самобытность – основа туризма	Туризм является способом познания ранее неизвестного, испытание новых ощущений и эмоций. Отрыв от привычной обстановки – психологическая основа отдыха
Для российского общества, туриста характерны в модели поведения ксенофобия, сексизм и традиционные ценности	Неприятие чужого, предвзятое отношение к людям, к событиям, к месту, преодолевается общностью ценностей и страны; подавляющее большинство не выезжает за границу; значительная часть населения не выезжает дальше региона проживания
Сокращение реальных денежных доходов и общий средний / низкий уровень жизни стирают уникальность городских агломераций	Однотипные «дешёвые» объекты культуры, спорта, инфраструктуры. Однообразная или неподходящая к месту архитектура. Типовые зоны отдыха и пешеходные туристические зоны. Неудобные вокзалы и др.
Парадокс поведения со стороны туриста, заключающийся в требовании высокого уровня сервиса при нежелании за него платить; со стороны организации – экономия на затратах при желании получения и увеличения прибыли	Ментальность населения порождает когнитивный конфликт в системе «деньги – услуги сервиса»

Доля туристического центра, в данном случае, Дербента на рынке туристских услуг представляет собой отношение объема предоставляемых

туристских услуг туристическим центром к общему объему туристских услуг на рынке:

$$Ts = \frac{V(Tc)}{V^{Tc}},$$

где Ts – доля услуг, предоставляемых туристическим центром на рынке туристских услуг; $V(Tc)$ – объем предоставленных услуг туристическим центром; $V(Tc)$ – общий объем туристских услуг на рынке.

Данный показатель позволяет отразить нишу, занимаемую туристическим центром на рынке туристских услуг, что в свою очередь дает возможность выработать дальнейшее направление деятельности на туристическом рынке [4].

Недооцененными в плане формирования и продвижения брендов, на наш взгляд, но весьма привлекательными для туристов и отдыхающих могут быть объекты Южного Дагестана, культурно-исторического наследия в горных селах: Ахты, Рутул, Шиназ, Хучни, Кала-Корейш, Кубачи, а также единственный в России реликтовый Самурский лес, красивые горные пейзажи. Особо выделяется Ахтынский район, со старинным центром в селении Ахты, в котором еще в 1861 году появилась первая сельская светская школа. Ахты расположены в средней части бассейна реки Самур, славятся своими яблоневыми садами, знаменитой крепостью, построенной русским генералом Е. Головиным, краеведческим историческим музеем, рекреационной бальнеологической.

На территории Южного Дагестана расположен уникальный горный комплекс, представляющий большой интерес для альпинистов (Шалбуздаг – 4142 м., Базардюзю – 4466 м., Ярыдаг – 4100 м. над уровнем моря). Гора Шалбуздаг с древних времен является местом поклонения и паломничества, что делает возможным создания бренда под таким названием. Многие местные жители считают, что семикратный подъем на гору приравнивается к посещению святых мест в Мекке.

На сегодняшний день в республике набирает все большее количество почитателей гастро-туризм, который позволяет провести интересно время, осмотреть красоты горных районов, ознакомиться с народной культурой и традициями, отведать вкуснейшие блюда народов Дагестана.

Мы полагаем, что брендом может быть не только природный, культурный или исторический объект, но и уникальный продукт, обладающий полезными свойствами, позволяющий в короткое время восстановить силы и здоровье человека – урбеч. Дагестанский урбеч – это густая масса, полученная в процессе растирания семян (в за-

висимости от вида урбеча, перетираются льняные семена, конопля, миндаль, тыквенные семечки, кунжут, грецкие орехи, абрикосовые косточки и др.), готовят с добавлением меда и топленого сливочного масла. Это блюдо известно дагестанцам, живущим в экстремальных горных условиях, с 17 века.

Сегодня туристы называют урбеч «дагестанским шоколадом», отмечая приятный вкус, аромат, натуральные компоненты и конечно же свойства: прилив сил, восполнение энергии, сытность, бодрость. Ученые-специалисты, врачи и диетологи отмечают положительное влияние урбеча на сердечно-сосудистую систему, на снижение холестерина, улучшение цвета лица, возможность потребления для больных диабетом и при болях в суставах.

Большинство туристов, уезжая из Дагестана, увозят не только приятные воспоминания от увиденного, но и баночку ароматного урбеча. Многие крупные маркетплейсы уже начали продавать дагестанский урбеч.

Начиная с 2024 года, ведется экспорт урбеча в Объединенные Арабские Эмираты, поставки составляют 500–600 кг в месяц.

Заклучение. По нашему мнению, успешно действующий современный бренд, способен заинтересовать туристов и инвесторов, повысить конкурентоспособность местности и региона, позиционировать преимущества на рынке туристских услуг, содействовать в развитии организационно-экономического механизма туризма.

Благодаря правильно выстраиваемым дагестанским брендам, удалось привлечь внимание ведущих федеральных телеканалов России и рейтинговых программ «По секрету всему свету», «Магия вкуса», «Поедем, поедим», «Один день в городе», «Поехали!», «Прогулки по неизвестной России», «Повара на колесах».

При этом бренд необходимо воспринимать не как разработанный и утверждённый кем-то образ или символ, а как совокупность устойчивых неформальных образов, основанных на впечатлениях и воспоминаниях туриста, а также на уровне полученного сервиса.

В контексте формирования туристического бренда региона, необходимо придерживаться концепции экономико-психологической основы принятия решений о приобретении продуктов и услуг сферы туризма и рекреации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Данные Министерства по туризму и народным художественным промыслам РД. 2023.
2. Лавочкина Н.А. Туристические бренды территории: структура и особенности. Российское предпринимательство. 2012. № 20(218). С. 152–158.
3. Котлер Ф. Маркетинг от А до Я. 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер – Marketing Insights from A to Z: 80 Concepts Every Manager Needs to Know. М. : «Альпина Паблишер», 2012. 216 с.
4. Казибекова Н.А. Создание бренда туристического центра / Н.А. Казибекова, И.М. Казибеков, Р.М. Гаджиабдулаев // European social science journal. 2018. № 4. С. 194–197.
5. Нездойминов С.Г. Брендинг туристического региона / С.Г. Нездойминов // Вестник Пермского университета. 2014. № 4(23). С. 78–84.
6. Саадиева У. В цветущие горы. Дагестан вошел в Топ-5 самых популярных туррегионов России. URL : AiF.ru
7. Тагирова П. Почти 70 проектов по развитию туристической инфраструктуры планируют реализовать в Дагестане до конца 2023 года. РИА Дагестан, 31 октября 2023.
8. Шалыгина Н.П. О роли брендинга в формировании туристской привлекательности региона / Н.П. Шалыгина // Фундаментальные исследования. 2013. № 8. С. 1165–1168.
9. URL : <https://rg.ru/2023/06/28/putin-vnutrennij-turizm-daet-horoshij-stimul-dlia-razvitiia-smezhnyh-otraslej.html>

References:

1. Data from the Ministry of Tourism and Folk Arts of the Republic of Dagestan. 2023.
2. Lavochkina N.A. Tourist brands of the territory: structure and features. Russian entrepreneurship. 2012. № 20 (218). P. 152–158.
3. F. Kotler. Marketing from A to Z: 80 Concepts Every Manager Needs to Know. M. : «Alpina Publisher», 2012. 216 p.
4. Kazibekova N.A. Creating a brand for a tourist center / N.A. Kazibekova, I.M. Kazibekov, R.M. Gadzhiaabdulaev // European social science journal. 2018. № 4. P. 194–197.
5. Nezdoininov S.G. Branding of a tourist region / S.G. Nezdoininov // Bulletin of Perm University. 2014. № 4 (23). P. 78–84.
6. Saadueva U. To the Flowering Mountains. Dagestan entered the top 5 most popular tourist regions in Russia. URL : AiF.ru
7. Tagirova P. Almost 70 projects for the development of tourism infrastructure are planned to be implemented in Dagestan by the end of 2023. RIA Dagestan, October 31, 2023.
8. Shalygina N.P. On the role of branding in shaping the region's tourist attractiveness / N.P. Shalygina // Fundamental Research. 2013. № 8. P. 1165–1168.
9. URL : <https://rg.ru/2023/06/28/putin-vnutrennij-turizm-daet-horoshij-stimul-dlia-razvitiia-smezhnyh-otraslej.html>

Информация об авторе

Казибеков Ислам Мухьминевич
старший преподаватель кафедры
бухгалтерского учета, аудита и финансов,
Дагестанский государственный
аграрный университет, г. Махачкала
kazibekov2011@mail.ru

Islam M. Kazibekov
Senior Lecturer of the Department
of Accounting, Auditing and Finance,
Dagestan State Agrarian University, Makhachkala
kazibekov2011@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-33>

УДК 005.7:614.2

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЯХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Романович О.Г.¹, Мурзалиева Г.А.², Рахманалиева А.А.³, Кочербаева А.А.⁴

^{1, 3, 4}Кыргызско-Российский Славянский университет

имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина,

²Проект «Автономия организаций здравоохранения» – Фаза II / «Укрепление системы управления здравоохранением», финансируемый Правительством Швейцарии, Кыргызстан

Аннотация. Обеспечение полной доступности и надлежащего качества медицинских услуг и высокотехнологичной медицины является основой работы системы здравоохранения на национальном и глобальном уровнях, что невозможно без повышения потенциала руководителей организаций здравоохранения, в том числе по вопросам эффективного управления и лидерства. Цель: определение управленческих компетенций руководителей в здравоохранении и контуров будущих исследований в условиях глобальных вызовов. Методы исследования: контент-анализ литературных источников, синтез, дедукция и индукция. Результаты: приведена классификация управленческих компетенций руководителей в здравоохранении; представлена структура компетенций Каталога компетенций по квалификации «Управление здравоохранением» в Кыргызской Республике в рамках Программы по охране общественного здоровья и развитию системы здравоохранения на 2019–2030 годы «Здоровый человек – процветающая страна»; определены направления будущих исследований по развитию компетентности руководителей организаций здравоохранения.

Ключевые слова: менеджмент, лидерство, здравоохранение, компетенция, компетентность, руководитель организации здравоохранения, каталог компетенций.

TO THE QUESTION OF THE MEDICAL COMPETENCIES OF THE ORGANIZATIONS' MANAGERS

Olga G. Romanovich¹, Gulgun A. Murzalieva²,
Aizhan A. Rakhmanalieva³, Ainura A. Kocherbaeva⁴

^{1, 3, 4}State Educational Institution of Higher Professional Education Kyrgyz-Russian Slavic University
named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin,

²SDC Funded «Health Facilities Autonomy» – Phase II /
«Health Management Strengthening» Project, Kyrgyzstan

Abstract. Ensuring full availability, adequate quality, and high-tech medicine is at the core of the medical systems' functionality on national and global levels, which is impossible without raising managers' competency, including the aspects of effective management and leadership. Objective: to define the managerial competencies of the leaders in medical organizations, and determine the scope of future research in the face of global challenges. Research methods: literary source content analysis, synthesis, deduction and induction. Results: a classification of healthcare managers' competencies is established; the competency structure of the Catalog of Competencies for the «Healthcare Management» qualification in the Kyrgyz Republic is presented within the framework of the public health protection and healthcare system development Program for 2019–2030, titled «A healthy person is a prosperous country»; future research directions for the development of the healthcare organizations' managers competencies has been identified.

Keywords: management, leadership, healthcare, competence, competency, head of a healthcare organization, catalog of competencies.

Введение.

В настоящее время существует устойчивая корреляция между успешными организациями и эффективным руководством. Умение управлять во многом определяется искусством руководи-

теля быть лидером, причем, не только формальным вследствие назначения его на эту должность, но и тем, кто умеет вести за собой коллектив, вдохновлять и мотивировать, обладает ярко выраженной харизмой.

Повышенным интересом к вопросам лидерства определяются современные тенденции и в развитии управления здравоохранением, поскольку активные процессы реформирования изменяют среду ведения медицинской деятельности. Это обуславливает значительное внимание к личностным характеристикам руководителя-лидера, его компетенциям, а также признание решающего значения руководителей-лидеров в обеспечении мотивации медицинских работников и заинтересованных сторон в процессе совершенствования оказания медицинской помощи.

Система здравоохранения любой страны нуждается в грамотных управленческих кадрах, поскольку цели и задачи, стоящие перед отраслью, могут быть реализованы только при профессиональном и грамотном применении организационных и управленческих принципов, методов и технологий. Одной из приоритетных задач государственной политики в области развития и совершенствования системы здравоохранения является подготовка высококвалифицированных кадров управления здравоохранением.

Дискуссионный характер приобретает вопрос: врач или менеджер? – кто должен руководить организацией здравоохранения? Его можно считать и риторическим, однако, позволим себе утверждать, что все более очевидна важнейшая роль повышения управленческой компетентности руководителей организаций здравоохранения и наличие высококачественного дополнительного профессионального образования руководителей организаций здравоохранения, от деятельности которых будет во многом зависеть состояние охраны и укрепления здоровья населения. Как размышляет В. Гаров: «Когда врач занимает руководящую должность на национальном, региональном или местном уровнях, основным препятствием для широкого концептуального стратегического мышления и видения в его деятельности оказывается преобладание клинического мышления врача» [1]. Именно вопрос: «Какими управленческими компетенциями для формирования лидерского стиля мышления и действий наряду с клиническими компетенциями, связанными непосредственно с функциями оказания медицинской помощи, должны обладать современные руководители организаций здравоохранения?» - определил вектор исследования в данной статье.

Обсуждение.

В конце 80-х годов 20 в. на очередном заседании ВОЗ был поднята тема о необходимости подготовки руководящих медицинских кадров, что сделало этот вопрос важным во всем мире. В настоящее время данный вопрос не утратил своей актуальности и как подчеркивает И.В. Малахова в своем исследовании 2021 г.: «...с каждым годом растет потребность в подготовке руководителей организаций здравоохранения, владеющих современными управленческими технологиями и экономическим мышлением» [2].

Методология процесса управления деятельностью организации здравоохранения по мнению А.Н. Попсуйко, Я.В. Данильченко, Е.А. Бациной может быть представлена следующим образом:

«1) технологии, обеспечивающие разработку и реализацию организационных решений;

2) технологии, обеспечивающие лечебно-диагностический процесс, качество и безопасность медицинской помощи;

3) технологии управления человеческими ресурсами» [3].

Данная структура свидетельствует о целесообразности назначения на руководящие позиции в медицинские организации специалистов, имеющих лидерские качества и специальную подготовку в области организации здравоохранения и общественного здоровья. По мнению О.Е. Хорошаева: «Это также будет способствовать формированию корпоративной культуры в медицинских коллективах и повышению качества медицинской помощи населению» [4].

Вопросы, связанные с аспектами эффективного менеджмента и лидерства в здравоохранении, определения компетенций, необходимых врачам, которые будут выполнять руководящие роли в медицинском менеджменте, стали объектом внимания зарубежных исследователей с 90-х годов 20 в. В то время Lane D.S. и Ross V. обращали внимание на то, что «компетенции могут служить основой для расширения текущего основного обучения профилактической медицине в области управления и администрирования, а также для разработки новых программ обучения, позволяющих вооружить врачей специальными знаниями, которые им понадобятся для обеспечения управленческого лидерства» [5].

На современном этапе развития системы здравоохранения ключевая роль в достижении максимального эффекта и реализации поставленных задач принадлежит руководителю медицинской организации. Изменения, происходящие в сфере здравоохранения, формируют ряд профессиональных требований к деятельности руководителя, выходящих за рамки клинических компетенций. Мы выделяем два направления исследований в этой области современными учеными.

Ряд ученых обозначают необходимость и важность владения достаточным уровнем управленческих навыков и знаний у руководителей сферы здравоохранения.

Так, А.В. Шулаев говорит о взаимосвязи обладания определенными умениями и навыками в профессиональной управленческой деятельности и отраслевой и экономической специфики функционирования медицинской организации [6], а О.П. Маслова приходит к выводу о том, что основой эффективного управления являются как знания и полезный опыт других компаний, так и

собственный опыт, различные опробованные инструменты и навыки [7].

И.И. Хайруллин делает акцент на пациентоориентированности функционирования медицинских организаций и это, прежде всего, связано с развитием у персонала необходимых коммуникационных и социальных компетенций [8]. Ему вторит Е.З. Осипова, утверждая об обладании современным руководителем в сфере здравоохранения профессиональными знаниями и коммуникативными навыками, умении мыслить системно и аналитически, эффективно управлять всеми видами ресурсов [9].

Обзор литературных источников показал, что не существует единой классификации компетенций в области здравоохранения. Все обсуждаемые навыки можно суммировать в понятии профессионализма и способности руководителя медицинского учреждения привести свое личное и организационное поведение в соответствие с преобладающими этическими и профессиональными стандартами. Эти стандарты включают чувство ответственности перед пациентом и обществом, с доминирующим акцентом на предоставление качественных медицинских услуг и стремление к постоянному обучению и совершенствованию. Кроме того, В.А. Винокуров рекомендует «начать подготовку врачей, обладающих минимумом правовых знаний, что будет способствовать существенному снижению числа претензий со стороны пациентов, а медицинским работникам – грамотно защищать свои права» [10].

Таким образом, можно классифицировать управленческие компетенции руководителей в здравоохранении на 4 группы:

- 1) компетенции, связанные с принятием решений (стратегирование, поиск и анализ информации, прогнозирование, управление рисками);
- 2) компетенции, связанные с коммуникацией (управление внутренними и внешними корпоративными коммуникациями, антикризисные коммуникации, построение личного бренда руководителя, управление конфликтами в правовом поле);
- 3) компетенции, связанные с управлением человеческими ресурсами (в том числе, мотивация и развитие персонала, а также программы наставничества);
- 4) компетенции, связанные с целеполаганием (достижение запланированных результатов, их мониторинг и оценка).

Другая часть исследований связана с вопросами формирования управленческого потенциала отрасли здравоохранения. По мнению И.В. Бабыной: «Сегодня необходимо предусмотреть комплексную систему подготовки и повышения квалификации руководителей всех уровней и направлений в сфере здравоохранения с позиций компе-

тентного подхода» [11], а Е.Б. Страндстрем большую роль в решении этих вопросов отводит медицинскому HR-менеджменту [12]. При этом А.В. Соловьева обращает внимание на то, что руководители организаций здравоохранения в большей степени готовы осваивать новые знания не в привычной академической среде, а непосредственно в своей ежедневной деятельности, на «рабочих местах», через решение конкретных задач в реальных процессах [13].

Исследования, направленные на поиск мер по развитию лидерства и навыков профессионального менеджмента в сфере здравоохранения, проводились в различных странах СНГ. Нам интересен опыт соседей – стран Центральной Азии, в частности, Республики Казахстан и Республики Узбекистан. Так, для Казахстана были определены ключевые приоритетные компетенции менеджеров здравоохранения, которым они хотят обучаться:

- коммуникативным навыкам;
- осведомленности об инициативах в здравоохранении местного, национального, глобального уровней;
- тайм-менеджменту и др. [14].

В Узбекистане дальнейшее совершенствование механизмов управления в здравоохранении связано с разработкой и внедрением новых функциональных и квалификационных требований к руководителям, стимулированием и поддержкой обучения менеджмента клиник через внедрение современного менеджмента в систему здравоохранения, обеспечение внедрения передового опыта в области менеджмента [15; 16]. Это еще раз доказывает внимание стран к эффективному развитию здравоохранения через проводимые реформы в данной отрасли, в том числе и за счет качества подготовки АУП каждой организации здравоохранения. Не исключением является и Кыргызская Республика.

Результаты.

В настоящее время в Кыргызской Республике активно проводятся реформы системы здравоохранения. Одной из целей развития в Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на период 2018–2040 годы [17] в стране является формирование культуры образованного человека, стремящегося к здоровому образу жизни. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики [18] в ближайшее время развитие страны сосредоточено, в том числе, на ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие».

Правительством Кыргызской Республики в декабре 2018 года принята Программа по охране общественного здоровья и развитию системы здравоохранения на 2019–2030 годы «Здоровый человек – процветающая страна» [19]. В рамках принятого документа реализуются мероприятия

по повышению потенциала руководителей организаций здравоохранения по вопросам эффективного управления посредством разработки новых требований к квалификации и компетенции руководителей организаций здравоохранения, а также разработки и внедрения учебных программ по управлению организациями здравоохранения на разных уровнях системы здравоохранения.

Одним из результатов совершенствования системы обеспечения компетентности руководителей организаций здравоохранения стал разработанный Каталог компетенций по квалификации «Управление здравоохранением» (О.Г. Романович и Г.А. Мурзалиева – авторы, члены рабочей группы по разработке Каталога Компетенций). (Приложение к Приказу МЗ КР от 25.04.2022 г. № 508 об утверждении каталога компетенций по квалификации «Управление здравоохранением») [20]. Каталог компетенций отвечает на основной вопрос – кто нужен системе управления организациями здравоохранения – какой спектр знаний, навыков и умений необходим для обладания способностью быть руководителем организации здравоохранения в Кыргызской Респуб-

лике. Каталог компетенций является как ядром, так и исходным звеном всей системы обеспечения компетентности руководителей организаций здравоохранения. Каталог компетенций руководителей – это точка отсчёта чёткого понимания требований к компетенции и платформа для обновления всей системы развития знаний, навыков и умений руководителей и объективных сопоставлений требуемых и фактических компетенций конкретного руководителя или претендента на руководящую функцию при отборе на должность, аттестации, оценки деятельности, направлении на усовершенствование и др. [20, с. 13–14].

В основу определения структуры компетенций данного Каталога изначально была заложена модель компетенций International Hospital Federation (IHF) [21], предложенная в Leadership Competencies for Health Services Managers в 2015 г. (Leadership, Communication and Relationship Management, Professional and Social Responsibility, Health and Healthcare Environment, Business), адаптированная под потребности и специфику Кыргызской Республики (табл. 1).

Таблица 1

Компетенции данного Каталога [20, с. 22]

№	Основная категория	Код	Структура категории	Компетенции
1	Лидерство, управленческие навыки и системное мышление	1.А	Командная работа и лидерство	ПК-1.1 ПК-1.2
		1.Б	Формирование организационной культуры	ПК-1.3
		1.В	Управление изменениями и стимулирование инноваций	ПК-1.4
		1.Г	Управление рисками	ПК-1.5
		1.Д	Системное мышление	ПК-1.6
2	Коммуникация и построение отношений	2.А	Формирование отношений в организации	ПК-2.1
		2.Б	Коммуникация и ведение переговоров	ПК-2.2 ПК-2.3 ПК-2.4
		2.В	Управление конфликтами	ПК-2.5
3	Профессионализм и ответственность	3.А	Личная и профессиональная ответственность	ПК-3.1 ПК-3.2
		3.Б	Профессиональное развитие и обучение на протяжении всей жизни	ПК-3.3 ПК-3.4
		3.В	Вклад в профессию	ПК-3.5
		3.Г	Этическое поведение и социальная сознательность	ПК-3.6
4	Здоровье и сфера здравоохранения	4.А	Система здравоохранения	ПК-4.1 ПК-4.2
		4.Б	Общественное здоровье	ПК-4.3 ПК-4.4
5	Управление деятельностью организаций здравоохранения	5.А	Общий менеджмент	ПК-5.1
		5.Б	Организационное развитие и управление	ПК-5.2
		5.В	Стратегическое планирование и маркетинг	ПК-5.3
		5.Г	Управление кадрами здравоохранения	ПК-5.4 ПК-5.5
		5.Д	Финансовый менеджмент	ПК-5.6 ПК-5.7
		5.Е	Управление информацией	ПК-5.8
		5.Ж	Управление материальными ресурсами	ПК-5.9
		5.З	Управление качеством	ПК-5.10 ПК-5.11

Каждая компетенция в данном каталоге была описана с позиций знаний и навыков, которыми должен обладать руководитель организации здравоохранения в Кыргызской Республике.

Таким образом, 32 компетенции стали основой для определения необходимых дисциплин для обучения руководителей организаций здравоохранения Кыргызской Республики (табл. 2) [20, с. 55–56].

Таблица 2

Дисциплины по управлению здравоохранением на основе Каталога Компетенций по квалификации
«Управление здравоохранением» (2022–2023 гг.)

№	Название дисциплины	Компетенции
1	Основы управления в здравоохранении	ПК-5.1, ПК-5.2
2	Организационное поведение и лидерство	ПК-1.1, ПК-1.3, ПК-2.1, ПК-3.4, ПК-5.2
3	Этика делового общения	ПК-2.2, ПК-2.3, ПК-2.4, ПК-2.5, ПК-3.6
4	Принципы и методы принятия решений	ПК-1.2, ПК-1.5
5	Стратегическое планирование и маркетинг в здравоохранении	ПК-2.4, ПК-3.5, ПК-5.3
6	Финансовый менеджмент в организациях здравоохранения	ПК-5.6, ПК-5.7
7	Система и политика здравоохранения	ПК-1.6, ПК-4.1, ПК-4.2, ПК-4.4
8	Управление информацией и информационными ресурсами в здравоохранении	ПК-4.3, ПК-5.8
9	Управление кадрами здравоохранения	ПК-3.3, ПК-3.5, ПК-5.4, ПК-5.5
10	Правовые основы деятельности руководителей организаций здравоохранения	ПК-3.1, ПК-3.2
11	Управление организационными изменениями и инновациями	ПК-1.4
12	Основы экономики здравоохранения	ПК-4.1, ПК-4.2
13	Управление материальными ресурсами в организациях здравоохранения	ПК-5.9
14	Управление непрерывным повышением качества в здравоохранении	ПК-5.10, ПК-5.11
15	Мониторинг, оценка и анализ деятельности системы здравоохранения	ПК-1.2, ПК-1.4, ПК-1.5, ПК-5.10, ПК-5.11

Однако здравоохранение быстро развивается и претерпевает быстрые изменения, вызванные появлением глобальных сдвигов парадигмы. Как подчеркивает Н.В. Проказина: «В условиях возросшей неопределенности и неизвестности формируется ключевой запрос на управленческие компетенции, которые позволяют...сохранить стабильность в сложных нелинейных турбулентных процессах постоянных изменений, ... обеспечивая не только адаптацию к изменяющимся условиям, но и возможность определять стратегические ориентиры на будущее» [22]. В связи с этим, необходимы изменения в структуре компетенций данного Каталога. В качестве ориентира можно предложить модель лидерских компетенций для руководителей здравоохранения (модель лидерства IHF 2023) [23]. К тому же, С.В. Чистякова говорит о важности лидерства для компаний, пытающихся быстро реагировать на изменения окружающей среды [24]. В последнее время особенно актуальными становятся компетенции, связанные с цифровизацией процессов и наращивание потенциала в области подготовки лидеров здравоохранения, ориентированных на достижение целей устойчивого развития. Данные направления могут стать основой будущих исследований, связанных с определением новых компетенций, необходимых руководителям здравоохранения в условиях современных вызовов.

Заключение.

Результативность деятельности медицинских организаций определяется не только наличием современных технологий и качеством подготовки медицинского персонала, способного своевременно и правильно оказывать медицинскую помощь, но и подготовкой квалифицированных управленческих кадров.

В современных условиях потребность в пациентоориентированном типе руководителя организации, способном на высоком профессиональном уровне решать задачи охраны и укрепления здоровья граждан, перспективного развития отрасли, отвечающего потребностям и растущим запросам различных групп населения, обусловили необходимость повышения эффективности и качества медицинских услуг через разработку и создание устойчивой системы повышения управленческих компетенций руководителей здравоохранения.

Отправным пунктом в процессе развития устойчивой системы повышения управленческих компетенций руководителей организаций здравоохранения следует рассматривать обновление или разработку Каталога компетенций – перечня требований к знаниям и навыкам руководителя организаций здравоохранения в соответствии с уровнями системы здравоохранения.

Эффективный лидер системы здравоохранения, обладающий необходимыми управленческими компетенциями, умеет привлекать и эффективно взаимодействовать с заинтересованными сторонами, соблюдая взаимные обязательства по следованию согласованным стратегиям развития и сотрудничества в области здравоохранения; умеет принимать грамотные оперативные и стратегические решения, понимать основные ценности и цели системы здравоохранения в стране, современные тенденции развития организаций здравоохранения; а также постоянно стремиться к овладению новыми технологиями и знаниями, обладать тягой к новаторству, творческой инициативе, предприимчивости, поступательному самообразованию и профессиональному росту.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
<p>Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.</p>	<p>Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.</p>

Литература:

1. Гаров В. Дефицит лидерства в здравоохранении – барьер для хорошего управления медицинским учреждением / В. Гаров, С. Гаров, Д. Гугутков // Национальная Ассоциация Ученых. 2018. № 10(37). С. 16–18.
2. Формирование резерва руководящих кадров в здравоохранении различных стран. Сообщение 2 / И.В. Малахова, Т.В. Дудина, М.Г. Василевская, Д.Ю. Рузанов // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. 2021. № 3(108). С. 4–19.
3. Технологии управления: от теории к практике применения в учреждениях здравоохранения / А.Н. Попсуйко, Я.В. Данильченко, Е.А. Бацина [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66. № 5. С. 2.
4. Хорошаев О.Е. Опыт отечественного и зарубежного здравоохранения по назначению на должности руководителей медицинских организаций специалистов без медицинского образования (обзор литературы) / О.Е. Хорошаев, В.Н. Трегубов // Здравоохранение Российской Федерации. 2023. Т. 67. № 2. С. 156–162.
5. Lane D.S. Defining competencies and performance indicators for physicians in medical management / D.S. Lane V. Ross // Am J Prev Med. 1998. Vol. 14. Iss. 3. P. 229–236.
6. Шулаев А.В. Оценка эффективности и степени зависимости показателей медицинской организации от уровня управленческих компетенций руководителя / А.В. Шулаев, Р.Ш. Хисамиев, П.В. Зиновьев // Вестник современной клинической медицины. 2021. Т. 14. № 5. С. 68–73.
7. Маслова О.П. Развитие управленческих компетенций руководителя в повышении результативности бизнес-процессов / О.П. Маслова, Е.Г. Сафронов // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2020. № 4(63). С. 50–55.
8. Хайруллин И.И. Корпоративная модель компетенций в деятельности медицинской организации как фактор повышения ее качества / И.И. Хайруллин, А.В. Камашева, В.В. Жаворонков // Менеджер здравоохранения. 2019. № 3. С. 6–12.
9. Осипова Е.З. Квалификация управленческого персонала медицинского учреждения / Е.З. Осипова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 5-1. С. 326–334.
10. Винокуров В.А. Проблемы правового образования врачей / В.А. Винокуров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 100–107.
11. Бабына И.В. Ключевые компетенции «эффективных менеджеров» в здравоохранении / И.В. Бабына, М.П. Куркина // Моделирование и прогнозирование развития отраслей социально-экономической сферы: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Курск, 20 мая 2021 года. Курск : Курский государственный медицинский университет, 2021. С. 7–13.
12. Страндстрем Е.Б. Медицинский HR-менеджмент: проблемы и пути решения / Е.Б. Страндстрем // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 5. № 12(132). С. 21–26.
13. Соловьева А.В. Развитие управленческой компетентности в системе повышения квалификации организаторов здравоохранения / А.В. Соловьева, А.А. Родионов // Тверской медицинский журнал. 2020. № 2. С. 186–190.
14. Сактаганова Г.С. Развитие и повышение потенциала менеджеров здравоохранения / Г.С. Сактаганова // Journal of Health Development. 2020. Т. 1. № 35. С. 30–37.
15. Хакимов В.А. Организация непрерывного профессионального образования руководителей системы здравоохранения в условиях особой эпидемиологической ситуации – пандемии COVID-19 / В.А. Хакимов, Д.А. Асадов // Актуальные вопросы современного медицинского образования: Материалы II Международной научно-практической конференции, Ижевск, 16–17 декабря 2021 года. Ижевск : Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2021. С. 250–253.
16. Хакимов В.А. Механизмы трансформации подготовки, повышения квалификации и формирования резерва руководящих кадров в системе здравоохранения / В.А. Хакимов // Innova. 2022. № 4(29). С. 18–21.
17. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. URL : <https://www.gov.kg/ru/programs/8>
18. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL : <http://www.stat.kg>
19. Программа Правительства КР по охране здоровья населения и развитию системы здравоохранения на 2019–2030 годы «Здоровый человек – процветающая страна». URL : <https://www.gov.kg/ru/programs/13>

20. Каталог компетенций по квалификации «Управление здравоохранением». Бишкек, 2022. 58 с. URL : https://ahm.org.kg/wp-content/uploads/2023/04-HFA_RU_proof_28.11.2022.pdf
21. Глобальный каталог компетенций управления здравоохранением IHF 2015. URL : <https://ihf-fih.org>
22. Проказина Н.В. Управление в условиях неопределенности: новые подходы к развитию управленческой культуры / Н.В. Проказина // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 5. С. 80–97.
23. Модель лидерства IHF 2023. URL : <https://ihf-fih.org/wp-content/uploads/2024/05/IHF-Leadership-Model-2023.pdf>
24. Чистякова С.В. Стратегическое поведение организации на разных этапах развития / С.В. Чистякова, Н. Голд // Наука и общество. 2020. № 2(37). С. 144–148.

References:

1. Valchin G. Deficit of Leadership in Public Health – barrier for Good Management of the Medical Institution / G. Valchin, G. Svetoslav, D. Gugutkov // Eurasian Scientific Community LLC. 2018. № 10(37). P. 16–18.
2. Managerial Personnel Reserve Formation in the Health Sector in Different Countries. Report 2 / I.V. Malakhova, T.V. Dudina, M.G. Vasilevskaya, D.Y. Ruzanov // Questions of Informatization and Administration of Health, 2021. № 3(108). P. 4–19.
3. Management technologies: from theory to practice in healthcare institutions / A.N. Popsuiko, Ya.V. Danilchenko, E.A. Batsina [et al.] // Social aspects of public health. 2020. Vol. 66. № 5. P. 2.
4. Khoroshaev O.E. Experience of domestic and foreign healthcare in appointing specialists without medical education to positions of heads of medical organizations (literature review) / O.E. Khoroshaev, V.N. Tregubov // Healthcare of the Russian Federation. 2023. Vol. 67. № 2. P. 156–162.
5. Lane D.S. Defining competencies and performance indicators for physicians in medical management / D.S. Lane V. Ross // Am J Prev Med. 1998. Vol. 14. Iss. 3. P. 229–236.
6. Shulaev A.V. Assessing the effectiveness and degree of dependence of the indicators of a medical organization on the level of managerial competencies of the manager / A.V. Shulaev, R.Sh. Khisamiev, P.V. Zinoviev // Bulletin of modern clinical medicine. 2021. Vol. 14. № 5. P. 68–73.
6. Shulaev A.V. Assessing the effectiveness and degree of dependence of the indicators of a medical organization on the level of managerial competencies of the manager / A.V. Shulaev, R.Sh. Khisamiev, P.V. Zinoviev // Bulletin of modern clinical medicine. 2021. Vol. 14. № 5. P. 68–73.
7. Maslova O.P. Development of managerial competencies of a leader in increasing the effectiveness of business processes / O.P. Maslova, E.G. Safronov // Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics. 2020. № 4(63). P. 50–55.
9. Osipova E.Z. Qualification of management personnel of a medical institution / E.Z. Osipova // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2019. Vol. 9. № 5-1. P. 326–334.
10. Vinokurov V.A. Problems of legal education of doctors / V.A. Vinokurov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. № 6. P. 100–107.
11. Babyna I.V. Key competencies of «effective managers» in healthcare / I.V. Babyna, M.P. Kurkina // Modeling and forecasting the development of sectors of the socio-economic sphere: Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Kursk, May 20, 2021. Kursk : Kursk State Medical University, 2021. P. 7–13.
12. Strandstrom E.B. Medical HR management: problems and solutions / E.B. Strandstrom // Economics and management: problems, solutions. 2023. Vol. 5. № 12(132). P. 21–26.
13. Solovyova A.V. Development of managerial competence in the system of advanced training for health care organizers / A.V. Solovyova, A.A. Rodionov // Tver Medical Journal. 2020. № 2. P. 186–190.
14. Saktaganova G.S. Development and improvement of the potential of healthcare managers / G.S. Saktaganova // Journal of Health Development. 2020. Vol. 1. № 35. P. 30–37.
15. Khakimov V.A. Organization of continuous professional education of healthcare system managers in a special epidemiological situation – the COVID-19 pandemic / V.A. Khakimov, D.A. Asadov // Current issues of modern medical education: Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Izhevsk, December 16–17, 2021. Izhevsk: State budgetary educational institution of higher professional education «Izhevsk State Medical Academy» of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2021. P. 250–253.
16. Khakimov V.A. Mechanisms for transformation of training, advanced training and formation of a reserve of management personnel in the healthcare system / V.A. Khakimov // Innova. 2022. № 4(29). P. 18–21.
17. National development strategy of the Kyrgyz Republic for 2018–2040. URL : <https://www.gov.kg/ru/programs/8>
18. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL : <http://www.stat.kg>
19. Program of the Government of the Kyrgyz Republic for the protection of public health and development of the healthcare system for 2019–2030 «A healthy person is a prosperous country». URL : <https://www.gov.kg/ru/programs/13>
20. Catalog of competencies for the qualification «Healthcare Management». Bishkek, 2022. 58 p. URL : https://ahm.org.kg/wp-content/uploads/2023/04-HFA_RU_proof_28.11.2022.pdf
21. IHF Global Catalog of Health Management Competencies 2015. URL : <https://ihf-fih.org>
22. Prokazina N.V. Management under conditions of uncertainty: new approaches to the development of management culture / N.V. Prokazina // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2022. Vol. 17. № 5. P. 80–97.
23. IHF Leadership Model 2023. URL : <https://ihf-fih.org/wp-content/uploads/2024/05/IHF-Leadership-Model-2023.pdf>
24. Chistyakova S.V. Strategic behavior of an organization at different stages of development / S.V. Chistyakova, N. Gold // Science and Society. 2020. № 2(37). P. 144–148.

Информация об авторах

Романович Ольга Геннадьевна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
менеджмента экономического факультета,
Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента
Российской Федерации Б.Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызская Республика
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6038-4750>
SPIN-код: 3182-4042
romolggen@gmail.com

Мурзалиева Гулгун Арстанбековна

кандидат медицинских наук,
координатор проекта «Автономия организаций
здравоохранения» – Фаза II / «Укрепление системы
управления здравоохранением»,
финансируемого Правительством Швейцарии
gmurzalieva@ehg.dk
gmurzalieva@gmail.com

Рахманалиева Айжан Алмазовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
менеджмента экономического факультета,
Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента
Российской Федерации Б.Н. Ельцина
ORCID ID: 0009-0006-5274-5284
SPIN-код: 8223-8366
meldan2003@mail.ru

Кочербаева Айнура Анатольевна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры
менеджмента экономического факультета,
директор Международного аналитического клуба
«Иссык-Куль – Большая Евразия»,
Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента
Российской Федерации Б.Н. Ельцина
ORCID ID: 0000-0003-4205-8940
SPIN-код: 3153-1512
Scopus Author ID: 57202029218
Web of Science Researcher ID: AAD-1263-2019
Web of Science Researcher ID: V-3329-2017
ainura_koch@mail.ru

Olga G. Romanovich

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Management,
Faculty of Economics,
Kyrgyz-Russian Slavic University
named B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6038-4750>
SPIN-код: 3182-4042
romolggen@gmail.com

Gulgun A. Murzalieva

Candidate of Medical Sciences,
Coordinator of the Project
«Autonomy of Organizations Health» – Phase II /
«Strengthening the health management system»,
funded by the Swiss Government
gmurzalieva@ehg.dk
gmurzalieva@gmail.com

Aizhan A. Rakhmanalieva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Management, Faculty of Economics,
Kyrgyz-Russian Slavic University
named B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic
ORCID ID: 0009-0006-5274-5284
SPIN-код: 8223-8366
meldan2003@mail.ru

Ainura A. Kocherbaeva

Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department of Management,
Faculty of Economics,
Director of the International Analytical Club
«Issyk-Kul – Greater Eurasia»,
Kyrgyz-Russian Slavic University
named B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic
ORCID ID: 0000-0003-4205-8940
SPIN code: 3153-1512
Scopus Author ID: 57202029218
Web of Science Researcher ID: AAD-1263-2019
Web of Science Researcher ID: V-3329-2017
ainura_koch@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-46>

УДК 332

Attribution

cc by

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Таранов П.В.¹, Рощина Л.Н.², Хубулури Е.И.³

^{1, 2}Ростовский государственный экономический университет,

³Ростовский государственный университет путей сообщения

Аннотация. Данная статья базируется на изучении мировой экономики, внедряющей в свои бизнес-процессы ESG-принципы, анализу ESG-принципов, связанных с устойчивым развитием мировой экономики. Актуальность исследования аргументирована большой значимостью ESG-концепции в контексте экономического развития. Согласно мнению мировых инвесторов, сегодня насущно необходима трансформация системы управления организациями, в основу которой должен быть положен принцип эко-эффективности, когда негативные последствия производства для окружающей среды должны неукоснительно снижаться, а экономическая эффективность организации, напротив, возрастать.

Ключевые слова: мировая экономика, устойчивое развитие, принципы ESG, инновационное развитие, цифровизация, искусственный интеллект, инвестиции.

WORLD ECONOMY IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Petr V. Taranov¹, Lidia N. Roshina², Ekaterina I. Hubuluri³

^{1, 2}Rostov State Economic University,

³Rostov State Transport University

Abstract. This article is based on the study of the global economy, which is introducing ESG principles into its business processes, and an analysis of ESG principles related to the sustainable development of the global economy. The relevance of the study is justified by the great significance of the ESG concept in the context of economic development. According to the opinion of global investors, today there is an urgent need for transformation of the management system of organizations, which should be based on the principle of eco-efficiency, when the negative consequences of production on the environment should be strictly reduced, and the economic efficiency of the organization, on the contrary, should increase.

Keywords: global economy, sustainable development, ESG principles, innovative development, digitalization, artificial intelligence, investments.

Введение.

Уже не одно десятилетие мировая экономика (далее – МЭ) проходит череду кризисов, трансформаций, периодов развития и стагнации, находясь в переходных состояниях повышенной экономической турбулентности, представляющей собой множественные разрывы в протекании взаимосвязанных процессов, касающихся производства и потребления, спроса и предложения, инвестирования и сбережения, что, в свою очередь, детерминирует неустойчивое состояние мировой экономической системы.

Тематика изучения мировой экономики в контексте концепции устойчивого развития не является новой [1], однако, с каждым годом приобретает все большую актуальность в условиях цифровизации МЭ, трансформирующих технологические процессы, способы экономического и социального взаимодействия.

Обсуждение. Результаты.

Мировая экономика в своей глобальной повестке активно движется в направлении реализации стратегии устойчивого развития с учетом применения принципов ответственного отношения к окружающей среде (E), высокого уровня социальной ответственности (S), а также следованию принципу качественного корпоративного управления организациями (G). При этом акцент ставится на необходимости соблюдения баланса между социальной ответственностью и справедливостью, рациональным корпоративным управлением – с одной стороны, с другой – экологической и экономической устойчивостью, а также экономическим ростом [2]. Заметим, что в вопросах обеспечения устойчивого, динамичного, сбалансированного социально-экономического развития экономики как на отечественном, так и на мировом уровнях, доминирующее значение имеют процессы инновационного развития экономики.

Что же представляет собой понятие «устойчивое развитие мировой экономики» (далее – УРМЭ)?

УРМЭ представляет собой процесс изменений, в рамках которого «эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений» [3 с. 113].

В связи с возникшей потребностью в трансформации экономики, «в которой производство и потребление благ не сопровождается ростом деструктивных процессов, ростом дефицита производственных ресурсов, особенно невозпроизводимых природных». В соответствии с интерпретацией категории «УРМЭ», которую предлагает В.С. Цитленок, УРМЭ заключается в максимально возможном для конкретных условий «удовлетворении возросших жизненно необходимых потребностей ее субъектов, включая потребность сохранения устойчивости внешней природной среды» [4, с. 77].

В основе УРМЭ лежат два базовых понятия: потребности и ограничения.

Потребности первостепенно связаны с базовыми потребностями бедной части населения того или иного государства, поскольку борьба с бедностью на государственном уровне – одна из приоритетных социально-экономических задач устойчивого развития, поскольку факторы бедности и несправедливости неизменно формируют благодатную почву для социально-экономических, экологических, социально-политических и иных кризисов. Потребности включают в себя также социально-экономическое благополучное будущее для каждого.

Ограничения зависят от состояния технологий и организации общества и накладываются на природную способность удовлетворять экономические потребности населения в мировом экономическом сообществе.

До момента внедрения принципов ESG и концепции устойчивого развития, в повестку МЭ действовал принцип мировой экономики линейного типа: брать ресурсы планеты, превращать их в товары, которые после использования «уничтожаются, когда достигают конца своего жизненного цикла» [5, с. 75]. Согласно цифрам, приведенным американским экономистом и социологом В. Йонгеном, практически 80 % товаров выбрасывается после шести месяцев использования; «в этой экономике «бери-делай-используй» вся ценность систематически уничтожается в конце цепочки» [5, с. 75].

В МЭ линейного типа наблюдалось четыре вида отходов:

1) растроченные ресурсы и энергия, утраченные после потребления (нефть, газ, уголь);

2) растроченные и потерянные жизненные циклы (товары с коротким сроком годности, несмотря на то, что их можно переработать и продолжать использовать: например, одежда или мебель, вышедшие из повседневного обихода и тенденций моды);

3) потраченные впустую возможности: неэффективность (слабая эффективность) использования (техническое оборудование, хозяйственные и складские помещения, ангары, используемые только на половину или даже четверть их мощности);

4) впустую инвестированные ценности (энергия, детали, материалы, затраченные на сломанные или выброшенные товары, которые уже не будут использоваться повторно и будут утилизированы) [5, с. 75–76].

Сегодня мировые инвесторы, придерживаясь стратегии инноватизации социально-экономического развития, «активно сокращают объем инвестиций в компании, игнорирующие устойчивые стратегии. Все больше промышленных, инфраструктурных и социальных проектов, реализуемых бизнесом, оцениваются с точки зрения факторов устойчивого развития ESG – факторов» [6, с. 8]. Заметим, что ESG-концепция была создана не российскими экономистами, а западными, в отечественные организации ее внедрение произошло с относительно недавнего времени.

Согласно данным мирового экономического онлайн-опроса «Мой мир 2030» – это проект ООН, посвященный целям устойчивого развития МЭ [7]. В этом опросе респонденты выбирают шесть целей, приоритетных для каждого опрошиваемого и его семьи, а также оценивают ситуацию в каждой из выбранных целей в течение последних 12 месяцев. Согласно этим данным, в Топ-3 целей входят «Хорошее здоровье и благополучие» (ее выбрали 61 % респондентов), «Достойная работа и экономический рост» (55 %) и «Качественное образование» (51 %) [8].

Согласно мнению мировых инвесторов, сегодня насущно необходима трансформация системы управления организациями, в основу которой должен быть положен принцип экоэффективности, когда негативные последствия производства для окружающей среды должны неукоснительно снижаться, а экономическая эффективность организации, напротив, возрастать. Кроме того, важно отметить, что при трансформации системы внедрения инновационных экологических технологий не будет достаточно, поскольку для эффективной и осознанной работы с ними требуется формирование новых компетенций, которыми будут обладать специалисты организации.

Помимо прочего, хозяйствующему субъекту, в реализации его деятельности, необходимо придерживаться определенных стандартов и принципов, чтобы соответствовать сегодняшним

установкам эпохи цифровизации и стратегии устойчивого развития.

Цифровизация экономики возникает при внедрении инновационных цифровых технологий во все сферы функционирования любого государства и способствует его упорядоченному и слаженному развитию. В частности, Всемирный банк в 2016 г. дал следующее определение процессу цифровизации в рамках стратегии устойчивого развития: «...новый уклад экономики, основанной на знаниях и цифровых технологиях, в рамках которой формируются новые цифровые навыки и возможности общества, бизнеса и государства» [9, с. 2].

Как подчеркивают Ж.С. Беляева, А.М. Валей, Н.Б. Давидсон и др., Цифровизация непосредственно воздействует на все субъекты МЭ – государство, бизнес, социум, любую организацию, «а последние являются основными акторами цифровой трансформации мировой экономики. Согласно данным доклада о мировой конкурентоспособности 2020 г., позитивные эффекты цифровизации не формируются автоматически и не являются гарантированными, однако во множестве случаев цифровые технологии могут создавать значительные преимущества» [10, с. 9].

Представляется возможным описать три фактора, способствующих развитию цифровых технологий в МЭ:

- интеграция (в торговле, государственном участии, занятости населения);
- эффективность (использование капитала компаний, производительность труда среди населения, потенциал государственного сектора в странах мира);
- инновации (заключаются в конкуренции компаний, благосостоянии потребителей, инновационного развития экономики государств) [10, с. 9].

Следует отметить, что в организационных принципах главенствующую позицию занимает работник, так как именно сотрудники являются важнейшим условием эффективного функционирования всякой организации.

После установления принципов ESG, позднее была установлена стратегия устойчивого развития для организаций членами ООН, включающая в себя семнадцать целей, направленных на сохранение природы, социальное благоустройство и систематизацию организационных процессов в компаниях. Актуальность стратегии устойчивого развития предусмотрена до 2030 года.

Далее необходимо рассмотреть цели внедрения ESG-принципов в соответствии со стратегией устойчивого развития [11]:

- на этапе производства товаров или услуг условиями сохранения экологии является сбережение энергоресурсов, сбережение ресурсов

производства и ответственное отношение к их использованию, также немаловажным фактором является партнерство с компаниями, придерживающимися ESG-принципов и стратегии устойчивого развития.

Помимо прочего, на производстве должно быть предусмотрено сохранение климата и экосистемы водных ресурсов. Социальные цели ESG-принципов на этапе производства характеризуются сохранением здоровья работников организации, соблюдением всех предусмотренных социальных норм, достойной оплатой труда, организационной культурой.

Управленческие цели ESG-принципов в соответствии со стратегией устойчивого развития – системность производственных процессов:

- на этапе финансирования стратегия устойчивого развития подразумевает также сохранение природных ресурсов с целью использования недорогостоящей энергии, со стороны социальных целей – равенство полов в организации, качественное обучение и переобучение – управленческие цели сохраняются;
- на этапе торговли все вышеперечисленные цели стратегии устойчивого развития и ESG-принципов сохраняются.

На сегодняшний день, широкое распространение получил термин ESG-трансформации, подразумевающий под собой активное внедрение компаниями ESG-принципов. Распространение повестки ESG происходило в три этапа.

Первый этап знаменует формирование концепции устойчивого развития во второй половине 20 века, появление термина «зеленая экономика», обозначение принципов ESG. В 2004 году был опубликован доклад ООН с подробным обозначением ESG-принципов, а также о важности принятия управленческих и инвестиционных решений с учетом факторов ESG. В 2006 году были утверждены принципы «ответственного» инвестирования с обязательным учетом ESG-принципов.

На втором этапе развития ESG были установлены первые «зеленые» проекты, финансируемые инвесторами, а также выпуск «зеленых» облигаций.

На третьем этапе повестка ESG не утрачивает свою актуальность. Произошло установление конкретных целей [12]:

1. Декорбанизация. Сокращение выброса углеродного газа в атмосферу;
2. Использование возобновляемых источников энергии.
3. Сбережение ресурсов и энергии.
4. Развитие «зеленых» инструментов финансирования.

В целом, в программе ООН по окружающей среде обозначены условия, способствующие устойчивому развитию, в числе которых:

- создание специальной системы по урегулированию энергоемкости производства;
- «инвестирование государственных средств в проекты, связанные с «озеленением» секторов экономики»;
- формирование ценовой политики с учетом экологических рисков; акцентирование внимания к процессам охраны окружающей среды и устойчивого развития и пр. [13, с. 217].

Говоря о МЭ и внедрении повестки ESG-принципов, необходимо сказать и о Правительстве РФ, которое зафиксировало в стратегических документах цели устойчивого развития, а также секторы, обеспечивающие их достижение. К секторам экономики в достижении упомянутых целей относятся: промышленность, строительство, сельское хозяйство, водоснабжение и другие смежные секторы.

Но, тем не менее, в связи со сложившейся ситуацией в мировом сообществе, стратегии ESG компаний меняются, но при этом, приоритеты, заложенные в стратегии устойчивого развития, неизменны.

В целом, тенденции экономического развития в мировой экономике предполагают трансформацию следующих сфер: социальной, экономической и организационной.

Трансформация ESG подразумевает внедрение новейших технологий в реализацию ESG-проектов. Рассмотренные в исследовании технологии упрощают процессы поиска поставщиков, а искусственный интеллект отбирает информацию и анализирует риски ESG-проекта.

Искусственный интеллект используется с целью анализа данных и предоставления предложений по улучшению показателей. Другой причиной, по которой многие компании выбирают искусственный интеллект, является высокая скорость принятия решений. Помимо этого, искусственный интеллект используется для сортировки информации в целях предоставления наглядной отчетности ESG, которая может заинтересовать инвесторов.

Все это приводит к стремлению компаний найти наиболее простое и подходящее решение, которое достигается за счет последних технологий в виде искусственного интеллекта и различного рода программ. Используются они для установления конкретных целей по стратегии устойчивого развития и отслеживания прогресса по достижению ESG-целей.

Заключение.

Таким образом, концепция устойчивого развития связана с тремя вопросами-повестками: экономической, экологической и социальной, которые в настоящее время являются весьма актуальными и значимыми для развития МЭ. Достичь целей УРМЭ можно лишь при условии тесного взаимодействия органов управления различного уровня, бизнеса и населения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Самофалов В.И. Хозяйственный механизм как объект государственного управления: аспект устойчивого экономического развития / В.И. Самофалов, П.В. Таранов // В книге: Технологии и человеческий капитал: ключевые факторы устойчивого роста. Ростов-н/Д., 2024. С. 494–504.
2. Хубулури Е.И. Цели устойчивого развития: универсалистское обещание на будущее / Е.И. Хубулури // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 9 (160). С. 146–149.
3. Левина Е.И. Понятие «устойчивое развитие». Основные положения концепции / Е.И. Левина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 11(79). С. 113–119.
4. Цитленок В.С. О сущности и содержании категории «Устойчивое развитие мировой экономики» / В.С. Цитленок // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 4(16). С. 76–82.
5. Йонген В. Onlife. Ритейл будущего: что нужно сделать сегодня, чтобы быть лидером отрасли завтра / В. Йонген; Пер. Д.А. Шалаевой. М., 2021. 320 с.
6. Казакова Н.А. ESG-концепция производственного учета и управление устойчивостью развития промышленной организации : монография / Н.А. Казакова, Л.В. Пермитина. М. : ИНФРА-М, 2024. 251 с.
7. Мой Мир 2030. URL : <https://sdg.openshkola.org/myworld2030> (дата обращения 21.06.2024).

8. MYWORLD2030-Live. URL : <https://lookerstudio.google.com/u/0/reporting/14nxNJleenggWkXv5PzHOsPNrc1bxuHH/page/GHXR> (дата обращения 22.01.2024).
9. Global 2000. How the World's Biggest Publish Companies Endured the Pandemic // Forbes: [site]. URL : <http://www.Forbes.com/lists/global12000/#2bb887275ac0> (date of application 22.06.2024).
10. Мировая экономика: цифровизация и устойчивое развитие / Ж.С. Беляева, А.М. Валей, Н.Б. Давидсон [и др.]; Под ред. Ж.С. Беляевой. Екатеринбург : УРФУ, 2023. 198 с.
11. Акопова Е.С. Корпоративная культура организации: принципы ESG в эпоху цифровизации / Е.С. Акопова, А.В. Попов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 155–158.
12. Семенова Н.Н. ESG-трансформация российских компаний в интересах устойчивого развития / Н.Н. Семенова // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16(3). С. 57–65.
13. Потапова Е.В. Концепция устойчивого развития в контексте современных глобальных проблем // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. Vol. 3-3(66). С. 215–219.
14. Макарова В.В. Анализ эволюции концепции устойчивого развития / В.В. Макарова // Экономические науки. 2023. № 10(227). С. 249–257.

References:

1. Samofalov V.I. Economic mechanism as an object of public management: an aspect of sustainable economic development / V.I. Samofalov, P.V. Taranov // In the book: Technologies and human capital: key factors of sustainable growth. Rostov-n/D., 2024. P. 494–504.
2. Khubuluri E.I. Sustainable Development Goals: a universalist promise for the future / E.I. Khubuluri // Science and Education: Economy and Economics; entrepreneurship; law and management. 2023. № 9(160). P. 146–149.
3. Levina E.I. The concept of «sustainable development». Basic provisions of the concept / E.I. Levina // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2009. Vol. 11(79). P. 113–119.
4. Tsitlenok V.S. On the essence and content of the category «Sustainable development of the world economy» / V.S. Tsitlenok // Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2011. № 4(16). P. 76–82.
5. Jongen V. Onlife. Retail of the future: what needs to be done today to be the industry leader tomorrow / trans. YES. Shalaeva. M., 2021 320 p.
6. Kazakova N.A. ESG concept of production accounting and management of sustainable development of an industrial organization : monograph / N.A. Kazakova, L.V. Permitina. M. : INFRA-M, 2024. 251 p.
7. My World 2030. URL : <https://sdg.openshkola.org/myworld2030> (date of application 06/21/2024).
8. MYWORLD2030-Live. URL : <https://lookerstudio.google.com/u/0/reporting/14nxNJleenggWkXv5PzHOsPNrc1bxuHH/page/GHXR> (date of application 01/22/2024).
9. Global 2000. How the World's Biggest Publish Companies Endured the Pandemic // Forbes: [site]. URL : <http://www.Forbes.com/lists/global12000/#2bb887275ac0> (date of application 06/22/2024).
10. World economy: digitalization and sustainable development / Zh.S. Belyaeva, A.M. Valei, N.B. Davidson [et al.]; Ed. J.S. Belyaeva. Ekaterinburg : URFU, 2023. 198 p.
11. Akopova E.S. Corporate culture of an organization: ESG principles in the era of digitalization / E.S. Akopova, A.V. Popov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 1. P. 155–158.
12. Semenova N.N. ESG transformation of Russian companies in the interests of sustainable development / N.N. Semenova // Economics. Taxes. Right. 2023. № 16. P. 57–65.
13. Potapova E.V. The concept of sustainable development in the context of modern global problems / E.V. Potapova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 3-3(66). P. 215–219.
14. Makarova V.V. Analysis of the evolution of the concept of sustainable development / V.V. Makarova // Economic Sciences. 2023. № 10(227). P. 249–257.

Информация об авторах

Таранов Петр Владимирович

доктор экономических наук,
профессор кафедры международной торговли
и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

Petr V. Taranov

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of International Trade and Customs Affairs,
Rostov State University of Economics
kmtitd@yandex.ru

Рощина Лидия Николаевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры международной торговли
и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

Lidiya N. Roshchina

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of International Trade and Customs Affairs,
Rostov State University of Economics
kmtitd@yandex.ru

Хубулури Екатерина Ильинична
доктор политических наук,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Ростовский государственный университет
путей сообщения
ehubuluri@yandex.ru

Ekaterina I. Hubuluri
Doctor of Political Sciences,
Professor of the Department
of State and Municipal Administration,
Rostov State Transport University
ehubuluri@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-26>
УДК 339.13

Attribution
cc by

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ В УПРАВЛЕНИИ ПРОДАЖАМИ, МАРКЕТИНГЕ И РЕКЛАМЕ

Червова Н.В.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. Целью проведенного исследования является проблема применения нейросетей в сфере продаж, маркетинга и рекламы. В ходе исследования был применен метод сравнительного анализа. Уделено внимание изучению функционала специалистов из этих областей, который они могут успешно выполнять с помощью искусственного интеллекта, как вспомогательного инструмента. В статье также рассмотрен пример снижения трудоемкости проекта в результате применения в работе нейросетей для автоматизации некоторых рабочих процессов маркетолога. Был проведен анализ рынка труда на предмет вакансий от потенциальных работодателей, где требуются знания и навыки работы с искусственным интеллектом. В заключение статьи сформулированы основные выводы о тенденциях, проблемах и перспективах применения нейросетей в сфере продаж, маркетинга и рекламы.

Ключевые слова: менеджмент, применение искусственного интеллекта, нейросети, маркетинг, реклама, продажи, трудоемкость проекта, экономия времени, основные тенденции.

APPLICATION OF NEURAL NETWORKS IN SALES MANAGEMENT, MARKETING AND ADVERTISING

Natalia V. Chervova

Pacific State University

Abstract. The purpose of the study is the problem of using neural networks in the field of sales, marketing and advertising. During the study, a comparative analysis method was used. Attention is paid to studying the functionality of specialists from these areas, which they can successfully perform using artificial intelligence as an auxiliary tool. The article also discusses an example of reducing the labor intensity of a project as a result of using neural networks to automate some of the work processes of a marketer. An analysis of the labor market was conducted for vacancies from potential employers that require knowledge and skills in working with artificial intelligence. In conclusion, the article formulates the main conclusions about the trends, problems and prospects for the use of neural networks in the field of sales, marketing and advertising.

Keywords: management, application of artificial intelligence, neural networks, marketing, advertising, sales, project labor intensity, time saving, main trends.

Введение.

В последнее время тема применения искусственного интеллекта в различных сферах деятельности и в жизни человека стала очень актуальной. Данное достижение НТП становится невозможным игнорировать, необходима его рациональная интеграция в рабочие бизнес-процессы.

Система искусственного интеллекта (ИИ) – это программная система, имитирующая на компьютере процесс мышления человека [1, с. 12].

Искусственные нейронные сети (нейросети) – это совокупность моделей биологических нейронных сетей, которые представляют собой сеть элементов – искусственных нейронов, связанных между собой синоптическими соедине-

ниями, они способны к обучению т.е. выбирать параметры, позволяющие оптимальным образом решать поставленную задачу [2, с. 23].

Данная технология очень эффективна и перспективна для применения в различных сферах управления бизнесом и автоматизации рутинных процессов.

Обсуждение.

Для лучшего понимания вопроса выделим основные этапы в развитии искусственного интеллекта:

1. Зарождение теории искусственного интеллекта (1943 – начало 1980-х гг.). История ИИ началась в 40-х годах XX века с публикации в 1943 г. статьи Уоррена Маккалоу и Уолтера Пит-

тса «Логическое исчисление сетей, присущих нервной деятельности», они описали математическую модель нейронной сети. Развил тему и выдвинул идею о том, что нейронные связи становятся сильнее, если чаще используются в 1949 г. Дональд Хебб в книге «Организация поведения: нейропсихологическая теория». Впервые термин «искусственный интеллект» (ИИ) ввел в 1956 г. Джон Маккарти. В 1958 г. он опубликовал статью «Программы со здравым смыслом», где подробно описал алгоритм работы программы искусственного интеллекта, который способен обучаться на собственном опыте, и создал первую в мире лабораторию искусственного интеллекта. С середины 1970-х гг. наблюдался спад интереса к искусственному интеллекту из-за отсутствия прогресса в этой теме.

2. Развитие первых практических экспертных систем на основе ИИ (1980-е – начало 2000-х гг.). В начале 1980-х гг., в связи с созданием компанией «Digital Equipment Corporation» первой успешной экспертной системы формирования заказов, интерес к ИИ снова возрос. Это вдохновило Министерство международной торговли и промышленности Японии и Министерство обороны США снова заняться ИИ. Второй спад интереса к ИИ - в начале 2000-х гг. в результате мощного прорыва в компьютерных технологиях, они стали более доступной альтернативой.

3. Прорыв в применении и ускоренное развитие ИИ (с 2005 г. – по настоящее время). В 2005 г. состоялась первая гонка беспилотных автомобилей. В 2008 г. – прорыв «Google» в распознавании речи. В 2011 г. «Apple» выводит на рынок «Siri» – виртуального помощника на базе ИИ. В 2016 г. беспилотный автомобиль успешно прошел государственный экзамен по вождению; ИИ обыграл действующего чемпиона мира по игре в «Го» (которая считалась сложной для ИИ); выпущен робот «София», способный распознавать эмоции и лица. В 2018 г. появилась система автоматического перевода иностранных языков и заработал первый сервис беспилотных такси. В настоящее время, по заданным критериям ИИ пишет сценарии, рисует картины, создает музыку, в 2024 г. «Сбер» при помощи ИИ планирует осуществлять контроль расходов организаций, получающих господдержку и государственные заказы.

В России сейчас можно использовать следующие нейросети: «Шедеврум» от «Яндекса» (удобный интерфейс, генерирует изображения по запросу); «Kandinsky» от «Сбера» (может миксовать исходные картинки, добавлять к ним детали и преобразовывать их); «GigaChat» (мультиязычная нейросеть от «Сбера»); «SistemmaGPT» (отечественный аналог запрещенной «ChatGPT»); «Балабоба» «Яндекса» (пишет текст по ключевым словам, опираясь на материалы из Интернета); «GPT4Telegram bot» и др.

Сферы применения нейросетей разнообразны:

1. Применение в smm:

а) Custom Development (CustDev) – это специальная методика создания/доработки продукта (товара, рекламы и т.д.) по данным, полученным от его потенциальной целевой аудитории:

– аватар клиента (подробный собирательный образ «идеального клиента», заинтересованного в покупке конкретного товара/услуги, основанный на характеристиках реальных людей (психологических, экономических, поведенческих), более персонализированный и точный, чем общая характеристика целевой аудитории. Основная целевая аудитория может включать несколько немного различающихся по своим характеристикам аватаров. Аватар концентрируется на понимании «боли» и потребностей клиента. Это облегчает разработку эффективных бизнес-стратегий, маркетинга и рекламы. Инструментом для сбора информации может стать, например, «Wordstat.Yandex». Для создания более реального образа аватара необходимо имя, фото для визуализации, возраст, семейное положение, наличие детей, место жительства, профессия, уровень дохода, интересы, способ принятия решений (рациональный или эмоциональный), желания, потребности, страхи, моральные ориентиры, установки и ценности, насколько он знаком с данным продуктом, через какие каналы получает информацию, что ожидает получить от продукта и какой фактор для него будет решающим при выборе, а также что мешает стать клиентом компании.

– Customer journey map (CJM) – это метод визуализации пути клиента и точек контакта с ним с момента поиска товара/услуги до совершения реальной покупки. Цель – выявление резервов развития/совершенствования продукта и применения в «воронки продаж»: основные перспективные точки касания, трудности клиента на пути к покупке товара, улучшение качества обслуживания, сокращение цикла продаж, основные факторы, влияющие на решение о покупке [3].

– Возражения аудитории. Очень важно знать основные возражения и предложить варианты их преодоления, воспринимать «нет» клиента, как информацию для перевода возражений в последующее «да».

б) применение для создания контента: перевод статей для иностранных электронных бизнес-площадок /адаптация; проработка заголовков статей (генерация оригинальных вариантов); иллюстрирование статей (создание визуального ряда для лучшего восприятия информации); сокращение лишнего контента (снижение объема текста без потери смысла); создание гайдов (инструкций по целевой аудитории, чек-листов); редактурa подкастов (звуковых и видеофайлов для размещения в Интернет); анализ текста; создание структуры текста; визуал для сториз; переупаковка контента и т.д.

в) применение в рекламе: рерайт объявлений (изменение исходного текста с помощью грамматических конструкций и переформулировки предложений); создание тизеров (шаблонов) рекламных объявлений.

2. Применение в бизнесе: проработка перечня и последовательности основных бизнес-процессов; работа с обратной связью (выделение основных трендов, обработка отзывов); маркетинговые материалы (создание и апробация на моделях); работа с корреспонденцией (разработка шаблонных ответов, сортировка ответов); создание автоворонок (логики автоворонок, написание технических писем-предложений); создание контента для социальных сетей; упаковка смысла (написание текстов, тизеров для рекламы); «упаковка» франшизы (включающая следующие элементы: краткое описание последовательности бизнес-процессов; детализация продуктовой линейки; создание штатного расписания, регламентов для сотрудников; составление бизнес-план на полгода; разработка ценовой политики, коммуникационной и маркетинговой стратегий, фирменного стиля (бренд-бук, слоган и т.д.); сегментация целевой аудитории и создание аватара клиента; создание контент-плана на три месяца, сценариев презентации для инвесторов; обработка возражений клиентов; скрипты для отдела продаж и т.д.

Также, ИИ позволяет собирать и обрабатывать информацию о клиентах на основе следующих рекомендуемых вопросов для CustDev-интервью: Какие основные критерии учитываете при выборе товара/услуги? Какими товарами-конкурентами пользуетесь? Как часто покупаете данный товар? Какие факторы влияют на принятие решения о покупке? Какой бюджет готовы потратить на покупку данного товара? Какую роль играют отзывы других клиентов при выборе? Какие характеристики вам важны в товаре? Каким образом принимаете решение о покупке товара? Какие проблемы при покупке товара вам мешают? Как оцениваете качество и надежность товара? Каким образом обращаетесь за помощью при выборе нового товара? Какие дополнительные сервисы к покупке предпочитаете?

Ответы на перечисленные выше вопросы позволяют создать эффективный лид-магнит – это бесплатно продвигаемое ценное для потенциальных клиентов предложение в обмен на контактный номер, таким образом пополняется клиентская база и формируется доверие к бренду.

Нейросети также можно эффективно применять и для маркетплейсов: создание изображений (загрузка фото товара, выбор темы, нейросеть автоматом адаптирует изображение, создает описание по фото товара); генератор отзывов (для повышения лояльности клиентов).

Применяя нейросети в промт-инжиниринге, необходимо соблюдать следующие правила [4, с. 174–178]:

1) грамотно с ориентацией на целевую аудиторию выбирать стиль написания текста;

2) использовать формулу продающего текста «A Forest»: A – alliteration (аллитерация – намеренное повторение звуков и букв в словах), F – facts (фактами подчеркнуть свою экспертность), O – opinion (ссылка на мнение специалиста); R – repetition (повторение важных мыслей), E – examples (примеры из жизни), S – statistics (статистика по проблеме), T – threes (три примера, три раза повторить важнейшую мысль и выделить в тексте три блока);

3) использовать привлекающие внимание конфликтные или последовательные промты (ведущие клиента от заголовка к кнопке «заказать»);

4) применять ограничения при формулировании техзадания для нейросети: до 2200 знаков (большее количество знаков клиент редко читает), стилистические ограничения (для каждой целевой аудитории – свой стиль), фактчекинг – проверка всех статистических цифр и фактов, ограничение по манипуляциям и давлению в текстах по продажам.

Маркетолог-практик Д. Халамов подсчитал количество времени, затрачиваемое на один проект, а также время, которое может высвободиться в работе маркетолога при использовании нейросетей: custDev и сегментация (8 ч.); разработка аватара клиента и маркетинговой стратегии (9,5 ч.); составление контент-плана (4 ч.); написание постов (15 ч.); написание сценариев ририлс (5,5 ч.); создание 15 объявлений таргетированной рекламы (8,5 ч.); подготовка визуала (тизеры для креативов, элементы оформления аккаунтов, визуалы для сторис – 9 часов). Итого на проект затрачивается в среднем 59,5 часов. При использовании искусственного интеллекта трудоемкость работы над проектом снижается, высвобождается в среднем около 40 часов [5, с. 198].

Рынок труда оперативно отреагировал на внедрение в работу компаний ИИ. На сайте «hh» («Хэд хантер») по состоянию на 11.05.2024 г. зафиксировано вакансий с требованиями владения навыками работы с нейросетями – 4,7 тыс. Основная сфера работодателей – это информационные технологии (IT) – 42 %, остальные вакансии примерно в равных пропорциях распределяются по видам деятельности: финансовый сектор, СМИ, маркетинг, реклама, PR и дизайн [6]. Среди востребованных профессий в настоящее время и в ближайшем будущем можно выделить: редактор для обучения нейросетей, тренер искусственного интеллекта, менеджер в EdTech сфере (онлайн-образование), разработчик нейронных сетей и баз данных, аналитик-исследователь в сфере инновационных технологий, специалист по работе с нейросетью/копирайтер, промт-инженер, smm-менеджер, рилс-шортс мейкер и т.д.

Основные тенденции применения искусственного интеллекта:

– активное развитие ИИ – объективная реальность, те компании, которые достигнут прорыва в этой сфере будут очень востребованы и успешны;

– применение ИИ позволяет автоматизировать многие процессы в организациях разных видов деятельности, сократить их трудоемкость и высвободить рабочее время для масштабирования и развития;

– для успешной работы с нейросетями нужны специалисты, способные грамотно формулировать техническое задание, так как нейросеть лишь формирует многообразие вариантов из того, что представлено в Интернете.

Результаты.

В статье рассмотрена периодизация развития искусственного интеллекта (в т.ч. нейросетей), определены виды работ в сфере продаж, маркетинга и рекламы, которые можно делегировать ИИ, получаемая в связи с этим экономия времени, изучен рынок труда на предмет профессий, связанных с ИИ.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Заключение.

Можно выделить следующие задачи для автоматизации работы маркетологов и рекламистов с помощью нейросетей:

– создание контент-плана; создание сценариев для reels, stories, видео, подкастов;

– написание постов;

– написание объявлений;

– создание сценариев для подкастов;

– сбор семантического ядра;

– мультиплицирование контента;

– работа с отзывами клиентов;

– сторителлинг;

– геймификация;

– квиз-маркетинг и т.д.

Таким образом, применение ИИ позволяет делегировать нейросетям рутинную работу, а за человеком остается функция творчества, т.е. создания новых смыслов.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Боровская Е.В. Основы искусственного интеллекта : учеб. пособие / Е.В. Боровская, Н.А. Давыдова. – М. : Лаборатория знаний, 2020. 130 с.
2. Искусственные нейронные сети : учебник / Под ред. В.В. Цехановского. М. : КНОРУС, 2023. 352 с.
3. Официальный сайт «Сбербанка». CJM – карта пути клиента: что это и зачем нужно бизнесу. URL : http://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business (дата обращения 11.05.2024).
4. Мишурко А. Продвижение в Телеграме, ВКонтакте и не только. 27 инструментов для роста продаж. М. : АСТ, 2022. 256 с.
5. Халилов Д. Маркетинг в социальных сетях. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 240 с.
6. Официальный сайт «hh» («Хед Хантер»). URL : <https://hh.ru/?customDomain=1> (дата обращения 11.05.2024).

References:

1. Borovskaya E.V. Fundamentals of artificial intelligence : textbook / E.V. Borovskaya, N.A. Davydova. M. : Laboratory of Knowledge, 2020. 130 p.
2. Artificial neural networks : textbook / Edited by V.V. Tsekhanovsky. M. : KNORUS, 2023. 352 p.
3. Official website of Sberbank. CJM – customer journey map: what it is and why business needs it. URL : http://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business (date of application 05.11.2024).
4. Mishurko A. Promotion in Telegram, VKontakte and more. 27 tools for sales growth. M. : AST, 2022. 256 p.
5. Khalilov D. Marketing in social networks. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2018. 240 p.
6. Official website «hh» («Head Hunter»). URL : <https://hh.ru/?customDomain=1> (date of application 05.11.2024).

Информация об авторе

Червова Наталья Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы
медиа коммуникаций и сервиса
Института социально-политических коммуникаций,
Тихоокеанский государственный университет,
Хабаровск
003819@pnu.edu.ru

Natalia V. Chervova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Higher School
of Media Communications and Service,
Institute of Socio-Political Communications,
Pacific State University, Khabarovsk
003819@pnu.edu.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-29>

УДК 332

Attribution

cc by

ВЛИЯНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАБОТЫ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Юань Ифань¹, Терещенко О.В.²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

²Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос о влиянии системы управления человеческими ресурсами на эффективность работы предприятия. Цель статьи: проанализировать возможность использования зарубежного опыта в процессе управления человеческими ресурсами на предприятиях малого и среднего бизнеса. В статье использовались следующие методы: изучение трудов по теме исследования, наблюдение, аналитический метод. Результаты исследования показали, что управление человеческими ресурсами с высокой степенью ответственности может существенно повысить количественные и качественные показатели предприятия. Автор статьи приходит к выводу, что модель АМО, лежащая в основе стратегии управления человеческими ресурсами, если ее применить на практике, будет способствовать повышению производительности труда и эффективности работы предприятия.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, управление с высокой степенью ответственности, модель АМО, малые и средние предприятия, эффективность.

THE IMPACT OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT ON THE PERFORMANCE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES

Yuan Yifan¹, Olesya V. Tereshchenko²

¹Lomonosov Moscow State University,

²Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. This article raises the problem of the influence of human resource management system on the efficiency of the enterprise. The purpose of the article: to analyze the possibility of using foreign experience in the process of human resources management at small and medium-sized enterprises. The following methods were used in the article: study of works on the topic of research, observation, analytical method. The results of the study showed that the management of human resources with a high degree of responsibility can significantly increase the quantitative and qualitative indicators of the enterprise. The author of the article concludes that the AMO model underlying the strategy of human resource management, if it is put into practice, will contribute to increasing labor productivity and efficiency of the enterprise.

Keywords: human resources, management with a high degree of responsibility, AMO model, small and medium-sized enterprises, efficiency.

Введение. В современных условиях экономического развития государства особую актуальность приобретает проблема использования человеческих ресурсов. Этот вопрос следует рассматривать, в первую очередь, в контексте заложенного в человеческих ресурсах потенциала, который, с учетом рыночных отношений и конкуренции, может обеспечить предприятию не только «выживание» в сложных конкурентоспособных условиях, но и устойчивое развитие.

По мысли С.С. Засухина, «главный принцип современной концепции управления человеческими ресурсами заключается в признании их решающим фактором успешной конкуренции предприятия на рынке и достижения ею высокой эф-

фективности, как самого ценного ресурса, обладающего социальной ценностью и экономической полезностью» [3, с. 32].

Сегодня проблема раскрытия заложенного в человеческих ресурсах потенциала и целевое его использование является первоочередной задачей. Эффективное управление человеческими ресурсами может существенно повысить эффективность деятельности предприятий.

При этом, если говорить о наиболее перспективном направлении в этой области менеджмента, то следует, в первую очередь, обратить внимание на особенности управления человеческими ресурсами на предприятиях малого и среднего бизнеса.

© Юань Ифань, Терещенко О.В.

Малые и средние предприятия занимают очень важное место в рыночной экономике всех стран мира. Они предоставляют не только дополнительные рабочие места, но и оперативно реагируют на изменения потребительского спроса, обеспечивая тем самым быструю окупаемость затрат. Однако, деятельность данных предприятий достаточно специфична, что сказывается на особенностях управления в них коллективом.

Так, специфика фирм (малых предприятий) заключается не в том, что в них «для осуществления полноценного процесса управления человеческими ресурсами не всегда хватает финансовых ресурсов» [3, с. 35], а в том, что их человеческие ресурсы, как правило, не многочисленны: «Если в крупных организациях недостаток одного сотрудника может компенсировать другой, существует взаимозаменяемость персонала, то в микропредприятиях, где штат может быть 3–5 (от силы – 15) человек, это становится крайне сложной задачей» [Засухин, с. 35]. Поэтому перед руководителем такого предприятия стоит задача не только привлечь, но и удержать в своей организации ценных сотрудников, от деятельности которых зависит успех предприятия в целом.

Результаты. На рубеже XX–XXI веков в России, в период резкого экономического спада, проблема управления человеческими ресурсами (УЧР) резко дала о себе знать.

Распад советской системы плановой экономики привел к уничтожению советской модели УЧР, сформировавшейся в СССР в 1970-е годы, что привело:

– во-первых, к стремительному росту безработицы, пик которой пришелся на 1996 год (причиной этого явления стало закрытие нерентабельных, как говорили, предприятий и переход к рыночной экономике, в результате чего, большинство государственных предприятий, благодаря приватизации, стали частной собственностью);

– во-вторых, к разрушению системы оплаты труда, что привело к резкому снижению доходов населения, поскольку заработная плата в новых условиях не могла гарантировать трудящимся даже минимального уровня жизни (соотношение абсолютного минимума, который получал неквалифицированный рабочий, и абсолютного максимума составляло 1:20 вместо 1:7 в советскую эпоху). И, наконец, в ходе приватизации предприятия не только отменили большинство дорогостоящих социальных пакетов, но и избавились от многих психологических стимулов для работников как от одиозного исторического наследия [7].

Постсоветская модель управления человеческими ресурсами сформировалась в начале 2000-х годов. В ее основе лежало законодательство, формализовавшее государственное регулирование наемного труда, включая установление минимальной заработной платы, прав ра-

ботников и работодателей, внедрение эффективных механизмов трудовой инспекции и др. Однако большинство руководителей (как правило, средних) предприятий воспринимали своих сотрудников как безынициативных и безответственных работников, что, в принципе является установленным фактом, на который нельзя «закрывать глаза», но и изменить его в то время не было никакой возможности.

Справедливости ради, следует отметить, что многие компании пытались изменить ситуацию, но они наткнулись на «глухую стену» со стороны трудового коллектива. Однако винили они в сложившемся порядке вещей не себя, не свой метод руководства, а безынициативных и безответственных сотрудников, снижающих количественные и качественные показатели предприятия.

К концу первой декады 2000-х годов стало понятно: традиционные методы управления, основанные на ресурсно-ориентированном подходе, не позволяют в полной мере использовать потенциал человеческого капитала. Большинство компаний используют не более 20 % человеческих ресурсов, а большая часть знаний и навыков, накопленных сотрудниками, остаются невостребованными в силу неэффективного управления [2, с. 53].

Исследователи давно уже пришли к выводу о том, что между управлением человеческими ресурсами и конкурентноспособностью компаний, т.е. их способностью успешно развиваться на рынке, используя эффективные методы конкурентной борьбы, существует определенная связь. Однако, к сожалению, опыт российских предприятий малого и среднего бизнеса в сфере УЧР пока еще небольшой, в связи с чем, на наш взгляд, следует задействовать концепции управления, имеющие место в зарубежном менеджменте.

Обсуждение. На зарубежных предприятиях, которые относятся к категории малого и среднего бизнеса, широкое распространение получила концепция, которую называют «практикой управления человеческими ресурсами с высокой степенью ответственности». Эта модель, разработанная канадскими учеными Дж. Мейером и Н. Аллен, стала апробироваться в конце 1980-х годов, когда в условиях сложной и нестабильной рыночной среды специалисты, занимающиеся проблемами в области стратегического управления человеческими ресурсами, предложили компаниям создавать системы управления, направленные на повышение конкурентноспособности организации. Эти системы направлены на улучшение отношения сотрудников к своим профессиональным обязанностям, на совершенствование профессиональных навыков работников, на повышение мотивации и раскрытие возможностей профессионального роста [6].

В основе стратегии управления человеческими ресурсами с высокой степенью ответственности лежат три системы: система способностей, си-

стема мотивации и система возможностей (это так называемая модель АМО: Ability – Motivation – Opportunity).

Первый компонент этой модели – система способностей (компетенций). Он предполагает проведение ряда мероприятий, касающихся отбора персонала предприятия и повышения квалификации его сотрудников. В первую очередь, руководство предприятия должно сфокусироваться на качественном подборе человеческих ресурсов. Строгая процедура найма направлена на отбор сотрудников, способных выполнять рабочие задачи, совместимые с развитием организации. Руководство компании должно уметь, используя тестирование, анкетирование, собеседование, выявлять сотрудников, обладающих необходимыми для работы умениями и навыками, легко обучаемых и способных быстро интегрироваться в культуру и рабочую среду организации.

Компания должна обязательно проводить обучение персонала, направленное на личностный потенциал каждого сотрудника. В процессе интенсивного обучения сотрудники могут получить «новые знания и приобретают определенные компетенции при кардинальной смене требований в рамках должности» [5], что не только повышает их квалификацию и возможности продвижения по службе, но и помогает самой организации для ее долгосрочного развития.

Китайские ученые Сюй Гуохуа и Ян Дунтао на основе исследования производственных предприятий малого и среднего бизнеса пришли к выводу о том, что профессиональный рост и обучение могут увеличить темпы роста продаж организации. Согласно теории социального обмена, если сотрудники воспринимают «добрую волю» организации, они будут стараться изо всех сил работать на ее благо, а компания, в свою очередь, будет вознаграждать сотрудников за их труд, например, оплачивая их обучение. А когда организации платят за обучение своих сотрудников, это побуждает еще больше побуждает последних к ответным действиям, что сказывается на работе всего предприятия в целом [6].

Второй компонент модели АМО – система мотивации. Российские исследователи считают, что мотивация персонала является фактором повышения результативности труда, ключевым показателем эффективности работы, фактором успеха компании [4, с. 9]. К сожалению, в России до сих пор бытует мнение, что единственно правильный и действующий стимул для побуждения к труду сотрудников – это материальное вознаграждение. На самом деле, это не так. Источниками мотивации могут быть не только удовлетворение заработной платой и дополнительные «бонусы» за усердный труд, но и удобное место расположения предприятия (офиса), удобный график работы, уважительное отношение руководителя и его заместителей к сотрудникам компании и т.п.

Согласно определению И.В. Фроловой, мотивация – это «комплекс поощрений, направленных на повышение качества работы и производительности: от предоставления комфортных условий и карьерного роста до дополнительных льгот, предлагаемых компанией и оцениваемых по ключевым показателям эффективности» [4, с. 13].

Третий компонент модели АМО – система возможностей. Эта система, применительно к управлению человеческими ресурсами, построена на уважении и доверии организации к своим сотрудникам и связана с ожиданиями организации относительно их участия в принятии решений. Согласно теории социального обмена, сотрудники чувствуют потребность отдавать свои знания, умения, свои таланты организации, когда они видят со стороны руководства помощь и поддержку.

Система возможностей также подчеркивает, что сотрудники максимально равны в организации, а такие методы УЧР, как принятие управленческих решений и оценка предложений сотрудников, являются управленческими практиками, которые помогают сотрудникам повысить чувство организационной справедливости, признать корпоративную культуру, увеличить их энтузиазм по отношению к работе [6].

Рассмотренная нами модель АМО, взятая из зарубежной практики УЧР, если ее внедрить в российскую систему управления предприятиями малого и среднего бизнеса, позитивно скажется на эффективности работы и производительности компании в целом. Система способностей (компетенций), система мотивации и система возможностей способствуют повышению конкурентоспособности предприятия на внешнем и внутреннем рынке.

Заключение. В России «современная система управления человеческими ресурсами еще проходит период становления, так как очень длительное время у управлению человеческими ресурсами (ранее оно именовалось управлением персоналом) относились как к чисто технической функции, рассматривая ее как учетную, плановую, карательную, но ни в коем случае не как стратегическую составляющую деятельности организации. И лишь с переходом к рыночным методам хозяйствования в российских компаниях стали применять накопленный на Западе, а затем уже и в России опыт «человеческих отношений» в управлении персоналом» [1, с. 65].

В последние несколько лет управление человеческими ресурсами претерпело значительную трансформацию. На наш взгляд, это связано не только с изменениями новых условий хозяйствования, но и с деятельностью иностранных компаний, совместных российско-иностраннных предприятий, которые до февраля 2022 года активно работали в России. Сейчас многие из этих компаний покинули российский рынок, но за длительный период сотрудничества зарубежные

партнеры многому научили своих российских коллег, в том числе и управлению человечески-

ми ресурсами, что в значительной степени отразилось на эффективности работы предприятий.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бирман Л.А. Управление человеческими ресурсами. М. : Издательский дом «Дело», 2017. 346 с.
2. Завьялова Е. Управление человеческими ресурсами в российских компаниях – лидерах мировой экономики / Е. Завьялова, Д. Кучеров, В. Цыбова // Форсайт. 2017. Т. 11. № 4. С. 52–61.
3. Засухин С.С. Управление человеческими ресурсами в организациях малого бизнеса / С.С. Засухин // Парадигма. – 2019. № 2. С. 32–39.
4. Фролова И.И. Управление вовлеченностью персонала в процесс непрерывного совершенствования. Курск : «Университетская книга», 2020. 111 с.
5. Обучение персонала 2023: какие способы и методы выбрать. URL : <https://www.finkont.ru/blog/obuchenie-personala-2022-kakie-sposoby-i-metody-vybrat>
6. Chao Ling. Impact of High Commitment Human Resource Management Practices on Performance in Chinese SME / Chao Ling, F. Amponstira // International Business Research. 2021. Vol. 14. № 11. P. 24–31.
7. Gurkov I. Human Resource Management in Russian Companies / I. Gurkov, O.Zelenova // International Studies of Management and Organization. 2011. № 4(41). P. 65–78.

References:

1. Birman L.A. Human Resource Management. M. : «Business» Publishing House, 2017. 346 p.
2. Zavyalova E. Human resource management in Russian companies – leaders of the world economy / E. Zavyalova, D. Kucherov, V. Tsybova // Foresight. 2017. Vol. 11. № 4. P. 52–61.
3. Zasukhin S.S. Human resource management in small business organizations / S.S. Zasukhin // Paradigma. 2019. № 2. P. 32–39.
4. Frolova I.I. Management of personnel involvement in the process of continuous improvement. Kursk : «University Book», 2020. 111 p.
5. Personnel training 2023: what ways and methods to choose. URL : <https://www.finkont.ru/blog/obuchenie-personala-2022-kakie-sposoby-i-metody-vybrat>
6. Chao Ling. Impact of High Commitment Human Resource Management Practices on Performance in Chinese SME / Chao Ling, F. Amponstira // International Business Research. 2021. Vol. 14. № 11. P. 24–31.
7. Gurkov I. Human Resource Management in Russian Companies / I. Gurkov, O.Zelenova // International Studies of Management and Organization. 2011. № 4(41). P. 65–78.

Информация об авторах

Юань Ифань

магистрант,
факультет государственного управления,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
993753851@qq.com

Терещенко Олеся Валерьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и политологии,
Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина
olesya.tereschenko@yandex.ru

Yuan Yifan

Master's Student,
Faculty of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University
993753851@qq.com

Olesya V. Tereshchenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of History and Political Science,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
olesya.tereschenko@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 6 от 25.06.2024

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.06.2024
Подписано к публикации 25.06.2024

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id.yug2016@gmail.com